КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1922

КНИГА
ПЯТАЯ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (9)

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ▫ ▫ ▫ ▫ ▫ ▫ ▫ ▫ ▫ 1922

Главлит. Москва. № 1859. 10.000 экз.

16 типография М. С. Н. Х., Трехпрудный, 9.

Поручик Мертвецов.

Четыре бьет. Чиновный люд (теперь
Одетый столь пестро и неказисто,
Что формуляры стонут от желанья
Стать гневными скрижалями прорух)
Спешит домой. Но, как и встарь,—писцы
Бегут великолепной мелкой рысью,
Столоначальники — шажком проворным
С приличною припрыжкой, генерал же
Почти стоит: столь тяжелы чины.

И вот прошли. И опустела площадь,
И солнце вновь булыжники считает,
И по стенам горячий ветер хлещет,
У блудной курицы вздувая хвост.

Пять пробило. Расхлябанная дверь
Адмиралтейства испустила визги,
И невысокий вышел офицер.
Расправил он кирпичное плечо,
Кирпичным ликом кувырнулся в небо
И сладко дух известки потянул:
Покинута сургучная Валгалла.

Он пал в бою. Давно: пятнадцать лет.
Пал в первой схватке юности и мира.
Он был поэт. Как некие канцоны,
Он вызубрил Регламент и Устав,
И Муза Государственныя Службы
Его на броненосец привела,
Его морской болезни обрекла,
На каждой вахте усыпляла нежно, —
И адмирал Онагренко однажды
Себе в больную печень пробурчал:

«Нет, плох наш Мертвецов; нет, керосину
«Не выдумать ему. И у него
«К тому же и фамилия такая:
«Кладбищенская...» и велел отчислить.
Исполнено. Его из мичманов
В поручики переименовали,
Зачислили в Адмиралтейство,—и:
Пятнадцать лет прошло, как дней пятнадцать.

Так пал в бою поручик Мертвецов,
Так он попал в сургучную Валгаллу, —
На службе там дремал он, а ночами
Его глушил бессновиденный сон.
Да, лишь один за все пятнадцать лет
Ему в насмешку подлый сон приснился:
Сидит он нагишом в степи и видит:
Вдали идут покойники, в порядке
И по ранжиру, тоже нагишом;
И каждый тащит курицу под мышкой,
Ощипанную, гнусную на вид.
Подходят чередой к нему, слагают
У ног его всю эту падаль, тихо,
Таинственно и ласково шепча:
«Учителю, учителю»... И в страхе
Проснулся унизительном поручик.
Курятины с тех пор не ел он вовсе.
Боялся спать один, а спать вдвоем
Боялся тоже: вдруг она задушит?
Боялся видеть зубы: не смеются ль?
Что брюки сзади лопнули, — боялся.
И потому приосенял свой зад
Эгидою: обтерханным портфелем...

Вот вышел он; опасливо взглянул
В конец проулка, где синело море,
Стремительно раскачивая лодки,
И отвернулся, чувствуя, как жар
От ног тошнотно подымался к горлу.
Пришел домой. Сглотал холодный суп
И погрузился в «Тайны венценосцев».
Потом стоял: средь комнаты стоял.
Потом пошел гулять, — но тут обида
Нежданная ошпарила его:
Три вывески на перекрестке рдели:

«Я. Малкин» пламенело на одной,
Другая «И. Я. Малкин» возглашала,
«А. Я. Бакши», смеясь, орала третья, —
И этой нарочитой срамотою
До мозолей был уязвлен поручик:
«А я Бакши, а ты, мол, Мертвецов,
Покойничек, кладбищенское имя...»
И каблуком по штукатурке брякнув,
Поручик пулей ринулся домой,
Сжав зубы и портфель нещадно скомкав
И поминая предков и потомков.
А поздней ночью он сидел, склонясь
Над новою тетрадью, и старался
Начать «Воспоминанья моряка».
Но начертал: «И вообще мне скушно».

Но **там** не очень скучно было. Там:
На Свалках, на Нахаловке, на Глинке,
В каменоломнях в эту ночь сошлися
Забродчики, фронтовики, гамзеи
В пятнадцатикопеечных брылях,
В клеенчатых фуражках, в бескозырках;
Там стрекотал фальцет пропагандиста,
Там голос рыбака норд-остом рявкал,
Винтовки лязгали, и ржавым звоном
Отряхивался пулемет. Там голод
Не лодочками простирал ладони,
А свертывал их в кулаки, венчая
Шипом кастета. С Севера текли
Сермяжные фаланги, и матрос
С двумя серьгами, пьяный и кудрявый,
Захлебываясь «Яблочком», сияя
«Авророю» на двухаршинной ленте,
Уже купал свой пыльный броневик
В водах Салгира. И ему навстречу
Взбухал и зрел Везувий потаенный.

Уже два дня весь городок давился
Икотой слухов. Кокаин в цене
Поднялся очень. Протоиерей
Постыдно окарнал власы седые
И рясу снял. А многоумный Пуло,
Магнат и столп, уж погрузил багаж
На пароход, дрожавший под парами,

И плакал в Думе, что «каменоломни —
Гнездо для мирных жителей»... Патрули
Слонялись офицерские... На утро
Гудело все. Гудел толпою порт;
Гудки ревели на заводе; выла
Сирена канонерки на проливе;
И с треском отлетали в вышину
Лазуревые радио.

Поручик
С утра засел в своем Адмиралтействе,
Пеньку пытался нюхать и заклепки
Рассматривать, — но суета вокруг
То зайчиками по стенам вилась,
То голосами гулкими и бегом
По лестницам и комнатам плясала,
То адмиралом в кабинет влетала,
То сыпалась из портсигара на пол
Тугими папиросками. Поручик
Почуял вдруг, что — некогда ему,
Что суматоха тарахтит по нем
Как... мерзлая земля... по крышке... гроба.
И полон торопливой скуки, вдруг
Помчался к адмиралу Мертвецов.
В чем дело? Что случилось? Почему
Пятнадцать лет, пятнадцать тысяч лет
Стоит Адмиралтейство нерушимо, —
А нынче кто-то, где-то, почему-то,
Откуда-то... Стук, суета, тревога...
Но адмирала не было. У входа
Сидели вестовые, развалясь,
И — ни один не встал! Застыл поручик:
Так вот оно что!.. «Встать! Ослепли?» Встали...
«Я научу вас!» И помчался дальше.
Но звуковые волны побыстрее
Поручичьего бега. И услышал
Себе вослед он: «Много вас найдется
У ч и т е л е й!» Все понял Мертвецов.

●

Вдруг:

Бич стальной хлестнул по городку
Как сотни однотонных ксилофонов,
Зазвякали граниты, и асфальты
Затукали. И вдруг — раз и другой,

И третий, небо лопнуло с надсадой, —
И время отвердело.

Мертвецов

В свой кабинет влетел. Впервые в жизни
Швырнул портфель. Образчики пеньки
В чернильницу припрятал и, потея,
Извлек наган из тесной кобуры.
Сбежались офицеры к адмиралу.
— Что делать? — Ждали. Вдруг пропел гнусаво,
Как-будто эн произнося французский,
Безносый телефон и в хрящ ушной
Короткий выплюнул приказ: Прибыть
В штаб коменданта. — Вышли. Город лыс.
Сияют камни, ставни и решетки,
Испуганным сияет потом лик
Последнего пробеглого. И в небе
Все тот же барабанщик заводной
Частит неведомо где беглой дробью.
А в штабе — дым. Там — жгут бумаги; там —
Машинки размножают повеленье
Не выходить на улицу, — и крабом
Десятиногим бегают вдоль клавиш
Подсиненные руки машинисток;
Там — пьют; там — жабы красные томатов
В содружестве с селедкой исчезают
В горячих ртах; там — проволокой ржавой
И радужной дреколье обвивают;
Там — бомбы раздают; там — подымают
На крышу гочкисы; и телефоны
Без остановки энкают.

Поручик

Под черепаший щит броневика
Залез и ринулся по переулкам.
Два дня метался в поисках врага,
Заставами весь город рассекая.
Но враг бесплотен, враг неуловим.
Всегда он т а м, и никогда не здесь.
Он разражается без толку вдруг
Назойливейшей трескотней, он может
Осесть воззваниями на заборах,
Он может ощутиться под ребром
Хорошеньким осколком. Если только

Не ограждать пустынных улиц стражей,
Не сыпать в ночь завесой огневою,
Не выезжать все в новые кварталы
Броневиками, — расплодится он
И станет вездесущим... Скука, скук

Враг отходил. Цеплялся за кладбище,
За загородный сад, за мол, за бойни,
В каменоломни всасываясь. Реже
Вздыхали пушки. Смело засвистали
Средь заводских окраин шомпола.

А Мертвецов икал от злобы: где же,
Где же они? И третьим утром, рано,
Вдруг налетел своим броневиком
На залп. Ответ. Ответ. Замокли? — Ладно!
И разбивая двери и шкафы,
Через четыре теплых перепрыгнув,
Он выволок из-под железной крыши
Остывший пулемет и связку лент
Расстрелянных, и щуплого жиденка.
«Фамилья?» — «Малкин». — «Малкин? Хорошо!»
И вывели, и петлю закрутили.
«Не надо мыла: за ноги повесим». —
И шесть часов дрожало деревцо,
И кровь сбегала из ноздрей, по векам,
По лбу, на землю. В сумерки опять
Приехал Мертвецов. — «Готов?» — «Еще бы». —
«Ну, ладно». — И увидели солдаты,
Как вдруг поручик побежал во двор,
И курицу взволнованную вынес,
И в небо смехом разевая рот,
Внимая исступленному клохтанью,
Ей ощипал грудь, спину и крыла,
И тоже за ноги повесил, — только
На шее у насмешника. — «Субботний
Ему обед».

И возвратился в штаб,
Свою избывши скуку, и надменно
Расстегнутыми брюками зевая,
Как офицер — насмешек не страшась.

Георгий Шенгели.

1919—1921.

———

Песня об отпускном солдате.

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь.

— Без тебя винтовкой меньше одной
Не могу отпустить—погоди
Сегодня ночью последний бой
Налево кругом — иди.

... Пулемет задыхался, хрипел, бил
И с флангов летел трезвон
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип,
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: спасибо, брат.

Рукою острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

— Слушай, Денисов Иван,
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан —
Можешь итти домой.

Умолкли все — под горой,
Ветер как пес бежал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
Я, кажется, ранен. — Да!

Николай Тихонов.

* * *

Не по часам с проверенным ходом,
По хрипу телег в безведомый год
Мы черной листвою, осенним походом
Неслись, куда ветер несет.

Сунься, ищи в пустырях и гатях
Какие спеты земле псалмы,
Какие последние из проклятий
Между собой поделили мы.

Теперь окрестясь в огнях и свистах,
Кровь отмывая ночным дождем,
Быть может, для всех празднично-чистых
Грозную радость мы бережем.

Николай Тихонов.

Колымага.

По простору, по рассейскому раззору,
Озорству —
Спотыкаясь через гору,
Клочья кожи взмыв в бору,
Перекатом по оврагу
Тащат клячи колымагу.

Византийская икона,
Позолочена попона,
Грыз огонь — не догрыз.
Бармы ли — лоскутья Мономаха,
Ката ли проклятая рубаха
Свисла вниз.

Развалюга-колымага по грязи
Хлюпает — эй, клячи, вывози!..

Стала!
Сдохла на пристяжке, не дошла,
У бесхлебного села,
У киргизского привала.
Хан ли темный, царский ли сарбаз
Ласкою ременной вдоль горба
Раз — не в раз
В лоб и в глаз,
В дохлый пар —
Тащи, две!

Над Яузою Никола слюдяной.
Не в Успенском ли посту
С недожеванной травой
В беззубом рту
Под боярскою стеной
Хлопнула вторая—головой
Лежи!
Мясо — татарве, а кожу — Бог
Не велел ли немцу на сапог.

Кляч ли не было на Руси —
Ты третья — хмара
Глаз — алтын распухший — не коси, —
Даром!
На оглоблях ситец да парча,
Кружевница!
Чорт с болотом крысу повенчая —
Нету пальцев на руке — чем молиться?
Не дотащишь.

Что торопишь ход?
В Смольный, под пулемет?
С моста через перила?
Сбили в сбитень силу,
С'ели византийскую парчу
С патокой мыши.
Черный приживала твой, бродяга —
Ворон душу заживо клюет —
Петропавловских ворот
Не увидишь, — слышишь, —
Дьявол-колымага!

Николай Тихонов.

* * *

У меня была шашка, красавица станом,
В за-латышской земле крещена,
Где гремели костры над балтийским бурьяном, —
Я забыл, как звалась она.

Наговорное слово, быль — небылицы
Из кряжистого высек куска,
Как почтовую легкую птицу
Я пустил его по рукам.

Дом бросил для мги бездорожной,
Осталась дома сестра,
Вернулся совою острожной,
Попросил воды из ведра.

Хрипел от злобы и крови,
В волосах замотался репей,
По согнутым пальцам, по дрогнувшей брови
Узнала, сказала: пей.

А дом дышал, как пес на чужого,
Я жил — не хранил, как живут пустыри,
Я шашку сломал — наговорное слово
Чужим и ненужным рукам раздарил.

Но понял: уйду ли влево или прямо
Искать худого добра,
Но дом не согнется, не рухнет в яму,
Пока у огня сестра!

Николай Тихонов.

Два отрывка из повести «В тупике».

В. Вересаев.

И ангелы в толпе презренной этой
Замешены. В великой той борьбе,
Какую вел Господь со князем скверны,
Они остались—сами по себе.
На Бога не восстали, но и верны
Ему не пребывали. Небо их
Отринуло, и ад не принял серный,
Не видя чести для себя в таких.
Данте, „Ад", III, 38—42.

Отрывок первый.

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря...

В бурю белогривые волны подкатывались почти под самую терраску белого домика с черепитчатою крышею и зелеными ставнями. В домике жил на покое, с женою и дочерью, старый врач-земец Иван Ильич Сартанов, постоянный участник пироговских с'ездов. Врачам русским хорошо была знакома его высокая, худая фигура в косоворотке под пиджаком, с седыми волосами до плеч и некурчавящеюся бородою, как он бочком пробирался на с'езде к кафедре, читал статистику смертных казней и в заключение вносил проект резкой резолюции, как с места вскакивал полицейский пристав и закрывал собрание, не дав ему дочитать до конца. Во время войны он стал-было подводить на с'езде статистику убитых и раненных на фронтах, обронил слово «бойня»—и очутился в Бутырках. При Советской власти он снова был арестован и отправлен в Москву с двумя спекулянтами и черносотенцем-генералом. По дороге Иван Ильич, ночью на тихом ходу соскочил с поезда и скрылся. Друзья добыли ему фальшивый паспорт, и он, с большими приключениями, перебрался в Крым.

... Сели обедать. Поели постного борща и мерзлой, противно-сладкой вареной картошки без масла, потом стали пить чай, — отвар головок шиповника; пили без сахару. После несытной еды и тяжелой физической работы хотелось сладкого. Каждый старался показать, что пьет с удовольствием, но в теле было глухое раздражение и тоска.

Катя вдруг рассмеялась.

— Господа, помните прежние времена, как, бывало, все ужасались на жизнь студентов? Бедные студенты! Питаются одним только чаем и колбасой! Представьте себе ясно: настоящий чай, сахар, как снег под морозным солнцем, румяная французская булка, розовые ломтики колбасы с белым шпиком... Бедные, бедные студенты!

Все рассмеялись. Уж очень, правда, смешно было вспомнить и сравнить. Стало весело, и раздражение ослабело. Катя, смакуя, продолжала:

— Или, помните, калоши студенческие? Тусклые, потрескавшиеся, с маленькой только дырочкой на одной пятке! Вы подумайте: калоши! Домой не приносишь лепешек грязи, чулки сухие, и только чуть мокро в одной пятке!.. Правда, бедные студенты?

Наружная дверь без стука открылась, вошла в кухню миловидная девушка в теплом платке, с нежным румянцем, чудесными чистыми глазами и большим, хищным ртом.

— Добрый день!

— А, Уляша!.. Садитесь, попейте чайку.

Девушка поставила на стол две бутылки молока, покраснела и села на табуретку. Иван Ильич, расхаживая по кухонке, спросил:

— Ну, что хорошенького слышали про большевиков? Где они сейчас?

— Вы, чай, лучше знаете.

— Откуда ж нам знать?

— Вчера почта из города проезжала, ямщик сказывал,—в Джанкое.

Иван Ильич захохотал.

— Ого! Быстро они у вас шагают!.. Что же, ждут их у вас на деревне?

Уляша промолчала и с неопределенною улыбкою взглянула в угол.

— Большевиков-то у вас, должно быть, не мало.

— Кто ж их знает?.. — Она застенчиво улыбнулась и вдруг:—да все—большевики!

— Вот как?

— И папаша большевик, и все наши большевики.

— И вы тоже?

— Ну, да!

— А что такое большевизм?

— Сами знаете.

— Нет, не знаю. Каждый по своему говорит.

— Представляетесь.

— Ну, все-таки, что ж такое большевизм?

Уляша помолчала.

— Дачи грабить.

— Что?!

— Дачи ваши грабить.

Иван Ильич захохотал на всю кухню.

— Точно и верно определила. Молодец Уляша!

Катя сказала:

— Вот, Уляша, вы говорите, что и вы большевичка. Что же, вы пойдете, например, нас грабить?

— Все пойдут. Уж теперь сговариваются. Отказываться никому не позволят. А мне что ж свое терять?

— Почему же именно дачников грабить?

— Они богатые.

— А мужики у вас в деревне не богатые? Вон Албантов одного вина продал осенью на сто двадцать тысяч. Сами же вы говорили, что у каждого мужика спрятано кереонк на двадцать—тридцать тысяч. Где же нам, дачникам, до вас?

— Нет, мужики не считаются богатыми.

— Да почему же, почему? Вон у вашего отца—две лошади, две коровы, гуси, свиньи, десятка два барашков... Да вы бы дня, напр., не стали есть так, как мы едим. Теперь только мужики у нас и богаты.

— Мы работаем. А дачники все лето на берегу лежат голые, да цветы по горам собирают.

Катя возмутилась. Она стала говорить об интеллигентном труде, о трудности его. Потом стала об'яснять, что большевики хотят лишить людей возможности эксплоатировать друг друга, для этого сделать достоянием трудящихся землею и орудия производства, а не то, чтобы одни грабили других.

Возмутился Иван Ильич и напал на Катю.

— Это ты о социализме говоришь, а не о большевизме... Нет, Уляша, большевизм именно в том, как вы говорите: грабь, хватай, что увидишь, не упускай своего! Брось работать и бездельничай. И только о себе одном думай.

Уляша выпила чай, сказала «спасибо» и встала.

— Папаша велел сказать, что с завтрашнего дня молоко по три рубля ірта.

Анна Ивановна всплеснула руками.

— Да что ты, Уляша, говоришь! Было полтора, и вдруг три рубля, вдвое ьше!

— И потом больше не велел вам носить, сами ходите. Много, говорит, мя уходит.

Иван Ильич решительно сказал:

— Ну, нечего тогда разговаривать. Столько платить не можем. Не надо. Пейте сами.

Уляша застенчиво улыбнулась, покраснела и сказала:

— До свиданья вам!

— До свиданья.

Катя протянула печально:

— Значит, и без молока!

Иван Ильич сердито накинулся на нее:

— Я не понимаю, с чего ты вдруг вздумала защищать перед нею шевизм. Удивительно своевременно!

— Пусть же она знает, что такое большевизм в идее

— «В идее»!.. Чрезвычайки, расстрелы, разжигание самых хам инстинктов — и идея!

Они стали спорить, сердясь и раздражаясь. Иван Ильич махнул рук ушел в спальню.

Лег на постель и стал читать газету. В обычном старом стиле соо лось о доблестных добровольческих частях, что они, «исполняя заране меченный план», отступили на восемьдесят верст назад; приводилось тервью с главноначальствующим Крыма, что Крыму большевистская ность безусловно не грозит; сообщалось, что Троцкий убит возмутивши войсками, что по всей России идут крестьянские восстания, что в Кр всегда стоит наготове аэроплан для бегства Ленина. Ничему этому не лось, но все-таки приятно было читать.

Темнело. Начиналась самая трудная пора дня. Керосину не было, и щались деревянным маслом: в чайном стакане с маслом плавал пробо поплавок с фитильком. Получался свет, как от лампадки. Нельзя было ни тать, ни работать. Анна Ивановна вязала у стола, Иван Ильич медленно ра живал по узкой спаленке меж кроватями, кипя от вынужденного бездейс В железной печке полыхали дровешки, от нее шел душный жар. По крыше мел злобный норд-ост, море металось и с грохотом бросало на берег кипя бешенством волны. Катя убралась с посудою и ушла в бывшую каморку прислуги за кухней, где она теперь жила зиму. Там, не жалея глаз, она с книгой к своей коптилке.

Вечером пили в кухне чай. Снаружи в кухонную дверь постучал Иван Ильич отпер.

— А-а, профессор!

Вошел профессор с женою,—знаменитый академик Дмитревский, п ный и высокий, с огромною головой. Его работы по физике были шир известны за границей. Несколько лет назад он открыл способ опресне морской воды силою солнечной энергии и работал над удешевлением э способа. Но все сложные аппараты остались в России, а он второй год живал на своей крымской даче и зарабатывал хлеб тем, что паял мужи посуду и готовил для потребиловки жестяные коптилки.

Сочным, жизнерадостным голосом, наполнившим всю кухню, профес сказал:

— Ну, погодка! Еле дошли до вас! Ветер еще сильнее стал, с ног с бает. Мокреть какя-то падает и сейчас же замерзает... Gruss aus Russla

Он счищал ледяшки с седой бороды и усов. Профессорша скор вздохнула:

— Да, Gruss aus Russland... Так и представляется: холод, все жмут

дымных, холодных комнатах, грызут хлеб из конопляных жмыхов с соломой и ждут обысков.

Катя сняла со стола самовар и поставила на пол к печке.

— Садитесь, сейчас подогрею самовар.

— Не надо, мы уж пили.

— Все равно, мне нужен кипяток, заварить отруби для поросенка.

Профессорша села на стул около плиты.

— А у меня горе какое, Анна Ивановна! Весь день сегодня проплакала... Представьте себе, любимое мое кольцо с бриллиантом, свадебный подарок мужа,—пропало сегодня.

— Что вы говорите? Наталья Сергеевна! Ведь вы же его никогда с пальца не снимали!

— Да.. Так странно!—Наталья Сергеевна машинально оглянулась и понизила голос.—Вы знаете княгиню Андожскую?

— Это, что у Бубликова живет, красавица такая?

— Да. Ее мужа, морского офицера, во время революции матросы утопили в море, все их имения конфискованы. Живет она с маленькой дочкой и старухой матерью у Бубликова, он ее гонит, что не платит за комнату. Ужасно несчастная. Так вот, пришла она сегодня утром к нам, я тесто месила. Увидела кольцо и пришла в восторг. «Как,—говорит,—можно с ним тесто месить! Ведь пачкается кольцо, портится»—«Боюсь,—говорю,—потерять, очень дорого мне это кольцо». Ну все-таки убедила меня, сняла я и положила на туалет. Через четверть часа она ушла, а после обеда хватилась я кольца,— нету. Весь туалет обыскали, все отодвигали,—нету. Когда княгина была, муж в столовой мыл пол, он видел, что княгиня подошла к туалету и странно как-то стояла... Только вы, пожалуйста, никому этого не говорите!—испугалась Наталья Сергеевна.

— Может быть, кто другой взял,—сказала Анна Ивановна.

— Никого решительно не было больше. Я ей написала письмо, завтра ром пошлю. Уж не знаю... Пишу: вы для шутки взяли мое кольцо, чтоб напугать меня, зная, как оно мне дорого. Пошутили, и будет. Будьте добры пришлить назад.

Катя взволнованно воскликнула:

— Да нет! Это не может быть! Такая на вид культурная, изящная!

— Тяжелое происшествие!—поморщился профессор.

— Господи, как мы все зачерствели! Ясно, погибает с голоду человек! .. погибнет, а мы и не заметим!

Наталья Сергеевна сочувственно вздохнула и, занятая своими заботами, продолжала:

— А вы слышали, у Агаповых вчера ночью выбили стекла. У о. Воздвиженского на-днях кухню подожгли. Чуют мужики, что большевики близко... Господи, что же это будет! Я так боюсь, так боюсь!.. Двое мы на даче с мужем, одни; он старик, Делай с нами, что хочешь.

Катя нетерпеливо закусила губу и стала подкладывать в самовар углей.

Она не выносила этого ноющего, тревожного тона профессорши, с вечн страхами за будущее, с нежеланием скрывать от других свои горести и с сения. Разве же теперь можно так?

Профессор обратился к Ивану Ильичу:

— Заметили вы, как деревня опустела? Вся молодежь ушла в го Это—ответ деревни на мобилизацию краевого правительства. Ни один явился. Говорят, пришлют чеченцев из дикой дивизии для экзекуции, реш прибегнуть к решительным мерам.

Иван Ильич захохотал:

— Это — добровольческая армия!

— Да-а... Дело с каждым днем усложняется. Говорят, на-днях в дер были большевистские агитаторы, собрали сход и об'явили, чтоб никто являлся на призыв, что красные войска уж подходят к Перекопу и через недели будут здесь. А в городе я вчера слышал, когда на лекцию свою е в народном университете: пароходные команды в Феодосии бастуют, буют власти советам; в Севастополе портовые рабочие отказались гру грузы для добровольческой армии и вынесли резолюцию, что нужно не ж прихода большевиков, а самим начать борьбу. Агитаторы так везде и ки

Анна Ивановна взволнованно сказала:

— Ведь ждали, в Феодосии должен был высадиться греческий десс

— Да, но высадился он в Константинополе. Там революция, правит ство бежало.

Наталья Сергеевна воскликнула с отчаянием:

— Господи, что это творится в мире!.. Неужели же союзники бр нас на произвол? Говорят, французы оставили Одессу... Я все об одном маю: придут большевики в Крым,—что тогда будет с Митей?

Иван Ильич большими шагами расхаживал по кухонке. Он угрюмо зал:

— Охота ему была итти в добровольцы!

— Так ведь вы же знаете его: человек совершенно аполитический. Ем только сидеть в кабинете со своими греческими книгами, на уме у только элевсинские мистерии, кабиры какие-то. Об'явили призыв,—что мне,—говорит,—скрываться, жить нелегально? Я на это неспособен.

У Кати стало нестественное лицо, когда Наталья Сергеевна загово о сыне. Она равнодушно спросила.

— Давно он вам не писал?

— Давно. И всё в боях. Так за него сердце болит!

Сильный стук раздался в кухню. Блеснули золотые погоны, молодой лос оживленно сказал:

— Мир вам! Здравствуйте! Папа и мама не у вас?

— Митя!!

Все вскочили и бросились навстречу.

Бритый, с тонким и обветренным лицом, Дмитрий сидел за столом, ж

ел и пил, и рассказывал, с жадною радостью оглядывая всех. По тонким губам изредка проносилась всегдашняя его особенная улыбка про себя.

Их полк отвели на отдых в Джанкой, он обогнал свой эшелон и приехал, завтра обязательно нужно ехать назад. Он останавливал взгляд на Кате и быстро отводил его. Наталья Сергеевна сидела рядом и с ненасытною любовью смотрела на него.

— Ну, что у вас там, как,—рассказывай.

— А вы знаете, у вас тут, в тылу, оказывается, работают «товарищи». Сейчас, когда я к вам ехал, погоня была,—контр-разведка накрыла шайку в одной даче на Кадыкое,—с'езд какой-то подпольный. И двое совсем мимо меня пробежали через дорогу в горы. Я во-время не догадался, только когда наших увидел из-за поворота, понял. Все-таки пару пуль послал им в догонку, одного товарища, кажется, задел,—дальше побежал, припадая на ногу.

Катя приглядывалась к Дмитрию: что-то в нем появилось новое,—он загрубел, движения стали резче и развязнее, и он так просто рассказывал о своем участии в этой охоте на людей.

Иван Ильич засмеялся.

— Ого, какой вояка стал!

Профессор поспешно спросил:

— Как дела у вас в армии?

— Знаешь, папа, смешно, но это так: мы там меньше знаем, чем вы здесь.

— Нет, я про то,—какое в армии политическое настроение? За что вы, собственно боретесь?

Дмитрий неохотно ответил:

— Розно. Есть части, совершенно черносотенные, только о том и мечтают, чтоб вернуть старое и расправиться с мужиками и евреями,—напр., сводно-гвардейский полк, высший командный состав. Но офицерская молодежь, особенно не кадровая,—почти сплошь за Учредительное Собрание.

Иван Ильич захохотал своим раскатистым смехом.

— И вы верите, что вас не проведут на мякине, как наивных воробушков?

Дмитрий слабо и немного виновато улыбнулся. Катя размешивала деревянною ложкою заваренные кипятком отруби. Он спросил:

— Что это вы, Катя, мастерите?

— Месиво для поросенка. Сейчас пойду кормить.—Она надела пальто, повязалась платком. — Хотите посмотреть поросенка моего?

— Пойдемте! Давайте, я миску понесу... Мы сейчас.

— Только оденьтесь. Холодно.

Они вышли.

Ветер шумно проносился сквозь дикие оливы вдоль ограды и с бешенством бил в стену дачи. Над морем поднимался печальный, ущербный месяц.

Земля была в ледяной коре, и из блестящей этой коры торчали темные былки прошлогодней травы.

Катя с Дмитрием зашли на ту сторону дачи. Под лестницею на мезонин был чуланчик, из него неслось взволнованное хрюканье и повизгивание.

— Давайте миску.—Катя отперла дверь и исчезла с мискою в темноте чулана. Оттуда послышался ее смеющийся голос:—Погоди, дурачок! Ах, ты, Господи! Миску опрокинешь!.. Пошел прочь! Ну, ешь! Жаднюга!

Она вышла из чулана. Дмитрий протянул ей обе руки.

— Ну, Катя, здравствуйте!

И крепко пожимал ей руки, и смотрел в ее похорошевшее лицо.

— Рассказывайте, Катя, как вы тут живете.

— Как живу! Я всегда хорошо живу. Может, надоест, а сейчас очень все интересно. Вот поросенок этот,—столько нового, неожиданного, я и не думала, что свиньи такие умные. Наседка уж сидит на яйцах. И еще очень интересно в кухне готовить. Вы знаете, если слушать,—у всех вещей свои голоса. Каждая кастрюля на плите, каждая сковорода имеют свой звук. Я, не глядя, чувствую, когда закипает молоко, когда каша густеет. Ужасно интересно в этом шипеньи и клокотаньи ловить чуть слышные живые голоса. И новые кушанья выдумывать. Не видишь времени. Дни, как стрелки, проносятся,—жжик, и падают.

Дмитрий смотрел на нее говорящими глазами и улыбался.

— Смотрю я на вас, и мне вспоминается Паскаль. Он говорит, что мысль наша всегда обращена к прошедшему и будущему, а о настоящем мы никогда не думаем, и поэтому никогда не живем,—только всё надеемся жить... А вы вот это умеете,—из всего извлекать настоящее. Как это редко!

— Ну, Дмитрий, это все пустяки. Расскажите про себя. Правду. Что у вас?

Дмитрий вздохнул.

— Что у нас... Катя, так скверно, так скверно, что хуже и нельзя! Нигде никаких решительно корней, народ относится к нам враждебно, весь пропитан большевистской злобой, совершенно одичал, звериные стали какие-то глаза и звериные, алчные лапы,—только рвать, забирать себе все, что увидят. И сам тоже звереешь. Кругом кровь, грязь, без конца. И в каком-то далеком, далеком прошлом представляется—лампа с зеленым абажуром, Эсхил, Гераклит, несравненный мой Эрвин Роде, Виламовиц. И кажется, — никогда уже никому это не будет нужно. Происходит новое нашествие варваров. Ведь, по существу, это война охлоса против культуры, против всех высших духовных ценностей. Вместо науки—публицистика «Правды», вместо поэзии—Демьян Бедный, вместо живописи—толстопузые попы и звероподобные генералы на плакатах...

— Дмитрий, нельзя так. Это же временное.

— Временное? А культура гибнет, все кругом жжется, разрушается. Что мне до того, что в свое время пришло Возрождение? А Венера-то Милосская без рук, фидиевы скульптуры безголовые, от Архилоха, Сафо, Гераклита остались одни клочья. А главное,—и в народ я теперь потерял всякую

веру. Теперь он открыл свой подлинный лик,—тупой, алчный, жестокий. Какой беспросветный душевный цинизм, какая безустойность! В самое дорогое, в самое для него заветное наплевали в лицо,—в Бога его! А он заломил козырек, посвистывает и лущит семечки. Что теперь когда-нибудь скажут его душе Рублев, Васнецов, Нестеров?

Растрепанные тучи мчались по небу,—бесшумные и стремительные. Ветер, как взбесившаяся хищная птица, налетел из-за угла, толкал обоих в спину и яростно начинал трепать оледенелые ветки акаций и тополей.

— Холодно вам, Дмитрий? А, правда, не хочется уходить?

— Ничего, пусть холодно.

— Вот что. Пойдем на террасу. Она на юг, там тихо.

Стульев не было на террасе, был только большой садовый стол. На столе кучами лежала мерзлая земля, черепки разбитых садовых горшков, путаная мочала. Шум ветра был меньше слышен, но зато море грохотало. Под студено-зеленоватым лунным светом белые водяные горы вырастали, казалось, перед самой террасой и вдруг проваливались куда-то.

— Дмитрий, зачем вы все-таки идете вместе с ними? Неужели вы не чувствуете, за что они борются?

Дмитрий озлобленно ответил:

— За что бы ни боролись! С кем угодно, только против этих мерзавцев!.. Ох, Катя, вы их тут не знаете, в своем далеке... Если бы увидели своими глазами,—прокляли бы жизнь, прокляли бы все на свете... — Он взволнованно замолчал.—Я никому не хотел рассказывать,—ну, вам расскажу. Только не говорите никому. Я тут привез Агаповым кой-какие вещички их убитого сына Марка. Он убит, да. Но как... Под Татаркою был у нас бой. Впереди матросы шли на нас, в кожаных куртках, сомкнутой колонной, по германскому образцу. Нужно отдать справедливость,—как львы, шли под пулеметным огнем. К вечеру разбили нас и погнали. Ротный наш командир упал с простреленной ногой, махнул нам рукою и устроил себе смерть под музыку.

— Это что такое?

— Ручную гранату под голову, дернуть капсоль и трах!.. Это у нас зывается—смерть под музыку. Чтоб живым не попасться в их руки... Рассеяись мы во все стороны. Едет по дороге в тачанке мужчина мещанистого ида. Револьвер ему ко лбу, снял с него пиджак, брюки, переоделся и побеал балкою.

Катя дрогнула.

— Вот вы еще чем можете возмущаться!—улыбнулся Дмитрий.—Вижу, ,ащится Марк, на руке несет другую свою руку, раздробленную в локте. Повел его. Уж ночь. Вдали лай собак, огни. Осторожно подходим, вдруг: «Стой! Кто идет?». Взяли нас, повели. Железнодорожный полустанок, весь зал набит матросами. Огромный, толстый матрос,—я бы подмышку подошел ему,—подходит ко мне: «Кто такой?»—Мещанин,—говорю,—мелитопольский. Вижу, раненный человек, повел его, не знаю, кто такой. — «А-а,—говорит,—ваше благородие!» Развернулся и кулаком Марка в ухо.

— Раненого?!

— Раненого. Пошел он летать под кулаками и пинками по всему залу. Перебитая рука мотается, вопль,—понимаете, животный вопль зверя, которого забивают на смерть...

Катя глухо застонала.

— Не надо!

Дмитрий беспощадно продолжал:

— Скоро замолк, а тело все летает из конца в конец. Тяжелыми сапогами с размаху в лицо, хохот грубый, шуточки... Толстый ко мне: «ну-ка, товарищ, пойди-ка сюда!» Руку мне за пазуху, нащупал в внутреннем кармане жилетки бумажник, вытаскивает. А там удостоверение мое,—поручик Дмитревский. Развернулся он наотмашь, и дальше я ничего не помню... Очнулся в комнатке кассира, в окошечко билетной кассы из залы свет,—лежит рядом Марк с раздутым, черным лицом, с стеклянными глазами, уже не дышит. Ощупываю себя,—тело ноет, но кости целы. Вдали выстрелы, все ближе. Пулемет затрещал, звенят разбитые стекла. Суматоха, матросы попадали на пол.—«Это недоразумение! Свои!». Комиссар к телефону. Вдруг— «ура!». Нет, не «свои»... Граната в залу, матросы поскакали в окна, выстрелы, лампа упала и потухла. Открывается дверь, входят двое, один нажал кнопку электрического фонарика карманного, свет упал на его рукав,—череп с перекрещенными мечами. Марковцы!.. Я хотел крикнуть и только мог застонать. Они назад.—«Господа, тут еще товарищи!». Я собрал все силы, крикнул: «свои! свои!»... И опят потерял сознание.

Он замолчал. Катя вздрагивала короткими толчками всего тела.

Ветер завыл и с шумом пронесся поверху. Чудовищные волны лезли на берег, шипели пеною, разбивались с гулким, металлическим звоном и, задохнувшись, ползли назад.

— Кто это пережил, Катя...

— Не надо говорить...—Катя блуждала вокруг глазами.—Что это за звон какой кругом? Такой нежный-нежный?

Дмитрий с недоумением смотрел на нее.

— Я не слышу. Море гудит.

Катя сказала настойчиво и тоскливо:

— Нет, другой какой-то звон. Стекляный, особенный.

— А ведь правда.

— Ах, вот что! Это ветки оледенелые звенят... Как странно!

Они подошли к перилам. Ледяшки, облепившие ветки акаций, стукались под ветром друг о друга, и мелодический, тихий, хрустальный звон стоял в воздухе, независимый от медного рева моря.

— Пойдемте,—сказала Катя.

Они пошли. За домом рев моря стал глуше, и яснее раздавался по всему саду таинственный, нежный хрустальный звон.

Катя остановилась.

— Дмитрий!—Она, задыхаясь, смотрела на него.—Митя! Милый мой! Любимый! Так вот что тебе приходится там...

Девушка припала к его плечу, он заглядывал в ее румяное от холода, небывало прекрасное лицо и целовал в губы, в глаза.

... Профессорша пекла на дорогу Дмитрию коржики, профессор в кабинете готовился к лекции.

— А где Дмитрий?

— Дрова колет в сарае, сейчас придет.—Наталья Сергеевна была отчего-то сильно взволнована.—А вы знаете, мы вчера с Митей засиделись до пяти часов утра.

В дверь постучались. Срывающийся женский голос спросил:

— Можно войти?

Наталья Сергевна побледнела.

— Княгиня. Вы знаете, я ей утром письмо-таки послала. Ах, Боже мой!.. Можно, можно!

Растерянно улыбаясь, она суетливо пошла к двери. Княгиня вошла с огромными, широко-открытыми глазами, с неулыбающимся лицом.

— Наталья Сергеевна! Я сейчас получила ваше странное письмо. Как вам это могло прийти в голову?.. Да разве бы я позволила себе так шутить с вами?.. Хорошо ли вы искали везде?

— Кажется, все переглядела.

— Ведь вы, я помню, на туалет кольцо положили. Отодвигали вы туалет?

Наталья Сергеевна поспешно ответила:

— Нет.

— Позвольте, я посмотрю.

Княгиня стала отодвигать туалет. Наталья Сергеевна продолжала сидеть на месте.

— Ну, так и есть! Вот же оно! У плинтуса лежало, среди сора!

Она выпрямилась и протянула кольцо.

— Ах, так вот где было. Да... Да...

Наталья Сергеевна взяла кольцо, избегая смотреть княгине в глаза. И тоже не смотрела. И говорила облегченно:

— Ну, вот! Слава Богу! Я так рада... И как вы могли подумать, что я ала бы с вами так шутить!

Княгиня посидела немножко и ушла. Из кабинета вышел профессор и тановился на пороге. Молчали. Катя спросила:

— А вы смотрели за туалетом?

— Все, все пересмотрела! — заговорщицки ответила Наталья Сергеевна.—Несколько раз отодвигала, и сору там никакого не было, я все вымела. А она так сразу и нашла! И как будто меня вдруг что осенило ответить ей, что не смотрела.

Профессор поморщился и пошел обратно к себе в кабинет. Вошел с террасы Дмитрий.

— Ну, мама, дров наколол тебе на целый месяц. А, Катя!.. Мама, мы сейчас пройдемся, мне нужно отнести Агаповым вещи Марка.

— Скорей только возвращайтесь. Через полчаса завтрак будет готов.

Катя с Дмитрием вышли. Дмитрий сказал:

— Забыл я топор в дровяном сарае,—не стащили бы. Зайдем, я возьму

В сарае Дмитрий обнял Катю и стал крепко целовать. Она стыдливо выпросталась и умоляюще:

— Не надо!

— Ну, Катя...

— Вот сколько ты дров наколол!.. Где же топор?

— Э, топор! Его вовсе тут и нету!

Дмитрий крепко сжимал Кате руки и светлыми глазами смотрел на нее. Она сверкнула, быстро поцеловала его и решительно двинулась к выходу.

— Пойдем!

Они пошли вдоль пляжа. Зелено-голубые волны с набегающим шумом падали на песок, солнце, солнце было везде, и теплый золотой ветер ласкал щеки.

Катя просунула руку под локоть Дмитрия и сказала:

— Вот что, Митя! Что ты вчера рассказал про себя, про Марка,—это что-то такое огромное,—как будто все эти горы вдруг сдвинулись с места и несутся на нас. Я всю ночь думала. Это и есть настоящая война. Если люди могут друг друга убивать, все жечь, разрушать снарядами, то перед чем можно тут остановиться? Так уж много нарушено, что остальное пустяки. А когда идут рыцарства и всякие красные кресты, это значит, что такие войны изжили себя, и что люди сражаются за ненужное. И знаешь, мне начинает казаться: когда победитель бережно перевязывает врагу раны, которые сам же нанес,—это еще ужаснее, глупее и позорнее, чем добить его, потому что как же он тогда мог колоть, рубить живого человека? Настоящая война может быть только в злобе и ненависти, а тогда все понятно и оправдательно.

Дмитрий слушал серьезно, с улыбающимися для себя тонкими губами.

— Это оригинально.

— Нет, это правда. И вот, Митя... Те матросы,—они били, но знали, что и их будут бить и расстреливать. У них есть злоба, какая нужна для такой войны. Они убеждены, что вы—наемники буржуазии, что сражаетесь за то, чтоб оставались генералы и господа. А ты, Митя,—скажи мне по-настоящему: из-за чего ты идешь на все эти ужасы и жестокости? Неужели только потому, что они такие дикие?

В глазах Дмитрия мелькнуло страдание и растерянность, как всегда при таких разговорах.

— Это, Катя, сложный вопрос.

— Ничего не сложный.

Дмитрий украдкою оглянулся, поднес Катину руку в губам и шопотом сказал:

— Зачем, зачем теперь об этом говорить? Катя! Так у нас мало времени,—давай забудем обо всем. Когда-то мы опять свидимся! А мы будем ворошить то, чего, все равно, не изменить... Вот дача Агаповых. Зайдем.

— Я с какой стати? Не хочу я к ним. Я тут тебя подожду.

— Ну, хорошо. Только отдам, и сейчас.

Он ушел. Садовник вскапывал клумбы у широкой террасы. Грузная Гуриенко-Домашевская стояла у калитки своей дачи и сердито кричала на человека, сидевшего на скамеечке у пляжа.

— Пьянчужка несчастный! Тут тебе не кабак! Думаешь, большевики близко, так и нахальничаешь! Подожди, пока твои большевики подойдут!

Человек на скамейке отругивался. Катя узнала пьяницу-столяра Капралова, сторожа мурзановской дачи. Гуриенко ушла. Катя подошла к нему.

— Чего это она?

— Х-хе-хе! Чортово окно! Пошел, говорит, прочь отсюда, мужик! Не смей тут петь, мне беспокойство!.. Да разве я у тебя? Я на бережку сижу, никого не трогаю. Какая язвенная, а? Сижу вот и пою...

Мой полштоф в кармане светит,
Рюмки гаснут на носу,
Ночью нас никто не встретит,
Мы проспимся на мосту...

Ты, говорит большевик. Нет, говорю, я не большевик. А все-таки, когда большевики придут,—ей-богу, голову тебе проломлю!

— А вы не большевик?

— Нет, не большевик. Когда в летошнем году экономию Бреверна разносили, я им прямо об'яснил: то ли вы большевики, то ли жулики,—неизвестно. Тащит кажный, что попало,—кто плуг, кто кабанчика; зеркала бьют. Это, я говорю, народное достояние, разве так можно? Вот дайте мне бутылочку винца, очень опохмелиться хочется.—«Ишь, говорят, какой смирный!». Да-а... А вы что такое делаете? За это они меня теперь и ненавидят... знь разломали,—как ее теперь налаживать? И с той стороны, и с другой роны идет русский народ. Братское дело! Брат на брата, друг на друга!

Глаза у него были умные и серьезные, тою интеллигентною серьезгью, при которой странно звучало: «кажный» и «я им об'яснил». Катя из бины души сказала:

— Ах, Капралов, зачем вы пьете?

— Гм! Как пью, все видят. А как работаю, никто не замечает!

— Катерина Ивановна!

К ним бежала от дачи Ася Агапова.

— Катерина Ивановна, мы арестовали Дмитрия Николаевича, не выпускаем его, пока не выпьет кофе. А он рвется к вам, совесть его мучит, и кофе останавливается в горле. Сжальтесь над ним, зайдите к нам!

Была она хорошенькая и вся сверкала,—глазами, улыбкою, открытою шейкою. Катя поняла, что не отделаешься, и встала. Капралов, когда она с ним прощалась, придержал ее руку.

— А только все-таки имейте в виду: будет народное одоление. В равно, как мошкара поперла. Нет сильнее мошки, потому,—ее много. А бу жуазии—горстка. И никогда ей теперь не одолеть,—проснулся народ больше не заснет.

У Агаповых было чисто, уютно и тепло, паркет блестел. На белой ск терти ароматно дымился сверкающий кофейник, стояло сливочное масло, сы сардинки, коньяк. Деревенский слесарь Гребенкин вставлял стекла в разб тые окна.

Катя со всеми поздоровалась, подошла и к Гребенкину, протянула рук

— Василий Иванович, вы разве и стекольщик? Ведь вы же слесарь?

Гребенкин, с впалою грудью, исподлобья взглянул обрадованными гл зами и развязным от стеснения голосом ответил:

— Я на все руки мастер: и слесарь, и стекольщик, и огородник, и сп кулянт.

— Катерина Ивановна, садитесь кофе пить,—позвала г-жа Агапова.

Катя чувствовала,—всем стало враждебно-смешно, что она поздор валась с Гребенкиным за руку.

Г-жа Агапова рассказывала Дмитрию, как ночью кто-то выбил у них н даче стекла, как ограбили по соседству богатого помещика Бреверна.

— До чего дошло! До чего дошло! А как мы все радовались револю ции! Я сама ходила в феврале с красным бантом.

Муж ее, невысокий, с остриженною под машинку головою и коротк подрезанными усами, курил сигару и ласково улыбался.

— Ну, что же, ну, говорите нам прямо: как у вас дела в армии?—до прашивала Агапова.—Сумеете вы нас защитить или нет?

— Сумеем!—посмеивался Дмитрий.

Адвокат Мириманов,—у него была в поселке дачка, и он по праздника наезжал из города отдохнуть,—покосился на стекольщика и знающим голо сом тихо сказал:

— Скоро уж не будет надобности вас защищать.

— Почему?

Мириманов посмеивался своими умными глазами.

— Скоро все так переменится, что вы даже не ожидаете.—Он помол чал.—Ленин уже два месяца ведет тайные переговоры с великим князем Бо рисом Владимировичем. Будет инсценирован государственный переворот Идейные вожаки большевизма заблаговременно исчезнут, а всех скомпроме тированных прохвостов оставят на расправу, чтоб окружить большевизм му ченическим ореолом и уйти с честью. Ленин, Троцкий и другие получают по жизненную пенсию по пятьдесят тысяч рублей золотом и обязуются уехат в Америку.

Агапова вздохнула.

— Дай-то бог! Там с ними уж легче будет управиться!

Сын Мириманова,—бледный юноша-студент с бритым лицом и томными странно-красивыми глазами,—шушукался с Асею. Барышни Агаповы сверкал

тем особенным оживлением, какое бывает у девушек только в присутствии молодых мужчин. Они изящно были одеты, и красивые девические шеи белели в вырезах платьев. Глаза их, когда случайно останавливались на Кате, вдруг гасли и становились тайно-скучающими и маловидящими.

Катя решительно отказалась от кофе,—потому что она была голодна, потому что ей очень хотелось всего этого вкусного после мерзлой картошки и чаю из шиповника. Дмитрий сидел с Майей, сестрою Аси, глаза его горели мыслью, он с увлечением об'яснял, как надо понимать «Двенадцать» Блока,—что это гениальная сатира на корявую русскую революцию. Майя, с медленными, задумчивыми глазами, внимательно слушала.

Ася села за рояль и стала петь. Все песни ее были какие-то особенные, тайно-дразнящие и волнующие. Пела о ягуаровых пледах и упоительно мчащихся авто, о лиловом негре из Сан-Франциско, о какой-то мадам Лулу, о сладких тайнах, скрытых в лаковом угаре шуршащего шелка,—и обжигающе-призывен был припев:

Мадам Лулу,
Я вас люблю!—
Ей шепчут страстно и знойно...

Остро вспыхивали бриллианты в серьгах Аси. И была дурманящая, сладострастно-ластящаяся красота в ее песнях. И только мешал шум стекольщика и его чахоточный, как будто намеренно-громкий кашель.

И сверкало солнце, и мягко качались за окнами малахитово-зеленые волны. На Катю музыка всегда действовала странно: охватывало сладкое, безвольное безумие, и душа опьяненно качалась на колдовских волнах, без сил и без желания бороться с ними.

Подошел Дмитрий. От него слегка пахло дорогим коньяком. Он сказал извиняющимся голосом:

— Пять минут еще посидим и уйдем. Знаешь, после бивачной жизни т[illegible] приятна эта чистота, блеск, эти оживленные лица...

Старик Агапов тоже подошел.

— Странно, знаете, слушать... Девочка, с ее чистой душой, совсем сама н[illegible]онимает, что именно поет. Вот, послушайте-ка!

И, благодушно улыбаясь, он потирал руки.

Ах, где-же вы, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,
Изящный, как духи, как песенка без слов?
Такой беспомощный, как дикий одуванчик...

Гребенкин прервал пение намеренно-громким, не считающимся ни с чем голосом:

— Хозяин, эти стекла коротки,—наставить кусок, или есть у вас стекла побольше?

Агапов, мягко улыбаясь, подошел к нему.

— Нет, побольше нету. Уж наставьте эти,—ничего не поделаешь.

Потом, как-то странно нараспев, читал стихи молодой Мириманов. И стихи все были такие же,—говорившие о легком, бездумном весельи, праздной и богатой жизни, об утонченно-сладострастном соприкосновении мужчин и женщин.

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском,
Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс.
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!..

Голос красиво и гибко пел, и баюкал на мелодических стихах. Катя вдруг отдала себе отчет, почему у студента глаза так странно-красивы и томны: они были искусно подведены снизу тонкою черною черточкою.

Катя с Дмитрием уходили. Барышни убеждали его отложить от'езд до завтра.

— Нынче именины Гуриенко-Домашевской, вечером все будут у нее. Она будет играть, Белозеров, наверно, придет, будет петь.

— Нельзя, сегодня вечером должен быть в полку.

Они вышли. Катя жадно дышала морским ветром, с души смывалась колдовская красота баюкающей музыки. Она вздрагивала плечами и повторяла:

— Какая гадость! Какая гадость!

Дмитрий удивленно спросил:

— Что гадость?

— Все! Все! Почему гниль может быть такой красивой и душистой? Как будто парфюмерный магазин, где все дорогие духи разбились и пролились, и кружится голова, и не хочется уходить, и вдруг—солнце, ветер, простор... Ах, как хорошо!

Дмитрий слушал с улыбающимися про себя губами. В голове приятно кружилось от коньяку, сверкали перед глазами зовущие девичьи улыбки, было сладкое ощущение покоя и уюта.

— И вот за них-то бороться! Как она спрашивала: «сумеете вы нас защитить?». А тебе не хочется, когда ты смотришь на них, чтобы все это взлетело к чорту, чтоб развалилась эта ароматно-гнилая жизнь?

Дмитрию хотелось закрыть душу от рвавшегося в нее из Кати буйно-злобного вихря, и не чувствовалось способности защищать эту жизнь, к которой, однако, в нем не было ненависти. Он взял в руки Катину руку и устало улыбнулся.

— Катя! Мне так ничего не хочется! Так не хочется! Одного только хочется: чтоб был мне какой-нибудь тихий уголок, чтоб никто не тревожил, и чтоб переводить Прокла. «Блажен, кто посетил наш мир в его минуты роковые»... Не пожелал бы я никому этого блаженства!

— Неужели же тебе неинтересно теперь жить?!

— Совсем неинтересно. Гораздо интереснее было бы изучать все это, как давно прошедшее.

Катя впилась в него пристальным, изучающим взглядом, от которого ему стало неловко.

— За что я полюбила тебя?—спросила она, как будто саму себя. И вдруг увидела его бесконечно усталое лицо, умный, прекрасно-сформированный лоб, что-то детски-беспомощное во всей фигуре, и горячий, матерински-женский огонек вспыхнул в душе.

Они шли, тесно под руку, по песку вдоль накатывавшихся волн. Дмитрий, с раскрывшеюся душою, говорил:

— ... какая-то полная атрофия активности. Там, где нужно мыслить, изучать, искать, у меня энергия неистощимая. Но где в жизни хоть шаг нужно сделать самостоятельный, меня отчаяние охватывает, и сама жизнь становится скучной, грубой и темной...

Отрывок второй.

Приказ, за подписью коменданта Седого, об'являл, что, ввиду военного положения, гражданам запрещается выходить после девяти часов вечера. Замерло в поселке. Нигде не видно было огней. Тихо мерцала над горою ясная Венера, чуть шумел в темноте прибой. Из деревни доносились пьяные песни.

Была глухая ночь. На даче Агаповых все спали тревожным, прислушивающимся сном. В дверь террасы раздался осторожный стук. Потом еще. Агапов, трясущимися руками запахивая халат, подошел к двери и хриплым голосом спросил:

— Кто там?

Голос их кухарки,—кухня стояла отдельно от дома,—ответил:

— Барин, это я. Телеграмму почтальон принес.

Агапов отпер. Отстранив кухарку, в дверь быстро вошли три солдата с винтовками. Один, высокий, властно спросил:

— Ты—купец Агапов?

— Я.

Ноги затопали, три дула быстро вскинулись и уставились ему в грудь. ча в руке Агапова запрыгала.

— Погодите... Товарищи! В чем дело?

— Контрибуция на тебя наложена. Пять тысяч рублей.

Агапов ласково улыбнулся.

— Контрибуция? Превосходно. Раз наложена, то я что же? Я ничего)азить не могу... Сейчас вам вынесу.

Он торопливо вышел в дверь направо. Бледная кухарка тяжело вздыхала. Солдаты смотрели на блестящий паркет, на большой черный рояль. Высокий подошел к двери налево и открыл ее. За ним оба другие пошли. На потолке висел розовый фонарь. Девушка, с обнаженными руками и плечами, приподнявшись на постели, испуганно прислушивалась. Она вскрикнула и закрылась одеялом. Из темноты соседней комнаты женский голос спросил:

— Ася, что это ты?

— Что вам нужно?—спросила Ася.

Солдаты, не отвечая, стояли посреди комнаты и с жадным любопытством оглядывали бледные шелки кушеток, снимки с Беклина на стенах, кружева больших подушек вокруг черноволосой девичьей головки. Вдыхали розовый сумрак, пропитанный нежным ароматом.

В дверях ласково зажурчал голос Агапова:

— Товарищи, вот вам деньги. Пожалуйте в зал. Вы не беспокойтесь, тут вам делать нечего.

Из-за него выглядывала его жена, бледная, в ночной кофте.

Высокий коротко сказал:

— Обыск нужно сделать.

— Вы чего же ищете?

Солдат подумал.

— Оружие.

Он подошел к туалету и стал выдвигать ящички. Нашел два футляра с колечками и опустил колечки в карман. Венецианское зеркало туалета с невиданою четкостью отразило его лицо. Он выпрямился и подправил черные свои усики. Заглянул в зеркало и другой солдат, совсем молодой. Его Агапов с удивлением вдруг узнал. Это был Мишка, сын деревенского штукатура Глухаря. И третьего он узнал,—прыщеватого, с опухлым лицом: тоже деревенский, Левченко.

Глухарь взял со столика, около кровати, золотые часики.

— Борька, вот еще.

Высокий подошел. Он оглядел покрытую одеялом девушку.

— Что это у тебя на руке? Покажь.

Ася робко протянула нагую руку с гладким золотым браслетом.

— Сымай.

Она сняла и подала.

— Слазь с кровати. Обыск нужно сделать. Может, у тебя оружие под тюфяком.

Девушка растерянно приподнялась, закрываясь одеялом.

— Ну, ну, слазий!

Он сдернул одеяло. Как в горячем сне, был в глазах розовый, душистый сумрак, и белые девические плечи, и колеблющийся батист рубашки, гладкий на выпуклостях. Кружило голову от сладкого ощущения власти и нарушаемой запретности, и от выпитого вина, и от женской наготы. Мать закутала Асю одеялом. Из соседней комнаты вышла, наскоро одетая, Майя. Обе девушки сидели на кушетке, испуганные и прекрасные. Солдаты скидывали с их постелей белые простыни и тюфяки, полные тепла молодых тел, шарили в комодах и шкафах.

Потом они вышли в залу. Высокий сказал:

— До утра никому не выходить. И про все молчать. Коли станете рассказывать, воротимся и всех постреляем.

Они ушли, оставив дверь террасы настежь. Агапов запер дверь. Взвол-

нованные, долго все сидели в Асиной спальне и обменивались впечатлениями. Кухарка рассказывала, как солдаты наставили на нее винтовки и принудили сказать про телеграмму. Валялись на полу затоптанные сапогами простыни, тонкий аромат духов мешался с запахом застарелого пота и винного перегара. Уже стало светать, когда все разошлись и легли спать.

Опять в дверь террасы раздался стук,—на этот раз сильный и властный. В спальне девушек голос с отчаянием сказал:

— Господи, когда же конец!

Вошли солдаты с винтовками и впереди — командир с револьвером у пояса.

— Оружие есть у вас? Бинокли, велосипеды? Военное обмундирование?

Агапов бледно и ласково улыбался.

— Этого нечего нету, товарищи. А золото, какое было, и наложенную контрибуцию сегодня ночью ваши уже взяли.

Командир, с седым клоком в темных волосах, удивленно поднял брови.

— Наши? Какую контрибуцию?

— Не знаю-с. Взыскали пять тысяч.

Командир закусил губу.

— Я сейчас велю выстроить перед вами весь наш отряд. Укажите, кто это сделал.

— Из вашего ли отряда, не знаю. Солдаты, но только здешние, деревенские.

— Кто такие?

— Извините, дал им слово их не называть.

— Все равно, назовете.

— Претензий на них я не имею.

— Я вас про это не спрашиваю. Потрудитесь назвать, кто такие.

Агапов огорченно улыбнулся и развел руками.

— Не могу-с!

— Товарищи, нарежьте в саду розог и снимите с него пиджак. Будем ...с сечь, пока не назовете.

— Ну, это зачем же с!.. Коли так, то, конечно... Глухарь Михайло, сын ...тукатура, и Левченко Игнат, недавно воротился из австрийского плена. ...ретьего не знаю, не здешний,—высокий, с черными усиками, товарищи назы...ли его Борька.

— Хорошо. Сейчас сделаем у них обыск. К двенадцати часам прихо...те в ревком.

И, не делая обыска, они ушли.

Катя встала с солнцем. Выпустила и покормила кур. Роса блестела на листьях и траве. По затуманенной глади моря бегали под солнцем и ныряли тусклые красно-золотые змейки. По под'емам Кара-Агача клубились облака, но острая вершина его твердо темнела над розовым туманом.

Давно так сладко и так крепко Катя не спала, как в эту ночь. Тяжелый камень, много месяцев несознанно давивший душу, вчера вдруг сдвинулся, и душа,—помятая, слежавшаяся,—блаженно расправлялась, недоумевая и не веря свободе. Жадно дышала грудь крепким морским воздухом, солнце пело и звенело в душе. С Катей это часто бывало: вдруг как-будто совсем другими стали глаза, все обычное, примелькавшееся вставало перед ними, как только что возникшее чудо. Она неподвижно стояла среди сада и в остолбенении смотрела.

Медленно ступала по траве около колодца невидано-огромная и красивая птица с огненно-красной шеей, с пышным хвостом, отливавшим зеленою чернью... Петух? Это—«просто» петух? Миллионы лет, в муках, трудах и борьбе, создавалась из первобытной слизи эта сверкающая красота,—и вот шагает по траве простой петух, и никто не чувствует, во что обошелся он жизни, и какой он чудесно-необычный... Из косной земли выползло что-то гибкое, ярко-зеленое, живое, и светится под солнцем кустами барбариса. В тысячевековой миг с чудовищными усилиями слились друг с другом мертвые частицы,—и весело перебегает через шоссе осознавшая себя жизнь, забывшая о заплаченных судьбе невероятных своих страданиях. Смеется смуглое личико, тонкий стан качается, качаются на коромысле ведра, и сверкающие капли падают с них на дорогу.

Калитка протяжно скрипнула. С шоссе входили в сад два солдата с винтовками, с красною перевязью на рукаве. Катя весело спросила:

— Вам чего, господа?

— Оружие есть у вас?

— Нету.

Солдаты направились к дому. Не стучась, вошли в кухню. Иван Ильич умывался у рукомойника, Анна Ивановна поджаривала на сковородке кашу. Когда солдаты вошли с Катею, Иван Ильич повернул к ним свое лицо с мокрой бородой, Анна Ивановна побледнела. Иван Ильич спросил:

— Что скажете, граждане?

Враждебно глядя, один из солдат, с белыми бровями и усиками на загорелом лице, сказал:

— Пришли обыск сделать. Оружие есть у вас? Если бинокли есть, велосипеды, одежа военная,—должны выдать.

Иван Ильич брезгливо повел на них глазами.

— Обыскивайте.

И стал вытираться полотенцем.

Солдаты неуверенно оглядели закопченную кухню, заглянули в убогую Катину коморку, потом вошли в спальню. Было грязно, бедно. Белоусый для виду приподнял за угол тюфяк неубранной постели.

— Ну, что же! Нету ничего,—обратился он к товарищу.

Катя рассмеялась. Ей милы были их конфузливые лица и неуверенность.

— Да разве так обыскивают? Так вы ничего не найдете! У нас тут под тюфяком спрятано три пулемета.

— Нет, что ж!.. Сразу видать, что ничего нету.

Они пошли назад в кухню. Катя сказала:

— Садитесь, попьем чайку.

Солдаты удивились, переглянулись и с смущенною улыбкою ответили:

— Ну, спасибо. Сегодня ничего еще не пили, не ели.

Они поставили винтовки свои в угол.

Пили из кружек горячий настой шиповника, закусывая хлебом. Катя жадно расспрашивала. Белоусый, с посверкивающим улыбкою загорелым лицом, рассказывал:

— Мы составили свой партизанский отряд, дали клятву беспощадной борьбы и железной дисциплины. Командир у нас лихой,—товарищ Седой. Сознательный человек. Всем беспонятным дает понятие.

— А сами вы кто?

— Мы рабочие, из города.

— Отчего же вы такой загорелый?

— В горах уж целый месяц,—на ветру, на солнце. Ушли от кадетов, сорганизовались, чтоб начать у них в тылу партизанскую борьбу, а тут как раз наши подошли от Перекопа.

— Вы сами тоже, значит, большевики?

Он с удивлением поглядел на Катю.

— Ну, да!

Иван Ильич спросил:

— А что такое большевизм?

Солдат с готовностью стал об'яснять:

— Большевизм, это—за рабочую власть. Чтоб вся власть была у рабочих и крестьян. Сделать справедливый трудовой строй.

— И крестьянам чтоб была власть? Почему же вы тогда против Учредительного Собрания? Крестьян и рабочих в России море, а буржуазии — досточка. Что кому помешало бы, если бы в Учредительном Собрании был десяток представителей от буржуазии? А между тем тогда всем было бы видно, что это всенародная воля, и всякий бы перед нею преклонился.

Солдат улыбнулся.

— Я вам сейчас все это об'ясню вполне полноправно. Мужик—темный, его всякий поп проведет и всякий кулак. А мы, рабочий класс, его в обиду не дадим, не позволим обмануть.

— Напрасно вы думаете, что наш мужик такой дурачок. И напрасно думаете, что у него нет своих интересов, отличных от интересов рабочего класса...

— Ваня!—позвала из спальни Анна Ивановна.

Иван Ильич пошел к ней. Анна Ивановна шопотом накинулась на него.

— Ваня, да что ж ты это? Арестуют они тебя,—а там вдруг откроется, что ты бежал из России. Ведь вот какой неугомонный!

— Э, ч-чорт!—Иван Ильич махнул рукою и лег на постель.

Солдат с любопытством спрашивал Катю:

— А вы за кого стоите?

— Я стою за социализм, за уничтожение эксплоатации капиталом трудящихся. Только я не верю, что сейчас в России рабочие могут взять в руки власть. Они для этого слишком неподготовлены, и сама Россия экономически совершенно еще не готова для социализма. Маркс доказал, что социализм возможен только в стране с развитою крупною капиталистическою промышленностью...

Солдаты с недоумением смотрели на нее, и лица их становились все более настороженными. И все больше сама Катя чувствовала, что для них, сейчас, при данном положении, то, что вытекало из ее слов, было еще более нежизненно, чем тот утопический социализм, о котором она говорила.

Белоусый поднял брови, подумал и сказал:

— Вы говорите, вы за рабочих. Так как же теперь? Мы, значит, власть взяли,—и отдать ее назад буржуазии, чтоб она развивала эту самую промышленность?

— Отдавайте, не отдавайте, а она, все равно, власть себе заберет. Или Россия совсем развалится.

Другой красноармеец,—желто-бледный, с черной бородкой, — резко спросил:

— А скажите,—вот эта дачка—ваша, собственная?

— Ну... Ну, да, наша! Но что же это меняет?

Он встал, взял из угла винтовку и пренебрежительно ответил:

— Ничего... Спасибо на угощении.

Они пошли из кухни. Катя провожала их до калитки. С черной бородкой сказал:

— Вот, брат-Алеха, дело-то какое выходит, а? Пойдем-ка в город, поищем буржуёв,—может, какие еще остались. Отдадим им винтовки свои,—виноваты, мол, ваше степенство, получайте власть назад!

Катя радостно смеялась.

— И все-таки,—все-таки я очень рада, товарищи, что видела вас. Вы, действительно, товарищи, вас я так могу называть... А то—хулиганы, грабители, обвешались золотыми цепочками, бриллиантами на пальцах, у мужика в вагоне отбирают последний мешок муки, и всё—«товарищи».

По шоссе проходил красноармеец с винтовкою. Он крикнул:

— Гришка! Алешка! В двенадцать часов сбирайтесь к ревкому! Бандитов судить.

Катя тоже пошла к двенадцати часам.

На площади, перед сельским правлением, выстроился отряд красноармейцев с винтовками, толпились болгары в черном, дачники. Взволнованный Тимофей Глухарь, штукатур, то входил, то выходил из ревкома. В толпе Катя заметила бледное лицо толстой, рыхлой Глухарихи, румяное личико Уляши. Солнце жгло, ветер трепал красный флаг над крыльцов, гнал по площади бумажки и былки соломы.

Из ревкома вывели под конвоем Мишку Глухаря и Левченко, с оторопелыми, недоумевающими глазами. Следом, решительным шагом вышел командир отряда, в блестящих, лакированных сапогах и офицерском френче. Катя с изумлением узнала Леонида. С ним вместе вышел Афанасий Ханов, председатель временного ревкома, и еще один болгарин, кряжистый и плотный, член ревкома.

Леонид остановился у перил крыльца и привычно-громким, далеко-слышным голосом заговорил:

— Товарищи! Героическим усилием рабочих и крестьян в Крыму свергнута власть белогвардейских бандитов. Золотопогонные сынки помещиков и фабрикантов соединились в так называемую добровольческую армию, чтоб удушить рабочий народ и отобрать у него обратно свои поместья и фабрики. Рабоче-крестьянская Красная армия раздавила гнездо этих гадов. От нас не будет пощады никому, кто жил чужим трудом, кто сосал кровь из трудящихся. Мы выгоним их из роскошных дворцов и вилл, обложим беспощадной контрибуцией, отберем с'естные припасы и одежду, заставим возвратить все награбленное...

Слова были затасканные и выдохшиеся, но от грозного блеска его глаз, от бурных интонаций голоса они оживали и становились значительными. Леонид продолжал:

— Но, товарищи, это не значит, что наша Советская Социалистическая Республика разрешает любому желающему грабить всякого встречного буржуя и набивать себе карманы его добром. Все имущество буржуазии принадлежит республике трудящихся, помните это! Только она будет отбирать у них имущество, чтоб по справедливости разделить между нуждающимися... Между тем сегодня ночью три человека,—два из них—вот они, третий скрылся,—записавшись вчера вечером в Красную армию, ночью сделали налет на поселок, взыскали в свою пользу контрибуцию с гражданина Агапова, награбили у него золотых вещей, белья, даже женских рубашек. ри обыске мы нашли у них эти вещи...

Солдаты с загорающимся негодованием слушали. И было это опять не г слов, а от грозного возмущения, каким горели слова, от гипнотического ıражения ощущением неслыханной позорности совершенного.

— Гражданин Агапов! Расскажите, как было дело.

Выступил Агапов, с приплюснутым спортсменским картузиком на го-)ве. Сладко и виновато улыбаясь, он рассказал, как его грабили, всячески ıягчая подробности, и прибавил, что злобы не имеет и просит простить 5виняемых.

Леонид обратился к болгарам:

— Вы, товарищи, имеете что-нибудь против гражданина Агапова?

Из толпы неохотно ответили:

— Что ж иметь... Дачник, как дачник.

Леонид вызвал барышень Агаповых. Ася, с вспыхнувшими злобою красивыми глазами, указала на Мишку Глухаря:

— Вот этот взял у меня со стола золотые часики.

Агапов растерянными, говорящими глазами, старался удержать дочь, но она нарочно не смотрела на него. Вдруг старик Глухарь резко спросил:

— А скажи, где твой брат?

Ася смутилась.

— Какой брат?

— Како-ой!.. Не знаешь? Ну-ка, подумай!

— Мы об нем уж полгода не имеем вестей.

— Ишь ты, как! Не имеешь! Ну, а я имею. Он в кадетах служил офицером.

— Это мы исследуем,—зловеще сказал Леонид и обратился к арестованным:

— Вы что скажете?

Парни в один голос ответили:

— Пьяны были, товарищ-начальник! Ничего не помним. Мы думали, что Борька Матвеев по приказу действует.

Леонид сурово оглядел их.

— Вы этого не могли думать. Всем, записавшимся в наш отряд, я вчера вечером ясно сказал, что грабить мы не позволяем... Товарищи!—обратился он к своему отряду.—Наша Красная Ребоче-Крестьянская армия—не белогвардейский сброд, в ней нет места бандитизму, мы боремся для всемирной революции, а не для того, чтоб набивать себе карманы приятными разными вещицами. Эти люди вчера только вступили в ряды Красной армии и первым же их шагом было итти грабить. Больше опозорить Красную армию они не могли!

И как-будто стальная молния пронизала напоенный солнцем воздух:

— ...Я предлагаю им наказание: расстрел!

Толпа глухо охнула. Арестованные побледнели и затряслись. Короткий стон выделился из гула. Глухариха с мертвенно-бледным лицом и закрытыми глазами валилась на руки соседок.

Леонид обратился к своему отряду:

— Как вы, товарищи?

— Расстрел!—пронеслось по рядам, и защелками затворы винтовок.

Крестьянская толпа взволнованно гудела. Выделился голос:

— Не надо расстрела. Выпороть довольно...

— Выпороть!—подхватила толпа.

Леонид помолчал.

— Хорошо. Предлагаю пятьдесят розог.

— Много!

— Ну, двадцать пять. Больше разговаривать нечего... Товарищи, нарежьте розог!

Выступил Агапов.

— Прошу слова... Я бы предложил для светлого праздника совсем их

простить. Они это сделали по несознательности, сами теперь жалеют, а мы на них зла не имеем.

Леонид резко оборвал его:

— Приговор уже произнесен!

Красноармейцы шли от огорода с нарезанными прутьями. Парни трясущимися руками стягивали через головы рубашки.

С смутным чувством омерзения и торжества Катя то взглядывала, то отворачивалась. Белели спины, мелькали прутья, слышались мальчишеские жалобные вопли. Уляша, вытянув голову, жадно и удивленно смотрела через плечи мужиков. Нервно смеясь, Катя подошла к ней.

— Ну, что, Уляша, большевизм, это—дачи грабить?

Уляша застенчиво улыбнулась и опустила глаза. Катя, сквозь стыд, сквозь гадливую дрожь душевную, упоенно торжествовала,—торжествовала широкою радостью освобождения от душевных запретов, радостью выхода на открывающуюся дорогу. И меж бараньих шапок и черных свит она опять видела белые спины в красных полосах, и вздрагивала от отвращения, и отворачивалась.

Громко раздался в тишине голос Леонида:

— Теперь вы будете отправлены на фронт, в передовую линию, и там, в боях за рабочее дело, искупите свою вину. Я верю, что скоро мы опять сможем назвать вас нашими товарищами... А третьего мы, все равно, отыщем, и ему будет расстрел... Товарищи!—обратился он к толпе.—Мы сегодня уходим. Красня армия освободила вас от гнета ваших эксплоататоров, помещиков и хозяев. Стройте же новую трудовую жизнь, справедливую и красивую!

Потом выступил Афанасий Ханов. Он говорил путано, сбиваясь, но прекрасные черные глаза горели одушевлением, и Катя прочла в них блеск той же освобождающейся радости, которая пылала в ее душе.

— Товарищи! Вы сейчас, значит, слышали, что вам об'яснял товарищ едой. И он говорил правильно... Теперь у нас трудовая власть и, конечно. эветы трудящих... Значит, ясно, мы должны организоваться и, коечно, устроить правильно большое дело... Чтобы не было у нас богатых коплоататоров и бедных людей...

Катя шла домой коротким путем, через перевал, отделявший деревню т поселка. Открылась с перевала голубая бухта, красивые мысы выбегали алеко в море. Белые дачи как-будто замерли в ожидании надвигающегося ихря. Смущенно стояла изящная вилла Агаповых, потерявшая уверенную свою красоту. Кате вдруг вспомнилось:

Я трагедию жизни претворю в грёзо фарс...

Подведенные девичьи глаза, маленький креольчик и лиловый негр из Сан-Франциско. И грубая, мутно-бурлящая новая жизнь, чудовищною волною подлинных трагедий взмывшая над этою тихою, ароматно-гнилою заводью.

Толстый слой льда, оковывавший душу Кати, растрескался, и шел бурный ледоход, полный радостного шума и весеннего счастья самоосвобождения.

Около двух часов дня в автомобиле с красным флагом по шоссе пронеслись матросы. А в четвертом часу к Ивану Ильичу пришел худенький, впалогрудый почтальон с кумачным бантиком на груди, с огромной берданкой, и передал призав ревкома явиться к четырем часам в сельское правление.

— Зачем?

— Не знаю. Приказано собраться всем взрослым мужчинам из...—Он конфузливо улыбнулся...—из буржувазии. Кто не придет,—на расстрел.

Иван Ильич захохотал.

— Вот так, вы меня возьмете и застрелите?

Почтальон виновато улыбался.

— Значит, и пожалуйте.

Катя пошла вместе с отцом. В сельском правлении собралось много дачников. Сидели неподвижно, с широко открытыми глазами, и изредка перекидывались словами. Были тут и ласково улыбающийся Агапов, и маленький, как-будто из шаров составленный, владелец гостиницы Бубликов. В углу сидел семидесятилетний о. Воздвиженский, с темным лицом и тяжело, с хрипом, дышал. Афанасий Ханов, бледный и взволнованный, то входил в комнату, то выходил.

Иван Ильич спросил его:

— Чего это вы нас сюда согнали?

— Не знаю. Комендант Сычов приказал. Он сейчас приедет из Эски-Керыма.

Вошел артист Белозеров, с пышным красным бантом, с неподвижным и торжественным лицом. В руках у него была бумажка и карандаш. С ним вошел студент Вася Ханов, племянник Афанасия, красивый мальчик-болгарин, с черными бровями.

Белозеров сел к закапанному чернилами столу.

— Граждане! Прошу вас поочередно подходить к столу, я должен всех вас переписать.

Иван Ильич громко спросил:

— А позвольте узнать, с кем мы имеем дело?

— Член ревкома,—коротко ответил Белозеров, не глядя на Ивана Ильича.

Всех переписали.

Прошел час, другой. Комендант не приезжал. Собранные покорно ждали. Только Иван Ильич возмущенно ходил большими шагами по комнате. Когда вошел Ханов, он сердито спросил:

— Послушайте, господин, долго вы нас тут будете держать?

Ханов сконфуженно пожал плечами.

— Пойду, еще позвоню по телефону.

Позвонил в Эски-Керым. Комендант-матрос ответил:—Всем ждать! Приеду.

Солнце склонялось к горам. Местные парни с винтовками сидели у входа и курили. Никого из мужчин не выпускали. Катя вышла на крыльцо. На шоссе слабо пыхтел автомобиль, в нем сидел военный в суконном шлеме с красной звездой, бритый. Перед автомобилем, в почтительной позе стоял Белозеров. Военный говорил:

— Белозеров, артист государственных театров? Как же, как же! Я вас слышал в Петрограде... А это что там за народ?

— Буржуев собрали, по приказу товарища-коменданта.

— А-а!—зловеще протянул военный.—Ну, до свидания! Очень приятно таких людей встречать в наших рядах.

Он благосклонно протянул руку Белозерову. Автомобиль мягко сорвался и поплыл по шоссе. Белозеров пошел к крыльцу. Катя пристально смотрела на него. Белозеров поспешил согнать с лица остатки почтительно-радостной улыбки.

Еще час прошел. Звенел телефон в соседней комнате. Темнело. В правление вошли Ханов и Белозеров.

Белозеров, с серьезным и непроницаемым лицом, сказал:

— Граждане! Я должен об'явить вам печальную весть.. А впрочем,—для многих, может быть, и радостную,—поправился он.—Вы тоже имеете возможно послужить делу революции. Вы отправляетесь на фронт рыть окопы для нашей доблестной Красной армии.

Все молчали. Стало тихо. Слышно было только хрипящее дыхание о. Воздвиженского.

Иван Ильич резко и властно сказал:

— На окопные работы, по советскому декрету, отправляются мужчины олько до пятидесяти лет, здоровые. А здесь есть больные, старики.

Белозеров и Ханов недоумело переглянулись. Опять пошли к телефону. оротились. Белозеров об'явил:

— Все мужчины, без всяких исключений! Больные и старые,—все равно. се должны отправиться сегодня ночью. Предлагаю вам, граждане, к одиннадати часам ночи собраться к кофейне Аврамиди. Должны явиться все запиянные, под страхом революционной ответственности.

И он вышел. Катя налетела на Ханова.

— Как же так? Что это за распоряжение нелепое?

Ханов растерянно поежился.

— Сычов по телефону велел всех представить. Больных хоть на койках тащить. Если кого оставим, весь ревком на мушку.

— Да поймите, как же больной на койке будет рыть окопы? Вот, например, батюшка Воздвиженский. Ведь вы же сами понимаете,—нелепость!

И вдруг с холодным, усталым ужасом чей-то женский голос произнес:

— Господи! Их везут расстрелять!

Трепет пробежал по всем. Бледный Ханов вышел. Взволнованно стали расходиться.

Иван Ильич с Катей воротились домой. Был уж девятый час вечера. Анна Ивановна торопливо собирала белье и еду. Когда Иван Ильич вышел в спальню, она растерянно взглянула на Катю и сказала:

— Леонид об'явит там, что Иван Ильич бежал из России от чрезвычайки.

Катя нетерпеливо воскликнула:

— Ах, мама, ну, что вздор говоришь!

Вошел Иван Ильич, они замолчали. Катя, спеша, зашивала у коптилки продранную в локте фуфайку отца. Иван Ильич ходил по кухне, посвистывая, но в глазах его, иногда, неподвижно останавливавшихся, была упорная тайная дума. Катя всегда ждала в будущем самого лучшего, но теперь вдруг ей пришла в голову мысль: ведь правда, начнут там разбираться,—узнают и без Леонида про Ивана Ильича. У нее захолонуло в душе. Все скрывали друг от друга ужас, тайно подавливавший сердце.

Только что поужинали, опять явился почтальон с винтовкой и уж сурово сказал:

— Что ж не идете? Все уж собрались, вас ждут. Приказано вас привесть.

Катя властно ответила:

— Можете итти. Мы сейчас выходим.

Почтальон помялся, сказал: «Поскорее велели!» и ушел.

Оделись. Катя взяла саквояж. Иван Ильич остановился у двери:

— Ну, Анечка, тут простимся!

Он мягко улыбнулся беззубым ртом и раскрыл об'ятия жене. Анна Ивановна всхлипнула и припала к нему.

— Старенькая моя!—умиленно сказал он, и гладил рукою ее волосы.

Потом лицо его стало серьезным и прислушивающимся, он снял с пальца обручальное кольцо и протянул жене. Анна Ивановна отшатнулась.

— Ваня, что это ты?!. Зачем мне твое кольцо? Ведь это... Это только у покойников берут!

С тихою улыбкою Иван Ильич ответил:

— Может быть, так надо!

И они опять прильнули друг к другу.

— Ну, идем!—весело сказал Иван Ильич.

У кофейни стояло несколько мажар. Старуха-жена и дочь поддерживали под руки тяжело хрипящего о. Воздвиженского, сидевшего на ступеньке крыльца. Маленький и толстый Бубликов, с узелком в руке, блуждал глазами и откровенно дрожал. С бледною ласковостью улыбался Агапов рядом с хорошенькими своими дочерьми. Болгары сумрачно толпились вокруг и молчали. Яркие звезды сверкали в небе. Вдали своим отдельным, чуждо-ласковым шумом шумело в темноте море.

Секретарь ревкома, Вася Ханов, с заплаканными глазами, отмечал по списку отправляемых. И вдруг у всех еще крепче стала мысль, что везут на расстрел.

Густо усадили арестованных в мажары. Рядом с возницами село по милиционеру с винтовкой. Подошел подвыпивший, как всегда, столяр Капралов.

— Гм! Советская Федеративная Республика!

У крыльца была суета.

— Доктор, помогите!—позвали Ивана Ильича.

Старик-священник лежал в обмороке.

— Скорее, граждане!—торопил Афанасий Ханов.

Иван Ильич осмотрел больного, пощупал пульс и суровым, не допускающим возражений голосом громко сказал:

— Гражданин Ханов! Этого больного нужно оставить, его нельзя везти.

Афанасий Ханов озлобленно крикнул:

— Что это такое?! Прошу вас не рассуждать, товарищ доктор! Вас никто не спрашивает! Поднимите его, положите в мажару!—приказал он болгарам.

— Я вас предупреждаю, гражданин Ханов, что больной не вынесет дороги. Ответственность я возлагаю на вашу совесть!

-- Не ваше дело! Прошу не разговаривать!—взволнованно кричал Ханов.

Священника положили в подводу. Капралов смотрел, сложив руки на груди.

— Гм! Федеративная Республика!

Мажары двинулись. Женщины рыдали. Только Анна Ивановна смотрела вслед скрипевшим подводам, поджав губы, без слезинки,—она привыкла к непрерывным бедам, сыпавшимся на мужа всю его жизнь.

Болгары тихо переговаривались.

— Запьянствовал комендант в Эски-Керыме, потому сам не приехал.

— Это Васька Сыч, комендант-то! Я его сразу признал. До войны звестный вор был в порту, а теперь гляди,—комендант, на машине ездит.

Кате не позволили ехать в отцом. Она бросилась в деревню, узнала, что очью едет в город закупщик кооператива, устроилась с ним.

Выехали глухою ночью. Из моря вылез огромный, блестящий Скорпион сидел в небе, поджав хвост. На перевале подул холодный ветер. Восток обледнел. За мостом подвода обогнала ряд мажар, густо усаженных арестованными с соседних дачных поселков. Молодые люди в изящных шляпах; толстый старик-еврей с глазами на выкате и отвисшею губою; сизолицый отставной полковник. Сзади—линейка с пьяными красноармейцами. На шоссейных откосах в глубокой предрассветной дреме кивали головками красные и желтые тюльпаны. Взошло солнце. Внизу, у бухты, голубел город, окутанный дымкою, сверкали кресты церквей, серели острые стрелки минаретов.

От возвращавшихся болгар-подводчиков Катя узнала, куда отвезли аре-

стованных. По набережной тянулись дворцы миллионеров. Среди них белел огромный особняк с воздушными шпицами, похожий на дворец Гарун-аль-Рашида в сказках. Над чугунными решетчатыми воротами развевался красный флаг. Два часовых с винтовками отгоняли толпу женщин, теснившихся к решетке.

Сбоку дома солдаты выводили из подвала арестованных, кричали на них, ругали матерными словами:

— Стройся вдоль стенки! В затылок!.. Куда прешь, борода? Вот я тебе, ай не знаешь? А еще генерал!

Солдат замахнулся прикладом на худощавого, сгорбленного генерала с седой бородой.

Толстая дама в шляпке сказала упавшим голосом:

— К стенке строят, расстреливать будут!

Мастеровой в отрепанном пиджаке возразил тоном опытного человека:

— Нет, в два ряда строят. Значит, не на расстрел.

Другая дама униженно говорила часовому:

— Вы мне позвольте только пальто передать мужу. Подняли его ночью, одном пиджаке увезли,—как же он там, в окопах...

— А прикладом в спину хочешь?

Катя вскипела.

— Почему вы ей говорите «ты»? Мы вам «вы» говорим. Советская ласть это отменила, чтобы гражданам говорить «ты»! Это только в царское ремя так становые да урядники разговаривали с людьми.

Солдат с удивлением оглядел ее.

— А за решетку хочешь? Вот я тебя сейчас в подвал отправлю.

— Нет, не отправите, не имеете права.

От ее решительного тона он замолчал и отвернулся.

Нервная дама в пенснэ приставала к другому часовому:

— Но ведь мой муж—советский служащий, доктор. Вот документы. айте же мне пройти.

— Нельзя, товарищ.

— Его же расстреляют!

Часовой успокоительно сказал:

— Нет, только в окопы пошлют. Вон струмент раздают... Ничего, пу-ай поработают в окопах.

— Да ведь он больной совсем!

Мастеровой в пиджаке враждебно возразил:

— «Больной». Что ж, что больной. За вас там даже безрукие сража-гся, кровь свою проливают.

Подкатил автомобиль, развевались по ветру гвардейские желто-оранже-ıе ленточки матросских фуражек.

— Комендант!.. Сычов!

— Который?

— Вон тот, рыжий.

Дама в пенснэ кинулась к нему.

— Товарищ комендант! Мой муж арестован, а он советский служащий, вот документы.

— К чорту ступай!—Комендант отмахнулся и с другими матросами вошел в ворота.

Катя видела сквозь решетку, как его обступили арестованные. Комендант кричал, закинув голову и тряся кулаком, сыпал ругательствами. Катя, поняла, что он совершенно пьян и ничего не станет слушать.

— Гнать всех в окопы! Никаких разговоров!—крикнул матрос и по мраморным ступеням вошел в парадный под'езд.

В толпе арестованных Катя увидела высокую фигуру отца с седыми косицами, падающими на плечи. Ворота открылись, вышла первая партия, окруженная солдатами со штыками. Шел, с лопатой на плече, седобородый генерал, два священника. Агапов прошел в своем спортсменском картузике. Молодой горбоносый караим с матовым, холеным лицом, в модном костюме, нес на левом плече кирку, а в правой руке держал об'емистый чемоданчик желтой кожи. Партия повернула по набережной влево.

Подкатил к воротам другой автомобиль, вышло трое военных. В одном из них Катя узнала Леонида.

— Леонид!

Он удивился.

— Катя! Ты как здесь?

— Папу забрали, гонят на окопные работы.

— Что за нелепость! Ведь ему шестьдесят пять лет.

— И не только его. Посмотри, какие старики там, есть совсем больные... Священник Воздвиженский...

Леонид, не слушая дальше, прошел в под'езд.

Через минуту вышел красноармеец, выкликнул Ивана Ильича. Катя видела сквозь решетку, как отец спорил с ним, как тот сердился и на чем-то настаивал. Подошел другой солдат и взял Ивана Ильича за рукав. Иван Ильич выдернул руку.

— Э, чорт! Еще разговарить с тобой!

Солдат крепко схватил Ивана Ильича за руку под плечом, вывел за ворота и толкнул в спину.

— Ступай!

От толчка Иван Ильич пробежал несколько шагов поперек панели. Катя бросилась к нему.

— В чем дело?

Иван Ильич, не глядя на нее, быстро шагал вдоль набережной. Катя побежала за ним.

— В чем дело? Папа, что они с тобой?

Он остановился.

— Это что? Твои хлопоты? По протекции освободили? Через «товарища Леонида»? С какой стати мне одному уходить? Не благодарю тебя.

— Ну, папа... Погоди...

— Старик Воздвиженский умер ночью у нас в подвале.

Катя ахнула.

Загудела сзади сирена. Леонид со спутниками ехал на автомобиле. Катя остановила его.

— Леонид, одного только папу освободили. А там много еще стариков, больных. Священника Воздвиженского забрали совсем больного, он у них ночью умер в подвале.

Спутники Леонида насмешливо смотрели на Катю. Леонид нетерпеливо нахмурился.

— Освободили тебе его, чего ж еще?

— А других? А за то, что комендант этот больного священника велел забрать, умирающего, и он умер?.. Это декрет запрещает. Неужели он не ответит?

— Извини, мне некогда... Товарищ шофер, можно ехать.

Через несколько дней почти все арестованные воротились домой. Командующий фронтом отправил их обратно, заявив: «на что мне эта рухлядь?».

* * *

Уж своею Францию
Не зову в тоске.
Выхожу на станцию
В ситцевом платке.

Фонари янтарные
Режут синеву.
Поезда товарные
Тянутся в Москву.

Тяжкой вереницею,
Гружены горой —
Южною пшеницею,
Северной рудой.

А не то, синеющий
Раздвигая лес,
Ураганом веющий
Пролетит экспресс.

Сгиньте, планы дерзкие,
На закате дня!
Поезда курьерские,
Вы не для меня.

Торные, окольные
Все пути кругом.
Ездила довольно я,
Похожу пешком.

Небо изумрудово:
То луны восход.
— Гражданка откудова?—
Спросит пешеход.

Слову пешеходину
Вняв, иду опять.
Трудно, трудно родину
Потеряв, сыскать.

Вера Инбер.

* * *

Все вмещает: полосы ржаные,
Горы, воды, ветры, облака —
На земной поверхности Россия
Занимает пол-материка.

Четверть суток гонит свет вечерний
Солнце, с ней расстаться не спеша,
Замыкает в круг своих губерний
От киргизских орд до латыша.

Близкие и дальние соседи
Знали, как скрипят ее возы.
Было все: от платины до меди,
Было все: от кедра до лозы.

Долгий век и рвала и метала,
Распирала обручи границ,
Как тигрица логово,—меняла
Местоположение столиц

И мечась от Крыма до Китая
В лапищах двуглавого орла,
Желтого царева горностая
Чортовы хвосты разорвала.

И летит теперь нага под небом,
Дважды опаленная грозой,
Бедная и золотом, и хлебом,
Бедная и кедром, и лозой,

Но полна значения иного,
Претерпевши некий страшный суд.
И настанет час — Россию снова
Первою из первых нарекут.

Вера Инбер.

Революционеру.

Ворот дней и тебе стал мучительно узок, —
Вырывая из сердца огонь мятежа,
Ты сегодня матрос под фланелевой блузой,
Бесшабашный приятель расправ и ножа.

На горбах площадей лихорадкою крика
Отживающий мир исхлестав как кнутом,
Это ты подползаешь к овинам и к ригам
Трудовою отрадой полдневных утом.

А на пажитях книг не твои ли победы,
Прорастают в слова неизведанных воль!
Дай и мне прикоснуться блаженного бреда,
И нести твое алое знамя позволь.

1920 г.

---

* * *

Луну образком нательным
Навесил в тревоге вечер.
Шагает тенями ельник
По̀-полю мне навстречу.

Капелью смолы и хвои
Я соль моих слез укрыла,
Чтоб ветер их не присвоил
И с горя не обескрылил.

Мой путь порос молочаем
Седою бедой полыни.
Бреду. А за мной, качаясь,
Туман набежит, и схлынет

1920 г.

---

* * *

Не вы ли и морем, и зноем
Опять замахали мне, версты?
Вы, полдни, червонной казною
Насыпьте хоть детский наперсток.

Крупицей я буду богата
И, с каждой весенней канавой,
Мечты моей парус лохматый
В открытое море направлю.

Пусть ветер полощет и кружит
В соленой волне мою душу.
И в гибели пенистых кружев
Не вспомню ни небо, ни сушу.

1920 г.

---

* * *

Белогрудые яблони вышли
Кудри на ветер бросить с разбега.
Только ветер — в полуденном дышле
Расхромался лошадкою пегой.

Полноводная Уводь скатила
Под обрыв студенистые струи.
Да жара их по мелях хватила,
Защемила песками игру их.

Я тугие рассыпала косы,
Окрылила я легкие ноги.
Но и мне этот полдень раскосый
Утомленьем залег на дороге.

Пусть же травы покорные стелют
Мне постель у ложбинного края:
И на смѐрть забаюкают ели,
Хвойный рай на ночлег отпирая.

1920 г.

Вера Ильина.

Столяр.

Визжит пила уверенно и резко,
Пшеницей лезут-лезут завитки.
И колупает желобком стамезка
Хрипящий ствол и хрупкие суки.
Плешивый и приземистый апостол,
Согнулся над работою столяр:
Из клена и сосны почти-что создал
Для ветхого евангелья футляр.
Размашистою кистью из кастрюли,
Рука ворует тепловатый клей,
И — половинки переплет сомкнули
С колосьями не из родных полей.
Теперь впаять бы по кайме застежки,
Подернуть лаком бы, да, жалко, нет!..
В засиженные мухами окошки
Проваливается столбами свет.
Как-будто день чрез голубое сито
Просеивает легкую муку, —
И ею стол и лысина покрыты,
И на стволе она, и на суку.
Пустынножительствующая манна!
Не перхотью запорошило труд,
Но, посмотри, как тут благоуханно,
Какие злаки львиные цветут!
Смотри, серьезный день, и на колосья,
Что вырастить в поту рука могла,
Смотри и молви: «Их пучок разросся
Маслиной Ааронова жезла!».

Владимир Нарбут.

Голубые песни.

Роман.

Всеволод Иванов.

Книга вторая. **Комиссар Васька Запус.**

(Продолжение.)

I.

Идя обратно,—с озера,—у пашен, где крупное и твердое жнивье,—Запус увидал волка. Скосив на-бок голову, волк подбористой рысью пробежал совсем близко. Запус заметил — в хвосте репейники, а один бок в рыжей глине.

Запус (так: «репейники, вцепилось, круглое, пуля, убить») дернул руку к пуговице кобуры. Волк сделал высокий и большой, словно через телегу, прыжок. Запус тоже подпрыгнул, стукнул каблуками и закричал:

— Ау-ау-ау!..

И дальше, всю дорогу до сеней просфирни, Запус смеялся над растерянным волчьим хвостом:

— Как тряпица!.. Во-о-олк... Во-о-оет!.. Ко-оро-ова!.. Корова, а не волк, черти! Ха-а-а!.. Тьфу!

Напротив сеней, подле воды, в боте (долбленой лодке) сидел Коля Пимных. Голова у Пимных маленькая, как бородавка, а удилище в руке виселю, как плеть. В садке неподвижно лежали золотисто-брюхие караси, покрытые кровавыми полосами—точно исхлестанные.

Запус остановился у бота и, глядя через плечи Пимных, спросил:

— Просфирня дома?..

Голос Пимных был гулкий, но какой-то гнилой.

— Мое какое дело? Ступай, узнаешь. Это ты с матросами-то приехал? Оку-урок! Землю когда мужикам делить будешь, мне озеро в рыбалку вечную отдай.

— Рыбачишь?..

Пимных встречал Запуса каждый день. Ночами приходил к ферме, где стоял отряд. Со стога, против фермы, долго с писклывым хохотом глядел на костры. А в деревне, встречая Запуса, задавал чужие вопросы.

— Карась удочку берет, когда шипишка в цвету, знай. Карася счас ловят сетью али саком, можно ветшей. Ты не здешний?..

— Удочку зачем тебе?

— Это не удочка, а удилище. Только леска для отвода прицеплена, дескать, хожу на рыбалку. Бывает, что отнимают, скажут, буржуй.

— Отымут?.. Кто?

— Все твои, дизёнтеры. Ты им когда земли нарежешь? Пущай они осядут, не мешают. Сам-то какой губернии? Я все губернии знаю—Полтавскую, Рязанскую, Вобласть царя Донского—атамана Платова... В вашей губернии как баб боем берут...

Он вдруг широко блеснул белками глаз, пискливо засмеялся:

— В каждой губернии на бабу свой червяк, как на рыбу. — Где бьют, где щекочут.

Запус повернулся к просфирниным сеням. Пимных, густо сплевывая в воду, бормотал поверья о бабах. Руки у него липко щелкали, точно ощупывая чье-то потное тело, голос облеплен слюной. Запус обернулся: губы у Пимных были жилистые, крепкие, как молодая веревка.

— Ты, Васелий, к просфирне зачем?..

— В армии тебе надо служить, а не лодырничать.

Пимных прикрыл губы ладонью—нос у него длинный и тонкий, тонно палец. Ладонь—в тине, да и весь он из какой-то далекой и неживой тины. Гнилой гноистый голос:

— Грыжа с рожденья двадцать пять лет идет. Кабы не грыжа, гонялись бы за мной казаки, как за тобой, никаких... А я по бабам пошел, это легче.

В этих низеньких, с полом, проскобленным до-желта, комнатках, надо бы ходить медленно, чинно и глубоко кланяясь. Подоконники—сплошь горшки с цветами: герань, фуксия, малиновый кюшон. Плетеные стулья и половики-дорожки плетеные, цветного тряпья.

Просфирня—Елена Алексеевна и дочь у ней—Ира, Ирина Яковлевна. Брови у них густые, черные, поповские и голос молочный, белый. Этим молочным голосом говорила Ира в веснущатое лицо Запуса:

— С медом кушайте.

Запус весело водил ладонью по теплому блюдечку:

— Благодарствую.

Дальше Елена Алексеевна, почему-то строго глядя на дочь, спросила: «долго ли продолжится междоусобица?». Запус ответил, что долго. Елена Алексеевна хотела спросить об'яснений, а потом, будто невзначай,—про сына Марка. Но смолчала. Запус тоже молчал, хоть и лежала у него в кармане френча маленькая бумажка о Марке и о другом.

Сказал же про волка и Пимных.

— Никола-то?—жалобно протянула Елена Алексеевна,—какой он ловец, он все насчет чужого больше... Только слова он такие нашел, что прощают ему за них. Один, ведь, он...

— Какие слова?..

Тогда Елена Алексеевна достала из ящика толстую книгу рукописного дела с раскрашенными рисунками. Запус, чуть касаясь плеча Иры, наклонился над книгой:

— Апокалипсис,—сказала Ира, слабо улыбаясь,—из скитов. Двести лет назад писан. Здесь все об'яснено, даже нонешнее...

Елена Алексеевна рассказывала про узенькие рисуночки: желтые огни, похожие на пальмы; архистратигов, разрезающих дома и землю, как ножом булки. Запусу понравилось—розоватая краска рисунков похожа на кожу этих женщин. Он пощупал краску пальцем—атласистая и теплая.

Ира взглянула на его волосы, улыбнулась и быстро, так что мелькнули из-под оборки крепкие босые икры, выбежала. Просфирня утерла слезы, проговорив жалобно:

— Теперь так не умеют.

Запусу стало скучно смотреть рисунки. Он поиграл с котенком кистью скатерти, огляделся, согнал мух с меда. Торопливо пожав руку просфирне, выбежал.

Елена Алексеевна выглянула на него в окно. Плаксиво крикнула дочери в сени:

— Убирай чашки, расселась!.. Мука мне с вами—зачем его дьявол притащил к нам? Ты что ли с ним думаешь?

— Нужен он мне.

В широкой ограде фермы Павлодарской сельско-хозяйственной школы жили матросы и красногвардейцы, бежавшие от казачьих поселков. Посредине ограды, мальчишка в дабовых штанах и учительской фуражке варил в огромном котле-казане баранину.

На плоской саманной крыше, между трех пулеметов, спали в повалку красногвардейцы. Матрос Егорко Топошин сидел на краю крыши, свесив ноги,—медленно доставал из кармана штанов просо. С ладони сыпал его в дуло револьвера, а из револьвера, махнув, рассыпал просто по песку.

Мальчишка у казана радостно взвизгивал, указывая на кур:

— А-а-ах, ки-икимо-ора-а!..

Матрос взглянул на Запуса и, вытирая рукавом потные уши, протяжно сказал:

— Военное курьё будёт, пороху нажрется. Мы их вместо почтовых голубей... Отобрал?

— Нет.

Матрос протянул низко и недовольно:

— Ну-у-у?..

Хлопнул себя по ляжке и тяжело спрыгнул. Мягко треща крыльями, разбежались по двору курицы. Мальчишка, подкинув дров, подбежал к матросу и, запрокинув голову, радостно глядел ему в подбородок.

— Пошто?

— Жалко,—поднимаясь на одной ноге, сказал Запус.

Матрос укоризненно посмотрел на его ногу.

— Ну-у-у!.. Врешь, лоди. Девку что ли жалко?

— Обоих.

— И старуху? Хм, чудно. Что ж контрецюнеров жалеть. Дай-ка бумагу.

Он сунул бумагу в карманы широких выпачканных дегтем штанов и, точно нарочно ступая с тяжелым стуком, пошел к воротам.

— Ты бы дозоры об'ехал,—сказал он, не оборачиваясь.

Мальчишка с сожалением посмотрел Топошину в спину.

— Дяденька, он куды?

— По делам.

Запус схватил мальчишку за плечи и повалил. Мальчишка кувыркался, орал, кидал песок в глаза Запуса:

— Пу-усти, чорт, пу-усти, говорят. Шти сплывут.

Вырвался и бросился бежать, размахивая руками:

— Что, догнал? что, догнал? Бу-уржуй!..

И когда Запус сидел в комнате, мальчишка стукнул ложкой по казану и, сплевывая, сказал:

— Виселые, халипы..

Скинул покрышку и на радостях сунул подбежавшей собаке плававший сверху кусок сала:

— Жри.

Хлебнул ложку щей, посмотрел одним глазом в небо. Еще взял полложки, почесал пальцем за ухом и закричал:

— Вставай!.. Братва, жрать пора, э-эй!..

А в бумажке, которую в широком кармане твердо нес Топошин, написано было:

3 сентября 1917 г., Чрезвычайный Штаб Павлод. У. Совета Р., К., К., К. и К. Деп., заслушав доклад о работе в уезде погромщика и монархиста капитана Трубочева и его ближайших помощников: прап. Марка Вознесенского, Е. Коловина и пор. Степыша, как предателей рабочего народа,—постановил: имущество предателей конфисковать, а так же их семей, движимое и недвижимое.

Председатель Чрез-Штаба комиссар *Запус*.

Секретарь *А. Попушенко*.

II.

День воскрес летних жаров, хоть и сентябрь. Расцвели над базаром тугие и жаркие облака.

В Сохтуе по воскресеньям базар.

В веселых, жарких, тесовых балаганах—ситцы, малиновые пряники. Под небом, как куски воды,—посуда.

В этом году базары редкие. Народ не едет, казаков ждут, потому что на ферме—Васька Запус, парень в зеленой рубахе и с шелковым пояском, похожим на колос.

В этом году пожрет землю солнце. От осени через всю зиму пройдет и на то лето выйдет...

Так говорила просфирня Елена Алексеевна дочери Ире, а в обед того же дня можно было говорить еще. Плакать можно громче,—приехала с казачьих поселков Фиоза Семеновна.

Сидело за столом ее широкое, окрепшее на казачьих полях, тело. Из пухловатых век распрямлялись нагие и пьяные зеницы,—во все лицо.

Просфирня, вытянув руки по столу, спрашивала:

— Зачем вам приезжать, Фиёза Семеновна? В городе хоть и впрогорячь, а терпеть можно. Тут-та... Из-за Марка у меня все отчяли, последнюю животину.

— Вернет,—сказала Ира и рассмеялась—не добавила кто. Может быть—Марк, может—капитан Трубычев...

— Последнюю кожуру слупят. Разбойники, Емельяны трижды-трою проклятые...

Фиоза Семеновна выглянула в окно, через реку, на ферму. На бревнах перед фермой лежали длинные снопы конопли. Фиоза Семеновна вспомнила запахи—зыбкие, желтые почему-то: как раздавленные муравьи. Зыбко отеплели плечи.

— Там?

— Громом вот резанет их!.. Церковь в конюшню хотели обратить, а подойти не могут. Думают только, а сила не пускает на паперть. Так и уходят.

— Поселок наш выжгли, я в Талице жила.

— Казаки скоро придут?

— Не слышно. Новоселов боятся. С войны, бают, оружию везут. Меж собой подерутся, тожно [1]) казаки приедут... Новоселы и вправь пушки везут?

— Разве у них, Фиёза Семеновна, различишь? Может и пушка, а может—новая сноповязка. Я и на картинках пушек боюсь; пусть все возьмут, живым бы остаться.

— Господи, и пошто такие на нас расстани удеяны?..

По воскресеньям в Сохтуе—не базары, а митинги.

Немного спустя, по приезде Фиозы Семеновны, пришел в Сохтую с Кишемского курорта лазарет. Трое солдат ехали впереди верхами, играя на балалайках, четвертый шел с бубном. Больных везли длинные фуры новоселов, покрытые от солнца больничными халатами.

Молоденький солдатик, с головой, перевязанной бинтом, задергивая халат меж ног, подскакал верхом и, не слезая, сказал Запусу:

— Разрешите доложить, товарищ комиссар, так как мы есть на вашей

[1]) Потом.

территории... По обоюдному соглашению—решено общим собранием, врачей отпустить по домам в бессрочный, а лазарету тоже по домам, в Томскую губернию. Буде, полежали, дураков нету. Помогчи ни надо?

Топошин лениво подергал толстыми пальцами халат верхового и спросил:

— Лекарства есть?

Солдатик закричал радостно:

— Лекарства? Как же лекарствам не быть!

— Тащи. Сгодятся. Оружье есть?

— Оружье?.. Оружье, как же, для охраны-то пулемет.

— Тащи и пулемет.

Солдатик замотал руками:

— Пулемет самим нужон. Лекарства—можно.

Топошин ткнул кулаком в морду лошади:

— Тащи, пока. Осерчам мы на вас, и больных не посмотрим, так наскребем... Не крякай. Живо расформируем. Тащи.

Пулемет притащили, а в двух мешках из рогожи—лекарства. Топошин задумчиво ковырнул их ногтем ноги:

— Хрен их знат... Фельшера надо где-нибудь сцапать. Запиши, Алешка, на память насчет фельшера.

Играли, прищелкивая, балалаечники, плясали больные в пожелтевших халатах. Парни ходили с гармошкой по улицам. С заимок, к вечеру, приехали с самогоном дезертиры.

Густая и тесная жара наполнила тело Фиозы Семеновны. Пустой пригон жег щеки сухими запахами сенов. Прошла пригонами просфирня, тоскливо ощупала стойла, забормотала:

— Што—нешто добра осталось... пожрали, поди, скотину. У кого толку добьешься?.. Орут по селу, а резаться удумают—кто уймет. Этот, с фермы-то, только хохочет... Кобель!

— Где он?

— А я знаю, провалился б он младенчиком из утробы прямо в гиену... Приходил как-то, а должно, совестно стало—не показывается. Заместо чумы послан...

Она протянула, засыхая, руки.

— Сына бы, Марка, уберечь, Фиёза Семеновна. Ты боишься, что ль?

— Кого?

— Я гляжу—в пригоне сидишь. Шла бы в горницу.

— Тесно.

— И то тесно. Мужики с тесноты и пьют. От мужа давно вести имела?

— Давно.

— Вот жизнь... И откуда оно доспелось.

Когда просфирня ушла, Фиоза Семеновна поднялась было с поваленного плетня, но вновь села. Длинный теплый лист тополя принесло на колени. Лист был темно-красный, как сушеное мясо.

Тени поветей тоже были темно-красные. Улицы хрипели растяжно и пьяно.

Спать хотела Фиоза Семеновна в сенях. Просфирья разостлала чистые половики и принесла перину. Еще раз, стуча кулак о кулак, рассказала, как отняли коров и как хотят отнять дом.

— Сожгу, не дам... Возьму грех на душу...

Не спалось. Тихо оттянув теплую щеколду, Фиоза Семеновна вышла в палисадник. Маслянисто взыграла по реке рыба. Расслояли землю жирные и пахучие зеленью воды.

Держась за палисадник, вся в темной шали, Фиоза Семеновна посмотрела, через речку, на ферму. Колебались в лазоревой степи костры.

Прошли мимо парни. Один простуженным солдатским голосом сказал:

— Кабы за этова Запуса деньги дали, я б его в перву голову кончил. В Польше как я был или у немца—там обязательно—раз отступник, полиция ищет, готово... платят...

Кто-то громко, словно ломая лучину, харкнул:

— Хлюсты!.. Там люд состоятельный. Там корова ведро молока дает... Казаков слышно?..

Солдатский голос рассказывал о польских девках. Парни хлопали друг друга кулаками.

Фиоза Семеновна запомнила одно:

— Ждут казаков.

У ней—родственник Артюшка, ей надо б бояться. Скажут—шпионка... Вспомнила,—такой же клейкой болью ныло сердце, когда по Лебяжьему бил из пулеметов Запус. Скотину резало, а один казак—двоюродный братец Лифантий Пестов—полз в пыли. Скула у него была своpочена, исщеплена пулей и кровь походила на смолу.

Опять из переулка парни с гармошкой.

Заскрипели половицы крылечка. В белом вышла Ира. Окликнула:

— Фиёза Семеновна, вы где?

Ира, щелкая пальцами о пленки палисадника, пошла к реке.

Один из парней, подскочив к воротам, уперся в затвор спиной. Свистнул. Стукнула гармошка. Парни, с трех сторон, бежали к Ире.

Ира вытянула руки по бедрам, мелко затопталась.

— Ва-ам чего?..

— А ничего. Хочем поближе ознакомиться. Имнадия!..

Парень шлепнул ее по рту. Другой, простуженно кашляя, тряс головой:

— Не мни... не мни, говорю, а то на всех не хватит...

Перехватил гармошку и, чуть-чуть пиликая, торопил:

— Рот вяжи, вяжи рот... чтоб не слышно... Давай фуражку... нос-то не надо, пущай носом... Их, кабы да лопату с поленом...

— Можно и так..

Подымая пыль, парни неловко потащили Иру к речке.

Путаясь в мокрой шали, Фиоза Семеновна, оседая скользким животом,

забила локтями в ставни. Роняя горшки, в сенях пробежала просфирня. Осевшим голоском, приоткрывая двери, спросила:

— Кто-о... та-ам?..

— Насильничают... парни Иру насильничают...

Просфирня споткнулась, упала. Забыв разогнуться, скорячившись, гребя одной рукой пыль, метнулась к реке.

... Хряснуло—точно гнилой пень.

Платье Иры, с ног на голову. Так и домой...

— А—ма-а-а-манька-а!..

Просфирня еще махнула колом. Замлевшему телу Фиозы Семеновны заливным криком:

— Так... так!.. глаза выдеру... кушак давай, Фиоза... шаль давай... Ннья-а-ах... ы-ы... сю-юды...

Парень хрипло, с перерывами, заорал. Просфирня надавила ему коленом рот. Склоняясь с шалью, Фиоза Семеновна хватила носом солодковатый запах крови с едким потом. Парня стошнило, липкая слизь обрызгала ее пальцы. Она, истошно визжа, побежала от просфирни.

III.

Старуха, стряхая с подола цепляющуюся солому, искала у костров Запуса. Костры из соломы—огонь был веселый и широкий, дым над фермой белее молока.

Старуха кланялась Запусу,—платок от поклонов слезал на тонкую, как бичевка, шею:

— Корова многодойная, уносистая, я эту корову теленочком примала. Разве на мясо можна такую корову резать?.. Ты отдай мне ее, паренек, я тебе в ножки поклонюсь и в поминанье... Просфирне-то, верно, коров куда-а,—у меня коровушки-то не водится... Умилостиви сердце-то, Васелий Антоныч...

Косилась к забору, где Топошин, махая топором, кричал корове в глаза:

— В которое место бить, ты мне укажи?.. Я у ней сразу весь поповский дух вышибу!.. В которо?..

Пимных, вяло разводя руками, сказал:

— В которо?.. Я, думаю, самое лучше меж рог надо бить... А ты здоровый, все равно убьешь—крой...

Мальчишка-кашевар, верхом на заборе, бил радостно голыми пятками и хвастливо звал:

— Иди-и, у нас Власивна корову проси-и-т... орё-ёт... Сичас, братва ухрясит корову-у... Иди-и...

От реки боязливо отзывался парнишка:

— Да-а... а коли нас би-ить буду-ут?..

Запус повернул старуху и легонько толкнул ее под локоть:

— Ступай к тому матросу, он тебе сердце отдаст. Товарищ Топошин, отдайте бабке сердце...

— Сердце?.. Коровье, что ль?.. Али мое, бабка, надо?.. Лакома...

Мальчишка на заборе отчаянно закричал в темь:

— Иди-и... си-ичас будут...

Длинноногий мужик, кашляя и отплевываясь, проскакал через дым и остановился подле Запуса:

— В деревне, товарищ комиссар, убийство. Просфирня двух дизёнтеров убила, дочь, грит, хотели изнасильничать. Деревенски сбежались, кабы не усамосудили.

Подымаясь на стременах, дозорный крикнул на весь двор:

— Лошадь!..

Мальчишка пронзительно затянул:

— Лоша-адь Василю Антонычу, иеей!..

Царапнув стременем деревянную кобуру маузера, Запус подбородком уткнулся в пахнущую дымом гриву. Топошин взглянул на него, крякнул и вдруг с силою ударил обухом меж рог. Корова рухнула. Топошин отбросил топор и, вспрыгивая в седло, крикнул:

— Свяжи, а я... Сичас!..

Дальше Запус помнил: дрожащий деревянный мосток через речку; как крылом махнувший—рыхлый запах вод; сухие, наполненные гнетущим дневным жаром, ветви тополей. Три мужика с фонарем, подштанники у них спадывали, фонарь качался и нельзя было уловить который.

— Куда?.. Ступай на хфехрму!.. Мы сами...

Рукоятка маузера теплая, но вжимается в кожу, как заноза. Мужики поняли, фонарь упал, и мужик, должно-быть не раненый, весело:

— Уби-ил, куурва-а!

Топошин подхватил фонарь и весь огромный, пахнущий соломенным дымом, прыгал на лошади. Мужики, мягко топоча, бежали по улице, следом.

У крыльца просфирни горела поленница дров. Просфирня черпала воду из колодца и все никак не могла донести до поленницы. Два покрытые мешками лежали рядом, высоко задрав колени.

Хватаясь за потник Топошина, высокая грудастая женщина, бежала, слегка хромая:

— Товарищ комиссар! Товарищ комиссар!

Увидав Фиозу Семеновну, Запус подскакал к крыльцу и, хватая Иру в седло, крикнул Топошину:

— В ферму!.. в ферму!.. Судить!..

И, колотя маузером в гриву, повернул. Мужики, дыша перегаром самогона, переплетая скользкие руки, давили лошадей. Топошин поднял ступню и, брызгая слюной, погнал коня:

— А, а, ну-у!..

Улица, мокрая, бородатая, расступилась, где-то у ног, ухнула:

— Су-удить...

И рысью, тяжело давя сонную землю, пошла за конями.

А когда матросы с женщинами вскочили в ограду, цепь красногвардейцев рассыпалась у забора. За ворота выехал Топошин и сказал:

— Чрез-штаб Усовета в экстренном заседаньи постановил, товарищи, когда прибудут депутаты от волисполкома, тогда судить. Значит, завтра. Сичас спать надо, каки дела-то... А мы ни ужнали...

Мужики, напирая к воротам, размахивая кольями, загудели. Кто-то швырнул куском глины в Топошина. Старуха, просившая корову, утираясь платком, выкрикнула:

— Девку жалко?.. Богоотступники-и!..

Тогда, словно расколов колья, с шипом метнулась толпа. Топошин осадил лошадь:

— Товарищи-и!..

— Волк тебе товарищ, сволочь!..

— За девку людей бить?..

— Дава-ай сюды просфирню... мы ей кишки-то повыжмем. Давай!..

— Каки там исполкомы, давай баб! Гони!...

Красногвардейцы, вороша локтями солому, выстрелили вверх. Мужики отошли. Немного спустя на лугу загорелся стог. Мужики ходили кучками. Выли бабы.

Через луг, махая маузером, проскакал без шапки Запус. За ним восемь матросов с карабинами. Мужики кинулись в деревню.

Запус вызвал председателя исполкома лазарета. Застегивая гимнастерку, выбежал молоденький солдатик с перевязанной головой.

— У нас скоро дежурство будет,—сказал он весело.—Сейчас только спим... пристали...

Запус наклонился и, оглядываясь, сказал ему в лицо несколько слов. Мушка маузера слегка касалась щеки солдатика. Тот быстро закрестился и начал расстегивать гимнастерку:

— Счас?.. Ночью спят ведь, товарищ комиссар.

Маузер—оружие тяжелое. Запус улыбнулся и положил его на гриву лошади.

— Четыре катушки выпустим, списки на небо придется представлять. Это ближе, чем Томская губерня... я, товарищ, говорю просто: через пять минут...

Матросы и Запус поскакали к ферме. Председатель исполкома лазарета пощупал опотевшие подмышки, сплюнув, и пошел будить лазарет.

И вот через пять минут тестообразными, сонными голосами весь лазарет запел «Марсельезу». Натягивал штаны, халаты, сморкался и пел. Два солдата подыгрывали на балалайках. Дальше лазарет сел в фуры; на углу каждого переулка останавливался.

Пропев «Соловей, соловей, пташечка» и «Дуню», двигался к другому переулку.

Сначала примчались мальчишки, потом бабы. Мальчишки, подпрыгивая, подпевали, свистели. Бабы шли от фермы.

— Лечебники с ума спятили!

— Удумали!..

— Спать не дают...

Старуха Власьевна грозила кулаком, обернутым в платок, ферме:

— Долечили!..

Фиоза Семеновна, охлапывая платье, подымая к плечам налившиеся жаром руки, нашла Запуса у сарая. Он, подпрыгивая на одной ноге, с хохотом обтирал шапкой потную лошадь. Поводя тонкими ушами, лошадь весело фыркала ему в уши.

— Идем, Васинька,—сказала Фиоза Семеновна.

Запус кинул шапку, схватил Фиозу Семеновну за груди и слегка ее качнул:

— Идем.

Заднело совсем, когда встал Запус. Сухо и задорно пахло осенней землей. Лазоревый пар подымался от куч соломы.

Красногвардейцы гнали лошадей к реке. Мальченка, растирая сажу по лицу, раздувал огонь под казаном.

Топошин ковшом из ведра обливал себе широкую рыжую шею. Запус осмотрел его подбородок и сказал:

— Усы бы тебе надо...

— Усы?.. Нет, зачем же усы? Мне вот «техническая энциклопедия» нужна. Дела улятутся,—я в строители, техником пойду. Ты с инженерным делом знаком?

— Инженерное дело?.. Нет, зачем же мне инженерное дело?..

— Ладно, дразнись. Здесь вон, в какую-то деревню, летчик с фронта на побывку прилетел—это фунт!.. А то что...

А в обед, Запус шел мимо скирдов, за селом. Вздумал закурить и услышал у скирда вздохи. Он их знал хорошо, поэтому не стал закуривать, а, подмигивая сам себе, легонько шагнул вперед. Запнулся о слегу и упал, шебурша руками по сену. Из-за скирда вышла Ира. Сморщив губы, качнула плечом и, выпрямляя лицо, сказала:

— Пожалуйста...

После ее Запус увидал Пимных. Тот, протянув ему горячую руку, тягуче отделяя слюну от крепких губ, посмотрел вслед Ире:

— Конечно, дело ваше, а я бы на вашем месте, товарищ комиссар...

Запус быстро лег на сено, расстегнув грудь под солнце. Усаживая на ноготь божью коровку, длинно и радостно потянулся:

— Иди ты, Пимных, к чорту...

Тогда же, Василий Дементьев, хромой сказочник, выехал с возом навоза ко кладбищу. Скидал навоз, достал со дна телеги седло. Выпряг лошадь и, кинув телегу, верхом через степь помчался в казачьи поселки.

Через четыре дня, зажигая заревом степь, поднялась на Сохтуй казачья лава.

IV.

Поликарпыч обошел всю ограду, постоял за воротами и, щупая кривыми пальцами ноющий хребет, вернулся к мастерской. Тут в тележке под'ехал к навесу Кирилл Михеич. Сюртук у него был выпачкан алой пылью кирпичей, на сапоге прилипла желтовато-синяя глина.

— За городом дождь был, а тут, как сказать, не вижу.

— Тут нету.

Поликарпыч распустил супонь. Лошадь вдумчиво вытянула шею, спуская хомут.

— Видал, Кирилл, поселковых? Они на завод поехали, стретим, грит, его там. Я про бабу, Фиёзу, спрашивал...

— В Талице она гостила...

— И то слышал, гостила, говорят. Я про хозяйство, без бабы какое хозяйство?.. поди, так приехать должна скоро, письмо што ль ей?..

Кирилл Михеич повел щекой. Оправил на хомуте шлею и резко сказал:

— На пристань пойду, женску роту на фронт отправляют... В штанах, волосы обрили, а буфера-то что пушки.

Поликарпыч сплюнул:

— Солдаты и бритых честь-по-честью... Вояки! У нас вот в турецку войну семь лет баб не видали, а терпели. Брюхо—в коросте!..

— Воевать хочут, ни что-нибудь, яко-бы...

— Ну, воевать! Комиссар, Васелий тоже в уезде воюет. Грабители все пошли... Чай пить не будешь? Сынок!..

Поликарпыч укоризненно посмотрел на сутулую спину уходившего сына, скинул свой пиджак, вытряс его с шумом:

— Маета! Без бабы кака постель, поневоле хошь на чужих баб побежишь... Они, вишь, ко фронту за ребятишками поехали...

Он хлопнул себе по ляжке и, тряся пыльной бороденкой, рассмеялся:

— Поезжай, мне рази жалко!..

Кирилл Михеич, крепко расставляя ноги, шел мимо тесовых заборов к пристани. Раньше на заборах клеились (по углам) афишки двух кинематографов «Заря» и «Одеон», а теперь—как листья осенью всех цветов —

«Голосуйте за трудовое казачество!»

«Да здравствует Учредительное Собрание!..»

«Выбирайте социалистов-революционеров!..»

И еще—Комитет Общественной Безопасности об'являл о приезде чрезвычайного следователя по делу Запуса. Следователь, тощий паренёк с лохма-

тыми черными бровями, Новицкий, призывал Кирилла Михеича. Расспросил о Запусе и, краснея, показал записки Фиозы, найденные на пароходе.

Это было неделю назад, а сегодня поселковые рассказали, как Фиоза уехала к Запусу. Казак Флегонт Пестов, дядя убитого Лифантия, грозил кулаком в землю у ног Кирилла Михеича:

— Ты щщо думашь: за таки дела мы помилуем? Ане, думашь, как нас осилят, не вырежут?.. Она, может, списки составила?..

Кирилл Михеич считал кирпичи, отмечая их в книжку, и молчал. Казаки кирпичи везли на постройку полусожженной Запусом церкви,—Кириллу Михеичу неловко было спросить о плате. Казаки стыдились и врали про Фиозу, что, уезжая, она три дня молилась, не вставая с колен.

— Околдовал, штобы его язвило!

У пристани—крепко притянутая стальными канатами—баржа. За ней буксирный пароходик—«Алкабек». По сходням взад и вперед толпились мещане. На берегу на огромных холмах экибастукской соли прыгали, скатываясь с визгом вниз, ребятишки. Солдаты, лузгая семячки, рядами (в пять-восемь человек) ходили вверху по яру. Один босой, в расстегнутой гимнастерке, подплясывая, цеплялся за ряды и дребезжаще кричал:

— Чубы крути, счас баб выбирать будем!..

Пахло от солдат острым казарменным духом. Из-за Иртыша несло осенними камышами; вода в реке немая и ровная. На носу парохода, совсем у борта, спал матрос-киргиз, крепко зажав в руке толстый, как жердь, канат.

«Упадет»,—подумал Кирилл Михеич.

Здесь подошел Шмуро. Был он в светло-зеленом френче, усы слегка отпустил. Повыше локтя—трехцветный треугольник. Выпятив грудь, топнул ногой и, пожимая вялую ладонь Кирилла Михеича, сказал задумчиво:

— Добровольно умирать еду... Батальон смерти, в Омск. Через неделю. Только победив империалистические стремления Германии, Россия встанет на путь прогресса...

— Церкви, значит, строить не будете?..

— Вернусь, тогда построим.

Кирилл Михеич вздохнул.

— Дай Бог. На могиле-то о. Степана чудо свершилось,—сказывают, камика исцелилась. Пошла.

— Религиозные миазмы, а впрочем в Индии вон факиры на сорок дней в могиле без вреда закапываются... Восток! Капитана давно не видали?

— Артюшку?

— Уездным комиссаром назначен, из Омска. Казачий круг доверие выразил. Был у него сегодня—обрился, телеграмму читает: казаки на Сохтуй лавой...

— Куда?.. Брешут, поди. Ленивы они...

— Сохтуй, резиденция Запуса. Только разве фронтовики в казаках,—а то беспощадно... Заходите.

Шмуро быстро выпрямился и пошел к генеральше Саженовой. Обернулся, протянул палец к пуговицам френча:

— В уезде военное положение. Пароль и лозунг!.. Беспощадно...

Кирилл Михеич посмотрел на его высоко подтянутый ремень и вяло улыбнулся: Шмуро подражал Запусу.

Втягивая зад (потому что на него и о нем хохотали солдаты), прошла на баржу женская рота. Если смотреть кверху—видно Кириллу Михеичу, такие же, как и на яру, солдатские лица. Глаза, задавленные широкими щеками со скулами, похожими на яйца, лбы покрытые фуражками, степные загары. Рядом с девкой из заведенья хитрого азиата Бикмеджанова увидал Леночку Соснину, она в прошлом году окончила гимназию в Омске. Теперь у ней также приподнялись щеки, ушли под мясо глаза и тяжело, по-солдатски, мотались кисти рук.

Саженовы кинули на баржу цветы.

С тележки, часто кашляя и вытягивая челюсть, говорил прощальную речь Артюшка.

Кирилл Михеич речи его не слушал, а пошел, где нет народа. У конторы пристани, на завалинке сидели грузчики. Один из них, очищая розовато-желтую луковицу, говорил бойко:

— Приехал он на базар, тройка вся в пене. Шелкова рубаха, ливервер. Орет: «Не будь, грит, я Васька Запус, коли всех офицеров с казаками не перебью». Повернул тройку на всем маху и в степь опять..

— Вот отчайной!..

— Прямо в город!..

Извозчик, дремавший на козлах, проснулся, яростно стегнул лошадь и язвительно сказал Кириллу Михеичу:

— И для че врут, конь и тот злится... Шантрапа!.. Садитесь, довезу.

Кирилл Михеич взялся было за плетеную стенку, чтоб влезть. Грузчики вдруг захохотали. Кирилл Михеич опустил руку:

— Не надо.

Извозчик, точно поняв что, кивнул и, хлестнув крутившегося в воздухе овода жирным и толстым кнутом, опять задремал.

Расстегнув френч и свесив с дрожек кривые ноги, показался капитан Трубычев. Кирилл Михеич тоже расстегнул сюртук:

— Артюш!..

Трубычев убрал ноги и, шурша сеном, подвинулся:

— Садитесь, рядом... Домой!

Дрожки сильно трясло.

— Когда это пыль уляжет?

— Да-а...—устало сказал Артюшка.—Как хозяйство идет? Подряды имеются? Мне о церквах каких-то говорили.

— Нету нонче никаких подрядов, например, бумага одна получается. Как сказать фунтаменты провели, есть, а народ воюет. Олимпиада здорова?..

— Скоро можно строить. Казачья лава пройдет, Запуса прогонят. Следователь сказывал, письмо Фиозы нашли в пароходе.

Кирилл Михеич пошарил в кармане, точно ища письма. Вдруг взмахнул рукой и схватил Артюшку за коленку:

— Ты мне, Артюш, записку, записку такую по всему уезду... чтоб пропускали везде: дескать, Кирилл Михеич Качанов по всему уезду может, понял? Я завтра отправлюсь.

— Записка, пропуск?

— Ну, пропуск. Мне-то что, мне только ехать.

— Записка выдается людям, связанным с гражданскими или военными организациями.

— Петуха знаешь?

— Какого петуха?

— Олимпиада петуху одному горло перекусила... А мне в уезд надо ехать, церкви строить!.. Давай записку.

— Петух-то при чем?

Веки Кирилла Михеича точно покрылись слюной. На лице выступила розовато-желтая кожа. Он дергал Артюшку за острое колено, и тому казалось, у него нарастает что-то на колене...

— Какой петух?..

— Не петух, а человека губят. Же-ену!.. Пущай я по всему уезду спокойно... церкви, скажу, осматривать. Я под законный суд привезу.

— Зачем ее тебе? Таких—к Бикмеджанову ступай, десяток на выбор Кто ее потрогает?..

— Могу я осматривать свои постройки; я в губернию жаловаться поеду. Стой!

Он выпрыгнул из дрожек и, застегивая сюртук, побежал через площадь в переулок. Киргиз-кучер посмотрел на его ноги и шлепнул пренебрежительно губами:

— Азрак-азрак сдурел... Сопсем урус бегать ни умет. А-а!..

Вечером, архитектор Шмуро сидел перед Кириллом Михеичем в кабинете. Шоркая широкими ступнями по крашеному полу, он вразумительно говорил:

— Окончательно, на вашем месте я бы отказался. Я люблю говорить правду, ничего не боюсь, но головы мне своей жалко, сгодится... Хм... Так вот: я об'ясню—Трубычев вам не давал бумажку потому, что ревнует жену к Запусу, а Фиоза Семеновна при нем если,—не побежит же туда Олимпиада. Затем Олимпиада повлияла, сплетница и дура. Отпустил. Мне говорит: «Командирую с ним, не выпускайте из казачьей лавы». А что там палкой очерчено, здесь идут казаки, а здесь нет. Поедете?

— Поеду,—сказал Кирилл Михеич.

— Вам говорю: зря. Откажитесь. Я бы мог, конечно, несмотря на военную дисциплину—я защищать фронт еду, а не мужей,—мог бы отказаться... Он меня здесь очень легко со злости под пулю подведет...

Он вытер потные усы и, еще пошаркав ногами, сказал обреченным голосом:

— Поедете?..

— Поеду,—отвечал Кирилл Михеич и попросил отдать ему пропуск по уезду.

Шмуро вздохнул:

— Здесь на нас, на двоих... А впрочем, возьмите.

V.

У тесовых ворот фермы на бревне сидел толстоногий мужик. Увидав Фиозу Семеновну, он царапнул ружьем по бревну и, тускло глядя ей в груди, сказал:

— Нельзя пускать, сказано. Вишь—проволочны загражденья лупят... Камфорт, язви их!.. Ступай в поселок лучше.

Лугом, вокруг фермы, трое парней вбивали в сырую землю колья. Босой матрос обматывал колья колючей проволокой.

Фиоза Семеновна ушла.

Горьче всего—тлел на ее заветревших (от осенних водяных ветров) пальцах мягкий желтый волос Запуса. Дальше—голубовато-желтые глаза и быстрые руки над ее телом... Горьче осенних листьев...

И шла она к ферме не за милостью—городские ботинки осели в грязь,—надо ботинки; от жестких и бурых как жнивье ветров—шубу.

А по жнивью, пугая волков, одетый в крестьянский армяк и круглую татарскую шапку, скакал куда-то и не мог ускакать Васька Запус. Как татарские шапки на лугах—стога, скачут в осенних ветрах, треплют волосом и не могут ускакать. Лугами—окопы, мужичьи заставы. Из степей желтым огнем идет казачья лава.

Плакала Фиоза Семеновна.

Четвертый раз говорил ей толстоногий мужик Филька,—в ферму не велено пускать. Неделю не под'езжал к полисаднику Запус. Дни над стогами—мокрые ветряные сети, птицы летят выше туч.

Сидеть бы в городе Павлодаре, смотреть Кирилл Михеича. Печи широкие—корабли, хлеба белые; от печей и хлебов сытый пар.

Не надо!

Просфирня укоряла Иру: поселком говорят, не блюдет себя. Ира упрямо чертила подбородком. Остры девичьи груди, как подбородок. Фиоза Семеновна, проходя в горницу, подумала—«грех... надо в город» и спросила:

— Урожай какой нынче?

Просфирня скупо улыбнулась и ответила:

— Едва ли вы в город проедете... Заставы кругом, не выпустят. Пройдут казаки, тогда можно.

— Убьют!

— Ну, может и не убьют, может простят... Не пускает он вас? Другую, поди, подобрал — до баб яруч. Муж, поди, простит... Не девка... Это девке раз'езды как простить, а баба выдержит. Непременно выдержит.

Просфирня стала опять говорить дочери.

Мимо окон, наматывая на колесья теплую пахучую грязь, прошел обоз. Хлопая бичем и поддерживая сползавшие с плеч винтовки, скользнули за обозом пять мужиков.

Просфирня расставила руки, точно пряча кого под них:

— Добровольцы... Сколь их погибши. Что их манит, а? Дикой народ, бежит: с одной войны на другую, ни один гриб-то?..

Треснул перекатисто лугом пулемет. В деревне закричали пронзительно—должно быть бабы. Просфирня кинулась к чашкам, к самовару. Ира сказала лениво:

— Учатся. Казаки после завтра придут. Испу-угались.

— Ты откуда знаешь?

— Пимных, Никола, сказывал.

Фиоза Семеновна обошла горницу. В простенке, между гераней, тусклое зеркало. Взяло оно кусок груди, руку в цветной пахучей кофте, лицу же в нем показаться страшно.

— Солдатское есть?—спросила тоскливо Фиоза Семеновна.

Просфирня, охая и для чего-то придерживаясь стены, вошла в горницу. Долго смотрела на желтый крашеный пол.

— Какое солдатское?

— Белье там, сапоги, шинель. У всех теперь солдатское есть.

— Об нас спрашиваете, Фиоза Семеновна?

И, вдруг хлопнув ладонь о ладонь, просфирня быстро зашарилась по углам:

— Есть, как же солдатскому не быть?.. от сына осталось... сичас солдатского найдем... как же... Ира, ищи!..

— Ищи, сама хочешь так. Что я тебе барахлом торговать?

Выкидывая на скамейку широкие, серого сукна, штаны, просфирня хитро ухмыльнулась:

— К мужу под солдатской амуницией пробраться хочешь?

— К мужу,—вяло ответила Фиоза Семеновна:—шинель коли найдется, куплю.

— Все найдется. Ты думаешь, солдат легче пропускают?

— Легче.

— Ну, дай бог. И то, скажешь, с германского фронта ушел: нонче много идет человека, как гриба в дождь.

Штаны пришлись в пору: ноги лежали в них большими солдатскими кусками. Ворот рубахи расширили, а шинель—узка, тело из-под нее выплывало бабьим. Отпороли хлястик, затянули живот мягким ремнем—вышло.

— Хоть на германску войну итти.

Фиоза Семеновна ощупала руки и, спустив рукава шинели до ногтей, тихо сказала:

— Режь.

— Чего еще?

— Волос режь, на-голо.

И, дрогнув пальцами, взвизгнула:

— Да, ну-у!..

И, так же тонко взвигнув, вдруг заплакала Ира.

Просфирня собрала лицо в строгость, перекрестилась и, махнув ножницами, строго сказала:

— Кирилл Михеичу поклонитесь, забыл нас. Подряды, сказывают, у него об'явились огромадные. Держжись!..

Приподняв смуглую прядь волос, просфирня проворно лязгнула ножницами. Прядь, вихляясь, как перо, скользнула к подолу платья. Просфирня притопнула ее ногой.

Провожали Фиозу Семеновну до ворот. Ноги у ней в большом и теплом сапоге непривычно тлели—словно вся земля нога. От шинели пахло сухими вениками, а голова будто обожженная—и жар, и легость.

Растворяя калитку, просфирня повторила:

— Кланяйтесь Кирилл Михеичу. Вещи ваши я сохраню.

— Не надо.

В кармане шинели пальцы нащупали твердые, как гальки, хлебные крошки, сломанную спичку и стальное перышко. Фиоза Семеновна торопливо достала перышко и передала просфирне. Тогда просфирня заплакала и, поджав губы (чтобы не выпачкать слюной), стала целоваться.

А за селом, где налево от деревянного моста, дорога свертывала к городу, Фиоза Семеновна, не взглянув туда, повернула к ферме.

Толстоногий мужик все еще сидел на бревнах, только как-будто был в другой шапке.

— Сирянок нету закурить?—спросил он.

Фиоза Семеновна молча прошла мимо.

В сарае, где раньше стояли сельско-хозяйственные машины, за столом, покрытым одеялом, сидел Запус. Подтянув колено к подбородку и часто стукая ребром ладони о стол, он выкрикивал со смехом:

— Кто еще не вписался?.. Кому голов не жалко, а-а?.. Головы, все? Последний день, а то без записи умирать придется, товарищщи!..

Небритое его лицо золотилось, а голос как-будто осип. Так, когда солома летит с воза, такой шорох в голосе.

Защищая локтями грудь, Фиоза Семеновна шла чрез толпу. В новой одежде, по-новому остро входили в тело кислые мужские запахи. А может быть, это потому: казалось, схватят сейчас и стиснут груди.

С каждым шагом—резче по столу ладонь Запуса:

— Кто еще?

Увидал рядом со своей ладонью рукав шинели Фиозы Семеновны. Щелкнул пальцем—секретарю, вытянул руки, спросил торопливо:

— Еще?.. Имя как? Еще один! Товарищи!.. Тише!

— К порядку, курва!—крикнул кто-то басом.—А ишшо Учредительно, гришь, ни надо...

Фиоза Семеновна опять схватила в кармане хлебные крошки, хотела откинуть с пальцев непомерно длинный рукав шинели и заплакала.

Запус мотнул головой, колено его ударило в чернильницу, а рука щупала козырек фуражки Фиозы Семеновны. Высокий матрос — секретарь, охватив стол руками, хохотал, а мужики шли к выходу. Запус отшвырнул фуражку и сказал секретарю:

— Фуражку новую выдать и... сапоги.

Хлопнул ладонью о стол и сказал:

— В нестроевую часть назначу! Приказ есть—женщинам нельзя... а, если нам блины испечешь, а?

Еще раз оглядел Фиозу Семеновну:

— Нет, в платье лучше. Собирай, Семен, бумаги, штемпеля,—блины печь. Постриглась!

VI.

Под утро матрос, секретарь, Топошин кулаком в дверь разбудил Запуса. Сморкаясь и протирая глаза, сказал:

— Вечно выспаться не дают. Арестованных там привезли.

— Сколько?

— Двое. Из города ехали, говорят жену ищат. У кордона, на елани поймали. Оружья нет. Одного-то знаю—подрядчик, а другой, грит, архитектор. Церкви какие-то строят, ничего не поймешь. Какие теперь церкви? Насчет казачьей лавы бы их давнуть, знают куда хочешь. Возможные казачьи шпионы и вообще чикнуть их...

— Подумают, из-за жены. Допросить. В сарай. Зря нельзя.

Запус вернулся в комнату. Заголив одеяло и тонко дыша усталым телом, спала Фиоза Семеновна. Щеки у ней загорели и затвердели; крутым обвалом выходили пахучие бедра.

— Весело!—навертывая портянки, сказал Запус.

И опять, как вчера, резко стуча по столу ребром ладони, одной рукой завертывая папироску, спрашивал:

— Подрядчик Качанов? Архитектор Шмуро?

Шмуро не хотел вытягиваться, но вытянулся и по-солдатски быстро ответил:

— Так точно.

И тыкаясь в зубы отвердевшим языком, Шмуро (стараясь не употреблять иностранных слов) рассказывал о восстании в городе.

— Мобилизовали,—сказал он тихо,—я не при чем. Мне и руку прострелили, а какой я вояка?

Сюртук под мышками Кирилл Михеича лопнул, торчала грязная вата. Разряжая бородку пальцами, он отодвинул Шмуро и, устало глядя в рот Запуса, спросил:

— Жена моя у тебя? Фиёза?

Запус поднял ладонь и через нее взглянул на свет. Плыла розовая (в пальцах) кровь и большой палец пахнул женщиной. Он улыбнулся:

— А вы, Качанов, в восстаньи участвовали?

Кирилл Михеич упрямо повел головой:

— Здесь жена-то или нету?..

Шмуро тоскливо вытянулся и быстро заговорил:

— Артемий Трубычев назначен комендантом города. Организован из представителей казачьего круга Комитет Действия; про вас ходят самые противоречивые и необыкновенные слухи; мы же решили уйти в мирную жизнь, дабы...

— Нету, значит?—глядя в пол, сказал Кирилл Михеич.

Запус закурил папироску, погладил колено и указал конвойным:

— Можно увести. Казаки будут близко—расстреляем. Посадить их в сарай, к речке.

Солдат-конвойный зацепил в дверях полу шинели о гвоздь. Стукая винтовкой, с руганью отцепил сукно. Запус наблюдал его, а когда конвойный ушел, потянулся и зевнул:

— Я на сеновал, Семен, спать пойду. У меня баба там лежит, разбуди. Зовут ее Савицкая, она у нас добровольцем. Скажи — пусть оденется, возьмет винтовку и караулит.

— Мужа?

— Обоих. А этот караул ты сними.

Матрос Топошин сплюнул, вытер узкие губы и широко, точно нарочно, расставляя ноги, пошел:

— Ладно.

Обернулся, дернул по плечу рукой, точно срывая погон:

— Это для чего?

— Песенку знаешь: «милосердия двери отверзи ми»?..

— А потом?

— Маленький я в церкви прислужничал, попу кадило подавал. Вино любил пить церковное и в алтаре курил в форточку. Запомнил. Песенку.

— Ишь...

Матрос Топошин вышел в ограду, махнул пальцем верховым и, стукая пальцем в луку седла, сказал тихо:

— Туда к речке, в тополя валяйте. Как трое из сараев пойдут, бей на смерть.

Корявый мужиченко поддернул стремя и пискнул:

— Которого?

— Видать которы бегут, амбиция. Своих, что ли?

— Своих мы против.

В сарайчике на бочке сидели Шмуро и Кирилл Михеич. Скрестив ноги и часто вздрагивая ляжками, Шмуро крестился мелкими, как пуговка, крестиками. Губы у него высохли, не хватало слюны и в ушах несмолкаемо звенело:

— Господи помилу... господи помилу... господ поми...

Иногда потная рука ложилась близко от подрядчика и он отодвигался на краешек.

— Барахло-то наше поделют?—спросил Кирилл Михеич. — Все ведь теперь обще. А я белья набрал и для Фиёзы шелково платье.

Шмуро стал покачиваться всем туловищем. Бочка затрещала. Кирилл Михеич тронул его за плечо:

— Слышь, англичанка! Сломашь.

Шмуро вскочил и, вихляя коленками, отбежал в угол. Здесь рухнул на какие-то доски и заерзал:

— Госпоми... госпоми... госпо...

В сарайчике солоновато пахло рыбой. Голубоватые холодные тени, как пауки. В пиджаке было холодно. Кирилл Михеич нашел какую-то рваную кошму и накрылся.

У дверей женский сонный голос спросил:

— Не сходить?..

Другой, тверже:

— Полезут, лупи штыком в морду. Буржуи, одно! Буфера-то чисто колеса, у-ух... нарастила! Мамонька, нцю дерется!

Сбросил, потом опять надернул кошму Кирилл Михеич. Робея, ногой подтоптал под себя слизкую глину сарайчика,—подошел к двери. С ружьем, в солдатской фуражке и шинели, она, Фиоза. Отвердели степным загаром щеки и вспухли приподнятые кверху веки.

Наклонившись, щупая пальцем щель, сказал Кирилл Михеич:

— Фиёза! Жена!..

Законным, извечным испугом вздрогнула она. Так и надо. Оттого и быть радости.

— Твое здесь дело, Фиёза?

Неумело отвела ногу в желтом солдатском сапоге; повернула ружье, как поворачивала ухватом, и неожиданно жалобно сказала:

— Сиди, Кирилл Михеич... сиди... убью! Не вылазь лучше

И еще жалобнее:

— Владычица, богородица!.. Сиди лучше.

Ему ли не знать закона и богородицыных вздохов? На это есть другой, мужичий седой оклик:

— Фиёза, изобью! Отворяй, курва. Я из-за тебя всю степь до бора проехал; убьют, может, из-за тебя... Васька-то твой, может, с'ест меня, измотает живьем, а ты чем занимаешься!? Поселок Лебяжий попалили, ни скота, ни людей...

— Не лезь, Кирилл Михеич, не лезь лучше...

И, хряпая досками, предсмертно молился Шмуро:

— Господиноми... господи по... господи поми...

Потом тише, так, как говорил когда-нибудь в кровати о пермской любви, о теплых перинах, широких, как степь, хлебах, о сухой ласке, сухими мужичьими словами:

— Опять ведь все так, Фиёзушка, я тебе все прощу... никто ничего не знат, ездила в поселок и—только. Ничего не водилась, спальню окрасим... Артюшка уехал, никого, всем домом наше хождение... Комиссар-то, думашь, тобой дорожит, так, мясо, потреться и—будет. Он и караул-то этот снял, тебя поставил—бежите, дескать; куда мне вас... Фиёзушка!

Припадочным, тягучим криком надорвалась:

— Бежите-е?.. Врешь! Врешь!..

Штыком замок—на землю. Замок на земле, как тряпка. Хряснул неловко затвор. Кирилл Михеич в угол, черная смоляная дудка дрожит на сажень от груди.

— Фиёзушка-а...

Обводя тело штыком, кричала:

— Пиши... пиши сейчас... подписку пиши... развод пиши... развожусь... Ты, сволочь!

Мягко стукнул приклад в Шмуро. Архитектор вскочил, сел на бочку и, запыхаясь, спросил:

— Вам что угодно?

На него тоже дуло. Под дулом вынул Шмуро блок-нот и, наматывая рассыпающиеся буквы, написал химическим карандашом:

«Развод. Я, нижеподписавшийся, крестьянин Пермской губернии, Красноуфимского уезда, села Морева, той же волости, Кирилл Михеич Качанов»...

В это время Васька Запус брился перед обломком зеркала. Секретарь, матрос Топошин, вытянув длинные ноги, плевками сгонял мух со стены. Мухи были вялые, осенние, и секретарю было скучно.

— Параллелограм... — сказал Запус: — ромб... равенство треугольников... Все на войне вышибло. Чемоданы тяжелей ваших вятских коров, Семен?

— Тяжелей.

— Пожалуй, тяжелей. Все придется сначала учить. Паралеллограм... ромб... И насчет смерти: убивать имеем право или нет? И насчет жизни...

— Насчет жизни—ерунда.

— Пожалуй, ерунда.

Топошин пальцем оттянул задымленный табаком ус. В ноздрю понесло табаком. Матрос жирно, точно из ведра, сплюнул:

— Табаку бы где-нибудь хорошего достать.

(Продолжение следует.)

* * *

Любим на судьбу свою людскую,
Как ребята, губы надувать.
Чуть понюхаем беду какую —
Ну, на всю, на всю-то жизнь плевать.

Протранжирим денежки на водку,
Просадимся в двадцать ли одно,
Иль упустим глупую красотку —
Сердце смертной горечью полно.

И за то, что попросту гульнули,
И за то, что не очко, а два,
Отдаем простой свинцовой пуле
Жизни человеческой права.

И не чуем, что вот тут же рядом
Нам, сварливым с головы до пят,
Нашей поступи и нашим взглядам
Твари прочие от зависти кипят.

И не чуем, что, когда знакомым
Отдаем обыденный поклон —
Ветер мучается весь в изломах, чтоб изломам
Хоть бы чуть придать поклона тон.

И когда случается в дороге
Ветер нам повеет на шаги —
Чуем ли, как ветер босоногий
С жадной болью мерит сапоги?

И сварливым нам, и нам надутым
Шепчет вслед отчаяньем босым:
— Долго ль, долго ль буду не обутым
Плоть свою кромсать по мостовым?

Ну, и нас, бывает, мостовая
Утомляет... Но лишь миг — и вскок и вот, —
Не свои шаги, а вихрь трамвая,
Словно не трамвай, а тварь живая,
Нас в сварливости не утомляя,
Нас стремительно несет.

— Да, одну, одну пяту нагую
Дать бы тварям милость обувать —
Как бы стали твари ликовать!
Ну, а мы-то любим баловать,
Любим на судьбу свою людскую,
Как ребята, губы надувать.

Василий Казин.

Восход.

I

Восходит солнце золотое
В моей овинной стороне,
Восходит солнышко — другое
Горит и плещется во мне.

Под звоном звёзд, ночных фиалок,
В ржаных губах ржаных полей
Зарей веселой просияла
Улыбка родины моей!

Вся Русь в расцветном сарафане,
Простор в предутреннем огне.
Но тех цветов и вспышек рдяных
В степи — не больше, чем во мне.

II.

Я — в замыслах. Янтарны зори
В моих зрачках. И каждый куст
Огнисто зелен на просторе
Суровых дней и новых чувств.

Я понял тяжкое рожденье,
Крутенье вёсен на полях.
Зеленых глаз моих цветенье —
Последний к совершенству шаг!

Роскошно зорь многообразье!
Взметнулась жизнь мильёном крыл,
И за один весенний праздник
Тьму буден я благословил.

Не даром зрелость давит плечи,
На скулах — осени желтень.
Нам неожиданные встречи,
Готовит каждый новый день!

Приемлю. Каждый день приемлю.
На фоне туч люблю зарю.
Как мать родную, нашу землю
За каждый день благодарю!

И если завтра сгинет утро
В моих зрачках — не потужу,
Не раз в степи зеленокудрой
Я перешагивал межу!

Мне Русь вчерашняя — живая,
Как жив в истории Мамай.
Люблю себя. Я умножаю
Собой вселенский урожай!

III.

Вот: облако цветное ветер
Степной подбросил в синеву.
И я, когда душою светел,
Над Миром облаком плыву.

Вот: лес, зеленые глубины,
Тайга ветвей и ветра вой.
Весной, хотя б на миг единый,
Я — тёмной шевелюсь тайгой.

Вот: море хлещет, и тревожно
Рыбак высматривает путь.
Я знаю, и во мне возможно,
Как в этом море, утонуть.

Вот: ночь. Далёко до рассвета.
Над Волгой звёзды — как песок.
Я пал и óбразов кометы
В пространствах черепа зажёг!

Вот: колос сыплется ветрами.
Во ржи — ауканье ребят.
И я вселенскими полями
Раскинул самого себя!

Вот: молот бáхнул, рассыпая
Златые искры в небосвод.
И гулом грома наполняет
Меня Вселенная-завод.

Я в земли забредал чужие,
Но ими не пленился я.
Я сам — пространства голубые,
Я сам — чудесная земля!

Те, кто работал в отдаленьи,
Кто ныне трудится без сна, —
Все эти сóгнутые спины --
Моя вселенская спина!

IV.

Я видел: урожай столетий
В ржаных затéплился зрачках.
Себя я телеграфной сетью
Развéсил в поле на столбах.

Осенним вечером притухла
Солома кровель перед сном.
Вдруг голова моя распухла
В степи электрофонарем!

Как странно стало: любоваться —
Что за труды послал Господь?!
Иные развернулись святцы,
Иная выросла приплодь!

Мой Мир — не тени сновидений,
Он мускулист, мясист, как я.
Мне нет загадочных явлений,
Как нет туманного меня.

Мой урожай — здоров и вкусен,
Как деревенская любовь.
Горжусь ядрёной хлебной Русью —
Без ведьм, русалок, бирюков!

Сейчас пойду в хлевы и в норы
И в гнёзда птичьи загляну.
Мне люб телóк и жирный боров,
Сажóнный хлеб и сытость брюх!

Тучнеет нива. Море зёрен.
Мычат телки, поёт петух.
И падают ломтями зори
В ковши подставленные рук.

В озёрах нашего сознанья
Плодятся творчества киты.
И туго дышит мирозданье
Через мужичьи животы.

Ах, если б только было можно
(Микула на меня похож!),
Весь Мир засеял бы я рожью —
Какая выросла бы рожь!

Люблю я Солнце и туманы!
Люблю, когда весь Мир в огне.
Но тех огней и вспышек рдяных
Не больше в Мире, чем во мне!

Петр Орешин.

* * *

Всем нам, всем: цветам, деревьям, людям
Для любви раскрыться суждено.
Мы цветем, мы теплимся, мы любим
И, любя, сливаемся в одно.

Я такой же, как побеги мая,
Как подснежник, вспыхнувший у пня.
Оттого влюбленность молодая
Сладко взволновала и меня.

Вслед восставшим из земли растеньям,
Вслед зеленой ветке и лучу
Затаенным солнечным цветеньем
Я дрожать и пениться хочу.

Звезды, звезды, счастлив, кто полюбит,
Чьей душе опять дано цвести!
Лунный свет еще нежней голубит
Каждый камень на моем пути.

Небеса доступнее и ниже
И в пугливой вешней тишине
Сердце мирозданья бьется ближе —
Может быть, в тебе или во мне.

Дм. Семеновский.

Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне.

Ганс Сакс.

Перевел Борис Пастернак.

Предисловие переводчика.

Ганс Сакс, знаменитый и в свое время популярный мейстерзингер, т.-е. член художественного об'единения ремесленников, занимавшихся в свободное время поэзией и музыкой, родился в 1494 году в Нюрнберге. Одновременно отданный на 8-ом году от роду в латинскую школу и в обучение сапожнику, он по окончании обоих курсов предпринял пешеходное странствование по значительной части Германии,—воспитательная мера, предписывавшаяся всеми цехами своим подручным и подмастерьям. По возвращении в родной город он получил звание мастера сапожного цеха, каковое ремесло и почитал своим основным до сорокапятилетнего возраста, когда перевес получила поэзия, вскоре занявшая все его время. К этой поре относится и перемена, наметившаяся в стиле и в характере его поэзии. Усвоив чрезвычайно сложные и изысканные формы, завещанные мейстергезангу лирикою средневековья, Ганс Сакс много и ничуть не меньше своих современников поработал над окончательным обессмысленьем этой манеры. Реформация, одним из деятельнейших приверженцев которой явился Ганс Сакс в свое время, влила новое и необычное содержание в эти необычайно устаревшие формы. Но не этим памфлетам, направленным против папы, не сатирам и не агитационным листовкам обязан он своим именем и своим значением в потомстве. Замечательны его «Масленичники», как всего удобнее, ценой неловкого словообразования, перевести слово «Fastnachtspiel». Бытовые и дидактические эти интермедии изобилуют юмором, тонкой наблюдательностью и носят отпечаток недюжинной житейской мудрости. Усмешка присуща им в той высокой степени, в какой она почти всегда бывает единственным прибежищем большого ума, утомленного частыми социальными разочарованиями. Общий нравственный упадок, обнаружившийся в реакционное время середины XVI столетия в Германии, обрисован в них всесторонне и под самыми разнообразными видами эпически беспристрастно. Мужиков горожанин Сакс не любил за их всегда

прибедняющуюся жадность, слащаво-добросердечную жестокость, простодушно-дурашливую пронырливость и постоянное предательство,—черты, нам, конечно, знакомые. Интермедии неизменно заключаются поучением, моралью, постоянно рифмующеюся с именем автора, с «подписью руки». Там, где честный сапожник рисует чуждую ему породу симулянта-дурачка, он подчеркивает это искусственное простодушие искусственно-тупоумными приемами стихотворца (повторным задалбливанием именно неловкой, а не какой другой, рифмы до совершенной тошноты, несоблюдением последовательности в чередовании мужских и женских окончаний строки и др.). Переводчик постарался передать эти черты подлинника во всей точности. Заглавие и замечания даются в дословном переводе.

Ганс Сакс умер в 1576 году. Он оставил около двух тысяч (!) отдельных произведений. Большинство из них еще не издано и поныне и в собственноручных списках замечательного сапожника хранится в старинейших библиотеках немецких городов и княжеств, игравших роль в реформационном движении,—главным образом, в Саксонии. Лет за восемь до смерти Ганс Сакс написал свою автобиографию под названием «Summa all' meiner gedicht». Это—сухой перечень главнейших событий и существеннейших произведений.

Переводчик.

Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне.

Интермедия в 4-х лицах.

Лица интермедии.

1. Гангель Дёч
2. Штеффель Лёль — Фюнзингенские мужики.
3. Линдль Фриц
4. Уль из Фризинга, конокрад.

(Интермедия написана 27-го декабря 1553 года.)

(Входят три мужика.)

Гангель Дёч *(говорит)*. Почтеннейшие. Сельский сход
Большой нам оказал почет.
Дано нам обсудить и взвесить,
Когда злодея нам повесить,
Что всем вредил, а у меня
Угнал солового коня.
Теперь он в башню заперт, вор.
Штеффель Лёль *(говорит)*. Со мной недолог разговор:
Не ждав поимки, конокрада
Уже повесить было надо.
И не пришлось кормить бы нам.
Линдль Фриц *(говорит)*. Тьфу чорт, Штефль Лель,—ведь я и сам
За то ж. — На языке вертелось.
Ты тò сказал, что мне хотелось.
Трех геллеров не стоит вор.
Гангель Дёч. По мне, так вынесть приговор,
Чтоб в понедельник был повешен.
Штеффель Лёль. Соседушки, ваш суд поспешен:
У виселицы мой ячмень.
Коль вора вешать в этот день,

Толпой сойдутся в ячмене
И урожай потопчут мне.

Линдль Фриц *(говорит)*. По чести, правда ведь его.
Тут и мое прощай жнитво:
Ведь рядом с виселицей, слева, —
Сообразил, — мои посевы.
— Отца надельное наследье.
Как станут вверх глазеть соседи,
Потопчут. — Знаю наперед.

Гангель Дёч. Тогда один у нас исход.
Отсрочить казнь до лучших дней,
Как будет убран хлеб с полей

Штеффель Лёль. А правда ведь его, — смотри:
— Недолгий срок недельки три.

Линдль Фриц. Ну, нет. Коль жить его оставить,
Кто будет харч на вора править?
Кто — кто, а вор — ненасытим:
Ведь за неделю эту им
На десять крейцеров уперто.

Гангель Дёч. А кто неволит няньчить чорта?
Чем зря толстить его без толку,
Заложим корм повыше полкой
Пусть с тела поспадет пока:
— Поди не выдержит пенька.

Штеффель Лёль. А что, скажу, соседи, — коли
На время дать нам вору волю,
Чтоб зря не тратиться на жратву,
Но только лишь под страшной клятвой,
Что только месяц истечет—
Он к сроку вешаться придет.
Тем временем вкруг костыля
Убрать успели бы поля, —
Чистехоньки б кругом стояли.

Линдль Фриц. Умней исход найти едва ли.
Мы так и жатву сохраним,
И няньчиться не надо с ним, —
И казнь, как это все смекнешь,
Не обойдется нам ни в грош.
А, Гангель, какова затея?

Гангель Дёч. Осталось лишь спросить злодея,
Подходят ли ему условия,
А то, — не выдумать толковей.
Пускай гуляет той порой,
Покамест хлеб — поснимем свой.

Штефль Лёль, сходи за ним, а мы
Пождем обоих из тюрьмы.
Придете, — спросим самого.
Держи, как будешь весть его.

(Штеффель Лёль уходит.)

Линдль Фриц *(говорит)*. А, Гангель, что скажешь, какова
У Штеффеля Лёля голова?
Гангель Дёч. Допреж никак бы не сказал,—
А что за мудрость показал?
Линдль Фриц. Гангель Дёч, тебе пора бы знать
Что Штеффель не чета, не стать
Деревни нашей дуралеям.
Он подал мысль столярным клеем
Скреплять накаты в Храме Божьем.
Живи он в Мюнхене, положим,
Он там бы даром не пропал:
Давно б в Совете заседал.

(Штеффель Лёль приводит вора на веревке.)

Гангель Дёч *(говорит)*. Уль Фризинг, ратуша села
К такому выводу пришла:
Пустить тебя пока на волю
На месяц—до уборки поля.
Тебе ж не пропадать в пути,
Но после жатвы в срок притти
И в пору дать себя повесить.
Подумай, Уль, ты должен взвесить.
Штеффель Лёль. Уль, уговор наш будет строг.
Подумай, обернешься ль в срок?

(Мужики удаляются, вор разговаривает с собой.)

Вор. Ну и надзор! Божиться смею
Ни в жизнь не видывал глупее.
Не даром сказывали слово,
Что фюнзингенцы безголовы.
За то, что угнана скотина,
Повесили б меня чин-чином; —
Да вот, пускают, вишь, на время
Я поклянусь святыми всеми,
И то, — язык от клятв не сохнет,
И слово пуху не шелохнет,
Дам клятву, — в клятве нет труда —
Да и не покажусь сюда.

А, впрочем, ночью, что ж, — приду,
Что плохо клали, — украду,
Теперь же, по такой их дури,
Я с ними чуть побалагурю
И так глупцов их одурачу,
Что денег мне дадут в придачу.

(Мужики возвращаются.)

Гангель Дёч *(говорит)*. Ну, Уль, по совести, без лжи
Свое решенье изложи.

Конокрад. Вот, сельской ратуши мужи,
Скажу вам, милые, без лжи.
Я повинуюсь вам во всем,
И как управитесь с овсом,
Вернусь к дню казни аккурат,
В чем нынче вам поклясться рад.
Но вот, примите в рассужденье:
На чьем я буду иждивеньи?
День за день просит есть душа,
А за душою ни гроша.
Когда я снова стал бы красть,
В ином селе иная власть
Меня схватила б, уличила,
И к виселице присудила.
Уж я б не мог притти обратно
По слову клятвы аккуратно.
Про Уля стали б думать худо,
И мне один позор отсюда.
Опять же, например, начни
Я побираться эти дни,
Деревне было бы бесчестье:
Вас знает всяк, во всяком месте.

Линдль Фриц. Соседушки, прошу вас, взвесьте.
Он верно говорит, по чести.
Коль вор от нас пойдет с сумой,
Позор для общины самой.
Поддержим парня, братцы, ну ка
Ведь крейцер на душу не штука,
А нас, земельных, тридцать тут.
Коль все по крейцеру дадут,
Вот и пол-гульдена. — Покуда
Даю я эти деньги в ссуду.
Вот, братец, деньги. Получай,
И вверх два пальца подымай

В знак клятвы, что вернешься вспять
В знак клятвы, что вернешься вспять
Чрез месяц, чтобы казнь принять.

Конокрад *(подымает два пальца и говорит).*
Приду, всего дороже честь,
Но и верней порука есть.
Возьмите красный мой картуз
В залог того, что я вернусь
Днем, ночью ли, но в срок, не доле,
И дам себя повесить в поле.

Гангель Дёч. Мы вот что, Уль, предполагаем:
Как уберемся с урожаем
И ты, хитрец, да не придешь,
Тогда всей общиной за ложь
Тебе на месте том раз'езжем
Мы уши наперед отрежем,
И лишь с увечием таким
Урочной казни предадим.
Прими к вниманью эту пеню.

Конокрад. Да что вы, бросьте опасения!
Не дорог, что ли, мне картуз?
— Я раньше времени вернусь.

Гангель Дёч *(говорит).* Ну вот, мы и пришли к согласью.
Беги ж, дружок, желаем счастья,
Да только ворочайся в срок.

(Конокрад убегает.)

Линдль Фриц *(говорит).* Как уговор наш ни был строг,
А слово вора вышло строже.
Такая вещь не шутка тоже.
Ей девять крейцеров цена.
Картуз, как сельский старшина,
Себе возьму я в сохраненье.
И грех ли, если в воскресенье
Он будет раз на мне надет.
Но в будний день, даю обет,
Носить всегда свою другую.
Когда ж вернется вор, сторгую.

Гангель Дёч. Доложим миру договор,
В который с ним вступает вор.
— Придется мужикам по нраву.
Из них и самый прелукавый

Не мог бы сам, своим умом
Распутаться в узле таком.

(Мужики уходят. Вор входит, крадучись, в голубом камзоле и говорит.)

Вор. Боялись эти дуралеи,
Что я вернуться не поспею.
А у меня настолько чести,
Что сделал поворот на месте.
Еще и солнце не зашло,
Как я вернулся к ним в село.
У Линделя пропал козел,
У Штефля — голубой камзол.
До завтрашнего их скандала
Мне дела нет, — и горя мало.
Я с этим в Мюнхен побегу
И там, на рыночном торгу,
Спущу попутную добычу,
Как у меня на то обычай.
С крестьян довольно картуза —
Залог хороший, за глаза.
Крестьяне очень неопрятны,
— Не стану требовать обратно
Пусть треплют вещь и Уля ждут
До жатвы и когда сожнут.
Мой хлеб — разбойничья потеха —
К другому не причислен цеху.
Из всякой потасовки вдруг
Как из воды я выйду сух.
К тому и поговорка клонит:
Тот, говорят, в воде не тонет,
Кому на виселице быть. —
А с тем и нечего тужить.

(Конокрад уходит. Входят Линдль Фриц и Гангель Дёч.)

Линдль Фриц. Уж жатва кончена почти,
А вор не думает итти.
Коль в пору он не возвратится,
То может с шапкой распроститься.
Мы картуза не отдадим,
Кого б ни посылал за ним.
Гангель Дёч. А, вот и Штеффель. Ах, как скоро,
Приехал знать домой вечор.
Он в Мюнхен ездил, — и с путей,
Расспросим, нет ли новостей.

Линдль Фриц. Откеле, Штеффель Лёль, откель?
Не слышал там про вора, Лель?
Штеффель Лёль. А как же! — Виделись вчера.
Линдль Фриц. Что ж не позвал его? — Пора.
Вчерашний день, поди, истек
Весь льготный конокрадов срок.
Штеффель Лёль. Подумал было, — не посмел:
У вора куча всяких дел.
Гангель Дёч. Какая же такая куча?
Штеффель Лёль. — Выходит на базар толкучий
Старье и рухлядь продает
И честным промыслом живет.
Цены не ломит, — знает меру.
Я у него купил, к примеру,
Вот этот голубой камзол.
И полюбился мне козел,
— Купил бы по своей охоте,
Да только не сошлись мы в счете:
— Двенадцать крейцеров просил
А то точь-в-точь как твой трусил
И тоже не хватало рога.
Линдль Фриц. Тьфу чорт, ведь мой пропал! Ей-Богу!
Не так давно. Порукой честь!
И если смысл в стеченьи есть,
То это моего козла
Увел он в город из села
Что ж ты не сдал его властям?
Штеффель Лёль. Тогда бы вешать стали там.
Мы б головы его лишились.
Уж он из петли вряд ли б вылез.
Линдль Фриц. А ты не пособил немножко?
Я чай, устроили дележку?
Ему достался мой козел,
Тебе же — голубой камзол?
Ты тоже праведник лишь с виду.
Штеффель Лёль. Не ври! Ответишь за обиду!
— Тринадцать крейцеров отчел!
Гангель Дёч. И залит пивом же камзол!
С плеча кабатчика, похоже,
А пуху, перьев что в одеже!
Ты б малость пообмел метлой.
Штеффель Лёль. За то как раз по мне покрой.
Я буду в нем ходить почаще.

Не гоже в праздник. — Завалящий.
Для праздников есть дома свой,
Точь-в-точь как этот, голубой.
Пойти взглянуть, на много ль лучше?
— Тьфу, провались ты, что за случай!
Ведь это он. Да как знаком.
— Украден, знать, с твоим козлом.

Гангель Дёч. Взгляни-ка лучше, нет примет ли?

Штеффель Лёль. Да вот, нет пуговицы к петле.
И как же надо мной, пострел,
Он насмеяться так посмел?
— Своей одежи не признал.
Ведь знал чем взять, разбойник, — знал.
Ведь взял, дешевкой огорошив,
Взял тем, что — синь камзол и — дешев!
Ну, что ж я тратить слов не стал,
Скорее денег отсчитал
И шмыг в толпу. На этот раз он
За дело, значит, мной наказан.

Гангель Дёч. А чем ты вора наказал?

Штеффель Лёль. Он за толпой не поспевал.
Стояла целая орава —
Сдавал налево и направо.
Прохода не было меж них.
Я улучил удобный миг, —
Вот тут-то и понес он кару —
Я взял тайком перчаток пару.
Подумалось, — переплатил, —
— В приклад к камзолу прихватил.

Линдль Фриц. Выходит, вор украл у вора.

Штеффель Лёль. Да что ты! — Взял лишь для добору,
Чтоб тем камзол дешевле стал.

Линдль Фриц. Я это кражей и назвал.

Штеффель Лёль. Тогда послушай ка, мой милый,
Тебе не памятны ли вилы,
Которыми слоил навоз, —
Не у меня ль ты их унес?
И точно. Брать и отдавать,
Известно, вору не подстать.
Что это с толком говорится
Видать по Линделю по Фрицу.

Линдль Фриц. Коль, Штеффель, ты на этот счет,
Так поздно,—делу скоро год.
А станешь трогать честь мою,

Я как собаку изобью!
Молчать, охальник меднолобый!

Штеффель Лёль. Ну, что ж ты. Бить, так бить. Попробуй!
Дам сдачи, чтоб тебя чума...

Гангель Дёч (*вбегает с колодкой*). Никак совсем сошли с ума!
Чего сцепились вы, мужчины.
Как дети, сдуру, без причины?
— Платить придется костоправу,
Потом начальству штраф в управу,
Потом присудят к кандалам!
Ну, след ли драться по скулам
За слово, хоть бы и с укором?

Линдль Фриц. Зачем меня зовет он вором?
Чем звать, вперед спроси людей:
А может я тебя честней.

Гангель Дёч. Как скажешь, кто кого достойней?
Соседи, вы прямая двойня
И оба на один покрой.

Штеффель Лёль. Глядико-сь, праведник какой!
За честность, знать, у нас ославлен.

Гангель Дёч. На что намек твой, Штеффль, направлен?
Не про железную ль ты шину?
Тогда нет лаяться причины:
Не сам ли ты меня силом
Заставил заплатить за лом?
Чай были, — помнишь, — очевидцы.
— Да чтоб те шиной подавиться!
Отстань, а то отколочу!

Штеффель Лёль. Ну, что ж, я тем же отплачу.
Валяй, не очень беспокоюсь.

Линдль Фриц. Пущу-ка в ход и я свой пояс,
И грешным душам от небес
Устрою ременной навес.

(Все втроем снимают кушаки и с боем выгоняют друг друга из комнаты. Входит со своим картузом в руках конокрад и говорит.)

Конокрад. И ловки рвать же мужики
Чубы и бороды в клоки!
Давно уж наблюдаю склоку.
За городьбой, неподалеку.
Ни в жизнь не видывал разгульней!
Теперь их повели в цирюльню.
У Линдля Фрица под спиной
Рубец в три пальца шириной

Не мал и Гангля Дёча вред:
Двумя ремнями приугрет.
Два друга в губы лобызали,—
Все зубы Гангля видны стали.
У Лёля брадобрей не мог
Остановить кровопоток —
Решил заняться кровопуском.
Но лишь забила кровь огузком,
Как носом Лёля тем же часом
Два зуба вышли вместе с мясом.
Меж тем как бой у них кипел,
Я свой картуз найти успел.
— Знать Линдель в драке потерял,
Вот с полу я и подобрал.
Так я и заявился в срок
И получил назад залог.
Сдержал обет, что был им дан.
— Могу по праву у крестьян
По чести по моей, без чванства
Просить принять меня в крестьянство.
Что стойло, бают, — то и скот.
Пускай обсудит сельский сход,
Достоин жить ли с ними вместе?
По свойственному благочестью
Мне не откажут тут, сдается,
От фюнзингенцев все стается.
Еще мы пить деревней станем
За то, что ту же лямку тянем,
Что с фюнзингенской дурью впрягся
И плут в хомут, по Гансу Саксу.

Африканский брат.

(Из книги «Обыватели».)

I.

Аверьяныч, швейцар рисовальной школы, был прежде лакеем у редактора столичной газеты, чем и сейчас гордился. Доход в школе поплоше газетного, и Аверьяныч дорабатывал: договорился позировать в «натурный» класс, на сюжет «героический»—почитай как мать родила, чуть разве под шкуркой или плащем.

Прасковья Ивановна, супруга, как-то признала мужа на школьной выставке, как ахнет—и в обморок: два дня обед не варила. Ведь Прасковья Ивановна—не как прочие, пустельга да болтушка: душа ее «града взыскует». Зато путь ей к новому Ерусалиму открылся, спасенье нашла.

Аверьяныч, наущаемый сатаной, за хлыст по началу брался, — поучить, чтоб жена на свой голос не пела, в штунду не бегала, — да скоро азарт потерял...

Жена—крестом руки, глаза в потолок:

— Бей меня, бей, готовь венец ангельский.

— Тьфу, баба!

Дознался Аверьяныч, что община, куда вступила Прасковья Ивановна, оно—хоть и штунда, да будто одобрительней прочих: бывают в этой и господа. Больше того: сам квартальный надзиратель, к порядку приставленный, понадзирал сколько мог, да и накати на него благодать, вышел к кафедре проповедника, пред народом в грехах каялся. Карл Богданыч благословил его купить себе книжку святых стихов «Гусли», и стал православный квартальный значиться в новой вере.

Окончательно успокоил Аверьяныча свой барин—редактор.

— Жена у тебя, братец, неплодная, а без ребят какая же в бабе спорость. Радуйся, что спасением души занялась. А насчет правильной веры в Америке уж дознались: что ни чох, то свой бог: помрем—разберем!

Все-таки в общину Аверьяныч ни ногой; по-прежнему возжигает лампады, но гнева уж нет. Пусть себе верещит про «заграничных братьев», даже словно лестно, будто и он через жену соприкоснулся с Европами.

— Английский брат, шведский брат, а недавно совсем уж неслыханный об'явился брат: а-фри-канский.

Аверьяныч стал чаще бриться и купил себе новых галстухов. Не препятствовал и обращению квартиранта.

У конторщика Петухова в комнате две двери: одна — в коридор, другая, запертая на ключ,—в комнату Прасковьи Ивановны. Под эту-то дверь она на стул сядет и в сумерки, когда бесы вот-вот распухнут и в силу войдут, свои «Кимвалы» раскроет, и ну ограждать юного брата от козней.

Где будешь проводить вечность. —
Где готовишь себе бесконечность...

Петухов, молодой человек,—черные усики кверху; золотые свои часы давно заложил, и в своих вечерних делах сообразуется с пением Прасковьи Ивановны. Заведет она стихиру, а он сейчас к зеркалу: пробор сделает, духами опрыщется—и либо к барышням, либо в карты закатится — тех самых бесов как раз и потешит...

II.

— Господин Петухов, чайку с нами откушайте, да рассудите, уж такие-то дела.

В дверь к Петухову просунулась, как снежный ком, пушистая бакенбарда Аверьяныча, и орлиный его нос, оседланный золотыми очками.

— Прасковья Ивановна собралась, близок свет, в самое в Африку.

Петухов был в большом проигрыше, злой, без пробора, лежал на кровати. Он обрадовался кипящему самовару и вышел.

Прасковья Ивановна сняла чайник дрожащей рукой, поставила не на поднос, а на скатерть, где отпечатался мокрый кружок. Волновалась.

— Черные ходят в Африке голые, неумытые, я б их управила... своих деток нету.

— Неблагословенны размножением—и терпите,—оборвал Аверьяныч,— к тому же эти черные нагишом охотники бегать. В пустыне Сахаре, читал я,—жарища: птица страус снесется—яйцо тотчас вкрутую. А я без вас, это точно, сопьюсь, и будет ваш грех непрощенный.

— Бог с вами, Аверьяныч, куды я уеду. Только... секира у древа, близок час... Душевно умоляю, пойдите нонече в собрание, африканский брат в последнее говорит. Секира у древа...

Не лицо у Прасковьи Ивановны — боб. Волоса желтые, кукишем на макушке, носик пуговкой, красный, и слезы бегом...

И вдруг Петухов:

— Я пойду, ей богу, пойду! Пусть африканский брат про людоедов расскажет, я люблю про людоедов.

— А за мою душу Елизарыча забирайте,—сказал супруг,—вот и наплакала двух овец. Елизарыч, выходи.

Из чулана вышел, щурясь на свет, приехавший из деревни свояк.

Это был деревенский бобыль, без хозяйки совсем заплошавший мужик. Еще когда швейцар жил лакеем у редактора, он обоих сыновей Елизарыча пристроил в типографию, да парни скоро спились и куда-то сгинули.

Елизарыч поклонился Петухову, присел на край стула. Петухов взглянул и подумал, что Елизарыч под мужика только подделан, а на самом деле, это—не то профессор, не то писатель. Вот наденет пенснэ на сухой, с горбинкой, нос, близоруко выглянут из-за стекол глаза, и назовешь кто.

— Припоминаешь, Елизарыч,—величественно тянет швейцар, — ровно три года назад твоей судьбы чудесное было решение. У нас в редакции завтрак был а ля фуршет, и вслед за кофеем я тебе наказал—в дверь с ребятками, да на коленки:—Ваше превосходительство, отец родной.—Он это любил,—народный, говорил, жанр.

— Мак рожал, а урожаю не видать,—усмехнулся Елизарыч;—от этого дела мне пользы не вышло, детей растерял. Баба померла—бобыль я; от земли шурья отпятили—хоть в пролубь, хоть в петлю—один конец...

— Ври, да не завирайся,—в пролубь... эк, хватил! В «Дневник происшествия», братец, попадешь, нам, твоим родным, срам...

— Елизарыч, душевно умоляю, секира у древа, для ради спасения души...—господин Петухов!

— Сходите, Елизарыч, я не иду, африканский брат про людоедов расскажет.

— Да я в простой одеже, от сапог не продыхнуть...

А Прасковья Ивановна:

— Апостолы ходили совсем без сапог...

— Завела граммофон! Уж идите, коль порешили.

И швейцар Аверьяныч сам унес в кухню пустой самовар.

III.

Община снимала для бесед и молитвы большую залу у города. Коричневые скамьи амфитеатром взбегают доверху. Степенно уминаются по скамьям сестры и братья. Сколько их, лиц не схватить. Пиджаки, поддевки, белый платочек, как большой мотылек, на голове швейки, кухарки, поденщицы. Простой народ больше здесь собирается: кучера, дворники, мелкий приказчик. Есть и дамские шляпы, и студент, и военный... У всех в руках книжки «Кимвалы» и «Гусли».

— Сестра Прасковья Ивановна, мир вам!—подошла краснолицая, как из бани.—И меня Господь привел стадо пополнить, от госпожи одной ученой, вот-вот отмолим последнего беса... в следующий раз приведу.

— А уж я сподобилась привести!—вспыхнула гордостью Прасковья Ивановна и, широко так рукой, как наседка крылом на цыплят,—вот мои: квартирант, да свояк из деревни.

— Что же вы, братья, покаетесь?—не скрывая зависти напирала краснолицая,—венец хозяюшке, а вам, чай, пирог испечет...

Елизарыч обиделся:

— Ни я вор, ни я пьяница, чего это мне каяться? Шурья обидели, от земли отпятили...

— Гордыня!—от'ехала краснолицая,—ну, и привела козлов!

— Подумай, где проведешь вечность... — завела было Прасковья Ивановна, но Елизарыч вслед за Петуховым отошел от женщин и стал смотреть публику.

На верхней скамье, в проходе—огромный мужик, с разбойною рыжей бородой, в синей поддевке, тяжело сопя, шевелит губами, склонясь над книжкой, дрожащей в закорузлых пальцах с серебряным кольцом.

— Гу-сли,—по складам снизу прочел Елизарыч заглавные толстые буквы и облегченно вздохнул:—не одни бабы тут.

Он хотел выразить, что если уж такой здоровый мужик ходит, так значит есть из-за чего ходить! И еще раз с удовольствием подтолкнул Петухова:—не одни бабы тут!..

А Петухову из-за этих скамей амфитеатра все цирк вспоминается: лошади, рыжий, такой забавник—как влепит, бывало, негру...

— Лошадям бы тут тесновато,—прикинул он глазом,—а вот шпагоглотательница, мамзель Фифи, та на одном лишь бутылочном горлышке все нумера, как откалывает... она могла бы...

На эстраду внесли кафедру. По ступенькам выстроился хор одинаково одетых, на пробор приглаженных девиц.

— Ну, и прическа,—дернул усики Петухов,—уж точно: корова лизала.

— Это барышни, заметьте, все были падшие, а нонче они спасенные,—поймала своих грешников Прасковья Ивановна,—святые стихи поют.

— Н-ну, и не гуляют?—Петухову хотелось про барышень подробней узнать, но в глубине дверь открылась и на кафедру вошел высокий, худой человек. Волосы блестели, как под лаком, черной прядью свисали на лоб, от чего проповедник, словно коренник под дугой, то-и-дело вскидывал голову.

— Карл Богданыч...

И все на колени, к эстраде спиной, лицом к скамейке, закрылись ладонями.

Петухов, Елизарыч, еще немногие остались сидеть, как сидели.

— Чего они раком-то стали? Молятся, что ли?—и досадовал опять Елизарыч на то, что пошел.

Проповедник, как все, закрыл лицо руками, потом дыбнул головой и стал говорить. Он раз'яснял стих из библии, и приседал, и подпрыгивал, и выбегал перед кафедру, пояснял простыми примерами из жизни, и вдруг, набрав воздуха, с особым распевом, как колокол, бьющим в ухо, выкрикивал:

— Кто хочет в хорошую вечность? Кто есть призван Господом?

— Ишь ты, шустрый, и не постоит,—и порицает, и дивуется Елизарыч. От разбитного, будто военного напева «Гуслей» ему вдруг бодро, так вот и пошел бы, куда глаза глядят, без грустной думки.

А проповедник уже о страшном суде, о пришествии скором. Главное: торопит, вздохнуть не дает—спасай себя от жены, сегодня же, нет, сию минуту!

— Спасение поселилось в здешней общине, где сатана не имеет уже ни

одной тронной залы, и можно даже выразиться, он ущемлен верующими за самый свой хвост.

Басовитый, огромный брат регент взмахнул палочкой и спел с хором бывших павших барышень аллилую.

После аллилуи Карл Богданыч воздел кверху руки, отчего манжеты, не пристегнутые к рукавам, с'ехали на самые кисти и между их каменной белизной и черным сюртуком зажелтела волосатая кожа. Потом Карл Богданыч помолчал и вдруг очень весело рассказал про Гоголевского ревизора.

Смеялись женщины в платочках, извозчики и приказчики. У Елизарыча прыгала бородка.

— Ишь ты, ловко поддел публику,—отозвался он по адресу Хлестакова.

И как посмеялся он со всеми вместе, все будто стали ему не чужие. Роднят людей слезы, роднит и смех. А Карл-то Богданыч, экий непоседа, опять руки над головой, глаза куда-то бегут по скамьям снизу доверху, к себе людей тянут. И очень медленно, разделяя слова, отчего каждое приобретает особую важность, он говорит:

— Одной секунды, брат и сестра, довольно для твоей вечной гибели и той же самой секунды, как разбойнику на кресте, довольно для моего и твоего вечного блаженства. Итак, последний раз: кто идет? Кто слышит Божий зов? Кто, кто!

В слезах сестры и братья. Не выдержав напора, раскрывается простая душа.

— Кто позван, кто?

Встала одна, пошатываясь, идет к кафедре. Вихрь по скамьям:—сатана отпустил.

— Я—великая грешница, я блудница, я пьяница —торжественно говорит женщина.

А Карл Богданыч с одобрением:—Магдалина была тоже блудница, сестра моя!—И слегка охрипшим от выкрика голосом, вскидывая черную прядь:— Помолимся за одну эту блудницу и пьяницу.

Встают, как дети, как дети молятся.

Бежит по скамьям горячая искра, друг от друга зажигаются люди, отмягчаются одинокие души.—Кайся в миру, мир поддержит—все братья, сестры, одна семья—дети Божьи. Горе, скорбь у каждого, чужое возьмешь—свое полегчает.

И вздохи и шопоты и все новые идут к кафедре, как к причастию, и непременно торжественным голосом благолепно, как бы утверждая себя в почетном чине, говорят про пьянство, про блуд, про драку и сквернословие.

Иные, стыдясь речи, кладут белый листок проповеднику и, повернувшись к народу, скрестив руки, стоят, как бы скованные внутренним жаром, пока близорукий Карл Богданыч, свесившись своим черным чубом над бумажкой, так чудно, не по-русски, выговаривает:

— Молитесь за слабого Адриана, он есть дебошир и ленивец.

И встают и молятся.

— Скажи, пожалуй, признался!—не перестает дивиться Елизарыч.

Ему трогательно жалко грешных братьев, жалко себя. Рассказать бы о своем бобыльстве, о шурьях обидчиках, чтобы узнали его тут, словно бы на руки подхватили, дали бы силу дожить. Как скажешь-то? Язык суконный.

А ломовика-то ведь разобрало: сам в два обхвата, разбойная борода, а слезу так и сыплет.

— Должно бабу свою уходил, ишь кулаки...—со знанием дела шепнул Елизарыч Петухову.

А Петухов-то уж со всеми садится, со всеми встает.

Вот, бывшие падшие девицы вынесли из глубины большие какие-то карты, развесили их на мольберты, брат проповедник сошел с кафедры, а на его место вспрыгнул очень легкий небольшой человек.

— Африканский брат!—зашептали ряды, а он положил перед собой на кафедру какой-то белый узелок и взял из рук одной девицы длинную палку.

IV.

Африканский брат, доктор культуртрегер, говорил о громадном озере, где желтая лихорадка убивает приезжих людей, где черные, как деготь, туземцы, недавние людоеды, вместо Бога, поклоняются змеям.

— Одной гремучей змее,—как из пращи мечет тяжкий брат переводчик, возникший рядом с африканским на кафедре. Легкий африканский брат закрутился со своей длинной палкой направо, налево, гораздо лучше сам поясняя слова ужимкой, движением, всем быстрым лицом.

Он любит своих дикарей, и во что бы то ни стало ему надо к ним вернуться со свежими силами.

— О, пожалейте, братья и сестры, этих наших черных братьев,—вопит переводчик, держа руки по швам.—Черные братья, даже совсем раздетые, не знают наших «Кимвалов» и «Гуслей»...

Африканский брат длинной палкой указывает на картину, где на кубовом небе и сплошной охре пустынь десяток каких-то черных, с кольцами в носу, исполняют дикий танец перед толстой змеей, глуповато свесившейся с дерева.

— О, пожалейте черных братьев! Они умирают без веры и надежды,— и, помолчав, переводчик прибавил:—и без наших медикаментов. Тот, кто поедет к ним в Африку, будет вдруг ихний ангел-хранитель. Всякий белый человек, не имеющий даже образовательный ценз, будет там очень нужный, он будет там—и, вобрав в себя воздух, впервые подняв веки над водянистыми большими глазами, переводчик возвел к небу руки и, благоговея перед значительностью своих слов, сказал: — Каждый белый человек будет в Африке герр профессор.

Где была Африка, знали не все, но все, детски веруя, вдруг поняли, что именно там, в этой Африке, будет особенная, значительная жизнь, а они

такие здесь бедные, серые люди—там, у черных будут первыми, нужными людьми.

Африканский брат развязал свой узелок, по одному показывал убогие талисманы, которые дикие вынули из носов, из ушей, в знак своей скорби от разлуки с ним, и отдали с плачем ему на хранение.

Вставали со скамей, усмехались, трогали пальцами, и вот уж особенно, будто кровью роднились через синие бусы, через эти ракушки и рыбьи кости с черными братьями.

— Это вынуто из одного носа!

— Этот камень распирал оконечность одного уха...

И как дятел долбит переводчик:

— Вы будете там герр профессор!

И вдруг культуртрегер сбежал по ступенькам с эстрады в залу собрания и стал показывать притчу о добром самарянине. Маленькой рукой махнул переводчик, перевод уже был ни к чему. Не понятны слова, но для всех понятна на лице переводчика и горькая мука раненого, и черствость мимоидущего. И каждый вспоминал:—это он сам прошел мимо, ведь это он мне помог.

— Степку-то, Степку-то бросила, окаянная!—всхлипывает та, что каялась, а за ней все в слезах, все не отрываясь от африканского брата, как оркестр от палочки капельмейстера, заражаются тем самым чувством, которого он хочет от них.

Вот нежданная, всегда трогающая готовность врага, и опять тот же голос, той же женщины:

— Степку-то, Степку кормить надо бы...

— Что это он, словно актер, так не полагается,—защищается от культуртрегера Петухов, и защититься не может. Самому словно жалко чего, а от жалости легкость какая! И вспомнилось: идет это он из деревни с покойной матушкой-богомолицей, в Ильин день, в большой город к храму. Вспыхнут из-за пригорка золотые макушки, развяжет матушка узелок, тут же на траве приюденутся. И в красной кумачевой рубашке так весело, подхватишь себя под коленки, вот-вот взлетишь... Сейчас будто и не похоже, а ведь вот—летать захотелось.

— Братья, сестры!—завопил было переводчик и запнулся. Африканский брат, легкий, весь свинченный, словно велосипед, такой ладный, схватил обеими руками грузную руку переводчика, гвоздил водяные глаза его умными быстрыми глазами, шептал что-то, словно заряжал своей прытью.

Бросил руку, схватил рыбьи кости, на шею накинул бусы, понесся по рядам.

А брат переводчик, как хворост от огня, хватив жару от доктора, вдруг и голос нашел:

— Много ль вас, кто здесь делает дело, о котором может сказать: это важное дело, братья и сестры! А там, в Африке, каждая протянувшаяся твоя

рука утрет слезу и научит, и спасет одну душу! И это наверно, и это там в А-фри-ке!

Доктор культуртрегер, обвешенный бусами черных, с рыбьей костью в руке, горя одним: к своим дикарям, которых любил, привести свежую помощь,—обежал все ряды, всем шептал, всех прожег зорким глазом.

Потом он сказал, ни на кого не глядя, совсем просто, как говорят только самые близкие:

— Кто со мной хочет в Африку?

Переводчик махнул. Все поняли. Стало очень тихо.

И вот, как столб, во весь рост, тяжкий возник извозчик с разбойною бородой и, скрипя сапогами, подошел к кафедре и хрипло сказал, кивнув толстым пальцем брату переводчику:

— Вписывай, значит: ломовой, Терентьев Федор!

Из хора вышли две девицы, еще часовых дел мастер и еще... Всех записывали, всем африканский брат тряс руку, всем пели почетный стих из «Гуслей».

— Кабы мне, да свободушка,—причитала Прасковья Ивановна,—сиделкой бы я к черным братьям, или чем ни на есть.

— Русские—да в Африку! Вот вздор, вот идиотство,—и сердился Петухов, и так ему странно, вот напиться бы до отказа или штуку выкинуть.

А Прасковья Ивановна уж с плачем:

— Здесь, что ни сделаешь, ведь все—не наверное для души, а там-то, слыхали?..

— Там—самостоятельно,—подтвердил Елизарыч,—там дорог человек, как мать родила. Там человеку лестно, а земли в этой Африке—материк!

Елизарыч задергал бороденкой, морщинки, как солнечный зайчик, то лучились, то пропадали вокруг глаз.

— Прасковья Ивановна, что же это, ей-Богу, уеду в эту самую... ни кола у меня, ни двора, а там, черному-то я—ровно царь.

Африканских миссионеров поздравляли. Брат регент махал палочкой, зала пела, пела из «Кимвалов» и «Гуслей» в их честь. Потом брат переводчик от имени доктора культуртрегера стал предупреждать записавшихся об опасностях, им грозивших:

— Желтая лихорадка, гремучие змеи,—заламывал белые пальцы с лопатообразными ногтями.

— На все на это воля Божья,—густо оборвал извозчик, за ним и все:—воля Божья.

У Елизарыча вокруг глаз залучились морщинки.

— Господин Петухов, Прасковья Ивановна, ей-Богу, уеду я в эту самую... ни кола у меня, ни двора, а там черному я, выходит,—царь...

И Елизарыч, проходя с Прасковьей Ивановной к выходу мимо кафедры проповедника, остановился, дернул, как козел, бороденкой и вдруг, тыча в грудь переводчика, зачастил:

— Крестьянин Сержейской волости, деревни Приснухиной, Елизаров Иван — значит в Африку.

Петухов вспыхнул. В один коротенький миг, пронеслось в его голове, что свою Диночку уже давно он не любит, что вся жизнь его—просто зря, а в самом-то в нем примечательного—разве, что усики.

— Ну, и чорт возьми, когда так!

— Пишите в Африку,—сказал Петухов переводчику, еще не поднявшему головы от листа, куда, перевирая, заносил трудный текст Елизарыча.— Шрейбен зи ейн—и добавил:—Петухов—интеллигент.

Ольга Форш.

Глаза свободы.

1.

Еще смердел приказ вонючий
Превосходительных голов,
Когда — окраин встали тучи
И гул ближавших голосов.

И рев — перекатился в город,
А в пулеметах каланча
Кричала: «Наступает ворог!»—
Огнями выпалов треща.

Она вертелась, как гитана,
Под кастаньетный выпад пуль,
Визжала: «Вот за раной рана —
До сердца твоего дойду ль!»

А пики паникой клонились
К зубам храпящих лошадей,—
Но тут: холодный призрак вылез
И стал, протянут, меж людей.

Его зевок, спокойно-горек,
Страшней орудия рычал,
И сжавший толпы ряд построек,
Покрывшись потом, задрожал.

2.

Громадная женщина, колосс веселый,
В небо уперла фригийский колпак:
На город верхом — ветром скакала,
С толпой неистовой в гонгный такт.

Где землю тронули белые ноги,
Кровавые тряпочки с гиканьем взвились,
Где разомкнулись ее об'ятья,—
Пулеметы, как люди, падали вниз.

Где ее взор, равнодушно-веселый
Крикнул в толпу: «Товарищи, сюда!..»
Там — как хлопушка, пылает зданье
И мигом сгорает до тла.

Глаза и груди ее весельем горели,
Кричали в хохоте, радовались до слез:—
Вот счастливое Свободы белое тело,
Вот — ее исполинский заздравный тост!

3.

Улицы вскрывается вспученное чрево,
Проклятия режут сотню ее ртов,—
И на серых коронах
Высоко парящих водосточных труб
Бешеный возглас виснет,
Как то,
Что сейчас обратится в труп.

В этой оратории суверенного гула,
В штурме Бастилии-тишины,—
Солнце тянет до-желта
Развернутые губы...
И — слышите ль вы? —

(Браунинг говорит):

Как рабочего-бельгийца
Льеж обугленный дымил,
Я в руках его суровых,
Как в преддверье мира жил.
Там, где в окна Фландрских готик
Воет бор фабричных труб,
Видел я, станком захвачен,
Горький ропот мертвых губ,
А — смотрите! хитрый, ловкий
Нынче визг мой — режет стон:
Бледных пуль горят обновки,
Золотой летит патрон.

(Грузовик говорит):

Мостовая дрожит, как сердце милой,
Эта улица любит и нежит меня,—
Грохоча цепями и силой колес моих,
Я лаю и рвусь:
— Гав-рав—гав-га!—
Я сейчас раздавлю врага!

(Красные флаги шумят):

Мы — обращаем в кровь веселье,
Черный мрак режем — в кровь, в кровь!
Бросайтесь туда и сюда, за ветром,
Бродяга знает, где мир живет.
Мы рознью дразним над черной грязью—
Мы вязнем, лязгнем в визга руках,
Вот еще взовьемся, бросимся — выше,
Вот — ниже летит пылающий лик,
Мы — рева роза, быка раздразним,
И он подохнет, он лопнет — вот! —
Смотрите, братья, он истекает тем же:
Красной краской победных, алчных свобод.

(Броневик открывает рот):

На площадь — из-за поворота,
Как серых молний жаркий шар,
Я выбегаю в крики «кто там!» —
Безумен, голоден и яр.
Из рук моих пуль ливень щедрый,
Все — вопль и бегство предо мной,
Смешаю с камнем ваши недра
Моей победною пятой.
Бока и грудь мои — велики,
И плавен поступи порыв,
Глушит мольбы, проклятья, крики
Мой тоненький речитатив.
Вы — пьете ль радость, слезы льете ль,
Всех брошу в паники пожар:
И вот — исчезну в повороте,
Как жарких молний серый шар.

(Горящее здание поднимает руки):

Мои стропила!..
О, я уже в воздухе,
Кто сковал в ненависть эту толпу, —
Огонь, скорее облизывай бок мой,
Дерево мое, трещи скорей, скорей!
Рухните, стены, я больше быть не могу,
Не могу спокойно курить трубу,
Я улетаю, уничтожаюсь вовсе —
Вместе с сизым трупом,
Который корчится наверху.

— Так эти голоса влезают в уши,
Они бросаются на всех: туда и сюда,
За ними молва: бежит и дышит,
И слухи мечутся сюда и туда.

4.

А из Ее рук белых, из громады нежной,
Выбежал стремглав хаки-зеленый авто —
Брюхо набив солдатами,
Мчался в уличное — вперед!

Коричневый наган в руке замершей
Не вздрагивал, нет, а как палец, да:
Зарубал улице на носу: — вот я!
Радуйся, ори ура! —

И урала волной затолпленная улица,
Раздымаясь во всю ширину грудей,
У нее оказался дивный тенор,
Нежнее роз, соловьев звончей.

Под этот марсельцев напев—взмыло,
Под этот напев баснословных лет:
Веселье свободной глотки плыло,
Горевшее страшнее, чем свет.

5

Я видел тебя — в лесу и в книге,
В перестуке дятла, в словах стихов;
Ты обнимаешь теперь, как ветер,
И лицо твое слаще гармонии слов.

Заря живая — колпак твой красный,
Руки и сердце к нему — до слез,
Чтобы все, что мы делали — за тобою
Как вихорь теперь унеслось.

Как милая мать — через слезы и страхи
Ты улыбнулась нам в нашу мглу —
Разве забыть, как был нам сладок
Твой веселый, твой первый поцелуй.

Сергей Бобров.

Бес.

Рассказ.

Ух, и ночь же была, черная мжистая—не дай Бог никому выйти из дому в такую ночь! В елках, тесно растущих вдоль насыпи, хрипло дышал ветер, как чудовище, простудившее свою зычную глотку; раз, другой моргнул зеленый глаз семафора и—закрылся. Тучи ледяных игл ослепили, заморозили его—и пошел свистеть по скрученному холодом полю зимний бес, притоптывая копытами на ледяной хрусткой коре, хвостом сметая с сугробов снежную порошу. У-у-у! — кричала тьма, выдрабливая деснами, и под елками визжа крутился жесткий снег, выговаривая как замерзший человек: бу-бу-бу.

Поезд стоял на запасном, длинный, похожий на черную кишку; два передних классных вагона несмело светились, и далеко убегали в темь темные теплушки, пропадая за семафором; их было двадцать девять теплушек без печей, набитых замерзающими солдатами, тесно сжавшимися, чтобы согреть друг друга, но синие тела были как ледяшки, и не грел мертвый дух сапожищ и портянок, топором стоявший в вагонах. Вылезать было не приказано. Только два унтера, с заиндевелыми усами, похожие на моржей, прыгали на платформе, расходились, подскакивали друг к другу и пихали по очереди кулаками себе в животы. Ветер раскачивал станционный колокол, дзенькавший о столб, светлые ромбы, отброшенные окнами, мертво и узорно лежали на снегу палисадника. Надо было ехать, а ехать не решались: в открытом поле бушующий буран мог бросить на буфера зимнего беса,—а тот не шутит, разорвет цепи, скинет вагоны под откос.

Его превосходительство сидел в конторе, возле телеграфиста, тяжело дышал и выпуклыми, как стеклянные бусины, глазами, тускло зеленевшими на его кирпичного цвета лице, глядел на белую ленту, топорщившуюся упруго меж корявых, обмерзших пальцев телеграфиста. Трак-так—покашливал аппарат; лампа-молния, пузатая, без абажура сипела, как муха, пойманная в горсть, стреляя концами широкого пламени. Его превосходительство был дороден, пухл, со сдобной грудью, брюзгливое лицо его выражало беспокойство. Трак-так,—кашлял аппарат.

Его превосходительство рявкнул простуженным басом:

— Ну?

— Кра-сны-е по-сты,—выводил телеграфист, ерзая под столом коленями,—по-сты... за-ня-ли... Е-ро-фе-ев-ку. Ерофеевку,—сказал он быстро, оторвав глаза от ленты, и искоса поглядел на генерала.

— Чорт!—сказал генерал.

Он прошелся, нося за собой запах мороза, прилипший к его башлыку и к золотившимся погонам, плохо сидящим поверх тулупа. С минуту он глядел на таблицу товарного тарифа, пришпиленную к стене; почитал, сколько взимается с пуда применительно к верстам, закинул руки за спину и сделал губами: гум-гум-гум.

— Дальше!—рявкнул он с кашлем.

— Е-ро-фе-ев-ку,—тенором пел телеграфист.

— Бро-не-по-ез-да про-тив-ни-ка прошли блок.

И, как давеча, он повторил скороговоркой:

— Блок.

Испитое, засушенное лицо его вдруг показалось его превосходительству омерзительным. «Г-гадина»,—подумал он с бешенством.

— Ну? Какой блок?

— На тринадцатой версте.

— Собака!

— Так это же на соседнем перегоне, да я не собака,—сказал телеграфист, ощерив зубы, как собака.

— Дежурный!—закричал генерал.

Дежурный на деревянном диване, как всегда незаметный, сонный и растяпый, обоими глазами сразу старался увидеть кончик своего носа. При окрике его превосходительства он вздрогнул, приподнялся и наклонил голову на-бок, чтобы слушать.

— Надо ехать, этак не успеешь помянуть мать родную, как он тебя саданет в задницу. Ехать? Я говорю—ехать! Смеяться нечего... Не сметь смеяться, чортов сын. Обрадовались, лешие!

— Ехать невозможно,—вяло промямлил и перекачнул голову с правого ...еча на левое.—Ветер такой... страсть. На третьей версте уклон и насыпь ... полем в осьмнадцать метров. Мыслимое ли дело, нацепили состав в три...ть два вагона. Разорвет.

— А... разорвет!

Шумно дыша, генерал мотнулся к тарифной таблице, потом к столу, по...ел носом и тотчас же вышел на платформу. Два унтера мяли друг друга, ...дясь, и один, приседая, норовил ухватить другого под микитки. В ярости ...тер визжал над полустанком, кидая сверху мелкий снег, твердый, как битое стекло. Генерал, спотыкаясь о рельсы, пряча мясистый подбородок в хвосты башлыка, перешел путь и проворно, не хватаясь за поручни, влез в вагон. В коридорчике, освещенном жалобным огарком, стояли притихшие офицеры и курили папиросы, сплевывая на пол.

— Спокойствие, спокойствие,—говорил генерал, пролезая меж ними и шевеля погонами. Остановясь на середине вагона, он дернул за ручку; дверь,

затремев, растворилась и генерал вошел в купе. На столике у окна, горе свечка, ветер, дующий из-под рамы, трепал коптящий язык пламени; на по под столиком, сипела самогрейка, воняя спиртом и наполняя купе душнс размягчающей теплотой. На диванчике, меж глоб-троттером и японской п тенкой, в расстегнутой бархатной шубке на лисице сидела маленькая же щина. На бледных щечках ее играл румянец, большие птичьи глаза и остр нос с тонкой горбинкой делали ее похожей на совенка. Генерал взял сво огромной обмерзшей рукой ее теплую ручку, с минуту поглядел на точен пальцы в перстнях, на синенькие жилки и поцеловал выше кисти, впитывая усы запах шипра и женской волнующей кожи.

— Почему мы стоим?—спросила она, мерцая глубокими глазами.

— Я в затруднении, Полет, и, видит Бог, мне неведомо, что приказ вать. С одной стороны, красные уже заняли соседнюю станцию, с другой ст роны, такой дудит буранище, что мы не можем двинуть состава. У нас составе тридцать один вагон, не считая локомотива и все битком, платфор с двумя орудиями и обоз. Нас сковырнет на третьей версте, как камеше Если бы вы знали, Полет, как мое сердце скорбит за вас.

— Но ведь это так просто,—сказала Полет полусердито, полувесело,- сердито потому, что он глуп, и весело—потому, что недогадлив,—нужно отц пить все вагоны, кроме штабного, и ехать, немедленно ехать.

Генерал насупился.

— Как отцепить, Полет? Что вы такое сказали, совенок? Мне отцепи солдат?

— Но ведь через полчаса здесь будут большевики?

— Не через полчаса... скажем, через час. Но, Полет...

— Так лучше же пожертвовать солдатами, чем нами... Они же ничего сделают солдатам. Ваши солдаты сами все большевики.

— Полет, я старый солдат, я не могу вас слушать.

— Ну, а я? Как же я? Вы хотите, чтобы меня изнасиловал красноармее На ваших глазах, да, вы хотите этого? А мои бриллианты, мой кулон, мс серьги, мой жемчуг? Вы этого хотите, да?

— Полет,—сказал генерал, встав. — Полет, Полет,—повторил он тр жды, забеспокоился, замахал руками и, круто повернувшись, вышел.

«Пф-ф» — сделал он пройдясь по коридору. И стояли перед ним гл бокие, молодые теплые глаза, и—чорт его знает,—он не знал, что ему думать. Офицеры обступили его, он отвечал им, надувая щеки, дрожа не т от гнева, не то от слабости:

— Невозможно, невозможно. Невозможно ехать.

Он закурил, погасил папиросу, — потом закурил опять. Прогремел дверь, и из щели звучный голос позвал:

— Владимир Петрович, придите, я прошу вас.

— Закройте дверь,—сказала Полет, когда он вошел. Она сняла шубк расправила тонкие смуглые руки, обнаженные чуть выше локтя и, расстегну блузку, приподняла медальон, висевший на груди.

— Поцелуйте здесь,—сказала она тоном ребенка. Голос ее сделался вкрадчивым и движения кошачьими. Генерал засопел, мигнул глазами и, трудно вымолвив «Полет», поцеловал туда, где висел медальончик. Тотчас же нежные руки оплели его голову, прижав к груди, и обветренная генеральская щека скользнула по блузке, оцарапалась о расстегнутую кнопку и ощутила теплоту крошечной и твердой женской груди. Смеясь, она откинулась на мягкую спинку дивана, и генерал увидел ее бархатные глаза, ставшие большими и дремучими, сверкнувшие голубым огнем и тотчас же спрятавшие огонь этот.

Полет ласкала его голову, прижимаясь руками выше локтя к холодным щекам, уговаривая, как упрямого ребенка:

— Разве так трудно сделать то, о чем просит ваша Полет? Разве это так трудно, ваше превосходительство? И разве Полет не умеет благодарить? Ведь можно отцепить незаметно и уехать без свистка. Кто же узнает? Кому какое дело? Или вы хотите остаться и никогда, никогда болвше не обнять вашей Полет? А что они сделают вот с этой грудью, с этими руками, которые вы любите...

— Что вы говорите, Полет?—бормотал генерал, сползая на колени, и трудно дыша.—Но мой долг старого солдата, моя присяга?.. моя родина?.. Россия?..

Скоро он начал мычать, а затем уже и не мычал, думая лишь о том, что нелепо, чудовищно мешает тулуп, в котором ему неловко и тесно. Потом он заплакал; слезы катились по выпуклым его кирпичным щекам, застревали в усах, проникали в рот, делая слюну соленой.

— Идите же, Владимир Петрович, мы успеем потом,—сказал Полет,—ах, можно ли терять столько времени!

На путях ветер выл пуще прежнего; казалось, небо трещало, лопнув на морозе, и было уже трудно переходить через рельсы, так яростно кидалась под ноги остервеневшая мжища. Телеграфист спал в конторе, нелепо и по детски торчали вихры на его затылке, на столе лежала поношенная фуражка с желтым кантом; дежурный приподнялся навстречу генералу, сказал: «дверь не забудьте притворить с» и зевнул в горсть.

— Вот что, милый человек,—громко проговорил генерал, надуваясь,—необходимо выйти из положения. Как вам, я полагаю, известно, командный состав армии играет первенствующую роль, более, э-э, активную, нежели солдатская масса. Он нерв армии, ее, так-сказать, мозг, ее руководящий центр. Чоррт, к чему я вам читаю лекцию-с? Слу-шать! Прикажите стрелочнику отцепить два штабных вагона и локомотив, не-мед-лен-но. Мы принуждены ехать во что бы то ни стало.

Дежурный слушал долго, потом наклонил голову к левому плечу.

— Поняли-с?

— Сейчас распоряжусь,—молвил дежурный вяло.

На платформе к генералу подошли унтера, они были зазябшие, жалкие и, говоря, едва ворочали омертвевшими губами.

Один из них спросил:

— Как, ваше превосходительство, скоро теперь тронемся? Иззяб солдат, ваше превосходительство, замерз солдат. Дело бы уж какое, что ли, ваше превосходительство.

— Ничего, голубчик, вот мы сейчас,—забормотал генерал, ворочая лицо прочь от глаз унтера.—«Этого... пошевеливайся, стрелочник!» крикнул он нырнувшей в темноту фигуре.

Унтер насторожился.

— Это к чему же стрелочник, ваше превосходительство? Ай паровоз отцеплять?

Генерал нахохлился, вобрал голову в плечи и неожиданно для себя вдруг гаркнул басом:

— Молча-ать, сукин сын! В распоряжения лезешь?

И жадно, с ретивым сердцем, глядел, как вытянулся унтер, поглядев на него в бессмысленном обалдении, потом сделал два шага назад, отошел к товарищу и оба остановились в стороне, у станционного колокола, молча и враждебно приглядываясь. Генерал, поеживаясь под их взглядами, следил за тем, как тощая хмурая фигура стрелочника в коротком полушубке до колен и мохнатой шапке с лисьими ушами нырнула под вагон, и сейчас же заскреблись цепи, напряженный голос стрелочника выговорил: «э-ка, м-мать родная!». Генерал пошел к вагону, за спиной его вялый голос дежурного крикнул:

— На паровозе, эй! Держи жезл.

«Кричит, скотина»,—подумал генерал, под тулупом по спине его прошел холодок. У локомотива с душным свистом заклубился пар, заледеневший снег под топкой осветило оранжево-красным, похожим на солнце, пламенем. Генерал взялся за столбики поручней, обмотанных замшей, чтобы на морозе нельзя было обжечь рук, и уже подымал свое здобно сбитое тело, когда сзади, за белый барашек, нашитый у кармана, его схватили резкие сердитые руки.

— Куды стреканул?—сказал позади унтер остервенело-весело.—Ловкай!

Другой засмеялся по-бабьи, молвив недобро:

— Генералы. Солдат за него помирай, солдат ему чин зарабатывай, а как ежели что, так солдат пропадом пропади. Кишка коротка, ваше превосходительство.

Генерал рванулся, но руки держали крепко, его об'ял ужас и вдруг вялым бессилием свело колени.

— Братцы, вы это что?

— Давай, ваше превосходительство, по-хорошему. Вместе на Москву шли, вместе и в лататы пойдем.

— Братцы...

— Чего ж братцам в морду-то плюешь?

— Ма-лчать!—гаркнул генерал, с восторгом ощущая, как в размякшую душу его клином входит остервенение. Вырвавшись, он рванул дверь, раскрывшуюся с треском и, видя перед глазами прыгающие черные мячи, закричал басом в темноту вагона:

— Ад'ютант Рамзай, приказываю вам немедленно занять локомотив. Угрожайте машинисту оружием в случае отказа ехать. Р-расторопнее, поручик.

Юноша с тонким девичьим лицом, еще не знающим бритвы, в кожаной куртке на меху, легко соскочил вниз, взмахнул руками в вязаных белых рукавичках. Вдоль поезда, топчась от сумятицы, уже бегали солдаты, крича и сталкиваясь друг с дружкой и сиплые от стужи голоса надрывались, относимые ветром:

— Братцы, вылазь! Ложись на рельсы, братцы, пущай по телам по нашим едет!

Генерал стал на площадке, грудью загородив вход, сжав кулаки, зная, что первому, кто кинется, тяжко даст в морду. Ветер ревел, скребя по вагонным обшивкам, поезд дрожал, звеня стеклами. И вдруг, разодрав скованный воздух, пронзительно и тонко рванул свисток; ухнул пар, колеса взвизгнули, палисадник с голыми тополями, неистово гнущими сучья, поплыл назад плавно и медленно.

— А-а!—закричали солдаты.

Генерал закрыл глаза. В гремящем ходе двух вагонов, оторвавшихся от состава, вдруг ярко представились генералу темные тела солдат, плашмя легших впереди на рельсах; переднего ударил буфер, смяли колеса, задние вскочили, шарахнулись вбок, ругаясь истошно, в ярости топая сапогами.

«Тру-ту-ту»,—запели колеса, ветер усилился, ледяной темнотой обняли голые поля. «Тру-ту-ту»,—пели колеса; дзбень, дзбень,—моталась цепь, лязгая о буфер.

В вагоне молча, прижавшись к дверцам купэ, стояли офицеры, свеча горела тускло и растерянно, пахло клеенкой, морозом, уборной. Генерал, стукаясь о стенки от тряски, дошел до купэ, отдернул дверь, вошел, закрыл дверь и тяжело повалился на чемодан. Полет, забравшись на диван с ногами, сжавшись комочком, смотрела на него веселыми смеющимися глазами. Было тепло от самогрейки и невесело, и весело от этих влажных женских глаз, всегда мучительно-желанных. Тру-ту-ту,—пели колеса, а в такт им подрагивали у Полет каштановые завитки, небрежно брошенные у рубиновых сережек.

На уклоне бег поезда ускорился, бледные пятна на снегу, брошенные окнами, мчались плавно и шибко; ветер выл, мел, закручивал в одиноких полях... Ух, и ночь же была, прости Господи! Зимний бес, треща копытцами, юлил по сугробам, прыгнул, поджал хвост, поглядел на бегущие вагоны и, загрустив, сказал, ежась:

— Скучно...

Александр Дроздов.

Берлин.

Демократическая контр-революция.

И. Майский.

(Продолжение).

IV. Возникновение и развитие Комитета членов Учредительного Собрания.

Как известно, партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота, особенно же после разгона Учредительного Собрания 5 января 1918 г., вступила на путь ожесточенной борьбы с Советской властью. В этой борьбе партия применяла все доступные ей средства: агитацию, пропаганду, устройство стачек, саботаж, террор, заговоры, восстания. Впоследствии эс-эровские лидеры не раз пытались доказать, что они вовсе не так плохи и что в войне с рабоче-крестьянским государством они добровольно налагали на себя известные ограничения в выборе методов уничтожения противника: удушливых газов не применяли, бомб на мирные города не сбрасывали. Особенно категорически эти лидеры отклоняют от себя ответственность за убийства и покушения на убийства коммунистических вождей революции. Однако справедливость требует признать, что все эти попытки, не исключая и самой последней—на недавно закончившемся процессе,—неизменно являлись попытками с негодными средствами. Для всякого об'ективного наблюдателя не подлежит сомнению, что п. с.-р., как целое, в борьбе с Советской властью пользовалась всеми способами, включительно до террора. И будущий историк, вероятно, с большим недоумением констатирует тот факт, что партия, именующая себя социалистической, не останавливалась решительно ни перед чем для нанесения смертельного удара первой в истории человечества социалистической республике.

Но если п. с.-р. готова была применять все и всяческие средства борьбы для ниспровержения Советской власти, то это не значит, что все они расценивались ею одинаково. Конечно, нет. Усиленнее всего партия мечтала о широком вооруженном выступлении, с помощью которого можно было бы опрокинуть рабоче-крестьянскую республику, и принимала все меры к подготовке такого выступления: всякую стачку, всякое местное восстание, всякий заговор, кем бы и с какими бы целями он ни устраивался, партия стремилась сделать исход-

ным пунктом для желанного ей массового действия. Несмотря на жестокие уроки действительности, среди эс-эров в тот период жила какая-то «мистическая» уверенность, что «большевистская диктатура» держится лишь насилием, что «народ» ждет не дождется прихода «спасителя» (странный «народ», которого всегда кто-то должен спасать!), и что достаточно в толпу бросить «искру» для того, чтобы она сразу вспыхнула всепожирающим, неудержимым «пламенем». Раз так, не надо жалеть усилий! И подготовка вооруженных выступлений и всякие попытки вызвать таковые шли не только в центре, не только в Петрограде и Москве, но и по всему широкому пространству России. Подобной работой занимался каждый губернский и даже каждый уездный комитет партии. Не составляла исключения из общего правила и Самара.

Как-то в начале сентября 1918 г. мне пришлось быть в Самаре на митинге, где В. К. Вольский, И. М. Брушвит и П. Д. Климушкин—все трое видные деятели Комитета членов Учредительного Собрания—вспоминали об истории самарского переворота. Не полагаясь на память, приведу несколько любопытных данных, касающихся этого события, на основании газетного отчета о митинге. Вот что между прочим говорил Климушкин:

«Самарский переворот не явился стихийно... Вскоре после нашего возвращения (из Петрограда после разгона Учредительного Собрания) мы поставили себе задачей подготовить условия для ниспровержения большевистской власти, ибо мы видели, что власть эта немедленно приведет или к монархизму, или к германскому засилью...

«Нужно было создать обстановку, при которой можно было бы совершить переворот. И мы занялись этой работой. В начале она была очень трудна. Армия была развращена, рабочий класс тоже... Наша задача сводилась к тому, чтобы раскрыть глаза и армии, и рабочему классу. Мы устроили ряд лекций среди солдат. Настроение их стало подниматься. Подтягивание большевиками армии также создало благоприятную обстановку. И вот вскоре после разгона Учредительного Собрания гарнизон выступил с требованием переизбрания совета, а затем это вызвало вооруженное столкновение между войсками, преданными большевикам и преданными нашему течению. И уже в то время можно было вызвать гражданскую войну, но мы понимали, что это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат».

Тогда Климушкин и товарищи решили заняться систематической подготовкой «реальных сил». Произошло разделение труда: Брушвит взял на себя собирание денежных средств, Фортунатов—военное дело, а Климушкин—общее политическое руководство. Дальше было вот что:

«Мы начали усиленную агитацию,—продолжал Климушкин,—мы убедились однако, что среди рабочих таких сил создать нельзя. Мы обратили внимание на солдатскую, главным образом, офицерскую массу. Но сил было мало, ибо никто не верил в возможность свержения большевистской власти. Все были убеждены, что она будет царствовать долго. И, когда я обратился по

этому поводу к одному генералу, он ответил, что считает большевистскую власть прочной и свержение ее считает авантюрой...

«Итак, на город надежды было мало. Наше внимание все больше стало переноситься на деревню... Работа была медленная, но неуклонная. В то же время однако мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться» [1]).

Картина, нарисованная Климушкиным, была поистине трагична... для врагов Советской власти. Видный эс-эр и один из главных деятелей Комитета членов Учредительного Собрания совершенно определенно свидетельствует, что противники октябрьской революции не имели никакой почвы, никаких корней в массах. Ни рабочие, ни крестьяне, ни солдаты не хотели вести борьбы с советами. «Народ» ниоткуда не ожидал пришествия «спасителя» от «большевистской диктатуры». Даже буржуазия и офицерство классовым инстинктом чувствовали прочность нового режима и рассматривали попытки его свержения с нескрываемым скепсисом. Казалось, все окружающее сговорилось для того, чтобы обескуражить, разложить боевой дух антисоветских заговорщиков, чтобы лишить их мужества и веры в исповедуемое ими дело. Казалось, еще месяц, другой, и они, покорившись неизбежности, должны будут сложить оружие...

И вот как раз в этот момент на сцене неожиданно появились чехо-словаки. Подробности чехо-словацкой интервенции 1918 г., до сих пор еще не вполне выяснены, не вполне выяснены также и обстоятельства, вызвавшие в конце мая того же года столкновение между большевиками и чехо-словацкими эшелонами в Пензе. Как бы то ни было, но столкновение это произошло, и в результате город на короткое время был захвачен чехами, при чем Советская власть оказалась низложенной. На самарских эс-эров пензенские события подействовали, как глоток живой воды.—«А, вот он тот внешний толчок, которого мы так страстно ожидали для начала открытого выступления!»—сказали они себе и тотчас же приступили к действию.

Брушвит поехал в Пензу и начал переговоры с чехами. Как сам он впоследствии рассказывал, первоначальный прием, оказанный ему в чешском штабе, был довольно недружелюбен. Чехи заявили, что они направляются сейчас на Дальний Восток для следования затем во Францию, что вмешиваться во внутренние дела России они не желают и что в частности они не имеют никакого доверия к силе и серьезности той организации, от имени которой выступает Брушвит. Последний пытался доказать чехам, что с эс-эрами иметь дело можно, и в этих видах потребовал от самарского комитета партии еще до прихода туда чехов произвести переворот и захватить власть. Требование Брушвита поставило комитет в крайне затруднительное положение: сами эс-эры располагали совершенно ничтожными силами, связанная же с ними

---

[1]) См. „Вестник Комитета членов Учр. Собрания“ от 6 сентября 1918 г., отчет о митинге, посвященном истории самарского переворота.

офицерская организация полковника Галкина колебалась и фактически ничего не делала. Переворот не был произведен, но эс-эрам удалось все-таки собрать сведения о расположении большевистских войск в Самаре. Эти сведения были пересланы Брушвиту в Пензу. Одновременно крестьянские эс-эровские дружины захватили расположенный недалеко от Самары Тимашевский завод и установили охрану моста через Волгу. Оба факта, повидимому, подняли престиж эс-эров и Брушвита в глазах чехов, так как после этого они стали несколько любезнее. Но все-таки охоты участвовать в русской гражданской войне у них не прибавилось. Чешский штаб определенно заявлял, что он останется в Самаре лишь несколько дней для отдыха войск и пополнения припасов, а затем будет продолжать свой путь на восток.

7 июня чешские батальоны подошли к Самаре, а 8-го после короткого боя они ворвались в город. Советская власть была низложена, и началась дикая охота на ее носителей и вообще на «большевиков». В Самаре, как и во всяком другом крупном городе, имелось достаточное количество черносотенных элементов из среды буржуазии, офицерства, мещанства, чиновничества, и вот они-то при участии и под охраной чехо-словаков стали сводить счеты с ненавистными «комиссарами». Одновременно в воздухе запахло еврейским погромом. Усердие черносотенцев было так велико, что уже к вечеру 8 июня Комитет членов Учредительного Собрания, взявший после переворота власть в свои руки, вынужден был издать «Приказ № 3», в котором говорилось:

«Призываем под страхом ответственности немедленно прекратить всякие добровольные расстрелы. Всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, предлагаем немедленно арестовывать и доставлять в Штаб Охраны».

А на следующий день 9 июня был издан «Приказ № 6», воспрещавший «возбуждение национальной вражды и призывы к погромам» и угрожавший погромщикам «расстрелом на месте». Принятыми мерами еврейский погром был предупрежден, но десятки большевиков пали жертвой черносотенного зверства.

Я только что упомянул, что после захвата Самары чехо-словаками власть в городе перешла в руки Комитета членов Учредительного Собрания. Совершилось это таким образом. В то время, когда Брушвит вел переговоры с чехами в Пензе, его партийные товарищи, остававшиеся в Самаре, лихорадочно готовились к предстоящему перевороту. Мобилизовались наличные военные силы, формировалось и будущее «правительство». Решено было, что власть возьмут в свои руки наличные члены Учредительного Собрания. Сначала их было трое (Климушкин, Брушвит и Фортунатов—все от Самарской губ.), потом к ним прибавилось еще двое (Вольский—от Тверской и Нестеров—от Минской губ.). Эта пятерка и образовала Комитет членов Учредительного Собрания, который, по предначертаниям самарских эс-эров, должен был стать наследником Советской власти. Намеченный план был в точности исполнен: когда Самара 8 июня была захвачена чехами, вышепоименованная пятерка в чешском автомобиле и под чешской охраной была доставлена в зда-

ние городской думы, и здесь об'явила себя «правительством». Так произошло рождение той власти, которая противопоставляла себя, как единственно законного представителя русского народа, Советской власти, как прямому «агенту германского империализма». В первый день своего существования Комитет именовался «Самарским Комитетом членов Учредительного Собрания», но со второго дня слово «самарский» было выброшено, как знамение того, что задачи Комитета имеют не местный, а всероссийский характер.

Возникнув 8 июня 1918 г., Комитет членов Учредительного Собрания просуществовал затем, включая все его дальнейшие превращения, до начала декабря того же года, т.-е. около семи месяцев. Однако линия развития его была капризна и извилиста и изобиловала весьма драматическими моментами.

Первым вопросом, который пришлось решать новорожденному Комитету, был вопрос о чехо-словаках. Выше я уже указывал, что чешский штаб не собирался надолго задерживаться в Самаре. А так как собственной вооруженной силы у Комитета не было, то вопросом жизни и смерти для него являлось согласие чехов на длительное участие в «волжском фронте» против большевиков. Эс-эры пустили в ход все свое дипломатическее искусство для достижения этой цели, а также прибегли к помощи оказавшихся в тот момент в Самаре «французских консулов» г.г. Гине, Жанно и Комо. Кто такие были эти почтенные дипломаты и в каком качестве они пребывали в России, дело довольно темное. Впоследствии выяснилось, например, что г.г. Жанно и Комо не имели никаких полномочий от французского правительства, однако в описываемый период все они именовали себя «консулами», иногда ссорились между собой, обвиняя друг друга в самозванстве, и все усиленно занимались антибольшевистскими интригами. «Французские консулы» охотно приняли на себя роль посредников между эс-эрами и чехами, и так как чехи питались французским золотом, то они не могли игнорировать «дружественных» советов представителей столь могущественной «союзной державы». Эти комбинированные эс-эро-французские усилия имели вполне определенный результат: чехи согласились временно задержаться на Волге с тем, чтобы дать Комитету членов Учредительного Собрания время и возможность сформировать собственную армию, а впоследствии они получили от своих и союзнических центров уже вполне определенные директивы о вооруженной поддержке антибольшевистского движения в России.

Когда наиболее неотложная задача, таким образом, была разрешена, Комитету пришлось броситься с головой в военную и административную работу. Началось формирование «Народной Армии» (подробнее о ней ниже) и создание аппарата управления. Одновременно шла война с большевиками и день ото дня удлинялась линия фронта. В течение июня, июля и первой половины августа победа была на стороне Комитета и «территория Учредительного Собрания» непрерывно расширялась. В конце июня пала Уфа, что имело очень важное и военное и политическое значение, так как тем самым устанавливалось непосредственное сообщение с западной Сибирью, где Советская власть с помощью тех же самых чехов уже была низвергнута. Падение Уфы связано

с одним весьма любопытным эпизодом. Еще за несколько месяцев до Самары полковник генерального штаба Махин, партийный эс-эр, получил от своего Ц. К. задание проникнуть в качестве «лазутчика» в начавшую формироваться Красную армию. Он добросовестно исполнил задание и, как хороший специалист, скоро занял видное месте в рядах советских войск. Ко времени возникновения Комитета членов Учредительного Собрания Махин оказался в Уфе в качестве начальника штаба Красной армии, а когда чехи повели наступление на Уфу, он своими приказами намеренно спутал действия большевистских отрядов, а затем перебежал с частью своего штаба к противнику. В результате Уфа оказалась в руках Комитета членов Учредительного Собрания.

22 июля войсками Комитета был занят Симбирск, а 7 августа—Казань. Одновременно шло продвижение на юг к Саратову, при чем комитетским войскам удалось подойти к Вольску, который раза два переходил из рук в руки. В тот момент, когда я очутился в Самаре, Комитет находился в зените своих военных успехов и подчиненная ему территория охватывала Самарскую губернию, большую часть Уфимской, части Симбирской, Казанской и Саратовской, а также области Оренбургского и Уральского казачьих войск. Впрочем, подчинение казачьих областей было больше номинальным. На востоке у Комитета имелась «спорная область» в лице Златоуста и его района. На Златоуст претендовали Комитет и вновь возникшее Сибирское правительство; сам Златоуст не знал, на что решиться: Комитет привлекал его бо́льшим демократизмом, но Сибирь кормила его своим хлебом. Вопрос о Златоусте так и остался нерешенным, пока стихийным ходом событий он постепенно не был снят с порядка дня.

Август месяц явился переломным моментом в истории Комитета. С первых чисел сентября на фронте начались неудачи, и «территория Учредительного Собрания» стала быстро сокращаться. 14 сентября была потеряна Казань, вскоре за ней последовал Симбирск, а 7 октября пала и сама Самара. В последующие недели линия фронта все больше передвигалась на восток, пока, наконец, в руках Комитета (или, вернее, его наследников) не осталась одна Уфа с прилежащим к ней районом. В конце декабря и Уфа была занята большевиками, но она была отвоевана ими не у Комитета, а у Колчака. Комитета членов Учред. Собрания в это время уже не существовало: незадолго перед тем он пал под ударами сибирского диктатора.

V. Конструкция и партийный состав власти.

Подобно об'ему территории, менялась в течение 7-месячного существования Комитета и конструкция его власти. Первоначально, как уже упоминалось выше, Комитет состоял лишь из пяти членов, соединявших в своем лице все и всяческие функции власти: законодательную, исполнительную, судебную, военную. В острый момент борьбы иначе и не может быть. Но затем начался процесс дифференциации власти. Прежде всего был органи-

зован военный штаб в составе подполковника Галкина и эс-эров Фортунатова и Боголюбова, к которому и перешло непосредственное руководство военными операциями. Позднее «Приказом № 114» от 17 июля начальник 1-й чехо-словацкой Гуситской стрелковой дивизии полковник Чечек (до войны мирный фармацевт) был назначен «командующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск», т.-е. фактически командующим всем «фронтом Учредительного Собрания».

За отделением военной последовало отделение и законодательной власти от исполнительной. С самого возникновения Комитета членов Учред. Собрания п. с.-р., стоявшая во главе этого предприятия, задалась целью стянуть в Самару возможно бо́льшее количество депутатов Учред. Собрания различных партий с тем, чтобы, когда их наберется достаточное число (в определении потребного кворума мнения расходились), официально открыть заседания разогнанного 5 января 1918 г. «хозяина земли русской». В этих видах эс-эровские организации в других частях России, по специальному распоряжению Ц. К., не жалели ни сил, ни средств для «транспортировки» на Волгу всех находившихся в районе их работы «народных представителей». Эти старания не пропали даром, и число членов Учред. Собрания в Самаре стало довольно быстро увеличиваться. К началу августа число их достигло нескольких десятков, а к концу сентября—приблизительно 100 человек. Выше последней цифры оно так и не поднялось.

Для руководства различными отраслями государственной деятельности при Комитете очень скоро были образованы отделы, в основных чертах соответствовавшие министерствам: отделы финансов, продовольствия, труда, торговли и промышленности и т. д. Особым «Приказом № 72» от 3 июля был вызван к жизни «иностранный отдел», в задачи которого входили «сношения с правительствами внутри России, признающими Учред. Собрание, и с представителями дружественных и нейтральных держав». Управляли отделами на первых порах те же самые члены Комитета, которые выполняли и всякие иные функции. Когда число наличных членов Учред. Собрания возросло до 50—60, решено было произвести реорганизацию. Отделы были переименованы в «ведомства» и для руководства ими выделена особая группа лиц, ответственных пред пленумом Комитета, при чем к занятию постов управляющих ведомствами были допущены и не-члены Учред. Собрания. Создались как бы парламент и кабинет министров. Эта реформа совершилась накануне моего приезда в Самару. Первое заседание «Совета управляющих ведомствами» состоялось 15 августа, и я был первый управляющий ведомством, не принадлежавший к числу членов Учред. Собрания. Так как время было горячее и власти исполнительной сплошь да рядом приходилось на свой риск и страх принимать серьезные решения, Комитет признал необходимым, чтобы в состав «Совета управляющих ведомствами» входили также два члена президиума самого Комитета. Тем самым предполагалось повысить авторитет «Совета» и обеспечить более тесную связь между властью исполнительной и

властью законодательной. Впрочем, оторванности «правительства» от «парламента» вообще не наблюдалось. Обычно на заседаниях «Совета управляющих ведомствами» толклось много членов Учред. Собрания, не входивших в состав «кабинета», и других ответственных партийных и государственных работников, они участвовали в прениях, а иногда и в голосованиях. Это был, конечно, «непорядок», и я помню, как председатель «Совета управляющих ведомствами», член Учред. Собрания Роговский, не раз возмущался чрезмерной «демократичностью» нравов, господствовавшей на заседаниях правительства.

— Точно партийная массовка! — недовольно бросал он, презрительно скашивая свою «министерскую» физиономию, и пытался заводить чинные английские порядки. Но тщетно: русская стихия никак не лезла в британские правила хорошего тона.

Состав правительства в августе—сентябре 1918 г. был следующий: Е. Ф. Роговский (председатель и управляющий ведомством государственной охраны), П. Г. Маслов (ведомство земледелия) [1]), В. И. Алмазов (ведомство продовольствия), В. Н. Филипповский (ведомство торговли и промышленности), И. М. Майский (ведомство труда), Д. Ф. Раков (ведомство финансов), И. П. Нестеров (ведомство путей сообщения), П. Г. Белозеров (ведомство почт и телеграфов), В. С. Абрамов (ведомство государственных имуществ и госконтроль), полковник Галкин (военное ведомство), П. Д. Климушкин (ведомство внутренних дел), М. А. Веденяпин (ведомство иностранных дел), А. С. Былинкин (ведомство юстиции) и Е. Е. Лазарев (ведомство просвещения). Кроме того, от имени президиума Комитета членов Учред. Собрания в правительство входили: председатель Комитета В. К. Вольский и товарищ председателя М. Я. Гендельман.

Заседания правительства происходили раза 3—4 в неделю и всегда были битком забиты самыми разнообразными вопросами военного, административного, финансового, экономического характера. Заседания Комитета членов Учред. Собрания происходили реже и посвящались обычно обсуждению вопросов более общего или принципиального порядка. Из вопросов, занимавших внимание «Совета управляющих ведомствами», до Комитета доходили только самые крупные. Как общее правило, вся текущая государственная работа, включая и законодательствование малого масштаба, проходила помимо Комитета. Самое большее запрашивалось мнение президиума Комитета, состоявшего из председателя (В. К. Вольского), двух товарищей председателя (М. Я. Гендельмана и В. Г. Архангельского) и двух секретарей (Н. Шмелева и С. Николаева). Вообще после образования «Совета управл. ведомствами» Комитет вел довольно вялое и бесцветное существование, не имея определенного захватывающего дела. Заседания Комитета были закрытые. В конце августа, незадолго перед тем приехавший в Самару член Учред.

---

[1]) Это не Петр Маслов, с.-д., и не Сергей и Семен Масловы, эс-эры, а еще четвертый Маслов, Павел Григорьевич, эс-эр.

Собрания Коган-Бернштейн внес предложение о публичности заседаний Комитета, однако эс-эровские «демократы» дружно провалили это предложение.

Официальным органом Комитета и образованного им правительства была ежедневная газета «Самарские Ведомости» (создана «Приказом № 8» от 10 июня), переименованная вскоре в «Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания», а его знаменем—красный флаг с надписью: «Власть народу—власть Учредительному Собранию».

Такова была конструкция центральной власти. Но всякая власть должна иметь свои местные органы,—были они и у Комитета членов Учредительного Собрания. Роль их выполняли губернские и уездные уполномоченные, назначавшиеся непосредственно Комитетом и ему подотчетные, наделенные чрезвычайно широкими полномочиями. О размерах последних дает достаточно яркое представление п. 4 «Временных правил о губернских уполномоченных», распубликованных Комитетом в «Приказе № 85» от 6 июля. Названный пункт гласит:

«Временно впредь до установления деятельности органов управления и должностных лиц, а равно и судебных установлений губернскому уполномоченному предоставляется право: давать руководящие указания всем органам местного управления; приостанавливать своей властью приведение в исполнение всех распоряжений и постановлений указанных органов управления, которые (распоряжения и постановления) будут представлять опасность в военном отношении или в отношении общественного порядка и спокойствия, отстранять от должности всех лиц, служащих в административных и общественных учреждениях в случае явного несоответствия их своему назначению; *постановлять о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей национальной обороне и общественной безопасности; не допускать и закрывать всякие собрания и с'езды, которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении общественного порядка и спокойствия;* издавать обязательные постановления по предметам обеспечения общественного порядка и безопасности и народного здравия, если принимаемые меры должны распространяться на всю губернию или на несколько уездов; *обращаться к содействию военной власти для подавления беспорядков или в других случаях чрезвычайной важности».*

Трудно представить себе более полную сумму власти, предоставляемой в бесконтрольное распоряжение провинциального администратора. «Временные правила» 6 июля создавали настоящих губернских диктаторов, в руках которых находились благополучие, свобода и даже жизнь всего населения вверенного им района. Они могли делать все, что хотели, а единственной инстанцией, куда могли быть обжалованы их действия, являлся только Комитет членов Учредительного Собрания. Если к сказанному прибавить, что уездные уполномоченные пользовались примерно такими же правами, как и губернские, и что в некоторых местах (в Казани, Оренбурге) существовали особые «чрезвычайные уполномоченные» с правами даже более широкими, чем права губернских уполномоченных, то картина административного благополучия

«территории Учредительного Собрания» станет еще рельефнее. Восстановление деятельности городского и земского самоуправления, провозглашенное Комитетом в своем «Приказе № 1» от 8 июля, нисколько не меняло факта введения губернаторской диктатуры. Я меньше всего думаю восставать против подобной централизации власти в руках провинциальных администраторов из «принципиальных соображений». Наоборот, я полагаю, что в моменты острой борьбы подобная централизация совершенно неизбежна и необходима. Но какое право в таком случае имеют эс-эры с деланным негодованием возмущаться диктаторскими формами советского управления? Какое право они имеют кричать о нарушении большевиками принципов «демократии», если четыре года назад они сами попирали ее жесточайшим образом на той единственной территории, где волей чехо-словацких штыков они случайно оказались господами положения?

В таком виде Комитет просуществовал до конца уфимского государственного совещания, т.-е. приблизительно до последних чисел сентября. Затем наступила перемена декораций. Ввиду избрания уфимским совещанием Директории, которая должна была воплощать в себе «всероссийскую» власть, Комитет сложил свои государственные функции, превратившись в какое-то полупропагандистское, полутранспортное общество, получившее наименование «С'езда членов Учредительного Собрания». Остался только «Совет управляющих ведомствами», как областной орган власти для бывшей «территории Учредительного Собрания»,—орган, теоретически подчиненный Директории. Так как однако размеры названной территории к этому времени сильно сократились, а с середины октября фактически ограничивались лишь городом Уфой с окружающим районом, то было решено сильно сжать и упростить аппарат управления: 15-членный «Совет управляющих ведомствами» был сведен к 4-членному в составе Филипповского, Веденяпина, Климушкина и Нестерова, распределивших между собой все наличные «портфели» [1]). Этот усеченный «Совет управляющих ведомствами» просуществовал до начала декабря, когда был ликвидирован колчаковскими бандами.

Остановимся вкратце еще на партийном составе Комитета. Выше я уже говорил, что Комитет был создан исключительно эс-эрами, воспользовавшимися для этой цели силой чехо-словацких штыков. Надо отдать справедливость эс-эрам, что в дальнейшем они очень старались о расширении партийной базы Комитета. Им чрезвычайно хотелось придать своему предприятию «всенародный» характер и потому они не останавливались ни перед чем для привлечения в свой лагерь инопартийных элементов. Особенно важно было для них вступление в состав Комитета депутатов, принадлежавших к другим политическим направлениям. Однако в этом отношении положение эс-эров было в высшей степени затруднительным: как известно, в Учредительном

[1]) Филипповский был председателем и одновременно управляющим ведомством торговли и промышленности, Веденяпин ведал иностранными делами и почтой и телеграфом, Климушкин — внутренними делами, государственной охраной и земледелием, Нестеров—путями сообщения, трудом и юстицией.

Собрании 1917 г. по численности доминировали две партии—эс-эры и большевики. Кадеты и меньшевики попали в Учредительное Собрание в совершенно ничтожном количестве, притом меньшевики были посланы почти сплошь с Кавказа. Кроме перечисленных партий, в Учредительном Собрании имелось еще некоторое число представителей различных национальностей, главным образом тюрко-татар, киргизов, башкир и др. При таком составе Учредительного Собрания эс-эрам было очень нелегко создать в Самаре хотя бы некоторое подобие «всероссийского представительства». Действительно, из 100 депутатов, состоявших членами Комитета, к концу уфимского совещания около 80 были с.-р., 18 представляли различные мусульманские национальности (по партийной принадлежности они были также по преимуществу с.-р.), 1 был левый кадет и 1—2 депутаты от казаков. В числе последних находился знаменитый атаман Дутов, вступление которого в Комитет было ознаменовано распубликованием (15 июля) специального оповещения о столь высокоторжественном событии, гласившем следующее:

«Член Учредительного Собрания от Оренбургского казачества войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник Александр Ильич Дутов вошел в состав Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания».

Не ограничиваясь средой членов Учредительного Собрания, эс-эры пытались привлечь на свою сторону инопартийные элементы и вне-парламентской арены. Они вели переговоры с меньшевиками, кадетами, народными социалистами и др. об образовании единой коалиции против большевиков, однако по причинам, на которых я остановлюсь ниже, из этих попыток вышло не очень много толку. Только меньшевики, в конце концов, согласились поддержать Комитет и начали занимать ответственные посты в его аппарате, но и их участие мало меняло общее положение. В самом Комитете так до конца не было ни одного меньшевика, в «Совете управляющих ведомствами» оказался один (пишущий эти строки) при наличии 13 с.-р. и 1 беспартийного (подполковник Галкин).

Доминирующая роль эс-эровской партии в Самаре еще резче подчеркивалась тем обстоятельством, что с начала августа эс-эровский Ц. К. перенес свою резиденцию на Волгу, оставив в Москве только немногочисленное Бюро Ц. К. Очевидно, в глазах Ц. К. Поволжье было важнее, чем Советская Россия. Очевидно, Самару он в этот период рассматривал, как главный центр своей работы. И действительно, постепенно в «столицу Учредительного Собрания» были стянуты лучшие силы эс-эровской партии. Здесь были Зензинов, Гендельман, Веденяпин, Буревой, Минор, Мойсеенко, Фортунатов, Вольский, Брешковская, Федорович, Архангельский, Авксентьев, Лебедев, Махин, Коган-Бернштейн, Святицкий и целый ряд других. 19 сентября в Самару приехал и Виктор Чернов. Позднее появление лидера п. с.-р. на территории Комитета об'яснялось специфическими причинами. Руководители Комитета считали Чернова слишком «левым» и чересчур «одиозным» для буржуазно-офицерских элементов Поволжья и потому под разными предлогами задерживали его прибытие в Самару. Действительно, Чернов попал на Волгу уже к шапочному

разбору. Но зато на недостаток внешних знаков почета ему жаловаться не приходилось: «председателя Учредительного Собрания» поселили в лучшем номере гостиницы «Националь», перед дверью номера поставили вооруженный караул, устроили торжественный банкет с речами и иностранцами в ознаменование его прибытия и, наконец, заставили всех управляющих ведомствами явиться к нему для «всеподданнейшего доклада» каждому по работам своего министерства.

Из сказанного совершенно ясно, что вся сложная политическая эпопея, известная под именем Комитета членов Учредительного Собрания была и до конца осталась почти исключительно эс-эровским предприятием, ответственность за которое прежде всего и больше всего несет п. с.-р.

VI. Политическая программа Комитета.

Какова была программа Комитета членов Учредительного Собрания?

Ответить на этот вопрос оказывается труднее, чем это может показаться на первый взгляд. Причина проста. Комитет с самого начала рассматривал себя, как временное, в первые недели существования даже, как очень кратковременное учреждение (в то время в его рядах была сильна уверенность в близости падения большевиков), а такое положение мало располагает к выработке тщательно продуманных и законченно оформленных платформ. В течение всей своей короткой жизни Комитет всегда чувствовал себя на бивуаке, он считал себя предтечей «большого барина»—Учредительного Собрания, которое должно притти и сразу разрешить все вопросы. В ожидании его Комитет сам не хотел браться за какую-либо крупную органическую государственную работу. Он стремился по возможности ограничиться наиболее неотложными мероприятиями текущего характера, мероприятиями, не имеющими принципиального значения и не закрывающими дороги для свободного волеиз'явления будущего «хозяина земли русской». Это Комитету не всегда давалось, но таково было его основное настроение. И потому на всей работе омитета лежала явственная печать «временности», «переходности», «течести». Комитет стремился на каждом шагу даже внешне это подчеркивать. менно, поэтому издаваемые им законы назывались не «законами», а «приказами». Именно поэтому у него были не «министерства» и «министры», а едомства» и «управляющие ведомствами». Именно поэтому публикуемые официальные документы так часто начинались словами: «Впредь до восановления законной власти...» или «впредь до установления нормальных ношений...» и т. д. Вот почему в оставленном Комитетом наследстве трудно найти такой единый акт, который достаточно полно и законченно отражал бы его государственную программу. Но все-таки на основании как имеющихся материалов, так и личных воспоминаний попытаюсь это сделать.

Официальных целей, которые преследовал Комитет, было две:

1) Созыв разогнанного 5 января 1918 г. Учредительного Собрания.

2) Восстановление на Волге антигерманского фронта для ликвидации

Брестского мира и доведения совместно с союзниками до победоносного конца борьбы против прусского милитаризма.

В воззвании к населению, опубликованном в день захвата Самары, Комитет заявлял:

«Переворот... совершен нами во имя великого принципа народовластия и независимости России. Мы видели, что большевистская власть, прикрываясь великими лозунгами социальной революции, в действительности вела нас неуклонно и твердо к полному порабощению и самодержавию, возглавляемому немецким императором. Немцы с каждым днем продвигались все глубже и глубже в Россию, и большевики этому не препятствовали».

Здесь уже намечены основные линии ближайшей программы Комитета,— в дальнейшем в ряде прокламаций, приказов и публичных выступлений его руководителей эти мотивы находили свое более детальное и конкретное выражение.

Но для достижения поставленных Комитетом целей в качестве предпосылки необходимы были две вещи: сильная власть и многочисленная армия, которые смогли бы уничтожить большевиков и изгнать немцев из России. Поэтому вполне естественно, что Комитет видел свою непосредственную и главную задачу в создании этих предпосылок. Они целиком приковывали к себе его внимание и поглощали все его силы. Конкретно это означало, что центр тяжести всей работы Комитета переносился в область внутри-российских проблем или, еще точнее, в область вопросов борьбы с большевиками. Прусский милитаризм, Брестский мир, антигерманский фронт—все это как-то естественно и неизбежно уходило в туманную даль неопределенного будущего, а сегодня, сейчас на первый план выдвигались Советская власть, революционный пролетариат, Ленин и Троцкий. О Москве говорили и думали каждодневно, а Берлин вспоминали только по большим оказиям, когда надо было выступать перед «союзниками», или подслащать массам горькую пилюлю гражданской войны, или моментами успокаивать свою собственную нечистую совесть.

Помню, как-то раз я разговорился с членом Учредительного Собрания, только что приехавшим из Советской России. Он долго рассказывал мне о своих впечатлениях, полученных по ту сторону фронта, и в заключение с горечью прибавил:

— Сколько прекрасных, истинно-революционных элементов из народа идет сейчас с большевиками, а мы ведем борьбу с ними!

Мы стояли на балконе здания, которое занимал Комитет. Мой собеседник повернул голову в сторону Волги, тихо сверкавшей в лучах заходящего солнца, и раза два глубоко вздохнул. Видно было, что на сердце у него скребли кошки. Потом он тряхнул волосами и уже более спокойно прибавил:

— Ничего не поделаешь! Мы ведем борьбу не с большевиками, а с немцами. Большевики только ширма. Нащупывая врага, приходится прокалывать штыком и ширму.

Это очень характерный эпизод. Мы все в тот период чувствовали, что борьба против «прусского милитаризма» об'ективно превращается в борьбу против русской революции и для оправдания своей контр-революционной позиции судорожно цеплялись за фиговый листок Брестского мира. Но все-таки это был лишь фиговый листок и из-за него, чем дальше, тем ясней, начинала проступать реакционная сущность всего нашего предприятия.

Построить государственную власть без какой-либо политической и экономической программы невозможно. И потому, как ни мало был расположен Комитет к выработке детальных связывающих платформ, все-таки ему волей неволей приходилось то там, то здесь делать различные программные заявления, из суммы которых постепенно складывалась его общественно-политическая физиономия. Каковы были ее наиболее характерные черты?

В сфере политической позиция Комитета была совершенно ясная и определенная. Комитет стоял на почве демократической федеративной республики со всем полагающимся ей антуражем гражданских свобод и конституционных гарантий. В заголовке некоторых актов Комитета так и значились инициалы: «Р. Ф. Д. Р.». Принцип федерализма членами Комитета всегда подчеркивался. В заседании Комитета 5 сентября было даже принято специальное постановление, гласившее:

«Признать необходимым от имени Комитета обратиться к тюрко-татарскому населению России и Сибири с обращением декларативного характера о признании культурно-национальной автономии тюрко-татарских народов».

И дальше в том же заседании было решено, не ограничиваясь только тюрко-татарскими народами, опубликовать аналогичную декларацию и в отношении всех вообще нерусских племен, населяющих «территорию Учредительного Собрания». В приведенных случаях речь идет о культурно-национальной автономии; с вопросами государственной автономии Комитету пришлось столкнуться главным образом в связи с вопросом о формах управления Башкирией. Здесь он пошел очень далеко и признал за Башкирией право на собственное правительство и собственную армию, правда подчиненные верховной власти Комитета. Однако у меня было такое впечатление, что Комитет согласился на эти уступки не из свободного самостоятельно продуманного убеждения, а просто под давлением независевших от него обстоятельств. Как бы то ни было, но признание Комитетом принципа федерализма создало ему известную популярность в рядах нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири, поддерживавших его на различных с'ездах и совещаниях против других государственных образований более реакционно-централистического типа, возникших в ту эпоху на востоке России. В Самару приезжали даже киргизы, не ладившие с сибирским правительством и желавшие получить от Комитета для своей «Алаш-Орды» политическое признание и оружие.

Чрезвычайно крупное значение Комитет придавал местному самоуправлению, которое он считал основой демократической республики, а также надлежащей организации судебных органов, как гарантии незыблемости конституционных свобод. Поэтому в «Приказе № 1», изданном 8 июня, было об'явлено:

«Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные Советской властью органы местного самоуправления—городские думы и земские управы, коим предлагается немедленно приступить к работе...

«Все ограничения и стеснения в свободах, введенных большевистскими властями, отменяются и восстанавливается свобода слова, печати, собраний, митингов...

«Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинным народно-демократическим принципам, упраздняется и восстанавливается окружный народный суд...»

Такова была теория. Как она преломлялась на практике, увидим ниже.

В области внешней политики в собственном смысле этого слова Комитет стоял на точке зрения продолжения войны с германцами в тесном контакте с «союзниками». В этом отношении, как и во многих других, он рассматривал себя, как продолжателя дела коалиционного Временного Правительства эпохи Керенского. В особом обращении к правительствам союзных держав от 3 августа 1918 г. Комитет, между прочим, писал:

«Комитет членов Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы Брестского мирного договора... Не питая завоевательных замыслов по отношению к другим народам и территориям, Комитет не может в то же время мириться с насильственным отторжением той или иной части России и вменяет себе в непременную обязанность защитить и спасти Россию от посягательств со стороны врагов, дабы воссоединить отторгнутые и ослабленные части России в единое мощное государство, будущий строй которого определит полновластное Всероссийское Учредительное Собрание...»

Касаясь далее вопроса о создании Комитетом своей армии и необходимости возобновления им военных действий против центральных держав, Комитет продолжает:

«Комитет будет приветствовать поддержку вновь формируемой Российской армии со стороны союзников, как непосредственным участием на нашем фронте вооруженных союзнических сил, так и усилением армии военно-техническими средствами... Рассматривая помощь союзников, как выражение искреннего желания совместной борьбы с внешним врагом, Комитет предваряет, что эта помощь не может повлечь за собой какой бы то ни было территориальной или иной компенсации за счет федеративной России, и что привлечение в пределы России доблестных войск союзников имеет единственную цель—борьбу с внешним врагом. Оно не может быть использовано никем для иных целей и в особенности для борьбы внутренней, за исключением тех случаев, когда к этому призывает народ в лице Комитета членов Учредительного Собрания или самого Учредительного Собрания».

Свое право выступать перед Европой с подобными заявлениями Комитет обосновывал тем, что «в освобожденной от узурпаторов (т.-е. большевиков) части страны восстанавливается законная власть Всероссийского Учредительного Собрания, избранного всенародным голосованием, осуществляемая ныне

впредь до открытия этого собрания Комитетом членов Учредительного Собрания».

Политическая наивность этого замечательного документа прямо бьет в глаза: призывать капиталистических «варягов» в самое сердце России в момент ожесточенной борьбы за власть между революцией и реакцией и одновременно надеяться, что «варяги» останутся хладнокровными зрителями происходящей борьбы, скованные силой бумажных договоров, значило обнаруживать уровень политической мудрости царевококшайского обывателя. Тем более, что сам текст обращения открывал для держав Антанты при известных условиях даже юридическую возможность интервенции. Четыре месяца спустя «доблестные союзники» дали жестокий урок политического воспитания эсэрам, признав, что Колчак представляет «народ» гораздо вернее, чем Комитет Учредительного Собрания. Но в тот момент, о котором идет речь, они еще считали необходимым кокетничать с «силами демократии», и потому в ответ на свое обращение Комитет получил чрезвычайно любопытную телеграмму от тогдашнего французского министра иностранных дел Пишона, которая могла бы многому научить лидеров Комитета, если бы они обладали способностью учиться у жизни. Телеграмма эта гласила следующее:

«Господину Веденяпину. Самара. Из Парижа.

«Был счастлив узнать от Маклакова о создании правительства, имеющего целью воссоединить Россию и восстановить нормальные условия жизни. Здесь неведом ход событий в России. У вас не знают о намерении союзников, и немцы эксплоатируют этой неосведомленностью. *Восстановление прямых сношений с союзниками необходимо, чтобы выиграть время.* Запросите шифры у нашего посланника в Пекине. Мы готовим новый шифр. Будьте уверены, что французское правительство приветствует всякий симптом национального пробуждения в России *и всячески поддержит вас в вашей задаче ее воссоздания.* Но вы не должны упускать из виду следующего обстоятельства: Антанта не признает себя в праве делать выбор между политическими группами, борющимися между собой, и поддерживать одних против других. *События во Владивостоке и Архангельске вызвали глубокое разочарование и скептицизм по отношению к прочности всякого правительства.* Однако, как только вы докажете нам, что у вас в руках реальная власть, что вас слушаются в России, что вокруг вас группируются силы—это произведет огромное впечатление. Таким образом *ключ к вашей значительности за границей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более, что последние отнюдь не несомненны.* Все здесь полагают, что только У. С. может реорганизовать Российское государство. *Но невозможно отожествлять У. С. с его комитетом, из которого исключены две политические партии,* что колеблет самый принцип легальности, и *двести пятьдесят* [1]) *членов представляют собой слишком узкую*

[1] На состоявшемся в сентябре уфимском государственном совещании было признано, что Учред. Собрание может открыть свои заседания при наличии 250 членов. Пишон, видимо, отвечает как на цитированное выше обращение Комитета, так и

легальную базу. Вот почему ваше происхождение от У. С. не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила. Таким образом необходимо вашей устойчивостью, вашей реальной силой, дать нам доказательство вашего признания страной. Такое доказательство вызовет здесь общее облегчение. Желаю вам всяческого успеха. Готовый помогать вам всеми силами. *Пишон*».

Надо отдать справедливость Пишону: он достаточно определенно поставил точки над и.

— Нас интересует не словесность, а реальная сила,—говорил политический приказчик французской буржуазии.—Докажите, что вы сила, и мы вам поможем, мы вас признаем.

Так как Комитет силы не обнаружил, то Пишон поставил ставку на Колчака. В телеграмме французского министра иностранных дел в сущности уже заключалась программа омского переворота 18-го ноября.

В самой Самаре «внешняя политика» сказывалась слабо. Комитет поддерживал регулярно сношения с имевшимися здесь маргариновыми представителями союзников (главным образом Франции), приглашал их на разные торжества и парады, иногда вел через своего «министра иностранных дел» Веденяпина переговоры с ними по различным вопросам текущей политики. В свою очередь, представители союзников давали интервью представителям местной прессы и устраивали «политические чашки чая», на которых старались способствовать сближению различных групп антибольшевистского лагеря. Я помню, напр., одну такую «чашку чая» у г. Комо, где в числе других присутствовали Авксентьев, Брешковская, кадет Кудрявцев, казачий генерал Хорошкин, председатель уральского казачьего правительства Фомичев и представитель чехо-словаков д-р Власак. Был тут, конечно, и «лейтенант французской службы» и покоритель Казани Лебедев, сделавший своей специальностью «сближение» между антибольшевистскими силами и союзниками. От него как раз я и слышал об описанной «чашке чая». Гораздо значительнее и серьезнее были сношения Комитета с чехо-словаками, но о них подробный разговор будет ниже.

VII. Экономическая и социальная программа Комитета.

Впрочем, для определения истинного характера правительства важна не столько его политическая, сколько его экономическая и социальная программа. Какова была эта последняя у Комитета?

Начнем с основы хозяйственного бытия России—с земли. В данной области Комитет официально стоял на почве первых десяти пунктов закона о земле, принятого Учредительным Собранием на своем единственном заседании 5 января 1918 г. Названные десять пунктов признают «все находящиеся в

на позднейшие заявления Директории, плохо разбираясь в деталях русских отношений. Две исключенные из У. С. партии, упоминаемые Пишоном, - большевики и левые с.-р.

пределах Российской Республики земли со всеми недрами, лесами и водами народным достоянием», устанавливают право распоряжения ими со стороны республики в лице центральных органов и органов местного самоуправления и, наконец, определяют, что лица и учреждения могут осуществлять свое право на землю не в форме собственности, а исключительно лишь в форме правопользования.

В соответствии с этим в своей декларации от 24 июля Комитет категорически заявлял:

«Земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков Комитет не допустит. Сделки купли-продажи и залога на землю сельско-хозяйственного значения и лесные угодия запрещаются, а тайные и фиктивные сделки об'являются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности».

Вместе с тем, в целях урегулирования земельного вопроса, «Приказом № 51» от 25 июня Комитет восстановил действие земельных комитетов, существовавших во времена Керенского. Согласно другому приказу от 6 июля за № 83, эти комитеты должны были в соответствии с местными условиями вырабатывать временные правила пользования землей. Земельные комитеты— губернские, уездные и волостные—были созданы, но, насколько знаю, какой-либо заметной роли в жизни крестьянства им не удалось сыграть. По крайней мере, управляющий ведомством земледелия на заседаниях правительства не раз жаловался на крайнюю слабость нашего влияния на хозяйственную стихию деревни.

Таким образом формально Комитетом была признана национализация земли, однако в практическом проведении этого принципа он далеко не всегда обнаруживал необходимую последовательность. Так, он не принимал никаких мер для конфискации тех поместий, которые еще оставались в руках своих владельцев. Больше того. «Приказом № 124» от 22 июля Комитет даже санкционировал существование таких поместий, признав, что «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 г. на 1918 г. как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». Иными словами, помещикам было предоставлено право собрать урожай, несмотря на то, что их земля представляла «народное достояние». Правда, эту операцию они должны были производить под контролем органов местного самоуправления, при чем за государством оставалось преимущественное право на приобретение помещичьего хлеба, однако ни о какой конфискации частновладельческого зерна Комитет не думал. За каждый пуд он расплачивался чистоганом, как это полагается в самых лучших буржуазных государствах. Деликатность обращения с поволжскими Марковыми и Крупенскими была поистине трогательная! Невольно создается впечатление, что национализация земли, полученная по наследству от прошлого, являлась слишком тяжелым мечом для слабых сил Комитета и что ему не под стать было носить такие грозные доспехи.

Это впечатление еще более укрепляется, когда от земли переходишь к сфере финансов, промышленности и торговли. Здесь Комитет ставил себе вполне

определенную цель—целиком восстановить сломанные большевиками капиталистические отношения. Доказательств тому сколько угодно. Так, напр., председатель Комитета Вольский в речи, произнесенной им 14 августа на с'езде представителей городов и земств «территории Учредительного Собрания», категорически заявил:

«Не может быть и речи о каких бы то ни было социалистических экспериментах. Капиталистический строй не может быть уничтожен в настоящее время» (см. «Вечерняя Заря» от 15 августа 1918 г.).

Я сам в интервью, данном мной представителям печати после назначения меня управляющим ведомством труда, говорил:

«Я исхожу из того основного положения, что до социализма нам в России еще далеко, и что сейчас мы живем и долго еще будем жить в обстановке капиталистического строя... Поэтому я самый решительный противник большевистских социалистических опытов, которые только разрушили наше народное хозяйство. Я вполне сочувствую проводимой сейчас денационализации большей части национализированных большевиками предприятий» [1]).

В таком же духе неоднократно высказывались и другие руководители Комитета и его правительства. Но дело не ограничивалось лишь одними словами.

Уже 12 июня, т.-е. через четыре дня после ниспровержения Советской власти, Комитетом был издан «Приказ № 16» о денационализации банков. 17 июня финансовый совет при Комитете членов Учредительного Собрания постановил:

«Частная собственность на процентные бумаги принципиально восстанавливается, но практически проводится в жизнь постепенно... Выдача ссуд под процентные бумаги банками производится в размере прожиточного минимума».

2 июля Комитетом во всеобщее сведение было об'явлено:

«Все вклады в банках и сберегательных кассах об'являются неприкосновенными. Произведенные распоряжением большевистских комиссаров списывания с текущих счетов будут уничтожены, захваченные ценности и имущество возвращаемы владельцам, по установлении отдельных случаев, судебной властью».

В том же документе говорилось: «аннулирование займов отменяется».

То же самое происходило и в области промышленности. 14 июня (см. «Приказ № 19») Комитетом было постановлено:

«Поручить члену Комитета В. К. Вольскому созвать совещание из представителей рабочих и предпринимателей с участием представителей соответствующих органов самоуправления по вопросу о восстановлении прав владельцев».

9 июля «Приказом № 93» была учреждена специальная комиссия по денационализации предприятий в составе 30 человек, из которых по 13 человек

---

[1]) См „Наша Жизнь" № 30 от 28 августа 1918 г., Самара.

приходилось на долю представителей об обеих заинтересованных сторон (рабочих и предпринимателей), а 4 являлись нейтральным элементом (от местного самоуправления). Возвращение национализированного имущества могло происходить только по решению этой комиссии, при чем в пункте Г параграфа 5-го Инструкции по проведению денационализации говорилось:

«Возмещается владельцу стоимость захваченных материалов, фабрикатов и полуфабрикатов, имевшихся на-лицо к моменту захвата по рыночным ценам, существовавшим к моменту захвата, а равно по определению комиссии возмещаются убытки, происшедшие от порчи машин и прочего имущества предприятия по ценам, существующим в период ликвидации захвата».

Правда, благодаря быстрому наступлению Красной армии, комиссии по денационализации промышленности не удалось закончить своей работы, но во всяком случае обвинять Комитет в недостаточном внимании к интересам волго-уральской буржуазии не приходится. С своей стороны он сделал все, что мог.

Та же забота о буржуазии сказывалась и в мероприятиях Комитета по делам продовольствия. «Приказом № 53» от 27 июня для руководства этими делами была создана продовольственная управа и при ней «хлебный совет», состоявший из 8 лиц: 3 представителей самарской хлебной биржи, 3 представителей самарского губернского совета кооперативов, 1 представителя от отдела зернохранилищ государственного банка и 1 представителя от продовольственной управы. И здесь интересы частного капитала были вполне обеспечены, тем более, что § 11 того же приказа декретировал: «Твердые цены на хлеб отменяются».

В рамках обычной буржуазной практики вращалась и финансовая политика Комитета. Когда большевистская власть в Самаре была низвергнута, в кассе госбанка оставалось на-лицо всего лишь 1½ милл. руб. Расходы были большие и надо было изыскивать источники для их покрытия. Печатать собственные деньги Комитет в начале не хотел, дабы не понижать курса рубля. О поступлении налогов в этот период, конечно, не приходилось думать. Поэтому Комитет пробовал изворачиваться иными способами. На первых порах его поддерживала буржуазия: в Самаре Брушвиту удалось сделать заем среди местных финансистов и торгово-промышленников, в Симбирске и Казани Лебедев непосредственно после занятия этих городов получил довольно крупные суммы от растроганных толстосумов, кое-какие поступления подобного рода имелись и в других городах. Однако после короткого «медового месяца» увлечения Комитетом буржуазия перешла в оппозицию к новой власти, и карманы ее для Комитета закрылись. Тогда выступили на сцену вклады в банки и сберегательные кассы. После денационализации кредитных учреждений в них начался приток вкладов: обыватель в то время был еще достаточно наивен и верил, что Комитет может восстановить нормальный буржуазный порядок. Буржуазного порядка Комитет так и не восстановил, но деньги, вложенные доверчивыми людьми в банки, истратил. Когда иссяк и этот источник,—начали думать о других экспериментах. Назначенный в середине авгу-

ста управляющим ведомством финансов Раков организовал в целях пополнения государственной казны продажу водки, но так как этого было мало, то вскоре были пущены в обращение бумаги некоторых займов, находившиеся в самарском государственном банке. Эти бумаги—огромные зеленые и желтые листы, крайне неудобные к употреблению,—штемпелевались особыми печатями и выбрасывались на рынок в качестве денежных знаков. «Раковки» однако не пользовались популярностью, и Комитету уже перед самым оставлением Самары пришлось прибегнуть к крайней мере: принять постановление о продаже некоторого количества мелкой серебряной монеты из металлических запасов, захваченных в Казани, по расчету 5 рублей бумажных за 1 рубль мелкого серебра. Постановление это, впрочем, не было приведено в исполнение (помешало падение Самары), и таким образом весь металлический запас, взятый в Казани, был в целости эвакуирован из Самары в Уфу, а затем из Уфы в Омск, где Колчак сумел уже «протереть ему глазки». Комитет членов Учредительного Собрания во всяком случае не израсходовал из находившихся в его руках золота и серебра ни копейки [1]). С переездом в Уфу финансовое положение Комитета еще более ухудшилось, и тут он впервые вступил на тот путь, который фатально предуготован для всех правительств, действующих в эпохи революций,—он начал печатать свои деньги, получившие название «уфимок». Всего «уфимок» было выпущено приблизительно на 70 милл. р., и одно время они имели довольно широкое хождение на Урале.

В интересах справедливости необходимо отметить, что, проводя политику реставрации капитализма, Комитет стремился вносить в этот процесс известные планомерность и организованность, способные предупредить худшие проявления озверелой жадности и мести со стороны буржуазии. Так, напр., несмотря на всю вражду Комитета к «большевистским опытам», он временно впредь до завершения денационализации промышленности оставил существовать Самарский Губсовнархоз, продолжавший даже публиковать свой официальный орган «Известия Самарского Губернского Совета Народного Хозяйства». Правда, руководителями совнархоза теперь вместо большевиков стали меньшевики. Точно так же сохранены были в силе все распоряжения Советской власти о кожевенной монополии («Приказ № 41»), а все реквизированные большевиками дома, бани, гостиницы, кинематографы, промышленные предприятия местного значения и пр. впредь до окончательного разрешения вопроса о них передавались в ведение органов городского и земского самоуправления («Приказы» №№ 21 и 101). Все это, конечно, было очень разумно, но все это нисколько не меняло того основного факта, что Комитет стремился к полному восстановлению капиталистической системы хозяйства.

В тесной связи с экономической политикой Комитета находилась и его социальная политика. Опять-таки и здесь необходимо отметить, что Комитет различными мерами пытался несколько смягчить для рабочих остроту пере-

---

[1]) Насколько помню, в Казани было захвачено 650 милл. руб. золотом, не считая серебра, платины и др. драгоценностей.

хода от советских условий к условиям капиталистическим. Так, в «Приказе № 4», опубликованном в день захвата власти Комитетом, говорилось:

«Самарский Комитет Всероссийского Учредительного Собрания предлагает всем организациям, руководящим деятельностью различных предприятий, как-то фабрично-заводским комитетам и пр., оставаться на своих местах. Приказывается предпринимателям и населению насильственно не смещать таковых. Виновные будут привлекаться к ответственности по законам военного времени».

В дальнейшем фабрично-заводские комитеты были сохранены, хотя функции их против советских времен, конечно, сильно изменились. Был снова введен в действие закон Временного Правительства о рабочих комитетах в промышленности от 23 апреля 1917 г.

«Приказом № 88» от 7 июля локауты были признаны незаконными, и лицам, их об'явившим, угрожал военный суд. «Приказом № 89» от того же 7 июля все декреты по охране труда, изданные Советской властью, а также все заключенные при ней коллективные договоры признавались действующими впредь до отмены или пересмотра их в законном порядке. В «Декларации» Комитета от 24 июля указывалось, что «определенные законом права профессиональных союзов полностью сохраняют свою силу впредь до пересмотра законоположений о них». Вместе с тем «ведомству труда, ныне заменившему комиссариат труда», вменялось в строгую обязанность «иметь неослабное наблюдение за исполнением... законов и постановлений (о труде)», а «властям судебным и следственным» предлагалось «беззамедлительно расследовать и разрешать дела по нарушениям законов о труде».

Как видим, предупредительность Комитета по отношению к рабочим была очень велика: Комитет соглашался сохранить большевистское законодательство о труде впредь до пересмотра его новой властью (а это должно было занять порядочное количество времени). Чего же больше?! Притом не все из этих обещаний оставалось лишь на бумаге. Комитет, усиленно искавший поддержки пролетариата, прилагал немало усилий к тому, чтобы в данной области его слова не слишком резко расходились с его делами.

Мало того. Комитет решился на еще более рискованную, с его точки зрения, меру: он согласился терпеть существование совета рабочих депутатов. «Большевистский» совет, бывший в Самаре до прихода чехов, тотчас после переворота был распущен. Затем в июне месяце состоялась так называемая «рабочая конференция», на которой были установлены формы и сроки выборов в новый совет. В августе этот совет начал функционировать с тем, чтобы в конце сентября умереть от «независящих причин». Совет рабочих депутатов времен Комитета был, конечно, совсем не то, что совет рабочих депутатов большевистского периода. Тогда он был властью, теперь он представлял из себя лишь орган «общественного мнения пролетариата», т.-е. говорильню, решения которой ни для кого не были обязательны. Разница— весьма существенная. Но все-таки для Комитета, организовавшего гражданскую войну против большевиков, согласие на существование даже такого

совета было настоящим подвигом. Буржуазия и офицерство самого слова «совет» не могли произносить без скрежета зубовного, а Комитет официально допускал его заседания! В этом лежала одна из главных причин ссоры между Комитетом и поддерживавшими его в начале правыми элементами,— ссоры, сыгравшей решающую роль в судьбах всей самарской эпопеи.

Повторяю, Комитет стремился (по крайней мере, в теории) проявить максимум предупредительности по отношению к рабочим. И все-таки... все-таки ему не под силу было завоевать сердце пролетариата. Даже если бы суб'ективные желания лидеров Комитета находили себе достаточно полное выражение в реальной жизни, чего на самом деле не было, и тогда позиция самарской власти в отношении рабочего класса была бы безнадежна. Ибо Комитет вполне определенно стоял на почве капитализма, а капитализм кладет весьма узкие пределы для возможных достижений социальной политики. И разве опыт Самары не является как раз блестящим подтверждением этой мысли?

Когда теперь я перелистываю сборник приказов и распоряжений Комитета по рабочему вопросу, меня невольно поражает ничтожность его законодательного творчества в данной области. В самом деле, за 5 месяцев своего существования, как полномочного государственного органа, Комитет успел издать (до меня и при мне) лишь положение о кассах безработных, некоторые поправки к большевистскому «Положению о страховых присутствиях», правила о приеме и увольнении рабочих в предприятиях, работающих на оборону, и, наконец, закон о 8-часовом рабочем дне. Это все. А ведь руководители Комитета искренно желали дать пролетариату максимум того, что они могли дать!

Закон о 8-час. рабочем дне несомненно был максимальным достижением Комитета в области социальной политики. Это был его самый крупный и существенный акт. И чрезвычайно любопытно ознакомиться с теми обстоятельствами, которые сопровождали рождение названного закона, так как они бросают яркую полосу света на общее положение дел, господствовавшее в Самаре.

Приняв в середине августа управление ведомством труда, я твердо решил немедленно приступить к осуществлению той программы социальных реформ, на которой я сговорился с Вольским. Однако, через несколько дней после моего назначения «министром» мне пришлось ехать на челябинское совещание по организации «всероссийской власти», о котором речь еще будет ниже, и проведение намеченных мной мероприятий, естественно, затормозилось. Только на обратном пути из Челябинска, сидя на площадке вагона, я набросал основные положения закона о 8-час. рабочем дне и по возвращении в Самару энергично принялся за его проведение.

Закон мой не представлял из себя ничего особенно радикального. Он устанавливал нормальный 8-час. рабочий день во «всех промышленных, перевозочных и торговых предприятиях (частных, общественных и казенных), пользующихся наемным трудом», включая сюда и ремесленные мастерские; для подростков моложе 16 лет нормальное рабочее время определялось не

свыше 6 час. в день; в предприятиях особо вредных для здоровья нормальное время подлежало дальнейшему сокращению; еженедельный праздничный отдых рабочего не мог быть ниже 36 час.; сверхурочные работы для взрослых ограничивались максимумом в 16 час. в месяц, а для малолетних до 16 лет и совсем запрещались. Вот и все. Тем не менее при проведении закона мне пришлось натолкнуться на ряд серьезных препятствий сначала со стороны ведомства торговли и промышленности (не со стороны самого управляющего ведомством Филипповского, а со стороны всего его аппарата), а затем со стороны управляющего военным ведомством Галкина, который при обсуждении моего законопроекта в «Совете управляющих ведомствами» устроил настоящую обструкцию. Должен отметить, что и часть членов Комитета относилась довольно кисло к моей «затее», усердно доказывая, что русское народное хозяйство вообще «не может выдержать» 8-час. рабочего дня. Понадобился сильнейший нажим со стороны Вольского, Зензинова и др. эс-эровских лидеров, понадобилось специальное подчеркивание огромного агитационного значения (дело происходило накануне уфимского государственного совещания) предлагаемого законопроекта для того, чтобы он благополучно миновал все подводные рифы и стал, наконец, законом. Я одержал победу, но, одержав ее, я стал сильно сомневаться в возможности осуществления той программы социальных реформ, которая была мной намечена при переговорах с Вольским о моем вступлении в правительство Комитета членов Учредительного Собрания. Если таковы были препятствия при проведении закона, который не требовал никаких расходов от государства, то что же должно было ожидать меня при попытке осуществления других пунктов моей программы (напр., страхования), связанных с серьезными затратами со стороны казны! При этом обиднее всего было то, что доставшийся мне с таким трудом «Приказ № 273» (о 8-час. рабочем дне) в сущности реально ничего не давал рабочим, так как 8-час. рабочий день фактически уже применялся на фабриках и заводах, введенный явочным порядком тотчас после февральской революции. «Приказ № 273» имел почти исключительно лишь декларативное значение.

Да, Комитет мало мог предложить пролетариату, и в том была не злая воля его руководителей—наоборот, желания-то у них были, по своему, добрые,—а железная логика жизненных отношений. Назвался груздем,—полезай в кузов!

Суммируем все сказанное выше, и для нас станет совершенно ясен один не подлежащий сомнению вывод: программа Комитета являла собой довольно точное воплощение программы обыкновенной буржуазной демократии, не больше. Пусть никого не смущает даже национализация земли, как будто бы признанная Комитетом. В огне революции все партии, по общему правилу, выглядят «краснее», чем они есть в действительности. Когда огонь гаснет, искусственная «краснота» блекнет. После опыта Самары и Сибири, с необыкновенной яркостью обнаруживших всю тряпичность и бесхарактерность эс-эровской партии, я ни минуты не сомневаюсь, что, останься с.-р. у власти,—национализации земли суждено было бы весьма кратковременное существо-

вание. Она естественно отпала бы, как случайная «краснота» эпохи революции при первом же серьезном нажиме справа. Да, программа Комитета была программой буржуазной демократии. Это было не очень много для эпохи социалистического переворота. Это были детские сапожки, которые п. с.-р. хотела натянуть на ноги революционному великану.

Но осуществлялась ли в действительности хотя бы эта куцая и половинчатая программа? Творилась ли на «территории Учредительного Собрания», по крайней мере, хорошая буржуазная демократия?

Нет, и этого не было!

Для того, чтобы понять причины столь поразительной политической импотентности Комитета, необходимо несколько ближе присмотреться к характеру тех партийных группировок, которые в Самаре стояли у власти, а также ознакомиться с тем соотношением общественных сил, которое сложилось во второй половине 1918 г. на востоке России.

(Продолжение следует.)

Что дала октябрьская революция.

Карл Радек.

Значит, минуло уж пять лет. Когда пришло известие о Петроградском восстании пролетариата, Камилл Гюисманс, секретарь II. Интернационала— он находился тогда в Стокгольме, где организовывал известную, но бесславную Стокгольмскую Конференцию Мира,—заявил, смеясь: «через 8 дней они будут разбиты». С того момента противники беспрерывно предсказывали Советской России скорую смерть. Но Советская Россия не собиралась помирать, она жила и делала свое дело. Американские друзья Советской России издали маленькую книжечку, в которой собраны известия о падении Советского правительства, напечатанные в американской буржуазной прессе в продолжение двух первых лет нашей гражданской войны. Советское правительство было по этим сведениям разбито по меньшей мере 100 раз. Но Советская Россия победила в гражданской войне. Она создала в огне Красную армию. Она училась на своих поражениях и выходила в окончательном счете из них победоносной. Господин Ллойд-Джордж, говоря после неудачной Генуэзской конференции в английском парламенте об отношении к России, констатировал сухо, что ни один из самых ярких противников Советской России не смел предложить в Генуе начать заново вооруженную борьбу против непокорного русского пролетариата. Злейшие наши противники признают теперь, что всякая попытка скинуть нас вооруженной рукой только усилила бы Советскую власть. И после того, как мы учили их социологии со штыком в руках, противники наши поняли причину наших вооруженных побед, которые являются одновременно доказательством безнадежности всяких новых попыток сбросить нас вооруженной рукой. Они поняли, что русская революция сделала великое дело освобождения крестьян от ига помещиков. И когда мы в пятую годовщину октябрьского переворота задаем себе вопрос: что же сделала Красная армия, то в первую очередь надо остановиться на этом громаднейшем перевороте, который она проделала в деревне.

* * *

Господа меньшевики, господа эс-эры говорят, что октябрьская революция—буржуазная революция, ибо она завершила дело освобождения крестьян.

она сделала то, что должна сделать буржуазная революция. Но это их утверждение может нас наполнить веселым настроением. Они утверждали всегда, что русская революция есть буржуазная революция и что она не должна выходить за пределы буржуазного переворота, но они-то этого буржуазного переворота не были в состоянии произвести: они шли на поводу у буржуазной контр-революционной партии — у кадетов. Буржуазная контр-революционная партия кадетов шла на поводу у русских помещиков, и поэтому, проповедуя русскому пролетариату умеренность, проповедуя ему необходимость считаться с историческими пределами революции, они, оставаясь в пределах русской контр-революции, удерживали его даже от тех задач, которые, по их мнению, ему предписывала история. И великая историческая заслуга освобождения крестьян, являющаяся фактом в истории развития России, которой не стыдиться, а которой гордиться надо, — эта заслуга не является доказательством буржуазного характера русской революции, а является доказательством того, что только пролетариат в состоянии исполнить задачи даже буржуазной революции, ибо буржуазия и все, кто с ней идут, не в состоянии больше их исполнять, ибо она является контр-революционным классом. Но об этом будем говорить еще в дальнейшем. Теперь надо попытаться понять, что означает освобождение крестьян в русской революции.

Освобождение крестьян от ига помещиков, это не простой надел землей без выкупа, это не только экономический факт, ибо господство помещиков было не простым только экономическим фактом. Помещичье-капиталистическая Россия держала крестьян на уровне скота. Великим фактом русской революции является то, что помещики были побеждены *в борьбе*, ибо только борьба за освобождение крестьянства, веденная самим крестьянством, создала тот крупнейший перелом жизни крестьянских масс, который на-лицо и который является отправным фактом дальнейшего развития России. Российский крестьянин был помещичьим скотом не только потому, что часть его земель принадлежала помещикам, что ему приходилось платить тяжелую дань помещикам и помещичье-капиталистическому государству, он был скотом потому, что все условия жизни, в которых ему приходилось жить, держали его на уровне средневековья. Никакой экономический прогресс не был в России возможен до тех пор, пока крестьянская масса была не только чужда современной технике, всему тому, что дает капиталистическое развитие, но даже враждебно настроена всему, что выходило за пределы опыта средневековой деревенской жизни. Война глубоко вспахала душу крестьянства. Брошенный на фронт мужик обслуживал сложнейшую машину войны. Он учился, выдерживая на себе напор артиллерийского огня. Нервы его выдерживали в самой концентрированной форме действия самых сложных орудий современной техники. Царское правительство кормило солдат на фронте лучше, чем когда бы то ни было приходилось жить крестьянину: надо было сохранить силу, обслуживающую военную машину. И, несмотря на все неслыханные тяжести войны, на эту громадную подать кровью и потом,

которую уплачивал крестьянин на фронте империалистской войны, он все-таки знакомился в империалистской войне с благами жизни. Только тогда, когда царская Россия затребовала от него жизнь «за царя и отечество», только тогда она показала ему, что стоит жить. Но все это могло только потрясти крестьянина, но не делало его еще человеком. Оно показывало ему изобретения техники, но одновременно оно внушало ему тревогу перед этой техникой, которая является средством уничтожения людей. На фронте мужик научился не только есть хлеб в достаточном количестве, но и научился требовать мяса и др. вещей, без которых нет культурной жизни, но одновременно он увидел, что все это существует для него только тогда, когда ему приходится умирать за чужие интересы. Война его только потрясла, она не сделала его гражданином, она не указала ему, что современная техника есть именно путь и условие лучшей жизни. Революция научила его сражаться за лучшую жизнь. Революция сделала его после 3 лет войны, в которой он погибал за чужое дело, борцом за собственное дело, и только она, революция, это громадное потрясение миллионных масс крестьянства, борющихся за свое дело, сделала передовые его части гражданами.

С глубокой горечью рассказывал старый царский генерал Алексеев Плеханову о своих попытках уговорить крестьян оставаться на фронте. Он доказывал им, что если они обнажат фронт, то противник ворвется в их страну, но крестьяне-солдаты отвечали ему: «я из Пермской губернии, так далеко германцы не проберутся». Алексеев указывал солдатам, что всем в России придется уплачивать дань победоносному германскому империализму. «Сколько же надо будет платить?»—спрашивали его мужики, и, узнав, приблизительную сумму, отвечали: «это не много: у меня теперь больше еще пропадает». Русский крестьянин знал только свою деревню, он не знал России, Россия была ему чужой. Какой процент старых крестьян был в Петрограде и в Москве? Самый незначительный. Если какому-нибудь Петру или Сидору приходилось быть в Петрограде или Москве, то об этом рассказывала вся деревня и этим жили поколения. Пришла революция. Она перебрасывала калужского крестьянина сегодня в Сибирь вплоть до Байкала, завтра через Украйну на Кавказ — Баку, послезавтра в Польшу, а еще послезавтра высоко на север в Архангельск. В русской литературе времен революции большое место занимают мешечники. Господа интеллигенты, у которых революция отняла возможность ездить первым и вторым классом и которых она бросила в теплушки, очутились с глазу на глаз с русскими пейзанами и ужасно кривили носами по поводу того, что они не пахнут одеколоном. Эти русские пейзане во время мешечничества из'ездили Россию во всех ее направлениях. Когда-то славились мужики, которые из центральных губерний ездили за солью в Астрахань, и они рассказывали небылицы об этих краях. Теперь сермяжная Русь измерила громадное свое отечество, увидела его в первый раз, увидела, что в нем живут везде те же самые люди,—и украинский мужик научился страдать страданием северного мужика, а северный мужик научился понимать, что вопрос бакинской нефти является

жизненным вопросом и для него. Встряска всей психологии русского крестьянства является самым основным фактом русской революции. Агрономы, которые заявляли, что тот факт, что можно было крестьянина в 1922 г. уговорить для борьбы с засухой вспахивать землю раньше, чем это делали его отцы, является громаднейшей революцией,—эти агрономы говорили великую правду. Этот перелом в психологии крестьянской массы, то, что она не боится нового, что она готова размышлять о том, представляет ли для нее удобство отказ от старины, от того, как жили отцы,—этот факт является основой всего дальнейшего развития России. Работа приобщения России к цивилизации, начавшейся со времен Петра Великого, по сегодняшний день не вышла за рамки обрезывания бород боярам. Вся эта культура России, которой кичатся русские интеллигенты, вся эта культура фарфора, музыки Чайковского, Библиотеки самообразования, Русских Ведомостей, ватерклозета и граммофона,—вся эта культура является цветком при мужицком тулупе, является накипью на океане крестьянской темноты. И только с момента, когда крестьянин начал думать, когда крестьянин начал двигать мозгами не только по поводу ведьм, а по поводу тракторов, по поводу грохота пушек, по поводу декретов Совнаркома,—только с того момента начинает жить Россия не как географическое понятие, а как нация. Некоторые русские эмигранты, которые сбежали за границу от «большевистских варваров» и которые теперь начинают нерешительно, неуверенно возвращаться, они рассказывают о потрясающем впечатлении, которое производят на них первые красноармейцы, которых им приходится видеть на пограничных станциях. Хамы, интеллигентская сволочь видят, понятно, только растрепанные вагоны, грязь, но люди поідумчивее видят другие лица, чем их в прошлом видели в армии. Шинель красноармейца хуже старой царской шинели, сапог часто нет, но крестьянская молодежь, носящая теперь винтовку для защиты республики под фантастическим названием РСФСР, другая, чём запуганный серый скот царской армии. В этом убеждается всякий, кто приходит в соприкосновение с крестьянской молодежью. Армейские люди могли бы книги писать об этом; я, штатский, расскажу только мелочь. Приехав в Петроград в годовщину смерти Урицкого, я узнал от товарищей о параде петроградского гарнизона на плацу Урицкого. Я отправился посмотреть. Чтобы пробраться на площадь, надо было пройти расставленные красноармейские караулы. Я пред'явил ВЦИК-ский билет красноармейцу, который, признав мое право на участие в параде, сказал мне, что надо мне обойти площадь кругом, ибо в этом месте ему нельзя никого пропускать. Я погорячился и—нечего грех скрывать—начал ругаться на нелепое распоряжение, ибо без всякой помехи для демонстрации я мог пройти в том месте. Красноармеец остановил меня, заявляя ясно и твердо, что ему на карауле разговаривать не полагается, что ему дан приказ и он его исполняет. Проходящие военные товарищи, которые меня узнали, об'яснили ему, что он должен меня пропустить, как члена ВЦИК, но красноармеец не уступил. Поняв, что он прав, я, понятно, пошел кругом и начал расспрашивать товарищей, кто несет караул, будучи убежден,

что это, вероятно, какой-нибудь полк из рабочего состава. Товарищи руководители об'яснили мне, что полк почти крестьянский. Я подвел их после к караульному, с которым имел столкновение, и мы удостоверились, что он крестьянский сын, что он в Петрограде только с момента вступления в Красную армию.

Нас очень часто пугают серым Наполеоном, пугают самосознанием со стороны крестьянина, которому не нужна будет опека пролетарской диктатуры после того, как он получил землю. Это все очень умно выдуманные страхи, более умные, чем когда пугали нас штыком Антанты. Но если вопрос о пределах русской революции будут решать многие элементы как русские, так и международные, то одно ясно—социалистическое развитие еще более, чем буржуазное, невозможно на почве азиатчины, на почве тупого средневекового крестьянства. Оно возможно только на почве пробуждения крестьянства к самостоятельной жизни. И Советская Россия должна приветствовать это пробуждение крестьянства, как одно из важнейших условий ее окончательной победы. Понятно, что крестьянство не пролетариат, и очень весело, когда этому хотят учить нас, марксистов, господа эс-эры, которые строили всю свою историю на каше из крестьянства и пролетариата. Если пролетариат не сможет делом доказать крестьянину, что для него выгоднее господство пролетариата, чем господство буржуазии, то пролетариат власти не удержит. Но он сумеет это доказать только думающему крестьянству, новому крестьянству, и не сумел бы этого доказать крестьянству средневековому, которому ничего нельзя было доказать, которое могло быть только рабом. Никто еще не считал рабство основой социализма.

* * *

За пять лет борьбы русский пролетариат насчитывает сотни тысяч погибших в боях борцов. Если бы фабрики Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Баку сумели посчитать тех из своих лучших работников, которых больше нет, то траурная книга русского пролетарата обнимала бы много томов, она больше почетных списков, которыми гордятся прусские юнкера, японские самураи и другие представители «дворянства меча». Сотни тысяч рабочих сбежали из города, который не кормил их, в деревню. Многие из них потеряли связь со своим классом, многие из них чувствуют себя теперь крестьянами. Десятки тысяч лучших рабочих из душных мастерских попали в не менее душные канцелярии и не менее тяжело борются с непослушной бумагой, чем со станком. В государственном аппарате, в хозяйственном аппарате, в Красной армии потеет слесарь, токарь, наборщик и портной над непривычными задачами, над новой работой. И рассказывают, смеясь, проказники, что когда при отступлении нашей армии на польском фронте тов. Пятаков по телеграфу угрожал, что издаст приказ расстреливать парикмахеров, то пролетарий, стукающий на машинке, ошибаясь написал об угрозе расстрелом парикмахеров, что очень огорчило другого пролета-

рия-парикмахера тов. Хвейсина, командующего на Брестском участке. Зло смеются над нами наши враги по поводу малограмотности нашей рабочей администрации. Этой рабочей администрацией мы в значительной мере существуем, она—значительный процент наших сил. И если бы на ее место поставить грамотную старую администрацию, то она не в состоянии была бы без этих рабочих администраторов двинуть ни одного поезда. Но с фабрик они исчезли, на фабриках осталась масса, в значительной мере только во время войны туда попавшая... Осталось много женщин, много менее квалифицированных рабочих. Да, русский фабричный пролетариат не только находится еще в тяжелой нужде, при которой положение довоенных времен кажется ему раем, но ослабел численно, ослабел и качественно. Кто пишет балланс революции и не хочет писать казенных слов утешения, а хочет честно думать о путях революции, тот должен исходить из того факта, что революция ослабила материально пролетариат, что она ослабила его количественно. Господа эс-эры будут наверно торжествовать по поводу этого заявления: «Хорошая пролетарская революция, которая ослабила пролетариат. Хорошая пролетарская революция, которая после пяти лет, делая свой баланс, должна сказать: он не богаче, а беднее, он не сыт, а голоден». Да, уже Николай I говорил, что нужно избегать войны, ибо она расстраивает армию.

Пять лет боролся русский пролетариат одинокий, пять лет он нес на своей спине невыносимо тяжелую ношу. Он воевал без сапог, кормясь пшеном. Он работал на наших военных заводах по 10-12 час. в день, не соблюдая закона о 8-часовом рабочем дне, но соблюдая закон революции—защищать Советскую республику до последней капли крови. Но когда он подсчитывает свои потери и раны, когда он делает балланс своей героической борьбы, о которой будут рассказывать через сотни лет счастливые люди, как об одной из самых прекрасных книг истории.—Когда он подсчитывает итог этих пяти лет, то он может с улыбкой презрения отбросить предложение врагов подводить этот подсчет по бухгалтерской книге. Этот подсчет еще не кончен и только что еще начинается. Три года мы боролись за голую жизнь, но теперь мы можем приступить к творческой работе, и мы приступаем к ней в условиях, в которых преобладают еще результаты борьбы за голое существование. Издержки этой борьбы еще не покрыты, они являются главным минусом нашего баланса. Мы еще будем платить стоимость империалистской и гражданской войны много лет, и голод 1922 г.—это не последний счет, пред'явленный нам кровавым прошлым. Война, которую вел против нас мировой капитал в продолжение трех лет с оружием в руках, кончилась его поражением. Но если бы кто-нибудь по этому поводу сказал, что капиталисты мира дураки, что они ввязались с нами в войну, которая должна была кончиться их поражением, то этому умнику ответили бы главари мирового капитала: «Ваша нищета, ваш голод надорвали силы русского пролетариата. Вот наша победа и вот почему стоило с вами бороться с оружием в руках. Вы собрались в бой для того, чтобы показать миру пример, что пролетарская революция лучше справится с развалом, оставленным войной, чем буржуа-

зия. Вы хотели дать пример переустройства мира на новых основах, но мы заставили вас истекать кровью, мы заставили вас выбросить в воздух из горла пушек то железо и тот свинец, который вы могли употребить для хозяйственной работы. Мы заставили вас построить пятимиллионную армию в продолжение 3 лет, одевать и кормить людей, которые не пахали, которые не работали у станков. Мы принудили вас разрушать крестьянское хозяйство, и вы теперь нищи и бедны. Вот вам цена вашей победы. Когда смотрит рабочий Запада на вас оборванных, на вас, принужденных в случае голода апеллировать к гуманности своих врагов, когда он смотрит, что вы принуждены бороться за то, чтобы иностранные капиталисты, которых вы прогнали из России с проклятием, изволили возвращаться в Россию эксплоатировать вас, то рабочие массы Европы, полные страха, отворачивают свои глаза от революции. Призрак революции пугает не только капиталистов, но призрак революции пугает рабочих Европы. Те, кто не испугались лица медузы, те, кто не испугались кровавого террора, на груди тех ложится теперь кошмаром мысль, что и им придется голодать, что и им придется так страдать, как вы страдали».

Мировую буржуазию не спасет страх отсталых еще масс европейского пролетариата перед разрухой, ибо они, Версальские вершители судеб человечества, приговорены к тому, чтобы увеличить ту экономическую разруху в странах, где они еще господствуют, к тому, чтобы увеличить ту нищету европейского пролетариата. И не будет для него страшнее страха, кроме господства собственной буржуазии. Но пока капиталистический мир катится вниз, мы только очень медленно начинаем выбираться, и в то время, когда только некоторые части пролетариата Москвы и Петрограда начинают жить немного лучше хемницких текстильщиков или берлинских рабочих, донецкий шахтер живет еще несравненно хуже, чем шахтер Рурского бассейна, на котором держится германская «политика исполнения» Версальских договоров и которого поэтому германская буржуазия принуждена подкармливать.

Но когда господин Ллойд-Джордж после банкротства Генуэзской конференции перед Нижней Палатой об'яснял, почему Советская власть отклонила его любезное приглашение капитулировать перед международным капиталом, то он принужден был сказать: «Советская власть не свободна от влияния общественного мнения, а общественное мнение делают в России рабочие и они *не* хотят возврата к капитализму». Господин Ллойд-Джордж ошибся, думая, что без этого давления Советская власть согласилась бы на капитуляцию, но он был вполне прав, что русские рабочие не хотят возврата к капитализму. В этом сила Советской власти, и в этом главный итог октябрьской революции, как социалистической революции. Противники наши, чуждые методу марксизма, очень плохо ориентируются в положении России. Еще хуже в том, кто двигает душами русских народных масс. И господин Ллойд-Джордж, говоря правду о русском рабочем, не умел бы об'яснить причину того, что он сам констатировал. Когда нет хлеба, когда мы требуем от рабочего во имя революции, чтобы он голодный работал, то, само собою по-

нятию, что души их не полны радости и что социалистическая Россия иначе выглядит, чем та картина, которую рисовали на картинках, представляющих в давнее время праздник 1-е мая. Работницы, рабочие и дети не танцуют вокруг дерева свободы. Они в тяжелом унынии сидят в нетопленных квартирах и думают тяжелую думу. И тогда надо больше героизма для того, чтобы выступать на митингах с призывом к героической выдержке, чем итти на пули. В марте прошлого года, в самые тяжелые дни бесхлебья, мне приходилось выступать на одной из наших динамофабрик за Симоновской заставой. Выступали одетые в защитный цвет беспартийности меньшевики и эс-эры и спрашивали рабочих, хуже ли им было в данное время даже при господстве царизма? И они срывали хлопки. Когда я горячо возражал и с горечью спрашивал рабочих, в самом ли деле они предпочитают возврат под царское буржуазное иго дальнейшей борьбе и голоду, — на момент воцарилось молчание. Перебил его рабочий, который выглядел, как олицетворение нужды и нищеты рабочих масс. С глубоким волнением он спросил меня: «Разве вы не понимаете, что нам не нужны никакие меньшевики и эс-эры? мы знаем, что нам с ними не по дороге, когда мы им выражаем сочувствие; но мы знаем, как плох и бюрократичен советский аппарат. И мы вас подхлестываем, ибо знаем, что когда кричим, то все-таки находятся хотя бы кое-какие крошки для улучшения положения. Капиталистов мы не впустим, но зайдите с нами в фабричную столовую и попробуйте суп, который мы сегодня ели на обед». И когда я отправился с ними в фабричную столовую, тогда начались не митинговые речи, а начался простой задушевный разговор с рабочими, которые вынесли неслыханно много тяжестей, которые очень страдают, но которые, когда дело идет на чистоту, твердо знают, что не хотят возврата к капитализму. И если бы при помощи мирового капитала удалось победить Советскую власть, то белые могли бы сидеть на своих штыках, но они бы не в состоянии были наладить никакое производство. Русский рабочий класс думал великую думу. Он думал о победе над капиталом. Он платил за эту думу истории по Шейлокским счетам кровью своего сердца, и он эту думу думает дальше. Как они кричали «свобода торговли», когда можно было получить хлеб в деревне, а заградительные отряды не пускали. Но как только началась новая экономическая политика, не было конца размышлениям о том, не ввергнет ли она Россию под господство капитала? и нет конца этим размышлениям. Разные революционные поэты—которые в 1919 и 1920 г. г. проклинали коммунизм за отсутствие свободы просиживания в кафе и которые теперь пишут меланхолические стихи о том, насколько красивее была угрюмая Россия, в которой даже эстетические наслаждения распределялись по карточкам,—понятно не отражают настроения пролетариата. Рабочие люди—это реальные люди, люди твердых фактов. Они знают, что переход от военного коммунизма к новой экономической политике, при которой вынутый из нафталина буржуа щеголяет по городу, что этот переход не означает изгнания из коммунистического рая. Этот рай существовал только в наших мечтах, он не был ни один день кровью и плотью, и рабочие массы великолепно разби-

раются в твердых необходимостях жизни и они соглашаются на то, что нужно; и всякая фабричная труба, которая задымилась благодаря новой экономической политике, и всякий лишний кусок хлеба, который получает теперь рабочий ребенок, считается рабочими плюсом. Но если этот реалистический учет необходимости есть доказательство зрелости передовых отрядов пролетариата, то его беспокойство по поводу пути, на котором мы теперь находимся, является залогом наших будущих побед. Русский пролетариат согласится на новую экономическую политику только постольку, поскольку она останется новой экономической политикой Советского государства, а не перейдет в *старую* экономическую политику *капитала.* Если мы при помощи новой экономической политики, даже делая уступки международному капиталу, сдавая в аренду значительную часть фабрик, удержим основное, соберем снова разбросанных по деревням фабричных рабочих, если Советское правительство, помня твердо о том, что оно является правительством рабочего класса, сумеет при новой экономической политике защищать его интересы, то ближайшие годы будут годами мобилизации рабочего класса, будут годами большего укрепления Советской России и коммунистической партии. Но пределы наших уступок определены, определены чувством рабочих, что не только не допустима капитуляция, но не допустим и «спуск на тормозах», который так нравится сменовеховцам.

Русская революция—первая пролетарская революция, и то революция в отсталой крестьянской стране. Если пока что продолжающаяся изоляция Советской России принуждает нас к сочетанию капитализма с социалистическим строительством, то необходимость этого сочетания является тем более строгим законом благодаря крестьянскому характеру страны и ослаблению ее хозяйственных сил. Это сочетание, понятно, кажется парадоксом людям исторических схем, людям, исторические знания которых исчерпываются делением истории на античную, средневековую, новую и новейшую. Можно парадоксально сказать, что история не знает ничего кроме сочетаний, что чистых типов нет, и если бы профессора не были породой людей из натуры глупых, то, наверно, никогда не было бы спора между проф. Бюхером и Майером: существовало ли в Греции и Риме натуральное хозяйство или денежное, ибо существовали одновременно и натуральное, и денежное. Но так как профессора глупы, то мы принуждены дискуссировать с меньшевистскими профессорами, споря с Данами и Мартовыми насчет того, возможно ли сочетание при диктатуре пролетариата начал социализма и начал капитализма. Оно возможно, потому что оно существует, о его возможностях мы будем много лет дискутировать не с Данами и Мартовыми, что больших затруднений не представляет, а с капиталистическими трестами, которые будут пытаться нас задушить и которых мы будем пытаться использовать для того, чтобы их работу употребить на наше социалистическое строительство.

* * *

Революция дала крестьянину то, к чему он стремился. Рабочим она еще не дала достигнуть его цели, ибо целями рабочего класса является не только победа над капиталом, а устройство жизни на новых социалистических началах.

Но тот, кто из этого делает вывод, что русская революция оказалась буржуазной и что поэтому мы будем строить капитализм, похож на мотылька, который живет только один день и поэтому его «ἔργα καὶ ἡμέραι» его «труды и дни сводятся только к утру и вечеру одного дня». Во всех современных революциях, начиная с английской, рабочий класс выдвигал знамя социализма. Мы происходим от тех рабочих, которые, приняв по Библии стремление к общественному пользованию земель, во время английской революции, в которой родился буржуазный индивидуализм и капиталистическая Англия, шли за город и пахали необработанную землю. Над ними сначала смеялись, их позже убивали, разгоняли, казнили, но они боролись за то, чтобы земля всем принадлежала. Когда на горе св. Георга они собрались, на них напала толпа. Командующий войсками английской республики генерал Фервакс пошел посмотреть на чудаков, уговаривал их бросить нелегкую затею, но они ответили: «Бог просветил сердце наше, дабы мы знали, что земля создана *не* для того, чтобы вы были господами, а мы рабами». Вожди их, Уистандей и др., были наказаны. Солдаты буржуазии разрушили их дома и парламент одобрил эти действия. Мы происходим от тех, кто во время Великой французской революции пытался колесо истории двинуть за пределы буржуазной республики. Они не знали еще брошюр Каутского и не предчувствовали Мартова и Дана, и осталось о них во всех руководствах истории только смутное воспоминание. Вошли они в историю под названием «бешеных», но они были огнем души парижских секций, пламенем французской революции. Мы родились в крови тех рабочих масс, которые не слушались Луи-Бланов и были расстреляны в июньские дни огнем Кавеньяка. Наши отцы—безумные коммунары, которые в 1871 г. в крестьянской Франции в одном Париже подняли знамя социальной революции. И когда нас пять лет пытаются бросить на лопатки не только при помощи речей, статей и брошюр 2-го и 2½-го Интернационалов, но при помощи 3-летней войны, при помощи тяжелой артиллерии крестового похода буржуазной прессы всего мира, церквей всего мира, используя голод, холеру и тиф и когда все это с нами проделывают пять лет, когда после всего этого нас боятся и нас, заклейменных, принуждены приглашать на мирные конференции, то хотя мы знаем и все наши язвы, и все наши несчастия, и все наши болезни, и нашу слабость, мы обращаемся духом к нашим погибшим в неравном бою предкам и говорим: «мы начали дело и мы его закончим. Вы погибли, а мы перенесем ваше измученное тело в нашу страну, где они будут святынею для народа».

«Мировая революция только началась»,—сказал Ллойд-Джордж в своем меморандуме Версальской конференции в марте 1919 г. «Мировая революция не кончилась»,—отвечаем мы мировой буржуазии в пятую годовщину Октября.

На Наурской станции на Кавказе на нас напали белые, когда мы возвращались с Бакинского с'езда народов Востока. К нам пришли на помощь бронепоезда. Когда белые отступили, мы разговорились с командой бронепоезда. Артиллерист рабочий-путиловец показывал мне внутреннее устройство поезда. В душной стальной камере он обратился вдруг ко мне и, опираясь на пушку, спросил: «Когда победит мировая революция, товарищ? Мы очень устали». С того времени миновало два года. Я не знаю, где теперь выжидает мировой революции путиловец-артиллерист: погиб ли он в борьбе с поляками, с Врангелем или с бандитами, сторожит ли он у пушки на бронепоезде или, быть может, вернувшись нищим с войны, работает где-нибудь на заводе. Ему тяжело, но он не ждет мировой революции, он на нее работает, ибо каждый день существования Советской России, это есть великая работа для мировой революции. Она идет: пока что не в шуме знамен, не в грохоте пушек гражданской войны. Буденный не поит лошадей в Рейне, и отряды красных курсантов не борются на улицах Парижа как подмога французским рабочим. Но кто умеет слышать—тому слышна работа саперов революции. Капитализм сам эту работу исполняет, он роет окопы будущих гражданских войн. Он роет их в Берлине, Париже, Лондоне, роет их в деревнях Месопотамии, на улицах Калькутты, Бомбея, Шанхая и Токио. Люди малого мозга и трусливого сердца видят только движение автомобилей на Потсдаммерплац в Берлине и на Пикадилли в Лондоне, но Ллойд-Джордж, Пуанкаре, лорд Риддинг знают, как дело обстоит. Прав Ллойд-Джордж, когда спрашивает: «кто верит, что Россия будет безмолвно смотреть на голодную смерть своих детей и что будет мир в Европе, когда есть голод в России?» Советская Россия, быть может, еще не одну годовщину праздновать будет перед тем, как будет ее с нами праздновать победоносное большинство европейского пролетариата. Но каждый год нашего существования увеличивает шансы на то, что русский красноармеец поможет сократить мучения родов социализма в промышленной Европе.

Если нам удастся только прожить и хотя бы поднять крестьянское хозяйство, то наш штык и кусок хлеба сократят период мучений европейского пролетариата, который в свою очередь поможет нам, мужицкой стране, не останавливаться на полпути.

Мы перешагнули через море крови, через море слез. Мы—первый пролетариат мира и первая пролетарская партия мира, которая перестала бояться наступлений, бояться отступлений, бояться мыслей, нами созданных, бояться мыслей, нами убитых. Написал кто-то, что сера Советская Россия, что еще красочна Европа. Это писал усталый революционер, который отдыхал несколько недель на европейском досуге и, отдыхая, не заметил, как серы и грязны мысли этой буржуазной Европы, как угасли все ее солнца. Советская Россия, грязная, обтрепанная, оборванная, в шинели, с разбитыми стеклами вагонов, но она—кузница новой жизни. В рассказе Вересаева «В тупике» воет истерическая меньшевичка, полная омерзения от кровавой, грязной, обтрепанной России, что даже если мы погибнем, то мы все-таки будем

светить на небесах истории, и даже никто не поверит, как мы были грязны в том кровавом деле, которое мы делаем. Художник сказал глубокую правду. Врач помогает при родах ребенка. Его руки, его халат запачканы кровью, но он помог ребенку прийти на свет божий. Рождаются ребята и без врача, но никогда не рождается новый мир без революции. Ипполита Тэна, ипохондрика, старого холостяка, книгу «о французской революции» мы читаем теперь с громадным интересом, но смеясь. Вот погубил человек Марата, написав, что он был сифилитиком, хотя Марат ни в каком сифилисе не был повинен. Но пригодился уже придуманный сифилис для глумления над французской революцией. Но она вошла в историю, как зарево новой исторической эпохи, и схлынет грязь, которой залита октябрьская революция, как всякая революция. Даже ее нечистоты послужат для удобрения ее плодовитых земель и расти будет рожь на вспаханных плугом революции русских землях, и кормить будет фабрики уголь революции, добытый с глубоких шахт трудового народа России.

Крах капитализма в Европе[1].

Е. Преображенский.

Товарищи!

Из предыдущих лекций вы видели, что Советская власть, в определенный период своего экономического развития, стала с гораздо бо̀льшей остротой чем раньше чувствовать ограниченность своих экономических средств для мощного движения вперед. Лишь новое перераспределение производительных сил Европы, направленное к приложению новых средств и орудий производства к русскому земледелию, к богатейшим и неиспользованным землям Юго-Востока и Сибири, и механизация земледельческого труда в массовом масштабе могли дать сильнейший толчок движению вперед. Психологически это выражалось в известном «натиске на Запад», во все более и более нервном ожидании пролетарской революции на Западе и в нетерпении, напоминавшем нетерпение 1917—1920 г.г. На почве капитализма эта задача не могла быть разрешена, поскольку капитализм исключал возможность планового хозяйства в Европе, районирования Европы по производственному признаку, не считаясь с национальными границами, поскольку исключал такую огромную ломку в размещении распределительных сил, при котором в обработку пускались бы прежде всего лишь те площади земель, которые давали максимальный доход. Капитализм не мог из-за своекорыстных интересов отдельных групп предпринимателей с их «гнилыми» предприятиями осуществить концентрацию производства, с закрытием всех этих «гнилых местечек» промышленности, которые и раньше могли держаться лишь под охраной таможенных пошлин национальных государств и существование которых было бы экономически бессмысленно при районировании и концентрации производства. Наконец, капитализм не рисковал на помещение больших средств в России, за исключением, отчасти, германского капитала. Между тем, лишь только революция в железнодорожном транспорте, проведение электрических сверхмагистралей, прорытие ряда каналов для водного сообщения могли приблизить источники сырья и русского хлеба к промышленности Европы. Таким образом развитие производительных сил России толкало теперь Россию на

[1]) Статья представляет собой последнюю главу из печатающейся моей книжки „От нэп'а к социализму (взгляд в будущее России и Европы)“. Вся книжка написана в форме лекций по истории XX века.

Запад с тем, чтобы ускорить движение Запада на Россию. Если б революция на Западе заставила себя слишком долго ждать, такое положение могло бы привести к агресивной социалистической войне России с капиталистическим Западом, при поддержке европейского пролетариата. Этого не случилось, потому что к этому времени пролетарская революция на Западе, по законам своего собственного внутреннего развития, уже стучалась в двери. Правда, как вы знаете, развитие дальнейших событий повлекло за собой также и войну, но эта война носила характер не главного средства для решения назревшей исторической проблемы, не роль главного акушера, а роль его технического помощника при облегчении родов.

Какие же причины привели к под'ему второй волны пролетарской революции в Европе?

Послевоенный кризис европейской промышленности начал понемногу рассасываться к средине двадцатых годов. Это улучшение кон'юнктуры произошло, во-первых, за счет ухудшения положения рабочего класса. Экономический натиск капитала на рабочий класс, особенно в странах с высокой валютой, в странах победительницах, привел в общем и целом к победе капитала и к общему сокращению уровня заработной платы. Это сокращение позволило капиталистам этих стран удешевить товары и с большим успехом конкурировать с Германией. С другой стороны, европейский, прежде всего английский капитал усиленно начал искать новых рынков и источников сырья, как в колониях, так и в отдельных, аграрных странах Европы и Азии. Поиски эти увенчались известным успехом. Сырьевая и рыночная базы европейской промышленности были несколько расширены. В этом же направлении влияло также установление хозяйственных связей Европы с Россией, которая с каждым годом увеличивала свой экспорт и импорт.

Однако это временное улучшение не могло быть длительным и прочным. Очень скоро поступательное движение промышленности приостановилось на общем уровне производства, которые не достигало даже довоенных размеров. А это означало, что капитализм, начиная с 1914 года, т.-е. с года войны, либо топтался на месте, либо деградировал. Эти пятнадцать лет застоя или попятного движения доказали с полной очевидностью, что капитализм уже исчерпал себя, как определенная экономическая система, что история выжала из него все, что он мог дать, и он, как мавр, сделавший свое дело, должен был уходить. Как уходил этот мавр и как его приходилось «уходить» и подталкивать, чтоб он проваливал скорее, об этом речь будет ниже. Но здесь мы сталкиваемся с одним очень важным теоретическим вопросом. Капитализм умер или убит (все зависит от того, на какую сторону процесса мы обращаем главное внимание). Социализм обеспечил возможность для гораздо более быстрого и беспрепятственного развития производительных сил. Это уже исторические факты. Но спрашивается, почему же чисто экономически капитализм не мог развиваться после мировой войны, почему развитие производительных сил в *капиталистических формах* сделалось об'ективно невозможным? Иными словами, чем экономически был вызван застой в европейском хозяй-

стве двадцатых годов, когда первая атака пролетариата на буржуазный строй в 1917—1920 г.г. была отбита и капиталистический режим стал на ноги?

Об'яснение этому мы можем найти в следующем: самый факт мировой войны был проявлением глубокого кризиса в капитализме. Если перед этим капитализм только завоевывал мир, в котором были еще в наличности места, незатронутые его щупальцами, то теперь дело шло лишь о том, как поделить уже завоеванный мир. Одна часть капиталистического целого могла развиваться дальше лишь путем разгрома другой своей части; капитализм начал терзать свое собственное тело. В сущности ответ на вопрос отчасти уже заключается в ответе на другой вопрос: каковы были экономические корни мировой войны. Продукция капиталистического хозяйства Европы перед войной была наивысшей продукцией европейского капитализма вообще. После войны капиталистические страны были в состоянии лишь иначе перераспределить основные условия всякого промышленного производства, но не могли создать более расширенного базиса для него. В самом деле: несколько рынков от Германии перешло к Франции, но не увеличилось число рынков и их емкость вообще. Один-другой источник сырья перешел от Англии к Америке, но не увеличилось ни источников сырья, ни самого сырья. Капитализм попал в порочный круг. Этого не было в десятилетия, предшествовавшие войне, потому что тогда еще были нераспределенные рынки и новые источники сырья, на основе которых капиталистическое хозяйство делало свой очередной скачок вперед. Эти новые источники сырья и рынки сбыта позволяли капитализму взбираться на следующую, более высокую ступень расширенного производства, а это расширенное производство само создавало в известной степени новые рынки и предпосылку к дальнейшему развитию. Что же касается избыточного населения, которое либо накоплялось в европейской деревне, либо составлялось из кадров мелкой буржуазии, разоряемой капитализмом, и в то же время не находящей себе работы в его системе, то все эти массы плыли в Америку по каналам эмиграции. Перед войной ежегодно Европа выбрасывала из своих пределов от 800.000 до 1.000.000 эмигрантов. Поскольку эта эмиграция направлялась на новые земли Америки, постольку мы имели здесь дело с таким стихийным перераспределением производительных сил в мировом хозяйстве, которое означало расширение базы мирового капитализма: новые площади земли под обработкой, новые массы хлеба и сырья, новые слои платеже-способных покупателей для продуктов в промышленности. Во время войны и после войны эмиграция прекратилась; наоборот, в ряд стран, как в Польшу и Чехо-Словакию, началось обратное движение эмигрантов, для которых, увы,—не было в Европе ни работы, ни хлеба, ни земли.

Капитализм запутался в собственных противоречиях в погоне за прибылью, частная собственность на орудия производства, свобода хозяйствования и инициативы, конкуренция—были сильнейшими стимулами экономического развития в той фазе капитализма, когда мир еще не был разобран до последней колонии, когда были запасные отводные каналы для избыточного населения, когда даже небольшое расширение сырьевых источников и рынков

сбыта означало весьма значительное расширение промышленности. Все эти возможности уменьшились. С другой стороны земледелие в системе мирового хозяйства, вообще, не поспевало за развитием промышленности. Влача за собой остатки средневековых способов производства, скованное институтом частной собственности не только на орудия производства, но и на само средство приложения земледельческого труда, т.-е. скованное частной собственностью на землю, земледелие не могло поспеть в погоне за разбежавшейся промышленностью и не успевало пропорционально с ее развитием увеличивать продукцию сырья и хлеба с минимальными затратами труда. Если б эта задача была разрешена капиталистическим земледелием — это обеспечило бы непрерывность промышленного развития при ином перераспределении производительных сил между индустрией и земледелием. Но на основе капиталистического способа производства это оказалось невозможным, клапан в виде быстро прогрессирующего земледелия не мог быть открыт, и отдельные части капиталистического организма бросились искать выхода во взаимном истреблении друг друга. В результате, имея такую закупорку в области сельского хозяйства, капитализм стал больше развивать свои отрицательные стороны, которые стали перевешивать его прогрессивные тенденции. То, что на одном полюсе он достигал на основе конкуренции, свободы хозяйственной деятельности и инициативы, то он губил на другом полюсе в мировой войне, в кризисах и массовой безработице.

Во время войны, и непосредственно после нее, не только все буржуазные круги, но также и большинство социалистов полагали, что мировая война была хотя и неслыханно огромным, но все же лишь потрясением капитализма, а не началом его гибели. Казалось, что мировая война 1914—1918 г.г. принципиально мало отличается от предшествовавших ей империалистических войн, что разница здесь только в размере. Большинство полагало, что на основе нового соотношения сил и нового передела мира капитализм снова начнет свое поступательное движение вперед после кратковременного упадка и регресса. Но годы после мировой войны показали, что период расцвета капитализма, его высший пункт — уже позади. Для всех делалось все более и более ясным, что уже самый факт войны был свидетельством тупика, в который попал капитализм. Он мог перекидывать из рук одних наций в руки других наличные и определенно ограниченные источники сырья и рынки сбыта, но не мог их уже увеличивать на почве капиталистического производства. Наоборот, как раз это самое перебрасывание само уже было сильнейшим стимулом к распаду капиталистических связей в мировом хозяйстве; оно сбросило все хозяйство мира на более низшую ступень в сравнении с периодом перед войной.

Капитализм не был в состоянии быстро и решительно открыть клапан в земледелии, т.-е. устранить причину начинавшегося застоя и избегнуть того тупика, из которого капиталистические государства искали выхода в войне. Борьба за рынки, источники сырья и сферы приложения капитала приняла вооруженную форму лишь потому, что необходимый экономический

эффект не мог быть получен на основе нового перераспределения производительных сил в мировом масштабе. Капитализм не мог путем решительных мер уничтожить частную собственность на землю, распределить производительные силы в мировом хозяйстве, не считаясь с границами национальностей, и ввести такие улучшения во всю систему сельского хозяйства, чтоб на базе этого нового распределения производительных сил и, исходя из успехов техники в земледелии, мировое хозяйство могло бы бежать к своим новым рекордам добычи угля, выплавки стали, продукции мануфактуры, сбора хлеба и т. д. Если б капитализм мог все это осуществить, он перестал бы уже быть капитализмом. В лучшем случае это был бы организованный в интернациональном масштабе государственный капитализм.

Эпоха первого десятилетия после окончания мировой войны была временем, когда обескровивший сам себя капитализм пытался вновь подняться по ступенькам той лестницы, с которой его сбросила война, и притом подняться методами капиталистического ведения хозяйства. Это ему в общем и целом не удалось сделать, а некоторые успехи, которые он обнаружил в этом направлении, были слишком малы и слишком отставали от роста кризиса. Этот кризис принял форму, во-первых, хронической массовой безработицы, которая годами оставляла за бортом производства от пяти до десяти миллионов человек на обоих полушариях. Этот кризис принял форму небывалого скопления избыточного населения в аграрных странах и в земледельческих районах стран промышленных. Это избыточное население, после того как отводный канал эмиграции был закрыт, скоплялось теперь в Европе, а вместе с ним и с массами безработных в городах скоплялись недовольство и возмущение, скоплялась грозовая энергия народных низов перед революционной бурей. В лице избыточного населения капитализм накоплял здесь силы, которые во всех революциях играли роль штурмующей пехоты при низвержении существующего и отжившего социально-политического строя.

Как же формулировалась задача, которой не мог разрешить капитализм своими методами и которая по наследству перешла от него к эпохе диктатуры пролетариата? Задача, как мы видим, была такова. К моменту, когда раздел мира был в общем и целом закончен, когда эмиграция сокращалась, когда толчкообразное развитие вперед капиталистической индустрии, под влиянием расширения базы капитализма в новых областях земли, не могло уже продолжаться, тогда центр тяжести должен был перенестись к реформе земледелия в решающих пунктах мирового сельскохозяйственного производства. Прежде всего необходимо было осуществить революцию в технике крестьянского хозяйства в России. Но эта реформа была слишком глубока и радикальна для капитализма; он не только не мог бы с ней справиться, но он не мог даже поставить ее перед собой. Категории прибыли и свобода хозяйствования оказались слишком слабым оружием, чтоб прошибить преграды, которые ставил на пути движения вперед институт частной собственности на земли, деление мира на национальные государства и бестолковый анархизм всей капиталистической системы. Капитализм могло бы спасти

что-либо неожиданное в области сельскохозяйственной техники и техники вообще, вроде массового изготовления белка из воздуха и т. д. Препятствием служило отчасти само избыточное население, которое не только было следствием кризиса, но и его осложняющей причиной. Дешевизна рабочей силы отнюдь не способствовала техническому прогрессу в земледелии. Правда, увеличение цен на хлеб и на сырье стимулировало в известной степени развитие сельского хозяйства, но в размерах, далеко отстававших от быстрого бега промышленной колесницы капитализма.

Когда же закончилась мировая война, то европейская промышленность не только оказалась лицом к лицу с упавшим земледельческим производством на своей территории, но и перед фактом потери целого ряда источнико сырья и рынков сбыта за пределами Европы, захваченными Америкой или туземной индустрией колоний. Европейская промышленность оказалась в положении огромного океанского парохода, который был предназначен для плавания по глубоким водам океана и который засел на песках обмелевшего моря.

Капитализм не только оказался неспособным справиться с целесообразным распределением производительных сил в мировом масштабе, но оказался также неспособным рационально организовать хозяйство внутри отдельных стран. Десятилетие после мировой войны было временем, когда в Европе все больше и больше начинала господствовать психология тупика, психология безвыходности. Правда, непосредственно после окончания войны господствующим настроением был протест против принудительного хозяйства, против всякой регламентации, карточного распределения и т. д. Казалось, что не нужда привела к принудительному хозяйству, а принудительное хозяйство—к нужде. Капиталистическая пресса очень успешно использовала это настроение для дискредитирования самой идеи государственного планового хозяйства. Реакцию против голода, нужды, хвостов и очередей она пыталась превратить в реакцию против социализма и демонстрацию за свободу конкуренции и за капиталистический почин. Но вскоре началась реакция против этой реакции. Восторжествовавшее манчестерство чем дальше, тем больше обнаруживало свое банкротство. Свободы хозяйствования было сколько угодно, но продукция в хозяйстве не увеличивалась, заработная плата сокращалась, количество безработных не уменьшалось. Налоги расли, и финансовое банкротство перебрасывалось из одной страны в другую. Рабочие Англии, Германии и Америки, даже незатронутые коммунистической пропагандой, с каждым годом все настойчивее и настойчивее выдвигали требование национализации железных дорог, копей и других важнейших отраслей хозяйства, особенно во время огромных стачек в этих отраслях, которые обыкновенно ликвидировались при непосредственном участии и по инициативе государства. Весь этот период можно назвать периодом борьбы рабочего класса за систему государственного капитализма. В это время значительные круги буржуазных экономистов точно также стали склоняться к необходимости планового хозяйства в мировом масштабе, при чем они, разумеется,

питали иллюзии на счет того, что капитализм в состоянии провести в жизнь этот план.

Внимание масс привлекали в это время, главным образом, наиболее яркие внешние проявления этого банкротства. Прокатился ряд финансовых банкротств в Германии, Франции, Австрии и нескольких мелких странах. Обнаружилось полное банкротство Версальского договора, от которого отказались даже французские националисты, заменив его фактически рядом нескольких временных соглашений. Политические деятели буржуазии тщетно ломали голову над квадратурой капиталистического круга: этот круг оказался порочным и никакие фокусы никаких соглашений и конференций, как политических, так и экономических, не могли указать выхода. Постепенно в массы начали проникать глубокие убеждения о полной невозможности сдвинуться с мертвой точки, пока существует буржуазный строй. Это убеждение в беспомощности капиталистического класса проявлялось во всем: в печати этого периода, и притом не только рабочей, но и буржуазной печати, в карикатурах, остротах, поговорках, наконец, в заключительных словах всех без исключения резолюциях рабочих собраний. Говорят, еще до войны, при парламентских выборах в Италии, существовавшее тогда правительство его противники обвиняли даже в том, что при нем коровы и козы давали меньше молока. Нечто подобное повторялось и теперь. Капитализм стали обвинять даже в том, в чем он в сущности виноват не был. «При капитализме никаких улучшений, никакого движения вперед»,—таков был общий лозунг. Безнадежность положения начала сознаваться и самим капиталистическим классом. Это отразилось и в литературе этого времени. Философия Шпенглера и его сторонников находила все больше и больше приверженцев. Усиливалось убеждение в том, что вся европейская культура идет по стопам Римской империи; усиливался мистицизм; буржуазия и буржуазная интеллигенция возвращалась к грубейшей вере в личного бога; начался распад буржуазной морали. Спекулянт с его лозунгом «Лови момент» снова делался героем дня. Неуверенности и нервозности в общественной психологии соответствовала такая же неуверенность, шаткость и лихорадочность во всем хозяйстве. В то же время выделилась определенная группа буржуазии, которая готовилась отстаивать свои позиции до последней капли крови. Она защищала тот взгляд, что переход к государственному капитализму есть шаг назад во всем экономическом развитии и организованное понижение всей человеческой культуры, и что, наоборот, капитализм сам может вылечить свои раны и выйти из затруднительного положения на основе свободы хозяйственной инициативы и конкуренции. Характерно, что в то время, как буржуазия в собственном смысле этого слова проявила в лице значительных своих слоев сильное шатание и, в частности, одна ее группа стала на сторону государственного капитализма и рабочего правительства, наиболее принципиальной и непримиримой силой, выступившей в защиту капитализма, явился другой класс, а именно: часть мелкой буржуазии, интеллигенции, бывшее офицерство и часть духовенства. Этот парадокс истории знают и все буржуазные

революции. Мелкая буржуазия в английской, французской и русской революциях развивает стремление к доведению буржуазно-демократической революции до конца, вопреки самому виновнику торжества—крупной буржуазии. Все это, несмотря на то, что развитие капитализма, не только не улучшает, а часто ухудшает положение мелко-буржуазных, особенно хозяйственно-самостоятельных мелко-буржуазных слоев. Также и в контрреволюции определенные слои мелкой буржуазии и некоторые промежуточные классовые группы оказались последовательней самой буржуазии и мужественно погибали за ее интересы. Эти слои, которые по об'ективной их роли были лишь ударными батальонами оборонявшегося капитализма, часто выходили из повиновения буржуазии, ее государственной организации и самостоятельно защищали дело спасения буржуазного режима, отказываясь от маневрирования, отступления и временных уступок рабочему классу. Фашизм в Италии был лишь первым предвестником такого своеобразного разделения ролей в классовой борьбе этого периода.

Лозунг государственного капитализма в экономике и рабочего правительства в политике делается постепенно всеобщим лозунгом рабочих масс во второй половине двадцатых годов. Переход к так называемому рабочему правительству осуществляется в разных странах по разному. В Англии, например, рабочая партия стала у власти вместе с левыми либералами в результате своей победы при парламентских выборах. В Австрии и Германии рабочие правительства образовались при наличии в парламентах буржуазного большинства, при чем в Германии этот переход совершился на пути борьбы пролетариата с поднявшей голову реакцией. Здесь возникло так называемое двоевластие, т.-е. власть рабочих организаций на одной стороне и более формальная власть рейхстага на другой. Рейхстаг, в период максимальной дороговизны, кризиса и наибольших волнений среди рабочего класса, проявлявшихся в демонстрациях, столкновениях с полицией и реакционерами и всеобщих забастовках, когда, казалось, все здание немецкого капитализма тряслось до самого основания, счел за благо большинством буржуазных голосов высказаться за создание рабочего правительства и вотировать ему доверие. Это правительство, в котором руководящую роль играли, конечно, шейдемановцы, стало скоро фактически ответственным не перед рейхстагом, а перед Социал-Демократической Партией и центрами профессиональных союзов. В этот период было много простаков, которые кричали о том, что переход власти от буржуазии к пролетариату совершился безболезненно, без кровавых ужасов гражданской войны, и которые не подозревали, что собственно никакого перехода власти и не было. В самом деле, события очень скоро показали, что рабочее правительство было не классовой властью пролетариата в собственном смысле слова, а лишь последним окопом буржуазного общества в борьбе с той настоящей рабочей властью, которая еще не пришла. Буржуазия сознательно и добровольно «уступила» власть рабочему правительству и для прикрытия маневра лишь симулировала кое-где сопротивление. Фактически же она заняла выжидательную позицию, готовясь к

решительной борьбе. Эту подготовку вели особенно энергично те промежуточные группы, которые, как мы уже говорили выше, оказались более последовательными, принципиальными, стойкими и самоотверженными защитниками буржуазного строя, чем сама буржуазия. Расчет буржуазии был такой. Рабочие партии у власти ничего не смогут сделать в смысле реального улучшения положения рабочих масс, они скомпрометируют и себя и самую идею рабочего правительства, после чего наступит момент возвращения к власти чисто буржуазного правительства, гораздо более сильного, чем было коалиционное правительство Вирта. В одной части расчеты буржуазии оправдались. Реформисты, ставшие у власти, действительно, очень скоро скомпрометировали себя в глазах рабочих масс. Но массы сделали из всего происшедшего совсем не тот вывод, которого ожидала буржуазия. Очень скоро даже те массы, которые шли за шейдемановцами, начали упрекать своих вождей в том, что они ничего не сделали и не хотели сделать для нажима на буржуазию и для перехода к действительному социалистическому строительству. Эти массы быстро начали покидать лагерь реформистов и переходить к коммунистам.

Наоборот, там где рабочие правительства, под давлением пролетарских низов, пытались реально приступить к регулированию производства и распределения и к серьезному ограничению доходов имущих классов, там они встречали отчаянное сопротивление, открытое неповиновение имущих классов и толкали буржуазию и помещиков отстаивать свои интересы с оружием в руках. В результате рабочее правительство дало возможность пролетариату лишь лучше подготовиться к действительному завоеванию власти, втянуть в борьбу отсталые слои, сплотить их, разоблачить на практике реформистов до конца и бесповоротно. Рабочее правительство таким образом не только не решило центральную проблему всей классовой борьбы двадцатого века, т.-е. не дало развязки в борьбе труда с капиталом, а лишь отодвинуло эту развязку конфликта на несколько лет. Оказалось, что осуществить важнейшие и назревшие мероприятия в духе государственного капитализма не только не способен сам капитализм в лице буржуазной власти, но не в состоянии и рабочее правительство, получившее эту власть не в итоге победоносной гражданской войны пролетариата, а в результате отступательного маневра буржуазии. Даже для сколько-нибудь серьезных мероприятий в духе государственного капитализма необходима была почва, расчищенная классовой войной; необходимо было сбить буржуазию и все так называемые привилегированные классы с их основных позиций и заставить их повиноваться пролетариату. Неповиновение рабочему правительству и злобно-ироническое отношение к нему было характерным для европейской буржуазии этого периода. Буржуазия не принимала этого правительства в серьез, что было вполне естественно, поскольку историческая задача этого правительства заключалась не в нажиме на буржуазию, а в защите ее от пролетарской революции. Если вспомнить, что в России подобное отношение к пролетарской власти имело место даже первое время после октябрьской революции, т.-е.

после фактического завоевания диктатуры пролетариата, то чего ж другого можно было ожидать от еще непобежденной буржуазии Запада. В результате такого отношения буржуазии к рабочему правительству, которое она рассматривала как правительство своего маневра, не только не была экспроприирована крупная земельная собственность, не только не были национализированы важнейшие отрасли промышленности и не удавалось сколько-нибудь сносное регулирование хозяйственной жизни и движения цен, но и даже обыкновенные налоги не уплачивались аккуратно имущими классами. Это сопротивление буржуазии с одной стороны не давало никакой возможности даже приступить к ликвидации того кризиса, который выплеснул на поверхность рабочее правительство в первом своем этапе. А с другой стороны это сопротивление страшно озлобляло массы пролетариата, которые хотели иметь настоящую, а не маргариновую рабочую власть, которые в серьез хотели провести свою программу государственного капитализма и для которых позиция рабочего правительства была позицией дальнейшего наступления. В обстановке все более накалявшейся атмосферы классовой борьбы массы быстро левели и все энергичнее требовали от своих вождей решительных действий.

Но реформисты не были способны к таким действиям и никогда не собирались в серьез вести борьбу с буржуазией, поскольку дело идет, по крайней мере, об их руководящих элементах. Вообще же среди реформистов, включая сюда и их низы, оформилось три течения. Первое—за саботаж борьбы с капитализмом и за отговаривание рабочих от решительных действий. Второе течение—было за осуществление всех назревших мероприятий, направленных против имущих классов и против анархии в производстве и распределении. Но эта группа надеялась «уговорить» имущие классы уступить без боя. Наконец, третья группа явно разочаровалась в реформизме и быстрыми шагами шла на слияние с коммунистами. К первым двум группам принадлежала почти вся профсоюзная и партийная бюрократия реформистов, а также почти вся реформистская интеллигенция, в то время как к последней группе тяготела подавляющая часть рядовой массы реформистских партий и профессиональных союзов. Этот сдвиг рабочих масс влево особенно ярко выступал при всяких очередных перевыборах в профессиональных союзах и в Советах рабочих депутатов. Надо сказать, что одновременно с переходом власти к рабочим партиям во всех странах Запада, где этот переход совершился с большим энтузиазмом, были созданы Советы рабочих и батрацких депутатов. В начале реформисты имели в этих Советах, [illegible]ак и в профессиональных союзах, прочное большинство.

Казалось, что Советы в данной стадии — это лиш[illegible] [illegible]траординарная форма удержания масс в руках реформистов, а через них, в [illegible]виновении капиталу, поскольку обычных мер при росте возбуждения и недо[illegible]льст[illegible]а было уже недостаточно. Но советская форма сама в себе содержала лекар[illegible] от реформистской болезни пролетариата. Уже реформистские [illegible] [illegible] в себе семя будущих революционных советов. Го[illegible] реформистов [illegible] со-

ветах было не вечным и даже не особенно долговечным, хотя они здесь царили значительно дольше, чем в России на промежутке между февралем и октябрем 1919 года. В этом периоде было две характерных и знаменательных даты. Первая, это когда в центральном городе центральной страны Европы—в Берлине на выборах в Совет потерпели поражение соглашатели с буржуазией и победили коммунисты. Вторая дата—победа коммунистов на очередном всегерманском с'езде советов, на котором всегда принимали участие также и делегаты Австрии. Еще раньше было завоевано коммунистами большинство в Советах рабочих и крестьянских депутатов в Болгарии. Реформисты оказывали отчаяннейшее сопротивление на всех стадиях выталкивания их из рабочего движения. Между прочим, когда они имели большинство в Советах, их рабочее правительство фактически было ответственно перед советами рабочих депутатов. Парламенты хотя и не были распущены и самый институт парламентаризма не был отменен, тем не менее они влачили жалкое существование, в качестве каких-то рудиментарных органов. Когда же реформисты потеряли большинство в Советах, они вдруг вспомнили, что собственно настоящей «законной» властью в каждой стране являются не центральные исполнительные комитеты Советов и не с'езды советов рабочих депутатов, а «всенародно» избранные парламенты. Это просветление в области государственного права наступало с реформистами с астрономической точностью всюду, где они теряли большинство в Советах. Но эта потеря ими большинства вела и к другим последствиям, которые побуждали контр-революцию выступать более активно и группироваться вокруг парламентов: Советы с коммунистическим большинством всюду переходили к активным действиям. Прежде всего, они оттесняли муниципалитеты от важнейших функций местного самоуправления, за исключением отчасти тех случаев, где муниципалитеты также были коммунистическими. Они начинали нажим на буржуазию в области квартирной, местного обложения, трудовой повинности и т. д. Все это заставило буржуазию перейти к открытой борьбе с советами. Естественными национальными центрами этой борьбы сделались теперь парламенты. Эти парламенты влачили жалкое существование, напоминая пущенные флаги в тихую погоду, когда ветер классовой борьбы не вздымал их кверху.

Теперь буря революции и контр-революции заставила их взвиться, заставила служить об'единяющим знаменем для всех буржуазных, монархических и реформистских элементов. Я не буду останавливаться на тех конкретных поводах, которые привели в центральной Европе к открытой гражданской войне. Эта война началась.

События развертывались в следующей последовательности. Провозглашение диктатуры пролетариата в Пруссии, Саксонии и Средней Германии повлекло за собой вооруженную победу рабочих в городских и фабричных центрах. Здесь на стороне революции было подавляющее большинство пролетариата, следовательно большинство населения вообще. Реформисты, как и следовало ожидать, в большинстве дрались на стороне буржуазии и поме-

щиков против рабочего класса. Что касается германской деревни, то здесь борьба приняла более затяжной, более ожесточенный и кровавый характер. Красной рабочей армии городов вместе с партизанскими дружинами батраков приходилось брать приступом почти каждое помещичье имение, каждый замок. Юнкера имели в своих резиденциях достаточный запас не только винтовок, пулеметов, гранат, но в ряде поместий оказались припрятанными с 1918 г. даже артиллерийские орудия. Юнкера, в большинстве бывшие офицеры, быстро сорганизовали воинские отряды из контр-революционно настроенного крестьянства, игравшего в их руках роль пехоты. В целом это хотя и была огромная сила, но эта сила к счастью территориально была разрознена. Не имея опорных баз в городах, не располагая железнодорожным транспортом и встречая на каждом шагу упорное сопротивление со стороны железнодорожных рабочих, юнкера не смогли организовать единого фронта и были разбиты по частям.

Совсем иной оборот приняли события на юге Германии. Баварская контр-революция успела раздавить у себя рабочее движение раньше, чем ему пришла помощь с севера. Кроме того Бавария имела у себя в тылу Францию, которая помогла ей организовать правильный фронт против северной германской республики. Борьба здесь приняла затяжной характер. В Баварию бежали побежденные буржуазные элементы с севера. Туда потянулись остатки русской эмиграции. Что касается баварской границы с Австрией, то и здесь существовал фронт, поскольку в Австрии точно также была провозглашена Советская власть и Советская Австрия оказывала вооруженную поддержку Северной Германии. Решающее значение на дальнейший ход событий приобретала позиция Франции, Польши, Англии и Северной Америки. Франция и Польша по взаимному соглашению выступили одновременно против Советской Германии. Но их выступление натолкнулось на вооруженное сопротивление пролетариата этих стран.

Мобилизация запасных, интервенция против Германии и вступление французских войск в Рурский бассейн повлекло за собой восстание в Париже и северных департаментах. Это восстание спасло революцию в Германии. Оно отвлёкло на внутреннюю борьбу силы французского империализма как раз в тот момент, когда Красная армия северной Германии еще не сложилась, когда юнкерские Вандеи еще не были раздавлены и когда помощь от Советской России еще не подоспела. Внутреннее восстание во Франции было правда подавлено и, как попытка завоевания. диктатуры пролетариата во Франции, оно окончилось неудачей. Но его всемирное историческое значение заключалось в том, что оно не дало возможности французской буржуазии путем регулярной войны в самые первые недели оккупировать охваченную восстанием Северную Германию и тем повернуть колесо истории назад. Французы успели лишь занять часть Рурского бассейна той частью своих сил, которая не была занята подавлением восстания. Но и эта оккупация Рурского бассейна встретила отчаянное сопротивление со стороны партизанских отрядов Красной рабочей гвардии этой области. Когда же французское

правительство, после подавления восстания, высвободило свои силы для фронтовой борьбы с Германией, Северная Германия оказалась в состоянии послать в Рур уже регулярные части Красной армии и задержать дальнейшее продвижение французов.

Что касается Польши, то после некоторого колебания ее правящие круги решили выступить вместе с Францией против Севереой Германии и начали наступление на Пруссию. Одновременно с Польшей Румыния выступила против Болгарии, где Советская власть была провозглашена немного раньше, чем в Германии и Австрии. Немедленно после всего этого Советская Россия об'явила формальную войну Польше и Румынии и Красная армия начала наступление на Запад. Это наступление шло двумя потоками и совершенно различным темпом. В Польше, как и во Франции, произошло восстание пролетариата и батраков. В городах Варшаве, Лодзи и в Домбровском бассейне восстание было подавлено, но в ряде сельских местностей повстанцы продержались до подхода Красной армии. Особенно удачно развивалось восстание в Белоруссии, Волыни и Восточной Галиции. Здесь Красная армия встречала энергичную поддержку со стороны самых широких масс крестьян. Но продвижение Красной армии за границей этнографической Польши встретило большое сопротивление. И подать руку германскому пролетариату с этого конца оказалось делом очень трудным и недостижимым в кратчайший срок.

Наоборот, на румынском фронте дело приняло другой оборот. Румынская армия была наголову разбита на Днестре и беспрерывно отступала. В Бессарабии была провозглашена Советская власть. Конница Буденного прокатилась лавиной по степям Румынии и, разбив оккупационную румынскую армию на севере Болгарии, установила связь Советской Болгарии с Советской Россией. С другой стороны, разгром румынской буржуазии и румынских бояр, провозглашение в большей части Румынии Советской власти повлекло за собой восстание пролетариата в Будапеште и создание Второй Венгерской Советской Республики.

Это был торжественный момент в борьбе пролетариата. Кольцо пролетарской диктатуры замкнулось, описав полукруг от Петрограда, через Будапешт в Вену и Берлин до Кенигсберга. Советская власть была провозглашена также и чешским пролетариатом, который немедленно же начал посылать подкрепления немецким рабочим на баварский, французский и польский фронты. Что касается Юго-Славии, она, после первых успехов в борьбе с Австрией и Болгарией, была принуждена к отступлению за свои границы, а в то же время внутри ее начался ряд ожесточенных национальных восстаний в Черногории, Боснии и Герцеговине, Кроации, Македонии. Начавшаяся гражданская война в Италии кончилась победой итальянского пролетариата на промышленном севере Италии, в то время как в средней Италии и на юге господствовали фашисты. Апеннинский полуостров оказался перерезанным фронтом гражданской войны севернее Рима. Большую поддержку Советскому северу Италии оказывал итальянский флот, как торговый, так и в большинстве военный. Этот флот с самого начала оказался на стороне пролетариата и по-

мог итальянским рабочим поднять крестьянское восстание в Сицилии и на юге Италии, т.-е. в тылу у фашистов. Прорыв румынского кольца и наступление соединенных сил Австрии, Болгарии и России на Юго-Славию ликвидировал угрозу итальянской советской республике с северо-востока. Между Советской Италией и Советскими Балканами была установлена непосредственная связь, а тем самым установлена связь между Италией и Россией. Это имело огромное значение для Советской Италии потому, что она была блокирована со стороны американского и французского флота и испытывала сильнейшее затруднение в вопросах продовольственного снабжения. Наоборот, теперь эта проблема разрешалась удовлетворительно, благодаря помощи с севера.

Когда Красная армия Советской России подошла к национальным границам Польши, в последней проявился взрыв шовинизма, что, при слабости польского пролетариата, обещало чрезвычайно трудную борьбу для Красной армии на польской территории. С другой стороны на франко-баварском фронте борьба приняла также затяжной характер и нельзя было рассчитывать на быстрое и успешное ее окончание. Считая достигнутые результаты вполне достаточными для установления диктатуры пролетариата в большей части Европы, Советская Россия, Советская Германия и другие Советские государства предложили буржуазной Франции и Польше мир на следующих условиях: буржуазная Польша остается в своих национальных границах, французы очищают Рурский и Саарский бассейны и уводят свои войска с баварского фронта. Польша разрешает свободный и беспошлинный транзит в хозяйственных сношениях Германии с Россией, Версальский договор считается несуществующим. Эти предложения вызвали очень большие колебания в правящих кругах Польши, которая вынуждена была отказаться от мира под давлением Франции. Французская буржуазия высказалась против мира, хотя течение за мир было довольно сильное во Франции, наконец, категорически против мира была Америка, которая финансировала Франко-Польско-Румынский союз и добивалась полного разгрома пролетарской революции в Европе.

После того как мирные предложения советских государств были отвергнуты, война возобновилась с удвоенной силой. Сконцентрировав достаточные силы, Советская Россия перешла в наступление на польскую территорию и вскоре Красная армия вошла в Варшаву.

С другой стороны, Советская Германия на своей польской границе перешла от обороны в наступление и заняла часть Познани. Одновременно началось удачное наступление на баварском фронте. Видя полную неизбежность гибели своего восточного союзника и считаясь с его отказом в дальнейшем продолжать войну, буржуазное правительство Франции согласилось на мир на старых условиях. Но эти условия были уже теперь неприемлемы для союза Советских государств. Война продолжалась, буржуазная Польша прекратила свое существование, польский пролетариат взял власть на территории старой Польши и между Советской Россией и Советской Германией была установлена непосредственная связь. Это позволило Красной армии России помочь

Советской Германии на французском фронте и французские войска были вытеснены из Рурского и Саарского бассейна. В это время Северо-Американские Соединенные Штаты начали переброску своих сил на французский фронт, но эта помощь уже опоздала. Французская буржуазия еще могла думать о защите своих границ, но не имела уже никаких шансов вести наступательную борьбу со всей Советской Европой. Поэтому она, несмотря на усиленное давление американского капитала, согласилась на новые мирные предложения на основе установившегося в результате войны status quo.

Так закончился этот великий период гражданской войны в Европе. В этой войне рабочее правительство Англии не принимало непосредственного участия, несмотря на то, что у премьера этого правительства, гражданина Макдональда, все время чесались руки выступить вместе с буржуазной Францией против восставшего европейского пролетариата. Симпатии английских рабочих к европейской пролетарской революции были слишком сильны, и деятели так называемой Рабочей партии Англии не рискнули на авантюру против воли большинства своего пролетариата.

Военный союз советских государств Европы естественно превратился и в экономический союз. Федерация советских республик Европы приступила к организации планового хозяйства на всей своей территории. Победивший пролетариат не был в состоянии немедленно осуществить социалистическую организацию хозяйства; он хотя осуществил полную национализацию важнейших отраслей промышленности, крупных и средних с.-х. предприятий. Он должен был сохранить на некоторое время некоторые капиталистические методы в своем государственном хозяйстве, особенно в том, что касалось хозяйственной калькуляции. Он не счел нужным далее уничтожить частную торговлю, прежде чем не были созданы все необходимые предпосылки для социалистического распределения продуктов. Но он подчинил не только свое собственное государственное хозяйство, но и необобществленную часть хозяйства, прежде всего мелкого крестьянского хозяйства, сознательному регулированию, используя одновременно как чисто социалистические методы такого регулирования, так и методы крупного капитала. Очень скоро на практике обнаружилось два основных типа государственного хозяйства пролетариата: более высокий тип стран промышленных, как Германия, Чехо-Словакия, Австрия, и тип более отсталых аграрных стран, как Россия, Польша, Болгария и т. д. Эта переходная система хозяйства не была социалистической в полном смысле этого слова ни там, ни здесь, но это был уже и не государственный капитализм, который оказался недостижимым идеалом для капитализма и превзойденной ступенью для эпохи пролетарской диктатуры.

Новая Советская Европа открыла новую страницу в области экономического развития. Промышленная техника Германии об'единилась с русским земледелием и на территории Европы начал быстро развиваться и крепнуть новый единый хозяйственный организм, обнаруживший огромные возможности и могучий порыв к развитию производительных сил.

Стиннес.

Рубинштейн.

Гигантский концерн Стиннеса является самым полным и всеоб'емлющим проявлением тенденций концентрации и вместе с тем как бы символом, воплощением всего новейшего — сверх-капитализма. Недаром слово «стиннезирование» стало в Германии нарицательным обозначением об'единительных тенденций капитала. Уже более года вся мировая пресса полна сообщений о новых успехах «стиннезирования» народного хозяйства Германии и очередных вылазках его за границу. Не проходит недели, чтобы в печати не появилось известий о новых предприятиях Стиннеса во всех концах света.

Стиннес стал в Германии своего рода легендарным воплощением всей мощи современного концентрированного капитализма.

Основой индустриального роста и могущества Стиннеса была война. Это в полном смысле слова военный выскочка. Его дед на заре промышленного развития Германии основал фирму «Матвей Стиннес», впервые об'единившую судоходство по Рейну с угольными рудниками и торговлей углем. Он нажился на военных поставках и транспортах, оставив своим наследникам медленно развивавшуюся фирму, игравшую известную роль в Рейнской Вестфалии, но не выходившую за пределы чисто местного торгово-промышленного предприятия.

Внук его—Гуго Стиннес начал свою деятельность в 1892 г., быстро проявив все качества ловкого, оборотистого и ничем не стесняющегося дельца, тем не менее остававшегося все же в тени. Уже перед войной Стиннес обратил внимание на зачатки своеобразных образований в промышленности Рейнской Вестфалии, своего рода «комбинаты»—смешанные предприятия, об'единяющие металлургические заводы и угольные рудники. Эти по немецкому термину «металлургические цехи» (Hüttenzechen) об'единяли общим управлением весь производственный процесс от добычи угля и руды до конечной переработки железа и стали. Комбинированные предприятия, несмотря на то, что они носили чисто местный, территориально весьма ограниченный характер, заключали в себе зародыши современных вертикальных трестов. Молодой Стиннес с самого начала обратил внимание на развитие принадлежавших его семье нескольких об'единений этого рода. С 1907 г. он становится во главе наблюдательного совета крупного «Германско-Люксембургского горнопро-

мышленного и металлургического акц. о-ва (Deutsche-Luxemburgische Bergwerks und Hütten Akt. Ges.), владевшего в Вестфалии, Лотарингии и Люксембурге 14 угольными рудниками, 1.500 коксовыми лесами, залежами лотарингской минетты, 9 крупными металлургическими и машиностроительными заводами; бензольными, брикетными и т. п. заводами. Общество это было связано тесными финансовыми нитями с 4 крупнейшими германскими банками, а также с рядом французских, бельгийских и голландских обществ и предприятий. Уже тогда руководимое Стиннесом общество отличалось бешеной грюндерской горячкой, ненасытным стремлением к расширению и рискованными коммерческими операциями, не раз приводившими его на край банкротства.

Война принесла ему, как и всей тяжелой индустрии военные поставки, неслыханные прибыли и избавление от всех финансовых забот и погони за рынками.

Но если во время войны нельзя было жаловаться на низкие доходы, то Версальский договор и революция по иронии судьбы принесли ему новое стремительное усиление мощи и рост богатства. Стиннес окреп и развился на послевоенном угольном голоде и недостатке сырья, на драконовских условиях Антанты и растущей нищеты масс. И только во время «республиканского» правления Эберта Германия познала господство «своего настоящего миллиардера», оттеснившего на задний план конкурентов и ставшего целой проблемой в экономической жизни Германии.

Версальский договор—это проклятие народного хозяйства Германии, да и всего мира, Стиннесу и другим «вождям» тяжелой индустрии принес прежде всего самые непосредственные финансовые выгоды. Лотарингские и люксембургские заводы и рудники Герм.-Люкс. общества, тотчас же после перемирия перешли к французской финансовой группе, выплатившей обществу большую сумму в иностранной валюте и обязавшейся в течение 10 лет поставлять по 300.000 тонн железной руды. Независимо от этого, в виде «компенсации за экспроприацию», обществу была предоставлена большая субсидия от «социалистического» правительства Германии. Такую же аферу проделали и другие пограничные об'единения горной и металлургической промышленности. Таким образом антантовская ампутация важнейших частей хозяйственного организма Германии для концентрирования германского капитала была лишь выгодной финансовой сделкой, источником денежного полнокровия, снабдившего его мощным орудием для дальнейшего расширения и борьбы с конкурентами. Эти с неба слетевшие деньги горно-металлургические общества стремились вложить в новые предприятия и целыми пачками скупали акции, заводы, рудники, сырьевые запасы. Путь на мировой рынок был временно прерван, и эту потерю капитал стремился возместить, лихорадочно бросившись внутрь страны и обеспечив себе внутренний рынок, путем включения обрабатывающей промышленности в сферу сырьевых трестов.

В 1902 г. вышеупомянутое Германско-Люксембургское общество, непосредственно управляющееся Стиннесом, слилось с находившимся под его

сильным влиянием Гельзенкирхеновским горнопромышленным обществом (Gelsenkirchner Bergwerks-Aktien Gesellschaft) обнимавшем 17 угольных рудников и 9 металлургических заводов в самом сердце Рейнской Вестфалии. Новое об'единение, принявшее открытую форму треста с единым управлением, получило название Рейнско-Эльбокого союза (Rhein-Elbe-Union, G. m. B. N.). Это об'единение было одновременно крайне показательной победой Стиннеса над руководителем Гельзенкирхеновского общества Эмилем Кирдорфом, как бы воплощавшем собой довоенные «карательные» формы концентрации капитала. Подчинение старого угольного барона Кирдорфа, которого не могло смягчить почетное введение его в правление Униона, было победой вертикального треста над картелем, победой послевоенного сверхкапитализма над устаревшими и отходящими в прошлое капиталистическими формами.

К Рейнско-Эльбскому союзу вскоре присоединился 3-й мощный комбинат—Бохумское горнопромышленное и сталелитейное общество (Bochumer Verein für Bergbau und Gus sstahlfabrikation), владевший 5 крупными рудниками, 2 металлургическими заводами, железными рудниками в Германии и в Швеции, прокатными, вагоностроительными заводами и т. п. Акции этого общества были просто скуплены агентами Стиннеса на шальные деньги от аннексионных компенсаций.

Руководство об'единившим 3 крупнейших общества Рейнско-Эльбским союзом, с самого возникновения обладавшим производственным капиталом в 1.682 миллиона марок, предоставило Стиннесу решающую роль в Рейнско-Вестфальской угольной промышленности и тяжелой индустрии. Власть над углем и железом Рурской области во время жестокого топливного голода после войны делала трест Стиннеса всесильным. Он мог прекращать доставку топлива конкурентам, уверенно основывать собственные заводы и пароходства, в своих интересах диктовать цены и воздействовать на всю хозяйственную жизнь страны.

Но временно оторванный Версальским договором от внешнего рынка, новый горно-металлургический трест должен был для спасения от кризисов обеспечить себя постоянным внутренним рынком. Он это сделал путем расширения своего влияния на перерабатывающую промышленность. Помимо вовлечения в сферу своего влияния разнообразнейших машиностроительных, механических, автомобильных, паровозо- и вагоно-строительных заводов, крупнейшим этапом на пути к об'единению с обрабатывающей промышленностью было слияние с электрическим концерном Сименс-Шукерта. В другом месте мы остановимся подробнее на любопытнейшей истории этого треста, связанной с чисто американским развитием германской электро-промышленности. Здесь достаточно отметить, что к началу войны в Германии существовало лишь два гигантских электрических треста. Всеобщая компания электричества и Сименс-Шукерт, образовавшийся из слияния обществ Сименс-Гальске, Шукерт и Бергман. Оба эти треста воплощали в своей организации последнюю ступень организационного и технического развития капитализма. Ря-

…ом связей они были соединены с предприятиями, поставлявшими им полуфабрикаты и машины и перерабатывавшими побочные продукты (вплоть до пишущих машин и автомобилей). Сотни дочерних обществ и собственные банки помогали им регулировать рынок и сохранять за ними неизменную монополию внутри страны. Тысячи городских управлений и коммунальных хозяйств всецело зависели от них, так как они снабжали их всем для электрических дорог и трамваев, освещения и промышленной энергии. Но конкуренция в электрической промышленности была фактически почти устранена не только внутри Германии, но и на мировом рынке, где соглашения с американскими, швейцарскими и др. электрическими трестами полюбовно разделили мир на «сферы влияния». У обоих электрических трестов установились после периода бешеной конкуренции довольно близкие взаимоотношения, одно время приведшие к временному об'единению. Но вскоре крайне самостоятельно настроенный трест Сименс-Шукерт вновь отошел от Вс. Комп. Электрич. И лишь послевоенная зависимость от властителей угля и металла, в связи с оторванностью от своего огромного иностранного рынка заставили гордый трест сдаться и пасть в об'ятия горно-металлургического исполина. Рейнско-Эльбский союз превратился в союз Сименс-Рейн-Эльба-Шукерт (Siemens-Rhein-Elbe-Schuckert Union) и обогатился электро-техническими заводами Шукерта в Нюрнберге, Сименса-Шукерта и Сименса-Гальске в Берлине, автомобильными заводами Протос (Protoswerke A. G.), электростанциями и заводами и трамвайными о-вами во всех концах страны. Сюда же вошел ряд примыкающих о-в, вроде Осрама (Osram G. m. B. H.), производящего в год 100 миллионов электрич. ламп и владеющего собственными огромными стеклянными заводами; Рейнское электрическое о-во (Rheinische Elektrizitäts A. G.) в Маннгейме, владеющее около 20 электр. предприятий и тесно переплетенное с рядом городских управлений; электростроительное о-во в Дессау (Elektro-Baugeselschaft m. B. H.), специализировавшееся на передачах высокого напряжения; ряд турбинных, кабельных, изоляторных, автомобильных и др. предприятий.

Помимо всеохватывающего использования сильного тока, оно овладело и областью применения слабого тока, производством аппаратов проволочного и беспроволочного телеграфа, телефона, в том числе и автоматического и рядом побочных производств (добывание азота, озона и цианистых соединений и т. п.).

Но самое важное—это блестящий, разветвленный по всему миру коммерческий аппарат электрического треста, о котором позднее. Это об'единение вызвало огромное повышение производственного капитала и усиление мощи Стиннеса. К углю и железу прибавилась все более выдвигающаяся на первый план сила будущего—электричество. Процесс трестирования охватил все отрасли производственного процесса от добычи сырья до требующих тончайшей обработки и воплощающих массу человеческого труда машин и аппаратов.

После того, как сформировалось основное ядро промышленной мощи

Стиннеса-Сименс-Рейн-Эльба-Шукерт Унион, началось лихорадочное расширение его концерна в самых разнообразнейших отраслях производства и во всех частях страны. Расширение это на первый взгляд носит какой-то беспорядочный, лишенный системы характер. Поглощается все, что попадается под руку: «Отели, верфи и заводы, министры, партии, народы, все—от сырья и до газеты—поглощает Стиннес; от Гильфердинга до Штреземана, правых, центр и «соци»—он сплачивает в единый национально-германский фронт». Так гласит меткое стихотворение, посвященное Стиннесу в одной провинциальной рабочей газете.

И только при более внимательном наблюдении, в наиболее характерных чертах этого небывалого по обхвату и размаху концентрационного процесса, можно заметить признаки глубоко-продуманной системы или быть может внутренней неизбежной последовательности. Мы можем остановиться лишь на нескольких характерных моментах этого процесса; прежде всего потому, что империя, или, как в Германии называют, «промышленное герцогство» Стиннеса, так велика, что неполное перечисление его предприятий занимает 26 убористых столбцов. Его границы чрезвычайно неопределенны и стушеваны. Очень часто нельзя отличить, где кончается непосредственное подчинение концерну Стиннеса и начинается растяжимая «общность интересов», т. н. «пул» или временное соглашение.

Для завершения своего влияния в области электричества, приобретенного слиянием с Сименс-Шукертом, концерн Стиннеса основал Рейнско-Вестфальское Электрическое общество (Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerke) и присоединил к нему общество Саксонских силовых станций (Sächsische Kräftwerke A. G.) в Оснабрюке. Эта разветвленная сеть мощных электрических станций с многоверстными передачами, собственными буроугольными копями и т. п. держит в своих руках снабжение электрическим током Рейнской Вестфалии—этого промышленного сердца Германии. И по мере роста роли электричества в рудничном и заводском хозяйстве, в руках Стиннеса оказывается двигательный нерв, биения этого сердца, а с ним и ключ всего германского народного хозяйства.

Чрезвычайно важными являются систематические попытки концерна Стиннеса овладеть транспортным аппаратом страны.

Концерн Стиннеса держит в своих руках почти все внутренне-речное судоходство Рейна и др. рек, а с ним транспорт и торговлю углем.

Предвосхищая все растущее значение автомобильного транспорта, в Америке и Англии уже успешно конкурирующего с железными дорогами, Стиннес скупает большинство акций автомобильных заводов Лэба (Loeb Automobilwerke) в Шарлотенбурге и завода грузовых автомобилей в Раттингене.

Большой шум произвела интересная для нас в дальнейшем в другой связи, на первый раз окончившаяся неудачей, попытка Стиннеса, взять в руки частного капитала государственные железные дороги (вместе с почтой, телеграфом и телефоном). Это «стиннезирование» железных дорог пока в

полной мере не удалось, вследствие решительного противодействия рабочих масс. Но никто в Германии не сомневается, что если власть в ближайшем будущем не перейдет в руки пролетариата—стиннезирование железнодорожной сети в тех или иных формах станет совершившимся фактом. Но и в настоящее время, когда железные дороги формально числятся в руках государства, у Стиннеса остается такое мощное средство воздействия на них, как снабжение материалами, особенно железом, сталью и топливом, а также основные потоки перевозок. Это дает ему возможность временно примириться с неудобством в настоящий момент официального захвата ж.-д. сети и ограничиться приводящим почти к тем же результатам экономическим воздействием.

Характерно уже для международной политики Стиннеса, что голландскому правительству он поставляет сталь по гораздо более дешевым ценам, чем германским железным дорогам, подымая в то же время широчайшую кампанию за необходимость удешевления и без того убыточных фрахтов.

Еще более важным является проникновение концерна Стиннеса в область морского транспорта. Здесь достаточно отметить, что, несмотря на Версальский мир, лишивший Германию 80% ее тоннажа и оставивший только тень от былого могущества 2-х пароходных компаний, считающихся первыми в мире, роль торгового флота в народном хозяйстве Германии остается и теперь громадной. Торговые связи с другими странами становятся все оживленней, роль экспорта в жизни германской промышленности становится решающей, гавани Гамбурга и Бремена вновь расцвечены тысячами флагов со всех уголков земли. Морское судоходство, помимо своего значения для экспорта продуктов промышленности, становится вновь необычайно выгодным, так как получаемые в иностранных валютах фрахты представляют по сравнению с обесцененной германской валютой огромные ценности.

Неудивительно, что крупные вертикальные концерны потянулись к морскому транспорту, стремясь, вопреки всем традициям германского судоходства, втянуть его в орбиту своих об'единений, сделать дополнением, мировыми щупальцами тяжелой и обрабатывающей промышленности. Но в этом отношении Стиннесу на первых порах не так повезло, как во всех других отраслях. Ему удалось войти в наблюдательный Совет Гамбург-Америка линии, основать совместно с ней Гамбургское Акц. о-во средств сообщения (Hamburger Verkehrs Aktien Geselschaft), обладающее огромнейшими отелями в Гамбурге, Франкфурте, Берлине (напр., роскошнейший отель Эспланада и др.). Но линия Стиннеса была чересчур откровенно и ярко направлена к полному подчинению этой мировой кампании интересам своей тяжелой индустрии и она сорвалась. Воспользовавшись переполнившим чашу терпения предлогом—открытием Стиннесом самостоятельного пароходного сообщения с Южной Америкой, т. н. линия Тирпиц-Людендорф, по имени двух пароходов, остальные руководители Гамбург-Америка линии выбросили его из наблюдательного Совета и гигантская пароходная компания подпала под влияние другого конкурирующего концерна—Ганиэля.

Но это не приостановило попыток Стиннеса протянуть свои щупальцы на морской транспорт и обеспечить свою империю собственным тоннажем. Получив отпор в Гамбург-Америка линии, он пытается опереться на ее старого конкурента—Северо-Германский Ллойд, укрепляет свое влияние в старом Зап.-Африк. пароходном обществе Вэрмана (Woerman Linie), в котором он принял участие вместе с Гамбург-Амер. линией и в Восточно-Африканском пароходном Обществе (Ost-Africa Linie). Но независимо от старых пароходных обществ, он усиленно пытается создать собственный торговый флот, скупает без дела стоящие иностранные суда, сооружает и расширяет принадлежавшие Герм.-Люксемб. о-ву Северно-морскую верфь (Nordseewerft) в Эмдене и Гельзенкирхенскому о-ву—верфь в Фленбурге. Для руководства своими морскими предприятиями он организует общество Стиннес и К° в Гамбурге, успешно пытающееся воспользоваться частицей миллиардной правительственной субсидии, ассигнованной по настояниям влиятельных пароходных компаний на развитие торгового флота.

Купленные им суда он перекрещивает именами черносотенных адмирала Тирпица и генерала Людендорфа, а первые 3 океанские судна, спущенные с его стапелей, получили наименования Бисмарка, Кирдорфа и долголетнего вождя германского профдвижения Карла Легина. В этом торжественном крещении, наделавшем столько шума, Стиннес пытался символизировать «деловое сотрудничество» труда с капиталом и триединая опора современного германского капитализма—буржуазное государство, концентрированный капитал и покорная профессиональная бюрократия.

В других отраслях промышленности концерн Стиннеса пока еще не играет такого решающего значения. Но, пожалуй, не найти ни одной области, где у него не было бы несколько опорных пунктов, откуда его щупальцы постепенно простираются дальше. В химической промышленности, в стороне от основных концернов этой, еще до войны сильно сконцентрированной отрасли производства с ее строительным техническим развитием, Стиннес стал во главе химических заводов Майера (H. A. Meyer Chemische Werke A. G.) в Ганновере, производящих краски и удобрения, берлинских химических заводов—Deutsche Wildermann Werke, заводов материальных масел в Гамбурге, крупного завода взрывчатых веществ Westfälisch-Anhaltnische Sprengstoff Gg., Рейнско-Вестфальских заводов медных соединений, о-ва Рейнских электрозаводов (Rheinische Elektrowerke), производящих ферро-силиций, карбид и т. п., заводов коголита (Kogolyt G. m. B. H.) и мн. др.

Стиннесу принадлежат или находятся под влиянием его концерна отдельные текстильные фабрики, лесные разработки и связанные с ними деревообделочные фабрики и торговые предприятия (напр., Viktoria Holzhandels G. m. B. H.), заводы моторов (Imperator-Motorenwerke A. G.) в Берлине, всевозможные торговые о-ва, торгующие решительно всем, в частности о-ва, почти монополизировавшие внутреннюю и внешнюю торговлю углем, морские курорты, грандиозные отели (помимо вышеупомянутых Hamburger Verkehrsgesell. Hamburger Hof A. G. и Rathausotel в Гамбурге), рыбные промыслы (Heringfischerei A. G.) и т. д.

Наконец, для придания аристократического блеска своей промышленной империи, Стиннес усиленно скупает старинные дворянские поместья и замки во всех частях страны, огромные именья в Восточной Пруссии и т. д.

Как мы уже упоминали, простой перечень предприятий, принадлежащих Стиннесу, занимает несколько страниц. В них занято около 600.000 рабочих. Но точное определение границ «империи Стиннеса» вообще невозможно. Помимо покрова таинственности, окружающего расширение его концерна и большинство его начинаний, в особенности заграничных, внешние формы концентрационного процесса так разнообразны, что точное отграничение является крайне затруднительным. Система подставных обществ, часто с центром, находящимся за границей, сложная сеть сплетений интересов, взаимных обменов представителей в наблюдательных советах, тайная скупка акций и т. п., совершенно исключают возможность определить, где кончаются непосредственно принадлежащие Стиннесу предприятия и общества, те, в которых он в бо́льшей или меньшей мере участвует или с которыми связан «общностью интересов» или возможностью давления, заставляющей якобы самостоятельные предприятия плясать под его дудку и всецело заменяющей формальную зависимость. С другой стороны, процесс концентрации настолько привыкли отождествлять с Стиннесом, что часто ярлык «стиннезирования» прикрепляется к предприятиям и явлениям, не имеющим к нему никакого непосредственного отношения.

Такими путями Стиннес постепенно занимал основные «командные высоты» современной Германии. Особенный интерес представляет его проникновение на одну из этих высот—овладение политической жизнью и т. наз. «общественным мнением» страны. Это глава его успехов является одной из любопытнейших страниц для характеристики методов современного капитализма.

Для широкой постановки воздействия на общественное мнение, Стиннес весьма последовательно начал с непосредственных экономических предпосылок. Он скупил акции огромных целлюлозных фабрик в районе Кенигсберга (Königsberger Zellstoffabrik A. G. и Norddeutsche Zellulosefabriken A. G.). К ним впоследствии присоединился ряд других крупнейших целлюлозных и бумажных фабрик (напр., фабрика Halbrock в Вестфалии). Снабжение «общественого мнения» одним из главных орудий производства—бумагой—оказалось в значительной степени в его руках. Затем в руки Стиннеса перешел мощный концерн громадных берлинских типографий (Lohndruckerei Büxenstein) с рядом связанных с ним предприятий и издательств (Vera, Borussia Norddeutsche Buchdruckerei d. Verlags A. G.). Таким образом в его руках оказались источники материального снабжения издательского дела, а с ними мощное орудие воздействия на человеческие души. Не жалея никаких средств, он стремится все более расширить эту сферу своих интересов. Он образует книгоиздательское и целлюлозное о-во Гуго Стиннеса (Buch d. Zellstoffgeverbe Hugo Stinnes G. m. B. H.), стиннезирует издательство Reimar Hobbing и ряд других.

Но, не ограничиваясь этими материальными предпосылками, он стремится овладеть крупнейшими агентствами, снабжающими прессу текущей информацией и давно превративших «общественное мнение» в ходкий коммерческий товар. Сюда относится знаменитое «бюро Даммерта», во время войны издававшее армейские ура-патриотические газеты, а затем занявшееся одновременно изданием газет стиннесовской «народной» партии, демократической партии и ряда «беспартийных» буржуазных газет. К этому бюро Стиннес присоединил возникшее незадолго до войны об'единение несколько телеграфных агентств, так наз. телеграфный союз (Telegraphen Union). Непосредственно в руки Стиннеса перешла «Германская Всеобщая Газета» (Deutsche Allgemeine Zeitung), «Газета торговли и промышленности» (Industrie u. Handelszeitung) и типичнейший образец желтой прессы американского типа—берлинский «Lokal Anzeiger». Кроме того, ряд крупных провинциальных газет, в особенности в фамильных владениях Стиннеса—в Рейнской области и в Баварии. Огромное количество газет и издательств стоит в бо́льшей или меньшей материальной зависимости, а следовательно, и под соответствующим влиянием Стиннеса. По некоторым подсчетам, число печатных органов, стоящих под непосредственным влиянием Стиннеса, превышает сотню. Излишне говорить, какое мощное орудие одурачивания и систематической отравы широких масс дает ему это орудие, которое он применяет, не стесняясь ничем. Изложение методов этой обработки общественного мнения завело бы нас слишком далеко. Да оно и само по себе настолько интересно, что заслуживает отдельной статьи.

Лишь в самых беглых чертах можем мы остановиться и на политической роли Стиннеса. Разумеется, Стиннес отлично знает, что политика—это концентрированная экономика и если в известные периоды своей деятельности (короткий срок после германской революции) он поднимает кампанию за аполитичность хозяйственной деятельности капитала, то это делается лишь для отвода глаз простоватых бюргеров. Теперь эти сказки для детей давно оставлены и трубадуры Стиннеса громогласно зовут крупный капитал на политический фронт. Во время войны Стиннес наиболее последовательно и бесцеремонно проводил политику тяжелой индустрии, усилиями и интересами которой война и была ведь вызвана. Он был глашатаем войны до конца «божеского наказания» Англии, безграничных аннексий, ни перед чем не останавливающейся подводной войны, славных подвигов германских летчиков, свирепых расправ над мирным населением. Он был своим человеком в главном штабе германской армии и одним из главных вдохновителей дикого ограбления Бельгии, разрушения ее промышленных районов и принудительного вывоза десятков тысяч бельгийских рабочих в Германию, на службу тяжелой индустрии. Война до победного конца была его лозунгом вплоть до самой военной катастрофы, давно намечавшиеся признаки которой, заставившее задуматься Баллина и др. представителей более мирных индустрий, на него не действовали.

Общее положение профессионального образования в Р.С.Ф.С.Р.

В. Яковлева.

Дать представление об общем положении профессионального образования нельзя без некоторого исторического обзора того, что было сделано в этой области за предшествующий учебный 1919—1920 год, ибо этот учебный год представляет собою определенную эпоху в деле профессионально-технического образования. В силу чрезвычайно тяжелого финансового положения страны, в силу общего финансового кризиса, который мы переживали, он являлся чрезвычайно трудным для дела профессионально-технического образования. Но, тем не менее, этот год все же ввел такие новые элементы в дело профессионально-технического образования, которые можно рассматривать как несомненный плюс во всей нашей работе. Весь период времени до 1921 года мы можем охарактеризовать как период организационный, как период стихийного роста и стихийного творчества в области проф.-техн. образования. Школы проф.-технические росли, в буквальном смысле слова, как грибы. В целом ряде отраслей школы насаждались без достаточных предварительных исследований той материальной базы, на которой они создаются, без достаточных данных. Что же именно, какой тип учебных заведений особенно здесь нужен? Особенно яркое и характерное выражение этот период нашел себе в области строительства высших учебных заведений. Мы имели на-лицо возникновение целого ряда новых высших учебных заведений на базе абсолютно недостаточной для развития их. Часто высшие учебные заведения строились на базе средних учебных заведений, правда, хороших средних проф.-техн. учебных заведений, но все же исключительно на этой базе, т.-е. на том же самом оборудовании и при том же самом преподавательском кадре, с небольшими лишь изменениями. Целый ряд высших учебных заведений носил именно такой характер. Их создавали, не давая себе отчета в том, что наших материальных и финансовых ресурсов не хватит на то, чтобы оборудовать эти учебные заведения до того типа, на который они переводились, и вся работа шла на основе старой базы,—базы средних учебных заведений. В этих случаях мы имели в сущности лишь простое переименование одного типа учебного заведения в другой тип. Затем в области этого стихийного строительства высших учебных заведений мы имели выражение такого

случайного обстоятельства: в связи с гражданской войной целый ряд квалифицированных и профессорских сил передвигались в области, на долгое время занимавшиеся белогвардейскими силами, скоплялись и затем оставались там и после водворения в них Советской власти. Они искали там применения своим силам, и то обстоятельство, что там собирались кадры профессорских квалифицированных сил, было достаточно для того, чтобы там сооружались высшие учебные заведения, при чем они не имели никакого оборудования, а оборудование было собрано по крохам и совершенно не отвечало тому, что требовалось от высших учебных заведений. Таких учебных заведений у нас также было достаточно. Очевидно, рассчитывали, что удастся оборудовать эти учебные заведения в последующее время, но эти ожидания не оправдались и они продолжали влачить чрезвычайно жалкое существование. Мне самой приходилось обследовать в процессе работы такого рода учебные заведения, которые имели в сущности только стены. Казалось даже странным, как люди могли организовывать такие высшие учебные заведения. Такой случай я наблюдала в Казани на примере так называемой Восточной Академии, которая представляла из себя вывеску, а за нею довольно обширное помещение.

То же самое мы имели и в области массовых учебных заведений. Там целый ряд низших технических школ перескочил в разряд техникумов, хотя был недостаточно для этого оборудован и снабжен недостаточно квалифицированными силами для этого типа.

Уже в 1921 году было ясно, что наша сеть профессионально-технических учебных заведений не соответствует рессурсам страны, что она превышает их. Но этот факт был осознан только тогда, когда разразился финансовый кризис. Когда отпали все надежды на последующее оборудование целого ряда вновь созданных высших учебных заведений, тогда стало ясно, что надежд на их сохранение нет. С этого момента началась работа по сокращению сети учебных заведений.

Нужно сказать, что по отношению к отдельным типам учебных заведений, по отношению к отдельным специальностям, это сокращение сети было чрезвычайно разнообразно. Оно проходило более или менее организованно и планомерно и раньше началось по отношению учебных заведений центрального ведения. Уже на с'езде заведующих Губ'ОНО в сентябре прошлого года, заведующий Главпрофобром тов. Преображенский говорил о необходимости приступить к сокращению сети высших учебных заведений. Значит, уже с начала 1921 учебного года вопрос о сокращении сети учебных заведений был поставлен в Главпрофобре и немедленно после с'езда, в сентябре, эта работа началась и продолжалась весь учебный год и время вакаций. Работа шла по такой линии: прежде всего был закрыт целый ряд слабых учебных заведений. Сокращение их выражалось в следующих формах: либо учебные заведения совсем закрывались, либо они преобразовывались в низший тип учебных заведений, либо более слабые вливались в более сильные учебные организмы, или, наконец, несколько слабых соединялись в одно более

сильное учебное заведение. Я укажу на некоторые характерные примеры из этой области. В Петрограде мы имели 3 в общем однотипных сельскохозяйственных учебных заведения. Все они стремились развиться в тип Петровской сельскохозяйственной академии. Это были—Агрономический институт, бывш. Стебутовские курсы и Каменноостровская академия. Ясно, что немыслимо было иметь в одном и том же городе 3 однотипных учебных заведения. Мы их слили в один сельскохозяйственный институт. Другим примером может явиться вливание Голицинских курсов в Петровскую академию. Еще целого ряда аналогичных примеров я касаться не буду, я сообщу только общие результаты работы по сокращению сети ВУЗ: в течение 1921—1922 учебного года и каникул было закрыто 43 высших учебных заведения, преобразовано, слито с другими—23 высших учебных заведения. Затем здесь любопытно отметить, что некоторые из предназначенных к закрытию учебных заведений, несмотря на свою относительную слабость, все же успевали пустить настолько крепкие корни в местную жизнь, что, когда пришла весть о закрытии их, местные органы возбудили ходатайство об оставлении их на местные средства. И мы теперь имеем 7 учебных заведений, оставленных на местные средства. Кроме этого по отношению к двум—университеты в Ярославле и Смоленске—вопрос не разрешен еще. Совершенно аналогичная работа проделана и по отношению к рабфакам. В результате мы имеем сейчас 91 высшее учебное заведение во всей РСФСР, за исключением Украины, Грузии и Азербейджана, затем практических институтов мы имеем 60, рабочих факультетов—53 дневных и 7 вечерних; из последних два также преобразовываются в дневные. Вот, следовательно, картина сети, которой мы располагаем в данный момент. Мы считаем, что эта сеть достаточно тверда и те преобразования, которые уже намечаются в составе этой сети, не будут производиться в течение наступающего учебного года, так как все они не носят уже срочного характера и могут быть отложены на летнее вакационное время.

Что касается сокращения сети по массовым учебным заведениям, то здесь картина была несколько иная. Если мы по отношению к учреждениям центрального ведения эту работу начали с осени 1921 года, то там на местах работа по сокращению началась с 1-го января 1922 года. При этом там она началась более стихийно и проходила в обстановке, гораздо более катастрофической. Больнее всего она ударила по внешкольному профессионально-техническому образованию. Этот вид образования в первом месяце 1922 г. фактически перестал существовать за отсутствием средств. Это совершенно понятно. Более подвижной организм, обладающий меньшей инерцией, меньшей зацепкой по отношению к окружающей среде, внешкольное образование подвергалось наибольшему опустошению. В этой области особенно характерно то, что мы имеем по отношению к курсам профессионального образования рабочих. Их сжатие шло в катастрофическом порядке. На 1-е октября 1921 года было зарегистрировано 927 курсов с 52.000 слушателей, а на 1-е апреля мы имели по 33 главным губ. всего-на-всего 253 против 632 кур-

сов, которые были в тех же губерниях на 1-е октября. Слушателей в них было от 12 до 14 тысяч. На 1-е июля мы имели новое сжатие по сравнению с апрелем—с 253 до 246 курсов. Затем как будто бы с 1 июля дальнейшее сокращение прекратилось. Эти цифры показывают, что действительно сжатие происходило самым внезапным и трудно переносимым для учебных заведений способом. Что касается остальных учебных заведений низшего и среднего типа, то здесь замечается, что более низшего типа учебные заведения сокращались быстрее и более массовым образом, чем учебные заведения более высокого типа. Это совершенно естественно. В эти учебные заведения перекочевывали кадры преподавателей более квалифицированные, которые соединяли занятия в этих школах с занятиями в других хозяйственных и прочих органах. И эти школы как-то переживали это время. Цифры, которые имеются в нашем распоряжении, говорят, что профтехнические школы, за время с апреля до августа, сократились на 66 с лишним процентов, учебно-показательные мастерские сократились на 27%, тогда как техникумы на 18,5%.

Теперь я скажу несколько слов о сети так называемых массовых школ, т.-е. школ, находящихся в ведении местных органов Главпрофобра. Перед нами стоит задача такого же определения окончательно установленной твердой сети так, как она определена по отношению к учебным заведениям центрального ведения. Для этого, начиная с половины июля, Главпрофобр вызывает поочередно всех заведующих губпрофобрами и с ними дотолковывается по вопросу об установлении твердой сети проф.-технических учебных заведений в их губерниях. Таким образом выбраны более ценные учебные заведения, которые Главпрофобр считал необходимым зачислить на госснабжение, установлены необходимые средства для содержания этих учебных заведений, а также договорено с губпрофобрами относительно тех, которые должны совершенно закрыться, и относительно тех, которые должны остаться на местных средствах. Эта работа почти уже закончена.

Чтобы покончить с сетью массовых учебных заведений и с тем, как учебные заведения массового типа выжили 1921—1922 учебный год, необходимо коснуться еще нескольких моментов. Мы имеем сведения, что массовые технические учебные заведения употребляли различные ухищрения, чтобы продержаться это трудное время. Некоторые хватались за организацию производственной деятельности, но, как правило, производственная деятельность чрезвычайно вредно отразилась на учебных планах, повела к их сокращению, не принеся вместе с тем дохода в тех размерах, как предполагалось. С другой стороны, например, следует отметить положение сельскохозяйственных учебных заведений. Если некоторые индустриально-технические учебные заведения стремились выбраться из тяжелого финансового положения тем, что сокращали свою учебную часть за счет производственной деятельности, то по отношению к сельскохозяйственным учебным заведениям какого-либо подобного общего вывода сделать нельзя. Их положение было по России чрезвычайно разнообразно. Все зависело от того, какие виды были на урожай, каков был живой инвентарь, какова была помощь местных

губземотделов. И это сельскохозяйственное состояние губерний в конце концов давало определенную физиономию сельскохозяйственным учебным заведениям в смысле их устойчивости и твердой материальной базы.

Что касается художественного образования, то можно констатировать, что оно приходит в упадок, что оно все больше и больше сокращается. Благодаря тому, что мы должны были ввести плату за обучение в художественных школах в них совершенно несомненно и резко сокращается количество учащихся и очень значительное число их просто закрывается и перестает существовать.

Нужно только отметить, что чрезвычайно благополучно вышли из этого периода школы фабрично-заводского ученичества. Они не только не потерпели сокращения, но напротив мы имеем здесь все время идущее планомерное увеличение.

Теперь если подвести итоги сказанному, то приходится все же признать, что нет худа без добра, ибо, несмотря на то, что финансовый кризис чрезвычайно больно ударил по нас, он заставил нас распроститься со стихийным насаждением учебных заведений, заставил перейти к твердой сети и к выработке определенного плана дальнейшего развития этой сети, обусловливая ее все время теми общими финансовыми и материальными рессурсами, которыми мы будем обладать.

Итак, 1921—1922 учебный год является годом, положившим грань между предшествующим организационным и новым наступающим периодом в области профессионально-технического образования, периодом органической внутренней работы. Я должна отметить, что эта грань дала себя знать не только в области выяснения нашей материальной базы, но она определенным образом выявилась также и в целом ряде других отраслей работы по управлению профессионально-техническими учебными заведениями. Так, в области учебно-административном Главпрофобр уже начинает достигать чего-то более систематического, чем это было в предшествующий период. Прежде всего это опять таки относится к высшим учебным заведениям, находящимся в центральном ведении. Здесь прежде всего улучшено финансирование. Поскольку это делается на основе заранее установленного плана, исходящего из штатных должностей и из размера хозяйственного аппарата данного учебного заведения, постольку здесь мы все-таки даем более ясную ориентировочную картину для этих самых учебных заведений. Они уже знают более или менее, чем они в состоянии будут располагать во вновь наступающий месяц. В этом году также удалось помочь высшим учебным заведениям и в смысле заготовки топлива. Можно рассчитывать, что в этом году не будет того перерыва на 2—3 месяца в ходе учебных занятий, как это было в прошлом, когда, например, такая крупная единица, как 1-й Петроградский Политехнический Институт имел перерыв на 3 зимних месяца.

Что же касается администрирования высшими учебными заведениями, то продолжавшееся целый год неясное положение с введением устава высших учебных заведений наконец изжито, и с начала наступающего учебного года

этот устав будет вводиться. Введение в жизнь устава высш. школы было чревато чрезвычайно большим осложнением. Мы имели целый ряд выступлений профессуры, протестовавшей против устава и требовавшей сохранения автономии школы. В результате всего этого устав был несколько изменен. Основные изменения, внесенные в старую редакцию, заключаются в том, что теперь устав фиксирует, что ректор как правило назначается из числа кандидатов, выдвигаемых на эту должность профессурой, и только в том случае он назначается Наркомпросом по его усмотрению, если дважды выдвинутый кандидат отведен за своим полным несоответствием. Но одновременно новая редакция устава дает возможность регулировать и контролировать назначение преподавателей, и если раньше назначение преподавателей и научных сотрудников было делом правлений, то теперь это утверждение преподавателей лежит на обязанности Главпрофобра. Это основная особенность нового устава. В нем также оговорено, что факультет общественных наук управляется на основании особого положения неодинакового с положением об остальных факультетах. В этом новом виде устав получил утверждение только в мае и теперь разослан уже всюду по высшим учебным заведениям вместе с нашим циркуляром, предлагающим все органы, предусматриваемые уставом, ввести в жизнь к 15 октября. С 15-го октября мы будем иметь во всех высших учебных заведениях нормально функционирующие советы ВУЗ и советы факультетов с привлечением представителей соответствующих профессиональных и советских организаций.

Но хотя устав начнет вводиться в жизнь только с 15-го октября во всей своей основной части, но в области назначения правлений он фактически проводился уже в 1921—1922 учебном году. В данный момент согласно нового устава мы имеем назначенные правления почти во всех 91 высших учебных заведениях, а также и в тех учебных заведениях, которые переведены на местные средства, ибо они действуют также на основании того же самого устава высших учебных заведений. Не назначены правления только в 11 учебных заведениях. Такое запоздание об'ясняется целым рядом обстоятельств, отчасти связанных с реорганизацией этих учебных заведений или какими-либо другими более или менее случайными мотивами, не имеющими серьезного значения. В течение месяца, вероятно, и эти учебные заведения получат правления. Нужно сказать, что в смысле наблюдения за самой жизнью высших учебн. заведений нам удалось кое-что исправить и можно сказать, что теперь мы уже не имеем случаев неподчинения распоряжениям Главпрофобра, каковые наблюдались раньше. Можно вполне определенно сказать, что правления высших учебных заведений являются сейчас административными органами Главпрофобра, за которыми ему лишь надлежит теперь учинить наблюдение и контроль, что уже не так трудно. С этой целью издан дополнительный циркуляр о введении отчетности в высших учебных заведениях. Этот циркуляр предусматривает представление отчетности за отдельные периоды по отдельным отраслям учебной жизни высших учебных заведений. Очень большое облегчение в деле управления высшими учебными заведениями внесли

ректорские совещания, которые согласно постановления Совнаркома мы устраивали регулярно при Главпрофобре. Это дает возможность очень быстро выявлять назревающие вопросы и во-время принимать те или иные мероприятия. Одновременно с общими ректорскими совещаниями у нас происходят совещания ректоров по отдельным видам профессионального образования, как-то: индустриально-техническим, медицинским и т. д. Эти ректорские совещания дают тот плюс, что мы разрешаем в течение их все вопросы, касающиеся отдельных учебных заведений, что дает нам возможность в течение остальных промежутков работать гораздо более нормально, не разбрасываясь на мелочи и не занимая своего внимания регулированием этих отдельных случаев.

Необходимо сказать несколько слов о приеме в ВУЗ. Наступающий учебный год (1922—1923)—уже третий год классового приема в высшие учебные заведения. В этом году мы учли все обстоятельства приема предшествовавшего года, внесли целый ряд исправлений, в частности несколько изменили систему приема в том смысле, что связали его с преподавательским персоналом высших учебных заведений. И если в прошлом году, например, у нас были губернские приемные комиссии и профессура высших учебных заведений не имела к приему никакого отношения, то в этом году приемные комиссии организованы при высших учебных заведениях с обязательным представительством каждой комиссии правления. Уже в прошлом учебном году имелось на-лицо значительное изменение классового состава и политической физиономии студенчества. В общем можно сказать, что в Москве, например, мы имели обновление классового состава студенчества на 50% по отношению к прошлым годам, так что забастовка профессуры почти совсем не затронула студенческих масс и только отдельные курсы отдельных факультетов вынесли резолюции сочувствия этой забастовке; остальное же студенчество было нейтрально, а иногда явно несочувственно относилось к забастовке. В этом году в Москве и Петрограде будет наблюдаться несомненное превалирование пролетарских и близких к пролетарским слоев студенчества. В провинции дело стоит, насколько я имела возможность убедиться, несколько хуже. Там классовое соотношение по отдельным городам далеко не в пользу пролетарских слоев студенчества, хотя в этом году оно значительно исправится. В связи с изменением классовой физиономии студенчества произошло значительное изменение и в структуре студенческих организаций. Если раньше имелись общестуденческие организации, старостаты и проч., то теперь из общестуденческих организаций мы знаем, как законные организации, только академические и кооперативные секции, которые занимаются вопросами, ясными из названий. С другой стороны нарождаются уже виды организации пролетарского студенчества. Прежде всего мы уже имеем целый ряд организаций стипендиатов, охватывающих всех стипендиатов данного учебного заведения. Кроме того уже разработан проект общей организации пролетарского студенчества, пока еще не окончательно

установленный. Он говорит о необходимости связи этих пролетарских организаций с профессиональными союзами.

Что касается порядка снабжения студенчества, то за этот год и здесь произошли чрезвычайно большие изменения. Так, от снабжения поголовного, по отношению ко всему студенчеству, которое было установлено хотя бы в принципе до 1921—1922 учебного года, государство перешло к обеспечению в порядке стипендий. Все остальные студенты (нестипендиаты) имеют бесплатное обучение, но не пользуются снабжением государства. Стипендий у нас имеется всего 25.000 с начала наступающего учебного года, и было 18.000 до сентября. При введении стипендий было очень много осложнений, чрезвычайно болезненно отзывавшихся на самом существовании студенчества: во-первых, размер стипендии был очень невелик, во-вторых, размер прод. пайка был чрезвычайно низок и неаккуратно выдавался и т. д. Теперь при установлении квартального бюджета удалось твердо зафиксировать, что размер студенческих стипендий должен соответствовать 6 разряду 3 группы промышленных предприятий общетарифной сетки. Так что в Москве и Петрограде он уже достигает 30,5 миллионов рублей. Кроме того, в этом году нам удалось для студентов рабфаковцев осуществить увеличение пайка до размера Гувузовского. Главпрофобр ходатайствует перед Совнаркомом, чтобы это было распространено и на студентов-стипендиатов основных факультетов. Тогда это уже будет представлять из себя солидное обеспечение, которое даст возможность нормально жить и работать студенчеству. В этом году удалось улучшить положение рабфаковцев и в смысле общежитий. Для общежитий удалось своевременно получить ассигнование на ремонт и оборудование, так что в этом году студенчество рабочих факультетов нормально проживет учебный год. Что касается студентов-стипендиатов остальных факультетов, то здесь дело хуже. При рассмотрении сметы было отказано в специальном ассигновании на предмет оборудования и ремонта общежитий и только теперь удается сделать кое-что в отдельных случаях. Особенно остро жилищное положение в Москве. Студенты-стипендиаты в жилищном отношении будут обеспечены в Москве в меньшем проценте, чем в Петрограде и провинции. Но зато в этих общежитиях по крайней мере будет более или менее тепло, не будет той дьявольской стужи, как в прошлом году.

Переходя теперь к тому, что сделано в области учебно-административной по отношению к другим типам учебных заведений, я должна сказать прямо, что в этом отношении мы делаем лишь первые шаги. В этом году было установлено во всероссийском масштабе только одно мероприятие— введен классовый прием в техникумы и практические институты. Все остальное по упорядочению учебно-административной части массовых учебных заведений перед нами стоит еще впереди и настоящий учебный год должен быть использован нами в этом отношении.

Наконец, необходимо указать, что истекший год внес чрезвычайно много нервности в работу по проф.-техническому образованию также и потому, что он снова возродил стремления со стороны ведомств относительно, как это

принято говорить, «разбазаривания» профессионально-технического образования по отдельным ведомствам. Дело в том, что в самом начале финансовый кризис прежде всего отразился на ведомствах, не имеющих производственной базы, на тех, которые не располагают иными средствами, кроме кредита со стороны государства,—в первую голову на органах народного просвещения. Этот кризис создал иллюзию в других ведомствах, что они на дело профессионально-технического образования в состоянии дать больше, чем Наркомпрос. Но как только дело установления государственного бюджета было упорядочено, как только все было введено в определенные рамки, как только иссяк источник оборотных средств в виде распродажи старых запасов и когда производственные ведомства почувствовали, что в области финансов они также очень ограничены,—вопрос сошел со сцены и перестал быть таким актуальным, каким был раньше. Но одновременно и Наркомпрос шел навстречу и устанавливал в тех или других случаях соглашения с соответствующими ведомствами. Особенно сильный напор шел на Главпрофобр со стороны Наркомзема. Еще Всероссийский С'езд Советов в декабре месяце установил необходимость передачи сельскохозяйственного образования в Наркомзем. Но тем не менее нам удалось достигнуть соглашения с Наркомземом, которое не пошло по линии передачи, а лишь дало возможность НКЗему установить свое влияние на эти учебные заведения. Одновременно это соглашение устанавливает такие отношения в области материальной, которые позволяют Наркомзему уделять на дело сельскохозяйственного образования то, что он может. По этому соглашению член коллегии Наркомзема является членом коллегии Главпрофобра, заведующим отделом сельскохозяйственного образования. Вместе с тем ассигнования на сельскохозяйственное образование в части учебно-педагогического персонала идут по смете Наркомпроса, а в части хозяйственных расходов по смете Наркомзема. Нужно сказать, что по установлении этого соглашения работа шла более или менее гладко, шероховатостей крупных не было. Были, конечно, отдельные недоразумения, но в общем и они сглаживались. Но если в центре вопрос взаимоотношений прошел более или менее гладко, то не так обстояло и обстоит дело по отношению к сельскохозяйственному образованию на местах. Там мира между Губземотделом и Губпрофобром не существует, или существует в виде исключения по отдельным губерниям, в остальных же продолжается, правда, глухая, но все же борьба за овладение сельскохозяйственным образованием. Можно надеяться, что в наступающем году, отчасти с проведением нового бюджета эти отношения удастся урегулировать до конца.

Кроме того за это же время НКПросом заключено соглашение с НКПС в более широком масштабе не только по линии профессионально-технического образования, а по всей линии просвещения. По сути оно закрепило то, что было и раньше. Вся работа по народному просвещению на транспорте вливается отчасти в Цекультран, отчасти в ведомство НКПС. Что касается управления профессионально-технического образования НКПС, то оно является вместе с тем отделом Главпрофобра. Нужно сказать, что связь

Главпрофобра и Транпрофобра установлена более тесная лишь за последние месяцы, тогда как раньше Транпрофобр работал достаточно самостоятельно. Теперь начальник Учтранпрофобра принимает участие в совете по делам низшего и среднего профессионально-технического образования, который организован в Главпрофобре. Также он имеет постоянные доклады у заместителя заведующего Главпрофобром, что дает возможность регулировать и связывать работу Транпрофобра с общей работой Главпрофобра.

Далее установлено соглашение с Наркомпочтелем, согласно которому мы имеем в недрах отдела профессионального образования рабочих небольшой аппарат, который работает по образованию Нарсвязи. Здесь также учебно-педагогический персонал идет по нашей смете, а все остальные расходы по смете Наркомпочтеля.

С ВСНХ Главпрофобром установлены также довольно тесные отношения, но несколько иного порядка. ВСНХ считает, что если он сможет помогать, учебным заведениям, то он сделает это и без всяких перечислений. Он вводит в нашу коллегию своего члена президиума, который будет наблюдать за работой отдела индустриально-технического образования и затем, кроме того, он устанавливает принцип патронирования, согласно которому помогает натурою и дензнаками отдельным учебным заведениям. Помощь эта по отношению к ВУЗ выразилась уже и теперь в достаточно солидной цифре. По последней справке, относящейся к последним числам августа с. г., ВСНХ ассигновал высшим учебным заведениям, в которых он заинтересован, за два истекшие месяца 400.000.000.000 рублей, из которых довольно много пошло натурой, в виде предоставления топлива. Несомненно, что ВСНХ из всех ведомств наиболее реально осуществляет помощь делу профессионально-технического образования, в котором он заинтересован. Кроме того он стремится свои организационные отношения с Главпрофобром направить по более правильному руслу.

На этом историческую справку о 1921—1922 учебном годе можно считать законченной. По сути дела она дает уже одну часть картины состояния профессионально-технического образования. Но, конечно, это только одна часть. Другая часть заключается в том, насколько профессиональные учебные заведения удовлетворяют потребность в тех специалистах, которых они у себя подготовляют. Нужно сказать, что на этот вопрос ответить до чрезвычайности трудно. Прежде всего, для того, чтобы решить его, нужно знать, какой спрос на специалистов различных специальностей и квалификаций существует у соответствующих ведомств. Но как раз на этот вопрос получить ответ до последней степени трудно. Нужно сказать, что по отдельным типам учебных заведений, по отдельным специальностям Главпрофобр стремился получить соответствующие задания; была затрачена масса сил и времени, но, несмотря на это, до сих пор нет действительного представления о том, что в конце концов от Главпрофобра требуется.

Возьмем, например, индустриально-технические учебные заведения и посмотрим, как здесь обстоит дело. Нужно сказать, что мы в этой области

имели заявку только со стороны ВСНХ, хотя заинтересован не только ВСНХ, но и ряд других ведомств—НКВД, НКПС и др. Заявка эта относилась к осени 1921 г., но ясно, что после того сжатия промышленности, которое за это время произошло и которое продолжает все еще происходить, эта заявка теперь уже не дает никакого представления о действительной надобности промышленности в данный момент. А когда Главпрофобр снова запрашивал Наркомтруд и ВСНХ, то от ВСНХ никакого ответа не получилось, а Наркомтруд сказал, что до тех пор, пока не будет установлен урожай и дальнейшие перспективы развития нашей промышленности, никакой справки о том, что нужно нашей промышленности в области подготовки новых специалистов, Наркомтруд дать не может. Это уже одно говорит о том, что в этом отношении Главпрофобр поставлен в достаточно тяжелое положение. Он не знает, на какой спрос он работает. Осенью 1921 года ВСНХ претендовал, чтобы Главпрофобр выпустил 4.000 инженеров и 13.630 техников. Эти цифры чрезвычайно преувеличены; очевидно, их нужно как-то корректировать. Мы пытались достать нужные сведения из соответствующих профсоюзов, но и от них мы не получили достаточно ясного ответа. Приходилось вычислять надобность в инженерах таким теоретическим порядком: брали цифры рабочих, зачисленных в соответствующий профсоюз, устанавливали обычный нормальный процент инженеров и техников по отношению к рабочим и теоретически устанавливали цифру инженеров и техников, потребных для данной отрасли промышленности. Произведенный таким образом совместно с профсоюзами расчет с одной стороны, с другой стороны общие соображения, которые всем нам известны, о которых неоднократно писалось в печати, например, о количестве безработных в той или иной отрасли и т. д.,— вот те данные, на основе которых приходилось Главпрофобру корректировать указанную преувеличенную заявку. Все эти данные согласно говорят о том, что эту заявку нужно очень понизить. Когда же мы сравниваем выверенные таким образом цифры с количеством выпускаемых фактически инженеров и техников, мы в общем и целом приходим к следующим выводам. В области индустриально-технического образования, за исключением школ фабзавуча и курсов профессионального образования рабочих, мы имеем приблизительное соответствие с потребностью, а по некоторым отраслям даже превышение, как, например, в области электротехники, где учебные заведения выпускают больше чем надобно. Но несомненно, что дальнейшее развитие народного хозяйства и прежде всего в области строительства вызовет немедленное несоответствие и покажет, что мы выпускаем недостаточное количество работников. Но уже и теперь мы даем недостаточное количество специалистов в области добывающей промышленности. Это зависит от того, что достаточного количества учебных заведений, обслуживающих эту отрасль промышленности, никогда в России не имелось.

Перейдем теперь к абсолютным цифрам выпусков учебных заведений. Мы имеем специальную таблицу, которая указыват на программу выпуска инженеров на ближайшее пятилетие, основанную на точных цифровых дан-

ных. В этом году мы выпустили по всей России 1.405 инженеров, в следующем году мы будем иметь 2.270, в 1924 г.—3.311, в 1925 году— 3.826.

Здесь надо обратить внимание на систематическое увеличение выпусков. Это—вещь, характерная для всех видов профессионально-технического образования, ибо истекший год есть последний год ненормального существования высшей школы, когда выпуски были невелики вследствие военных обстоятельств, условий империалистической и гражданской войны. С настоящего учебного года мы будем иметь нормальные выпуски. Это будет первый год, когда второй и третий курс будут работать с полной или почти полной нагрузкой.

Что касается средних учебных заведений, то в этом году мы выпустили техников и мастеров около 4.000, точно 3.800; квалифицированных рабочих из профессионально-технических школ свыше 2.000; квалифицированных рабочих для нужд сельскохозяйственной и мелкой промышленности около 1.500. Эти данные более или менее точные.

Обратимся теперь к другому виду профессионально-технического образования, к сельскохозяйственному. Мы имеем заявки со стороны Наркомзема, которые в недрах самого Наркомзема признаются преувеличенными на 50%. Заявки эти исчисляются очень большими цифрами. Так, например, Наркомзем требует в этом году агрономов 20.000 и специалистов с образованием техникума 13.000. Но, как я уже указывала, сам Наркомзем считает их преувеличенными на 50%. Теперь, что же дает Главпрофобр в области сельского хозяйства. Из сельскохозяйственных учебных заведений всех видов, кроме высших, мы выпустили всего лишь около 3.000 человек в этом году. Некоторе увеличение начнется с будущего года. Примерно оно будет такое: в размер от одной трети до половины в наступающем году и от половины до $^{2}/_{3}$ в следующих годах; в будущем году мы будем иметь 4.000 человек, а затем по 4.500. Выпуски высших сельскохозяйственных учебных заведений в 1922 г. дадут 732 человека. Совершенно ясно, что если сравнить эти цифры с заявками Наркомзема, даже уменьшенными на 50%, то выпуски не удовлетворят вполне потребностей сельского хозяйства на квалифицированную силу и в течение пяти лет.

Что касается медицинского образования, то здесь Главпрофобр имеет также заявки от Наркомздрава. Он считает, что ему необходимо 16.000 врачей для лечебниц и около 4.000 на специальные виды медицинской работы, на школьно-санитарную и т. д. Потребность в среднем медицинском персонале 45—50 тысяч. Между тем мы даем такого рода цифры. В этом году мы выпустили 2.340 человек из высших учебных заведений и 600 человек из средних. В будущем году мы будем иметь в области средних учебных заведений увеличение на 25%, а из высших учебных заведений выпустим уже 2.500. Эти цифры действительны и для ближайших годов. Совершенно ясно, что тогда потребность Наркоздрава во врачебной силе и в среднем медицинском персонале будет покрыта лишь спустя чрезвычайно длительный промежуток времени. Совершенно несомненно, следовательно, что здесь на-лицо

имеется очень большое несоответствие, по сравнению с тем, что требуется. Но нужно, однако, отметить, что сейчас, несмотря на этот сам собою напрашивающийся вывод, мы имеем резко выраженную безработицу, имеем целый ряд врачей, которые не знают как приложить свои силы. Обстановка финансового кризиса, вызвавшая чрезвычайно резкое и сильное сокращение штата в больницах, закрытие целого ряда сельских больниц, выбросила в качестве безработных очень значительное количество работников в области медицинского образования.

С этим же явлением мы сталкиваемся и в области педагогического образования. Нам представляют чрезвычайно большие заявки. Один Главсоцвос требует 235.000 человек, но совершенно ясно, что эта заявка совершенно не реальная, ибо сейчас по своему бюджету Главсоцвос получает по госснабжению средства только на 103.000 единиц учебно-педагогического персонала по всей РСФСР. Если считать, что столько же у него имеется на местные средства, то все равно его заявка на новых работников ни с чем не согласована и с ней считаться не приходится. Сколько же мы выпускаем? В этом году Главпрофобр выпустил из высших педагогических учебных заведений около 1.000 человек. У нас зарегистрирована цифра 757 человек, но мы считаем ее несколько преуменьшенной, потому что здесь сосчитаны не все высшие учебные заведения. Если сосчитать не только высшие учебные заведения, но и все остальные, то общее число будет равняться 3.717. В будущем году мы сумеем выпустить около 5.000 человек и затем в последующих годах от 6.000 до 6.500. Ясно, что это выпуск очень небольшой. Но, основываясь на тех сведениях, которые имеются о размерах оставшейся сети, на планах ее развития и на данных о безработице, которая во всех областях народного просвещения в настоящее время имеется, совершенно несомненно, что для данного момента и для ближайших лет потребность в новых работниках просвещения удовлетворяется.

Что касается социально-экономического образования, то нужно сказать, что этот отдел находится в самых невыгодных условиях. Он обслуживает несколько ведомств зараз, но получить от кого-либо из них точные заявки совершенно не удалось и, вероятно, в скором времени не удастся. На основании общих соображений о характере и быстроте пристраивания оканчивающих специалистов и общем состоянии народного хозяйства в соответствующих областях, можно сказать, что пока что эта потребность более или менее удовлетворяется, но развитие новой экономической политики в ближайшее же время даст почувствовать, что наша сеть недостаточна.

Школы фабрично-заводского ученичества обслуживают всего лишь одну треть того количества рабочих подростков, которое бронируется декретом Совнаркома. Что касается профессионального образования рабочих, то из той справки, которая приведена выше о его современном состоянии, совершенно ясно, что в этом отношении Главпрофобр далеко не дает того, что от него требуется.

Необходимо также отметить, что у нас совершенно не организовано

использование той квалифицированной силы, которая оканчивает наши учебные заведения. По положению использование организуется Наркомтрудом, к которому должны сходиться спрос и предложение. После долгих усилий Главпрофобру удалось получить справку из Наркомтруда о том, как шло распределение квалифицированной рабочей силы с 1 января по 1 июня 1922 г. Из этой справки видно, что плановый спрос был заявлен лишь на 891 специалиста, при чем он был удовлетворен в размере всего лишь 11,8%, между тем как спрос внеплановый заявлен был на 984 чел. и удовлетворен на все 100%. Цифры этой справки определенно и ясно показывают, что никакой организации по части распределения квалифицированных сил не имеется, что окончившие специалисты стихийно устраиваются где могут. Это в значительной степени осложняет вопрос об удовлетворении потребности в квалифицированной силе и лишь увеличивает искусственно тот недостаток в ней, который имеется в отдельных отраслях. С этим обстоятельством нужно покончить, и как профсоюзы, так и ведомства должны приложить все свои силы, чтобы этому положить предел и как-нибудь наладить распределение окончивших специалистов.

Прежде чем закончить общий обзор состояния профессионально-технического образования, необходимо в общих чертах коснуться того, что за истекший учебный год удалось сделать в области реформы преподавания. Нужно признаться, что в этой области сделано мало, и то, что сделано досталось с чрезвычайно большим трудом по той простой причине, что Главпрофобр не мог развернуть работу в области учебно-методической за полным отсутствием средств на эту работу. Во всяких ассигновках на это дело было отказано. Главпрофобр не имел возможности даже разрабатывать программы. А если иногда и удавалось разрабатывать какую-либо программу, то он не в состоянии был ее опубликовать и разослать для руководства в учебные заведения. Все, что удается выкраивать на это дело, выкраивается из ассигнований на хозяйственные расходы учебных заведений, делается с явным нарушением их интересов, тем не менее делать это, в целом ряде случаев приходится, ибо другим способом выйти из этой тяжелой обстановки невозможно. Наиболее крупные шаги в области реформ профессионально-технического образования сделаны Главпрофобром в отношении социально-экономического образования: лишь в этом году было приступлено к осуществлению очень старого декрета Совнаркома о реформе преподавания общественных наук. Здесь опять таки все сделанное относится лишь к высшим учебным заведениям. После двух лет неудачных попыток Наркомпрос пришел к заключению, что мы только в том случае возьмем в свои руки социально-экономическое образование, если очень сильно сократим сеть высших социально-экономических учебных заведений. И в этом году Главпрофобром был закрыт целый ряд факультетов общественных наук и целый ряд экономических отделений политехнических институтов. Сейчас осталось лишь очень ограниченное количество таких факультетов, что и позволит подобрать надлежащий состав профессоров для основных дисциплин, определяющих

миросозерцание и физиономию работников, которые будут выходить из этих факультетов. Затем мы приступили к реформе преподавания так называемого научного минимума, обязательного для всех высших учебных заведений, что делаем опять таки ценою сокращения размера минимума, сведения его до размера политграмоты, ибо предшествующие два года показали, что минимум оставался только на бумаге, или, что еще хуже, преподавание переходило фактически в абсолютно неподходящие руки. Теперь научно-политическая секция Гос. Ученого Совета приняла сокращение этого минимума и происходит договаривание с политическими организациями о том, чтоб для осуществления его в порядке обязательно были привлечены подготовленные для этого работники, что делается возможным, раз минимум сокращен до курса политграмоты. Вся эта работа проделана чрезвычайно несовершенно, потому что у Главпрофобра не было необходимых средств для нее. Очередной задачей, которая должна быть поддержана ведомствами в Совнаркоме, является получение достаточных средств на учебно-методическую работу. Но этим не ограничивается НКПрос. Ему нужно весь свой аппарат, а следовательно, и аппарат Главпрофобра перестроить так, чтоб центр тяжести его работы с материального обслуживания учебных заведений, был перенесен в сторону учебно-методического руководства ими.

Нельзя обойти молчанием также и крайней слабости местных органов Главпрофобра. Как и Главпрофобр, они выдвинуты в единый аппарат Губоно, но, к сожалению, они там заняли неподобающее им, слишком малое место. Я уже указывала, что средства, направляемые на содержание проф.-технического образования, растекаются, идут в общий котел губернских отделов народного образования. Но нельзя не отметить также, что и самые аппараты Губпрофобров сведены до таких ничтожных размеров, что ими совершенно невозможно оперировать для управления массовыми профессионально-техническими учебными заведениями. Так, максимальный штат Губпрофобра—8 человек, минимальный—3 человека. Ясно, что работу с 8-ю человеками можно ставить только в том случае, если заведующий не только руководит работой, но и выполняет всю ее черновую часть. Кроме того, чрезвычайно ничтожные ставки, которые имеются в распоряжении Губоно, приводят к тому, что мы не в состоянии задержать в аппарате Губпрофобра квалифицированной силы. Тем самым, Губпрофобр опять-таки теряет значение, как орган, задача которого заключается в учебно-методическом руководстве. Далее отношения с Губоно оставляют желать много лучшего. Бывали случаи, когда Губпрофобру запрещали даже сноситься с Главпрофобром, хотя бы даже послать простую справку, простой запрос; оказывается и этого без подписи зав. Губоно сделать нельзя. Губпрофобры не в состоянии без подписи заведующего Губоно послать то или иное предписание подчиненным ему профтехническим учебным заведениям. Получается картина, что Губпрофобр—это орган совершенно маломощный, которому оказывается со стороны руководящего губернского отдела народного образования чрезвычайное недоверие. При таких условиях дело профтехнического образования,

конечно, не может вестись сколько-нибудь нормально. Здесь приходится нажимать на Губоно, в смысле изменения всех этих условий и превращения Губпрофобра, в известных пределах, в нечто самостоятельное, в нечто имеющее инициативу и возможность направлять работу профтехнического образования так, как это необходимо. И хотя Наркомпрос—центральный орган народного просвещения, в этом отношении совершенно не разделяет тенденцию местных органов Губоно, но парализовать уже установившийся модус чрезвычайно трудно.

Теперь я подведу итоги тому, что мною уже сказано. Эти итоги в общих чертах сводятся к следующему: мы можем считать, что проф.-техническим образованием организованный период уже изжит, и мы теперь вступаем в период глубокой внутренней работы, в период работы учебно-методической. Для этого необходимо построить соответствующий аппарат и получить соответствующую материальную базу. Этот период раскрывает целый ряд совершенно определенных задач в области проф.-технического образования. Часть этих задач вытекает из того, что мною уже сказано, часть имеет несколько самостоятельное значение. Не останавливаясь на задачах, уже отмечавшихся выше, я отмечу здесь лишь некоторые, специально ранее не отмеченные. Это прежде всего—вопрос относительно дальнейшего развития проф.-технического образования, и того плана, по которому оно пойдет. В данный момент, мы стоим перед вопросом о необходимости пересмотреть самую схему проф.-технического образования, ибо предшествующий период наметил перед нами целый ряд несоответствий между типами схемы и типами живой жизни, бросающихся в глаза и мешающих работать. Кроме того, следует отметить невязку между отдельными ступенями проф.-технического образования. С другой стороны, мы имеем на-лицо невязку между системой проф.-технического образования и системой общего образования. Например, мы знаем, что та подготовка, которую дают школы II ступени, чрезвычайно недостаточна для поступления в высшие учебные заведения. Это обстоятельство заставило высшие учебные заведения строить у себя приросты в виде различного рода общеобразовательных курсов. Далее надо было наши техникумы связать, с одной стороны, со школами 2-й ступени, с другой стороны—с высшими учебными заведениями, и притом так, чтобы не создавать из них ни проходных дверей, ни тупиков. Одним словом, надо дать отдельным ступеням профтехнического образования законченное целое. В том же направлении пересмотра действовал целый ряд других мотивов. Здесь нельзя останавливаться на особенностях новой схемы; этому следует посвятить особую статью. Я же отмечу только, что на основе этой новой схемы мы должны будем ввести больший порядок в отдельные типы проф.-технических учебных заведений, дать определенную оценку тем отклонениям, которые были вызваны жизнью: признать их вредными и поставить, в таком случае, определенный срок для их ликвидации или признать их жизненными, и тогда найти им место в схеме. Эта работа почти уже закончена.

Вместе с тем, эта задача чрезвычайно тесно связана с планом дальней-

шего развития профтехнического образования, непосредственно примыкая к другой задаче, к задаче установления взаимоотношений соответствующих картине нашей хозяйственной жизни, между отдельными специальными типами профтехнического образования. Давно уже известно, что у нас наблюдается совершенно ненормальное соотношение между сельскохозяйственным и индустриально-техническим образованием, что центр тяжести у нас находится не там, где ему надлежит быть. Это об'ясняется тем наследством, которое мы получили от прошлого; это ненормальное соотношение создала еще эпоха самодержавия. Его надо изменить. За год революции оно уже потерпело всякого рода изменения, и мы уже имеем наибольшее количество новых школ соответствующего типа, именно в области сельского хозяйства. Дальнейший план ведения профтехнического образования должен будет предусмотреть, что, при дальнейшем развитии дела, центр тяжести был постепенно перемещен в область сельскохозяйственного образования. Этого требует вся структура нашей хозяйственной жизни.

Наконец, в качестве очередной задачи необходимо отметить также установление органической связи между учебной жизнью и жизнью производственной. Например, нам не удается связать ту или иную индустриально-техническую школу с соответствующим заводом так, чтобы, занимаясь учебными задачами, студенты в то же самое время выполняли определенные производственные задания, необходимые этому заводу. Нужно сказать, что Главпрофобру чрезвычайно трудно удается даже, во время вакаций, устроить студентов на практику. Конечно, это вещь совершенно ненормальная, приводящая к тому, что из учебных заведений выходят люди, не могущие непосредственно вдвинуться в производство, люди, которым нужно приобретать еще производственные навыки в течение определенного ряда лет. Эту ненормальность нужно изжить и школу нужно связать с заводом неразрывной органической связью. Ясно, что этой работы Главпрофобр не мог проделать, как орган профтехнического образования. Эту работу можно проделать только в тесном единении и, можно сказать, даже по указанию соответствующих производственных ведомств.

Коммунизм в борьбе с голодом.

Я. Шатуновский.

Медленно и неуклонно, десятилетиями и столетиями, Закаспийская пустыня грозно надвигается на наш юго-восток. Таково направление ее ветров, таково метеорологическое движение ее тонких песков, таково постепенно изменяющееся расположение ее осадков. Аму-Дарья впадала некогда в Каспийское море. Она отодвинута от него и теряется в песках пустыни. Такая же судьба для Волги—не за горами. Процесс этот идет так, что каждое десятилетие делает его все более непредотвратимым, если не стать на твердый путь организованной борьбы.

Можно ли с этим бороться? Как далеко это пойдет? Лучшие умы уже не раз ставили себе эту проблему. Этот вопрос изучается на Западе и в Скандинавии. Но для Запада и Скандинавии это—вопрос отдаленных веков,—у них есть защита в лице русских лесов и Балтийского моря и естественная помощь в виде теплого и влажного воздуха, подымающегося над морским течением Гольфштрема.

Авангард мировой революции—Россия—стоит лицом к лицу и перед этим врагом, стоит без естественных границ и без естественной защиты. Она и в этом авангард Европы. Против этого грозного врага у русской революции есть только одно оружие—труд.

Отвоеванные у моря песчаные дюны Голландии, благодаря гигантским дамбам, обращенные в плодородную почву и хлебоносные поля; хлопковые поля Туркестана, отвоеванные у пустыни орошением; цветущие пространства, отвоеванные в разных странах у болот мелиорацией,—достаточно ясно показали, что такое труд, когда он в союзе с наукой и когда он не останавливается перед грандиозностью масштаба.

Буржуазные страны, вложившие огромные капиталы в войну и не получившие на эти капиталы ожидаемого барыша, ищут реванш в хищнических спекулянтских операциях, дающих наибольший барыш. И сейчас на организацию массового труда способна только Советская Россия. В своем стремлении к смычке с крестьянством только она и может поставить трудовую задачу культуры юго-востока и организации противодействия ее засушливости. Это задача ближайших лет.

Старое самодержавие для разрешения этой задачи было бессильно, оно не было организатором во имя масс, а было дезорганизатором во имя кучки. Наука у самодержавия почти все время его существования была в загоне. Много ли помощи оно оказало величайшему русскому химику Менделееву, упорно стремившемуся заглянуть в природу нашей нефти? А ее судьба, есть судьба жизни и мощи, в первую очередь, юго-востока. Вдали от России вынужден был работать и жить заглянувший в природу жизни и смерти человека Мечников. Люди науки почти все были его пасынками. К их числу относится и член научных академий всего мира, глубоко заглянувший в проблему жизни юго-востока и надвигающуюся на него пустыню, метеоролог-профессор Клоссовский. Самодержавие отстранило его вместе с другими от кафедры и поставило вне научной работы за то, что в 1905 г., во время первой волны русской революции он не исполнял существовавших циркуляров министерства народного просвещения. Так было формулировано обвинение против него в знаменитом процессе 1906 года ректора Новороссийского университета—Занчевского. Клоссовский переживаемую нами катастрофу юго-востока научно предсказывал за много лет. У самодержавия для борьбы было не мало рессурсов, но ему было не до того. Голод Поволжья в значительной мере является последствием его преступного управления страной. Профессор А. Рыбников не менее глубоко наново осветил этот вопрос. В великие ворота между Каспием и Уралом азиатская пустыня не входит, а врывается. Первый Самарский голод, резко отмеченный, разразился в 1872 году. С 1900 до 1921 г.г. эта губерния голодала 9 раз. Саратовская голодала 10 раз. В 1891 году были поражены 9 губерний и 16 миллионов человек. В 1921 г. поражено 18 губерний и голодает 25 миллионов населения.

На смену тупому самодержавию и межеумочному временному правительству пришла Советская власть. Она глядит не только на сегодняшний день, а в века. Она творит не благо двух-трех десятков тысяч помещиков и заводчиков, а благо сотен миллионов трудящихся. В вопросе о голоде она сейчас в Госплане, органе Совета Труда и Обороны, об'единяет ставших на ее сторону работников науки и в этом штабе труда разрабатывается генеральный план борьбы с Закаспийской пустыней. Эта борьба должна стать одной из великих и достойных задач революционной власти. Экономически эта проблема отчасти разрабатывается в Институте научной методологии, отчасти в других учреждениях. Научная и государственная мысль страны включили ее в программу дня. Наркомзем при всей его осторожности разработал свой план развертывания борьбы на этом фронте.

Эту, пока разрозненную, кабинетную и теоретическую работу нужно вынести в рабочие и крестьянские массы. Ее нужно начать претворять в жизнь.

Всем ясно, что одной помощи пострадавшему краю продовольствием и даже семенами—мало. Эти семена, повидимому, не погибнут в этом году, как они погибали в 1920 и погибли в 1921 годах. Но они могут погибнуть в будущем году. Нужно от паллиативов и мер временной помощи перейти к действи-

тельной борьбе не с последствиями, а с причинами, и вложить в это дело горы труда, но именно красное знамя борьбы трудящихся Сов. власть сделала не только знаменем массовой борьбы, но и знаменем массового труда во имя трудящихся масс Остановить пустыню—посредством насаждений, орошении и других государственных работ, это такая задача, которая в продолжение долгого ряда лет должна занимать место рядом с такими нашими задачами, как электрификация. Это одна из тех задач, которые нельзя успешно ставить в стране, где каждый собственник заботится только о своем клочке и в условиях конкуренции заинтересованность выявляет только там, где мыслимо улучшение у себя без улучшения у соседа.

Русский крестьянин, в свое время заселив этот край, не только создал европейский барьер полудиким кочевникам. Созданное им земледелие послужило некоторым, хотя и недостаточным, барьером и для самой пустыни. Он уходил на край крещеного света. Для него это был тогда край самого света и он создал из него центральный и могучий край страны. Он сделал земледельческим и оседлым ряд народностей и в свою очередь подвергся непосредственному воздействию культурного земледелия приволжских колонистов-немцев. Русский крестьянин юго-востока России заселил этот край не только в стремлении к существованию, но к свободному существованию,—он уходил туда из крепостной России. Он был провозвестником великой русской революции, создав бунты Разина и Пугачева, и у берегов его великой реки в наше время разбились Колчаковские волны. Отсюда они отхлынули назад.

Этот вековой авангард сейчас голодными смертями покрывает дефицит в хлебных рессурсах. Он жестоко пострадал от неурожая 1920 г., но 1921 г. он уже был не в состоянии перенести. Каждый умерший крестьянин уносит в могилу хлеб, который он не произведет, и влечет за собою в могилу тех для кого этого, не произведенного, хлеба не хватит Каждый умерший крестьянин, оставив после себя необработанное поле и умершую без обработки растительность, приближает к нам пустыню. И за эти два года ее успех больший, чем он мог бы быть за сто лет. Если край останется опустошенным,—это будет закреплением пустыни на отвоеванных ею позициях. Сейчас она сделала грандиозную вылазку, захватив Кубань и берег Черного моря до Румынии; она у подступов Европы, но юго-восточный край она захватила прочно. Сохранив его земледельческую культуру, мы привлекаем к нему осадки влаги. Постепенной организацией искусственных насаждений и орошением мы отодвинем от него пустыню.

Перед нашей революцией до голода, проблема юго-востока стояла, как проблема борьбы с русской контр-революцией, с остатком разложившейся старой России. Там были Колчак и другие, там шла гражданская война и лилась кровь. Вслед за ним уж в 1920 году пришел голод. Колчак создан помощью империалистов. Голод создан помощью пустыни. Для наших врагов они едины. Тяжело опустилась на нас костлявая рука голода, о которой еще на Московском Совещании во времена керенщины мечтал именитый русский купец Рябушинский. Он и другие наши враги открыто надеялись, что она за-

душит революцию. Этого не случилось и не случится. Сейчас наша задача не только перенести голодный год, но, что еще важнее, обезопасить себя от голода в будущем, как мы обезопасили себя от действовавшего в тех же местах Колчака. Пока мы еще этой борьбы не начали. Голод пришел по пятам гражданской войны. Истощенные и обессиленные, мы не имели никакой передышки; мы не успели даже осмотреться, и в условиях надвинувшегося еще невиданного голода вынуждены были пойти старым путем филантропии и благотворительности. На этом пути мы поднялись на высшие ступени. Мы отдали голодающим все, что имели, мы отдаем им все, что можем.

На этом пути многое сделано. Он устилается своими борцами и своими мучениками, погибающими во имя любви к ближнему. Он имеет своих подвижников, имена которых войдут в нашу историю и будут известны всему миру. Великий Нансен, научный гений которого осветил полярные ночи стран крайнего севера, подошел к нам не как научный ум, а как любвеобильное сердце.

Но филантропия и благотворительность это—крайние ступени работы для блага человечества, на которые может подняться буржуазная мысль. Нам пора ступить на следующие, более крутые, ступени.

Проблема юго-востока должна быть всенародно развернута, как проблема целесообразно направленного всенародного труда, чтобы отбить мирового стихийного Колчака—Закаспийскую пустыню. Этот огромный труд мы должны взять на себя. Организации общественных работ у нас еще нет. Были попытки,—мы почти создали трудармию; но пути революции—извилистые пути, и нам нужно найти формы использования народного труда. В первую очередь это должен быть труд местного населения. Хлеб, который дают голодающим, никаких ценностей сейчас не создает.

Нужно стремиться, насколько возможно, использовать его на работу, необходимую краю. Средствами для организации этого труда должны нам помочь буржуазные страны, вместе с нами в этом труде заинтересованные Это—одна из задач Гааги. Проблема юго-востока глубоко связана не только со всеми проблемами нашего народного хозяйства, но представляет собою одну из международных проблем.

Но нам необходимо подняться на самые верхние, самые крутые ступени Голодающий юго-восток остался без рабочего скота и без всякого инвентаря. Может ли он возродиться в его старой форме запашки крестьянским плугом, которого нет. Можно ли в него впрячь несуществующую лошадь.

Стремиться к этому—бесплодно. Трактор дешевле сохи и лошади; он фактически нам сейчас доступнее. При всей трудности добыть сейчас всякие фосфориты и суперфосфаты—они нам доступнее навоза, но в условиях нашего быта трактор должен стать орудием не помещичьего и не концессионно-хищнического, а коллективного культурного крестьянского хозяйствования.

Перед нами задача создания форм этого коллективизма. Здесь мы—самая сильная страна мира, и эта задача нам по плечу, на Волге она своевременна. Но из этих форм ничего не выйдет без разрешения задач соответ-

ствующей этим формам культуры и промышленности. Нужно агрономически перевоспитать приволжскую деревню, особенно юношество, и подвести под это воспитание коммунистический фундамент. Нужно создать сельскохозяйственное машиностроение или хотя бы торговлю. Электрификация из музыки будущего должна для юго-востока стать реальным фактом.

Вместо «тпру» и «ну», которое обратилось в «ни тпру», «ни ну», в умственный и житейский обиход волжского крестьянина должны войти вольты и амперы, но кто-то должен сделать ему те кнопки, которые заменят в его руках татарское изобретение—кнут. За этими кнопками должна развернуться целая машинная культура. Но вместо дубинушки, волей истории человеческого развития, идет машинушка, а она перерастает создавший ее буржуазный строй и врастает в социалистический. Наша мировая историческая задача не только разбить Колчака в виде пустыни, идущей по трупам русских крестьян, но создать на ее границе новую цветущую жизнь и новые формы труда.

Нужно, чтобы деревенская власть в голодающих местах была в курсе путей возрождения сельского хозяйства, проникнутого коллективизмом, и шла по этим путям. Коммунистическая партия должна это считать для приволжской деревни основной частью политграмоты. Для масс хозяйство коллективистическое должно стать и может стать более выгодным, чем крепкое кулацкое хозяйство. На юго-востоке оно не только выгоднее, но сейчас оно единственно возможное. На месте сгоревшей Москвы в свое время построилась лучшая, более современная; на месте испепеленной голодом на половину умершей приволжской деревни нужно строить новую жизнь.

База для этой жизни не благотворительность и даже не новые формы быта, а промышленность. Голод, как проблема промышленности, теоретически разработан, но практически еще не ставится,— к этому октябрю мы еще не успели подойти.

Сейчас, в дни отступления, нам как будто не до того, но наше отступление явно подходит к концу. Отступление не есть поражение, когда сохранена армия трудящихся и ее аппарат. Пора хотя бы в глубоком тылу начать ее перестраивать и сделать боевой и действенной. Это—задача ближайшего дня.

Мы в свое время быстро перестроились на военный коммунизм. Сейчас время перестраиваться на промышленный. Торговый коммунизм этому не мешает. Перестраиваться нужно для будущего наступления. Первой ареной промышленной борьбы в смычке с крестьянством должен быть юго-восток. Продукты его урожая уже в этом году должны государственно обмениваться на орудия коллективистического сельского хозяйства и борьбы с засушливостью.

Коммунистическая обывательщина, которая еще не вся выжита, слепые упадочники, которые считают венцом коммунистической мудрости сворачивания, полумеры и паллиативы, лжехозяйственники, которые считают, что хозяйственный расчет это—спекулянтские заработки наших учреждений друг у друга, комтупицы, которые вообще ничего не понимают, но которым все

всегда ясно и давно известно, и хорошие, но зеленые юноши коммунизма, желающие быть более роялистами, чем сам король,—имеют против всего высказанного установленного и Госпланом и Наркомземом ряд возражений.

Одни из возражателей подрастут, другие подправятся и подтянутся, третьи ждут своей деловой чистки, которая теперь на очереди и которая, естественно, поставит их и вне партии, так как партийного в них ничего не осталось и они обычно держатся своею мнимой деловитостью. Так как всех перечисленных еще довольно много и некоторые из них еще влиятельны, то необходимо в интересах экономии мышления товарищей привести вкратце их обычные возражения.

«В изложенном нет ничего нового». Это верно. «Все это для каждого ясно». Это не верно.

«Закаспийской пустыни нет». Это не верно. «Она слабо надвигается». Это не верно. «Борьба с ней организовывается». Это не верно. Все это рассуждение построено по логике той бабы, которая, во-первых, горшка не брала, во-вторых—он уже был разбитым, в третьих—когда она его вернула, он был целым.

«Нельзя говорить об агрономическом перевоспитании целого края да еще на коммунистической базе там, где нет агрономов, нет опытных станций, нет ни одного сельско-хозяйственного института и почти нет коммунистов». Это возражение очень старо. Оно выставлялось против ликвидации безграмотности даже только в армии, против государственной промышленности, против самой Советской власти и коммунизма. Многое нам действительно пока не удалось, но многое удалось блестяще, а что самые проблемы и их масштаб были взяты правильно,—в этом сомневаться нет оснований.

«Создать земледельческого рабочего на Волге, значит, дать ему продовольствие, одежду, жилье и т. д. Где все это взять?»

Ответ тот же: негде взять, но нужно знать—нужно ли все это или не нужно, тогда можно делать целевые займы в Европе и в стране, тогда можно направлять отовсюду на Волгу то, что у нас есть, и там это концентрировать и мобилизовывать. Земледелие—как раз та область, где расходы всегда и быстро окупаются.

«Для общественных работ нужны: 1) агрономы, 2) машины, 3) продукты, 4) пути сообщения, 5) организация,—а мы не умеем организовать и снабдить 40 человек».

А что нужно для Красной армии?—1) комсостав, 2) пушки, 3) продукты, 4) пути сообщения, 5) организация; как будто бы нужно не меньше. Сколько человек у нас в армии организовано?

«Предлагать целесообразно направить такой труд; это—революционная маниловщина, прожектерство и общие вредные фразы».

В этом возражении крайности сходятся. Это слово в слово говорят и контр-революционеры. На это можно не возражать.

«Все это трюизмы и митинговщина, а не деловые предложения». Есть такие стратеги, которые из-за деревьев не видят леса, они заблудились меж

трех сосен и считают, что перспективы, план местности на сотни и тысячи верст и ясное представление о том, куда итти—это не дело и для дела не нужно.

«Нельзя себе ставить задачей сразу переходить к коммунистическому строительству, нельзя на голоде создавать коммунизм».

Это говорят и меньшевики. Но наше отступление не отказ от коммунизма, и оно закончено, а на голоде природа строит совершенствование видов живых организмов и естественный подбор. В голодных очередях началась революция и при этом речь идет не о том, чтобы строить на голоде, а чтобы трудом оградить себя от него.

Речь идет о том, что голод это—показатель того, что система мелкобуржуазного хозяйствования в Поволжье осуждена и погибает, раз погибает крестьянин и подаяние для него—недостижимый идеал.

«Употреблять слова: «нужно» и «делайте», это провокация, когда нельзя ничего дать. Такая агитация вредна и преступна».

К агитации и пропаганде сейчас все охладели. Мы забываем их заслуги и огромную вспомогательную роль для дела борьбы. На фронте борьбы с голодом нам, коммунистам, нужно знать, что делать, даже если мы не можем это сделать, иначе—мы не должны говорить и о мировой революции. Нельзя знать, можем ли мы что-нибудь дать и где мы это должны взять, если неясно, что нужно дать, иначе мы будем строить свои заявки, требования, займы, покупки, заказы и т. д. по образу: «дай мне того, не знаю чего». Агитация, при которой мы являемся в деревню только брать—не годится, это всеми признано. В этом начало новой экономической политики. Но агитация, при которой мы являемся организаторами борьбы и труда, не только не вредна и не преступна, но вредна и преступна агитация против такой агитации.

«Агитационные статьи и брошюры сейчас не нужны—нужна работа». Сами по себе без работы они не нужны, но без них не будет и работы, и уж во всяком случае не будет и борьбы с бедствием голодной смерти целого края.

Эта борьба нуждается в своей идеологии, которую пора создать. Наше экономическое отступление в значительной степени обусловливалось тем, что крестьянин не склонен переходить к коммунистическому строительству. Он думает, что ему в этом случае есть, что терять. Мы вынуждены были отказаться и от ставки на земледельческого рабочего и начатая смычка с крестьянином всерьез и надолго имеет сейчас мелко-буржуазную базу купли, продажи и крепкой частной собственности.

Но и дело борьбы с голодом также не получило у нас коммунистического обоснования. Для масс не ясна разница между нами и АРА. Эту разницу необходимо выявить и практически и агитационно.

Именно Волга может и должна стать ареной, где отступление от земледельческого коммунизма перейдет в наступление. Этот фронт, сейчас особенно безнадежный, таит в себе все возможности великих побед. Первой земледельческой коммуной по всему ходу вещей должна стать Волга. Настоящего крестьянского хозяйства там нет: оно в значительной мере исчезло.

Начинать строительство разрушенного края на мелко-буржуазной базе— дело безнадежное. Коммунистическая база, как высшая форма, не только желательна, но и неизбежна. На Волге она при этом не должна ничего вытеснять. Слишком стихийно и велико разрушение. С таким разрушением в наше время можно справиться лишь при коммунистических методах и поэтому может справиться лишь Советская власть и коммунистическая партия На Волге, по всему видимому,—первое место, где смычка с крестьянством приведет нас к земледельческому коммунизму.

Возрождение Волги выдвигает нашего великого союзника, потерянного нами в нашем отступлении,—земледельческого рабочего, который должен народиться на Волжском пепелище. Как крестьянин, он на Волге обречен. Разрозненное крестьянство, которое дальше своего двора ничего не видит, не может поднять жизнь целого края, и уж во всяком случае не видит Закаспийской пустыни и не может сейчас организовать этой великой работы, не может вести и этой великой борьбы.

Наше вынужденное и временное отступление не заключает в себе отказа от коммунистического строительства.

Путь коммунистического возрождения юго-востока не находится в противоречии с государственным капитализмом, а вытекает из него. Дюны в Голландии крестьяне-собственники тоже создать не могли. Эти грандиозные сооружения—тоже продукт общественно-полезного государственного капитализма, который была способна создать буржуазия в тот период, когда она была творческой силой. Но она создала их для целей буржуазных. Мы можем и должны строить для целей коммунистических.

В республике уже сейчас, еще до перехода в наступление, делается кое-что для коммунистического земледелия. Балтийский завод в Петрограде делает электроплуги, Брянский делает тракторы и т. д. и т. д. Все это должно при соответствующей агитации организационно направляться отовсюду преимущественно на Волгу и—тогда это даст заметный эффект. Если это распределять по всей стране, это будет распылением сил, которые незаметно потонут в ее бесконечных пространствах.

Сейчас всем ясно, что для борьбы с империализмом нужны были меры именно коммунистические, и мы не остановились перед военным коммунизмом; угрозы Закаспийской пустыни должны встретить тот же отпор, и мы вынуждены будем, собрав свои силы, так же остро и решительно повести борьбу с голодом, вымиранием и уничтожением юго-востока

Голодная смерть.

А. Пюттер.

(Перевод с немецкого из «Naturwissenschaften», январь 1921 г., № 2).

Перевод Г. Азимова под редакцией и с предисловием Б. М. Завадовского.

«Голодная смерть!»—эти грозные слова уже ряд лет не сходят с уст обитателей Европы и в особенности настрадавшегося населения России. Едва миновали тяжелые годы в Москве и Петрограде, как тот же призрак появился и прошел по полям Поволжья... и мы далеко еще не свободны от угроз голода и блокады в предстоящие годы.

Этот призрак одних повергает в уныние, других—в озлобление, часто слепое и не желающее видеть истинные причины переживаемых событий. Так или иначе, но большинство пассивно принимает самое явление в его мрачных проявлениях, не пытаясь разобраться и осмыслить сопровождающие его физиологические процессы. И лишь представитель научной мысли должен ничего не пропускать мимо своего внимания и даже делать об'ектом своего изучения. Здесь говорит в нем не праздное любопытство: изучая эксперименты, создаваемые неправдами социальной жизни или благодаря стихийным силам природы, сравнивая внешне различное и находя подобное в противоположном, ученый дает в наши руки орудие к пониманию нашего собственного тела и кует новые пути к наилучшей борьбе и победе над стихиями.

Именно так приглашаем мы читателя взглянуть на предлагаемый перевод статьи Пюттера. Написана она в связи с уже почти забытым эпизодом из борьбы за независимость Ирландии. Героическая голодная смерть Мак Суинея послужила Пюттеру,—известному германскому физиологу,—поводом к тому, чтобы изложить современные наши научные знания о механизме и протекании голодания у разных организмов и причинах голодной смерти.

Эти темы, как сказано выше, близки и нам. Слушая жуткие рассказы об ужасах Поволжья, мы не раз терялись между верою и неверием, не умея отделить жгучую правду от вымысла и преувеличения. И разве не успокаивали мы нередко свою совесть именно этими ссылками на преувеличения рассказчиков, как бы находя в том оправдание своей пассивности и безучастности?

Повторяем, голод в России не изжит окончательно, хотя сбор урожая и дал нам долгожданную передышку. Голод должен стать предметом изучения не только со стороны его социальных, но и со стороны физиологических отправлений, ибо только *полное знание* даст человечеству и полную победу.

В этом главное оправдание тому, почему мы решились предложить на страницах неспециального журнала эту невеселую тему, поскольку Пюттеру удалось дать в своей статье интересный, свежий и общеполезный материал.

Другой момент, привлекающий интерес к этой статье,—это оригинальные методы сравнительной физиологии, которыми нередко пользуется современный физиолог там, где условия не всегда позволяют ему поставить прямой опыт.

В частности косвенный путь, позволяющий на основании прямых опытов с животных переносить свои выводы с огромной степенью вероятия на человека, является еще одной яркой иллюстрацией той остроты ума и изощренности приемов, которыми пользуется наука в ряду других своих методов.

И этот метод сам по себе заслуживает того, чтобы обеспечить, как нам кажется, ценность этой статьи, для широкой публики.

Б. Завадовский.

---

25 октября 1920 года в Лондонской тюрьме, после 75-дневной голодовки, умер Мак Суиней (Mac Swiney), бургомистр города Корка. Как сообщают газеты, он не принимал пищи с 12 августа, с того дня, когда он был арестован. На 71 дне голодовки он потерял сознание, и в бессознательном состоянии начали кормить его насильственно, но как только сознание вернулось к нему, он опять отказался от приема пищи. Однако общее внимание было привлечено к нему не только героической настойчивостью этого мученика за ирландское дело, которую он противопоставил английскому насилию; возникло также сомнение в том, возможно ли такое длительное голодание, особенно в такой форме; в состоянии ли человек вообще голодать в течение двух с половиной месяцев.

Пожалуй, не скоро еще станет общеизвестным в своих деталях то, что происходило за стенами английской тюрьмы, и у германского физиолога в ближайшее время еще не будет возможности добыть более точные данные о течении голодовки, о количестве выпитой воды, о насильственном кормлении и т. д.

Но учение о голодной смерти животных, рассматриваемое в свете сравнительной физиологии, дает некоторые основания для фактической оценки этого случая, столь удивительного, или, быть может, даже невероятного в некоторых своих подробностях.

1. Характер голодной смерти.

Причина тому, что ни одно животное не в состоянии отказаться надолго от приема пищи, лежит в том, что «дыхание», т.-е. окисление питательного материала, или, как обыкновенно говорят, «физиологическое сгорание», продолжается и тогда, когда приток пищи к организму отсутствует. Из этого следует, что вес голодающего животного должен постоянно падать, и легко себе представить, что когда вес падает до минимальной величины, наступает

смерть. Когда мы находим, например, что турбеллярии (Planaria) могут, прежде чем умереть с голоду, уменьшиться до $^1/_{300}$ своей первоначальной величины, что пресноводные полипы (Hydra) превращаются в крошечный организм без ротового отверстия и без щупалец, пропадающих при голодании у полипов чрез уменьшение бо́льшей части тела, и едва достигают тогда $^1/_{200}$ первоначального об'ема гидры (3),—то мы не станем искать другой причины для голодной смерти и примем истощение организма за достаточную причину гибели его.

В удивительном контрасте с этими специалистами по голоданию находится большое число других животных, которые в состоянии бывают переносить только сравнительно ничтожное уменьшение веса их тела. У всех животных, внешние размеры которых определяются элементами твердого скелета, последствием голодания вовсе не является уменьшение (или же только незначительное уменьшение) их величины; животные, если они голодают, становятся тоньше, *худощавее*, но не *меньше*. Сюда, к этой категории, относятся, например, насекомые, раки и прежде всего—позвоночные животные. При исследовании состояния таких животных во время голодания можно найти глубокие изменения в составе тех тканей, которые принимают участие в построении тела их. Голодающие животные этой группы содержат в процентном отношении всегда больше воды и нерастворимых зольных веществ, чем животные нормальные, так как часть органических веществ, которые при голодании расходуются путем дыхания, замещается водой, а неорганические вещества скелета задеваются в слабой степени, или вовсе не задеваются; хотя отдельные данные указывают на то, что при более точных исследованиях можно найти и *органические* вещества не задетые, или очень мало задетые голоданием (5). Такие вещества принадлежат всегда, однако, к скелетообразователям, как, например, хитин у раков и насекомых.

Благодаря этому, взвешивание животных целиком не дает верной картины уменьшения количества тех веществ, которые необходимы для поддержания жизни при голодании. Вес маленьких угрей (Monté Aale), например, уменьшался за время сорокатрехдневной голодовки на сорок четыре процента первоначального веса. Тем самым они были уже очень близки к голодной смерти; у некоторых она уже наступила. А наличность способного к окислению вещества, как показывал химический анализ, уменьшался на 33% (8). У умерших от голодания животных количество горючего материала составляло едва только 23%, следовательно меньше ¼ исходного материала. К сожалению, в описаниях голодной смерти мы находим большей частью данные взвешивания в целом, в крайнем случае относительный вес отдельных органов; не производилось, напротив, никакого анализа общего количества веществ, из которых можно было бы видеть, как далеко заходит потеря горючего материала. При этом поучительны наблюдения, что у высших животных (птицы, млекопитающие) жизненно необходимые органы, в первую голову центральная нервная система и сердце, теряли только небольшую часть своего веса (3%), тогда как жировая ткань уменьшалась до ничтожных раз-

меров; равным образом, значительное уменьшение веса заметно в печени, селезенке и мышечной ткани.

Вопрос теперь, весьма важный для нас, состоит в следующем: имеем ли мы право говорить о смерти вследствие истощения в отношении всех тех животных, у которых уменьшение веса тела на 60, 50 или 40% первоначального их веса, соответствующее уменьшению количества горючего материала на половину—¼, ведет к смерти?

Что здесь в самом деле на-лицо особый род смерти, показывают исследования Фр. Н. Шульца и его учеников (4). Собака весом в 19,65 кг. голодала в течение 27 дней и упала в весе за это время до 14,44 кг., т.-е. на 5,21 кг Она находилась тогда в состоянии тяжелого физического упадка (коллапса), так что можно было с уверенностью ожидать, на основании прежних опытов с голодной смертью, что она через несколько дней умрет. После этого собака в течение четырех последующих дней получала пищу, во всяком случае едва ли достаточную для того, чтобы повысить ее вес, и, несмотря, однако, на это, она была в состоянии выдержать новый период голодания в течение 61 дня.

Расстройство, причиненное животному и доведшее его до границы голодной смерти, ни в коем случае не стоит в связи с израсходованием всех решительно необходимых веществ в его организме, потому что за время вторичной голодовки вес тела уменьшился еще на 5,27 кг., т.-е. с 14,44 кг. до 9,17 кг., и при наличии этого количества вещества, заключающего в себе только 46,5% первоначального, смерть еще не наступила; напротив, животное, подкормленное, вполне оправилось и осталось жить в полном здоровьи.

Не недостаток в материале для физиологического сгорания, а особый вид обмена веществ при голодании, образование вредных продуктов этого обмена, которые не могут быть обезврежены, или удалены из организма, обусловливают собой смерть от голодания у млекопитающих. Смерть, следовательно, является смертью от отравления продуктами обмена веществ. Какого рода эти продукты, мы с уверенностью сказать не можем. Хотя в моче голодающих собак, а также и человека, мы находим вещества, являющиеся при нормальном обмене веществ только промежуточными продуктами, а именно: так называемые ацетоновые тела (ацетон, ацето-уксусная кислота, β - оксимасляная кислота), но мы должны принимать их за признак, указывающий на изменение самого характера обмена веществ, а не за вызывающую смерть причину. Появление этих веществ, происходящих от неполного сгорания жиров в организме, указывает только на то, что углеводы или вовсе не принимают, или принимают лишь в слабой степени участие в обмене веществ, подобно тому, что происходит, как мы знаем, при сахарной болезни, при которой (в моче) появляются такие же вещества.

Мы должны принять также за явление отравления и повышение обмена веществ в последние дни голодания, появляющееся, повидимому, у всех позвоночных. У млекопитающих это повышение обмена исследовано, главным образом, в отношении обмена белка (предсмертное повышение белкового обмена); у рыб, незадолго до смерти, заметно повышается потребление кисло-

рода, а это служит признаком того, что общий обмен веществ повышается, благодаря, вероятно, еще тому, что под влиянием ядовитых продуктов обмена многие клетки организма погибают и вещество их вступает внезапно в круг обмена.

2. Периоды голодания у животных.

Независимо от того, наступает ли смерть в отдельных случаях от истощения наличного запаса вещества в жизненно необходимых органах, или благодаря отравлению вредными продуктами обмена веществ,—мы всегда в состоянии установить, сколько вещества израсходовано, благодаря процессу дыхания к моменту смерти, и должны ожидать, что для животных, схожих по выносливости, этот момент наступает через определенный период. Эти «сходные» периоды суть периоды равного процентного обмена.

Задачей сравнительной физиологии вовсе не является сопоставление чисел, показывающих различную продолжительность наблюденных случаев голодания животных, а установление подобия в процессах голодания и смерти от голода у разных животных и обнаружение, таким образом, единства в пестроте отдельных наблюдений. Падение веса происходит тем быстрее, чем оживленнее протекает процесс обмена веществ, принимая во внимание единство состава тел. Мы должны, следовательно, прежде всего установить, сколько вещества сгорает в единицу времени и насколько это количество меняется в течение периода голодания.

Проще всего установить соотношения, указывающие, сколько кислорода необходимо для окисления всех тех органических веществ, которые образуют наличный состав вещества данного организма в начале голодания и в различных стадиях его, а затем сравнить с ним количество ежедневно потребляемого кислорода. Примером могут послужить следующие цифры, относящиеся к золотой рыбке (7). Рыба длиной в 5,5 сн., весом в 3,5 гр., потребляет в первый день опыта, при t° в 15,4 , до 11.5 мг. кислорода. Ее кислородная емкость, т.-е. количество кислорода, необходимое для сгорания всего вещества тела ее, исчисляется в 1.537 мг., т.-е. ежедневное потребление исчисляется в 0,75% наличного количества. На 42 дне голодания потребление кислорода, исчисляемое при 15,4 же, доходило до 7,86 мг.; но так как кислородная емкость упала до 1.053 мг., то ежедневный обмен все же выходил 0,75% веса. Точно также и у маленьких угрей до самой смерти от голодания обмен в процентном отношении бывал постоянным. Этот факт весьма важен. Если мы с самого начала знаем количество потребляемого вещества по отношению к общей наличности его, то мы можем установить тогда, через сколько времени сгорит известная часть веса тела. Отношение веса y к времени t выражается уравнением: $y=100\ l^{-kt}$, где k означает фактор, зависящий от интенсивности обмена веществ. Для золотой рыбки $k=0.0075$, и, как легко вычислить, для нее «полувалентное» время, т.-е. время, в течение которого уничтожается половина наличного вещества, исчисляется в 93 дня. Карп, длиной в 4,0 сн., затра-

чивает при 15,0° ежедневно 1,13% своего веса, и это дает k=0,00113, а полувалентное время, следовательно, исчисляется в 62 дня.

Если бы мы были в состоянии опыт, поставленный на рыбах, перенести на птиц и млекопитающих, то это было бы делом большой важности, так как это означало бы всеобщее значение его, и позволило бы нам из наблюдения над млекопитающими сделать соответствующие выводы в отношении и человека.

Наши опыты с рыбами показывают, что периоды времени, в течение которых уничтожаются одинаковые части веса (при голодании) пропорциональны фактору k, который со своей стороны пропорционален количеству потребленного кислорода. Но мы знаем, что у различных крупных млекопитающих и птиц потребление кислорода соответствует не массе, а, приблизительно, поверхности тела животного, т.-е. в отношении к массе в целом это потребление тем более, чем меньше данное животное, именно в том же отношении, во сколько раз больше отношение поверхности его тела к об'ему. Это соотношение выражается корнем третьей степени из веса, т.-е. величиною линейного измерения. Назовем эту величину λ. Если времена голодания млекопитающих и птиц «одинаковы», т.-е. если смерть наступает в момент, когда сожжена у всех одна и та же часть веса их тела, и если также и у них величина потребления кислорода образует определенный процент первоначального веса, то эти времена голодания должны находиться между собою в отношении линейного измерения, т.-е., что то же самое, в отношении корней третьей степени из веса их тела. Голубь весом в 350 гр. умирает с голоду через 11 дней (1); Александр Гумбольдт[1]) сообщает, что кондор, который имеет в поперечнике распростертых крыльев от 3,2—3,5 м. и весит от 15—20 кг., по рассказам жителей Чили, в состоянии переносить в неволе голод в течение 40 дней. «Подобными» периодами голодания мы считаем: при 15 кг.—38,5 дней, при 20 кг.—42,1 дня; следовательно, действительно, наблюденную величину. Голубь и кондор умирают с голоду в «подобные» периоды. Королек, весом в 10 гр., если он «подобен» голубю и кондору, должен был бы умереть с голоду в $3^1/_3$ дня, а обыкновенная ласточка в 18 гр.—через 4,1 дня.

Мышь, весом в 18,5 гр., умирает с голоду (10) через 6—7 дней; для хорошо упитанной собаки, весом в 20 кг., период голодания исчисляется в 60 дней. «Подобие» с мышью потребовало бы 62—72 дня; это, следовательно, почти соответствует наблюдениям. Отсюда мы должны заключить, что процесс голодания протекает, в основе, у млекопитающих и у птиц точно так же, как и у рыб.

Должно иметь в виду еще следующее в отношении голодания животных. Периоды, в течение которых животные одного и того же рода умирают с голоду, колеблются в довольно широких пределах. Как на редкий случай, указывают на одну собаку, весом в 16,7 кг., которая за период голодания в 90

---

[1]) „Картины природы“, т. 2 „Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse“...

дней потеряла в весе 5,9 кг., т.-е. 35,4% первоначального своего веса, а только после этого умерла. Кроме того, был достигнут такой предел голодания, который превосходит еще случай с собакой; это—когда при помощи «подкормки», присоединенной к чистому опыту с голоданием, животному удалось после 88-дневной голодовки оправиться при хорошем последующем питании.

3. Голодная смерть у человека.

Имеющиеся данные о голодной смерти у человека едва ли сравнимы с данными, добытыми путем опыта над животными. Если потерпевшие кораблекрушение или путешественники по ненаселенным областям (полярные путешественники) умирают с голоду, то в данном случае едва ли может итти речь о внезапном прекращении приема пищи, потому что последняя становится лишь постепенно все более и более скудной, до тех пор, пока постепенно же не с'едается уж все; таким образом полному голоданию предшествует период так называемой «подкормки». Условия, при которых в данном случае переносился голод, бывали большею частью мало полезны для здоровья, требовали большею частью особых мускульных напряжений, которые способствовали накоплению вредных продуктов обмена веществ в организме, а также уменьшали, кроме того, его вес. Поэтому нам нечего рассчитывать получить такие периоды голодания, которые были бы так же длительны и переносились бы человеком при таких же условиях, как при опытах над животными.

Из старой психиатрической литературы нам известны случаи, когда умалишенные отказывались от пищи, и таким образом умирали с голоду. При этом известно, что смерть наступала через 20—30 и 40 дней; но в данном случае речь идет о голоде у больных людей. В настоящее время этих пациентов спасает от голодной смерти насильственное кормление.

Опыты с фокусниками голодания или людьми, которые на пари голодали долгое время, показали только, как долго эти люди могли голодать, не причиняя серьезного вреда своему здоровью. Так голодал итальянец Succi в течение 30 дней, под строгим контролем Lucciani. Он потерял при этом 19% веса своего тела, но до конца оставался в хорошем состоянии здоровья.

Американец доктор Tanner голодал (1879) в течение 40 дней, а живописец Merlatti в Париже (1886)—в течение 50 дней. Оба случая с научной стороны ближе не обследовались, и в обоих случаях голодающим пришлось в конце периода голодания вытерпеть значительные мучения.

Только изредка у некоторых властителей хватало жестокости уморить голодной смертью своих пленников; во всяком случае, редко где об этом известно более или менее точно. Известен, например, случай с семью советниками из Glogau, которых герцог Ганс фон-Заген в 1488 году приказал уморить в своем замке голодом, верней жаждой [1].

Так как речь здесь идет о комбинированном действии голода и жажды

[1] G. Frastag, Картины из немецкого прошлого, II-й том, I отд., стр. 172.

то мы не вправе ожидать, чтобы периоды от начала голодания до смерти были так же длительны, как у фокусников голодания, которые никакого вреда своему здоровью не причинили, так как жажда вредит быстрее голода.

Случалось иногда, что преступники предпочитали самоубийство чрез отказ от пищи и питья смерти от руки палача. Lucciani упоминает об адвокате Viterbi, который находился под следствием из-за убийства и который умер в тюрьме после того, как он голодал в течение 17 дней, а также отказывался и от питья. И этот случай мы не можем считать за смерть от голодания. Другой случай—убийца W. Granier, где убийца более двух месяцев будто бы голодал в тюрьме,—не совсем ясен в отношении полноты «поста»:—здесь имело место, по крайней мере временами, введение жидкостей.

Вопреки всем этим данным, случай с Мак Суинеем, в отношении исключительных своих условий, стоит совершенно особняком. Человек этот содержался в условиях, которые в смысле сна, тепла, света и воздуха, мы можем считать соответствующими гигиеническим требованиям.

От него, затем, не требовалось телесных напряжений и он только воздерживался от приема пищи. Не упоминается, как обстояло дело с приемом воды, однако здесь, очевидно, не имело место ограничение последней. Если имеются на-лицо также исключительно-благоприятные условия для длительного голодания, то спрашивается, как обстоит дело еще с одним моментом: с насильственным кормлением? Как мы видели выше, питание, само по себе недостаточное и продолжающееся короткое время, обладает, однако, способностью значительно продлить жизнь (в периоде голодания). Если хотя бы один только раз на 71-ом дне голодания, как сообщают газеты, такого рода насильственное питание имело место, то мы должны учесть его влияние, хотя, конечно, и не в такой сильной степени.

Сравнительно - физиологический метод наблюдения позволяет нам использовать вышеупомянутые опыты на животных и поставить вопрос, сколько же времени в состоянии голодать человек, если его поставить в те же условия, как было при опытах над животными, и если в физиологическом отношении он «подобен» тем животным, которых мы для сравнения приводили выше. Человек, как животное млекопитающее, «подобен» другим млекопитающим животным, но мы не можем сказать точно, какому животному он больше всего аналогичен. Поэтому мы должны попытаться, путем сравнения, найти то место, которое в ряду млекопитающих занимает человек.

Опыты над птицами и млекопитающими согласно показали, что периоды времени, ведущие к голодной смерти, пропорциональны корню третьей степени из веса животных, другими словами пропорциональны величине линейного измерения.

При опытах над животными было отмечено, что периоды голодания у каждого вида животных колеблются в довольно широких пределах; это, очевидно, свойственно и человеку. Когда мышь в 18,5 гр. умирает с голоду через 6—7 дней, то «подобный» период для человека будет в 15,6 раза больше, т.-е. через 93,5—109 дней. Собака в 20 кг. весом умирает с голоду через 60 дней,

и «сходный» эквивалент для человека будет 89 дней. Если же мы возьмем для сравнения кошку и кролика, то мы получим следующие цифры:

Животное.	Вес в граммах.	Периоды голодания в днях.	„Сходные" периоды голодания для человека в днях.
Кошка	3100	14	39,5
„	2500	18	55,0
Кролик	1200	7	27,2
„	1100	9	36,0
„	2422	26	79,0

Из этих сравнений вытекает прежде всего следующее: если бы нам пришлось наблюдать период голодания у человека, доходящий до 90 или 100 дней, то это, с точки зрения сравнительной физиологии, не должно нас смущать: ведь мы нашли нечто подобное, сравнивая человека с мышью или собакой.

Цифры, относящиеся к человеку, слишком незначительные, если принять во внимание опыты над животными, указывают, собственно, только на то, что 40—50 дней голодания еще не является пределом для него. «Подобие» с кошкой потребовало бы 40—55-дневный период голодания, «подобие» с кроликом—27—36 дней. Но, как показывает один хорошо поставленный опыт, возможно появление периода и в 79 дней. Мы, следовательно, помещаем человека, в отношении его способности переносить голод, с одной стороны—между кроликом и кошкой, а с другой—между собакой и мышью. Нас, с точки зрения сравнительной физиологии, не так удивляет, что человек вполне в состоянии голодать в течение 75 дней, как то, что он не в состоянии выдержать дольше, до 100 дней, как того требует «подобие» с мышью или собакой.

Если, благодаря удачному применению короткого периода подкармливания, удается продлить период голодания собаки весом в 20 кг. до 88 дней, то человек мог бы выдержать то же самое в течение 136 дней, если он в этом отношении «подобен» собаке.

Мы можем результаты опытов над животными перенести и на человека еще и по следующим мотивам. Мы знаем, что смерть от голодания обыкновенно наступает тогда, когда вес тела уменьшается почти на 40—50%, причем наличность способного к горению материала еще более значительно падает—по меньшей мере до 50—60%. Теплота сгорания вещества, содержащегося в теле хорошо упитанного мужчины весом в 70 кг., равняется 160.000 Калорий (Cal.). При хорошо поставленном опыте с голоданием, в начале на каждый килограмм в течение дня должно образоваться от 27—30 Cal., т.-е. ежедневно должно сгорать от 1,2—1,3% наличного количества вещества. Тогда $\kappa = 0{,}012 - 0{,}013$, и можно ожидать, что половина органического вещества тела уничтожится через 54—58 дней, а 60% наличного состава через 71—77 дней. Таким образом у нас могут попадаться периоды голодания,

которые превосходят даже до сих пор отмеченные, и это стоит в полном согласии с учением о физиологии обмена веществ.

Если бы случай с голодовкой Мак Суинея был более подробно обследован, то он являлся бы первым случаем, протекавшим в таких же условиях, которые мы создавали при опытах над животными, так как период голодания, который в данном случае имел место, является пока единственным известным нам периодом, годным для сравнения с наблюдениями над животными, ибо данные об убийце Granier, который выдержал голодовку в течение более двух месяцев, не совсем верны. Конечно, ни у кого нет желания продолжать наши опыты с человеком в данном направлении и узнать таким путем, с кем более «сходен» человек в отношении своей устойчивости против голода, с кошкой или собакой. В этом отношении он не занимает особого места среди млекопитающих, и это достаточно ясно вытекает из вышеизложенного. Короткая газетная заметка от 26 октября 1920 года утверждает, что другой ирландец Мёрфи (Murphy) умер во время голодной забастовки, кажется, на 76 день ее, и что еще 9 синфейнеров точно также длительно голодали; но об их смерти или вообще об этом случае подробнее не сообщается.

ЛИТЕРАТУРА.

Общая:

1) Lucciani. «Физиология человека». Том 4, 1911.
2) Pütter. «Сравнительная физиология». Иена 1910.

Частная:

3) Eugen Schulz. Archiv f. Entwicklungsmech. der Organismen. Том 18, 1904 и Том 21, 1906.
4) Schulz Fr. N. u. Hempel. Pflug. Arch. Том 114, 1906.
5) Pütter. Abhandl. d. Ges. der Wiss. zu Göttingen 1908 № 5 Bd. VI № 1.
6) Kochmann u. Hall. Pflüg. Arch. Том 127, 1909.
7) Pütter Z. f. allgem. Physiol. Том 9, 1909.
8) Lipschütz. Z. f. allgem. Physiol Том 1?, 1910.
9) Nüszbaum u. Oxner. Arch. f. Entwicklungsmech. der Organismen. Том 34, 1912.
10) Hofmeister F. Ergebnisse der Physiologie. Том 16, 1918.

Генуэзская и Гаагская конференции.

К. Радек.

I.

От Брест-Литовска до Генуи.

Победоносная Октябрьская революция встретилась сразу же с глазу на глаз с заклятым своим врагом—*с германским империализмом,* закованным и вооруженным с ног до головы. Монархия Гогенцоллернов, враг даже обыкновенной буржуазной демократии, *принуждена была* вступить в переговоры с молодой не окрепшей еще рабочей Республикой, ибо Советская Республика, порвавшая связь с Антантой, означала окончание войны на Востоке. И как бы германский империализм ни ненавидел победоносную революцию,—в тяжелом своем экономическом положении он принужден был итти на компромисс с нею, итти, скрепя сердце. В то время, когда Гогенцоллернские и Габсбургские дипломаты, господа Кюльман и Чернин, пытались ласкать зверя, говорить с ним в тоне, который в наивных мог вызвать впечатление, что они идут на сделку с революцией, генерал Гоффман, действительный представитель империалистской Германии, грозил победившему русскому пролетариату вооруженной рукой. Своей дышащей ненавистью речью против пролетарской диктатуры он выражал истинное отношение империалистской Германии к Советской России. Но и гладкие речи Чернина и Кюльмана были не только дипломатическими фразами,—они были выражением *рокового для германского империализма факта, что он вступил в сношения с Советской Россией со связанными руками.* Он мог размахивать бронированным кулаком против нее, но он не мог его опустить, ибо для схватки на западе со своими империалистскими конкурентами ему нужна была передышка на востоке.

Мы вспоминаем этот факт, когда пытаемся подвести итоги Генуи и Гааги, потому, что *этот факт—раскол в лагере империализма и связывание одного врага Советской России руками другого является основным фактом всей истории внешней политики Советской России.* Он стоит у ее колыбели и он является одним из решающих моментов ее внешнего положения и сегодня. Из мемуаров генерала Людендорфа, из документов германского правительства о происшествиях перед германской капитуляцией явствует, что гер-

манский империализм до последних своих дней все еще надеялся, что он избавится от необходимости считаться с Советской Россией, что он сумеет дать простор своим классовым вожделениям, что ему удастся еще разгромить своего революционного врага. Людендорф подготовлял окружение Советской России: из Гельсингфорса должны были против нее двигаться полчища фон-дер-Гольца; из Киева должен был наступать на Москву Эйхгорн со Скоропадским; в Царицыне работали германские офицеры связи, подготовляя наступление Краснова; в Пскове находилась главная квартира вербовки русской Добровольческой армии. И даже в момент, когда история произнесла уже свой приговор смерти над германским империализмом, генерал Гоффман пытался убедить германское правительство, что ему удастся с теми силами, которые имелись на восточном фронте, взять Москву и Петроград и принести союзникам к переговорам о мире сокрушение Советской России, как искупление за все вины германского империализма и как возможность компенсации его потерь на западе: за выдачу Бельгии, за отказ от колоний должны были союзники отдать Германии на разграбление Советскую Россию. План был невыполнимым не только потому, что занесенный с июля 1918 года над головой германского империализма меч фельдмаршала Фоша уже опустился для сокрушительного удара, не только потому, что передача России Германии в эксплоатацию означала бы восстановление в будущем германского империализма, но и потому, что нельзя было Антанте после четырех лет войны под знаменем сокрушения германского милитаризма сделать его проводником союзной «демократии» в России. Меч не рассуждает, и капиталу безразлично, кто очищает ему путь, но массы, в руки которых капитал вложил меч империалистской войны, думают, и нельзя вырвать из их головы мыслей.

Германский империализм был сокрушен и его место занял победоносный французский и англо-саксонский империализм. С глубокой тревогой смотрел победоносный империализм союзников на Советскую Россию. Лучше, чем что-нибудь, выражает эту тревогу *меморандум Ллойд-Джорджа от 25-го марта 1919 года,* врученный Версальскому Совету Четырех, в котором он заявлял:

«*Революция находится в своем начале.* В России царствует неистовый террор. *Вся Европа проникнута революционным духом.* Существует не только недовольство, *но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка.* В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия и Италия, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда.

«*Добрую часть этого недовольства надо признать здоровой. Мы никогда не добились бы длительного мира, если бы мы пытались вернуться к условиям, существовавшим* в 1914 году. Опасно бросить европейские массы в об'ятия

экстремистов, которые строят свои планы возрождения человечества на полном разрушении настоящего социального порядка. Они восторжествовали в России. Однако их господство было оплачено слишком высокой ценой. Погибли сотни тысяч людей. Железные дороги, города и все то, что было организованного в России, почти целиком разрушено. *Но каким-то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова перенести любые жертвы за свои идеалы. Через какой-нибудь год Россия, проникнутая энтузиазмом, обладая единственным войском в мире, борющимся за идеал, в который оно верит, может начать новую войну.*

«Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. *Германия может предоставить свои богатства, свой опыт, свои обширные организационные способности в распоряжение фанатиков-революционеров, мечтающих о завоевании мира большевизмом силою оружия. Эта опасность—не простая химера.* Современное немецкое правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне *его имеется лишь возможность захвата власти спартакистами,* а для этого Германия еще не созрела. Однако спартакисты пользуются настоящим моментом с большим успехом, уверяя, что лишь они одни смогут вывести Германию из невыносимых условий, в которые ее поставила война. Они предлагают избавить Германию от всех ее долгов союзникам, а также своим имущим классам. Они предлагают ввести полный контроль над промышленностью и торговлей в Германии и обещают рай и обетованную землю. Правда, за это Германии придется дорого заплатить. Года два-три будет господствовать анархия, быть может, кровопролитие, однако, в конце концов, после этого хаоса земля и люди ведь не исчезнут, останется и большая часть домов, фабрик, улиц и железных дорог, и Германия освобожденная от иностранного насилия, начнет новую эру своей истории. *Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свою судьбу с судьбой Советской России. Если это произойдет, вся восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многомиллионная красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на западную Европу»* [1]).

Так оценивали положение Ллойд-Джордж и Вильсон, и поэтому они требовали переговоров с Советской Россией с единственной целью *разоружения* ее (миссия Булита служила этой цели). Как во всех других вопросах Вильсон и Ллойд-Джордж должны были уступить пьяному победой французскому империализму, который надеялся сокрушить и Советскую армию. Они должны были уступить, ибо стоящие за ними общественные круги, крупная бур-

---

[1]) F. Nitti, Европа без мира, стр. 78—86. Русский перевод. Берлин, изд. Волга, 1922 г.

жуазия решили расправиться с революцией, а не делать ей уступки. Союзники признали Колчака, как верховного правителя России и взяли на себя исполнение программы генерала Людендорфа и генерала Гоффмана. Но они *не были в состоянии исполнить своего решения.*—Причин их банкротства много. В основном они сводятся к двум: первую причину надо искать *в послевоенном отношении пролетариата* к буржуазии; вторую—во взаимном недоверии русских и окраинных белых, третью—*в конкуренции союзников,* которая начинается с момента их победы над Германией.

Мировой пролетариат, ослабленный войной, развращенный политикой реформистов, не был в состоянии поднять знамя революции против буржуазии. Но буржуазия не была в состоянии принудить его воевать против Советской России; союзники оказались не в состоянии послать свои войска против Красной армии. Первая попытка сделать это окончилась восстанием во французском флоте. Союзники принуждены были ограничиться посылкой вооружения и денег белым. Но, делая это, они одновременно подрывали всякое доверие белых к себе. Франция, в смертельной тревоге перед возможностью будущего русско-немецкого союза, создала Белую Польшу. Англия, стремясь осуществить азиатские свои планы, во время отсутствия России захватила Константинополь—цель стремлений русских белых; навязала Персии договор, превращающий эту страну в вассала английского империализма. Мало того: чтобы подготовить свое будущее экономическое господство в России, она поддерживает прибалтийскую мелкую буржуазию в ее стремлениях к независимости, дабы сделать Ригу и Ревель на деле английскими гаванями. Это вызывает среди белых смущение и создает в них стремление опереться на германских белых, перекинуть мост к ним, дабы в будущем Белая Россия не была бы отдана на с'едение победоносным союзникам (поход Бермонта с фон-дер-Гольцом). Взаимное недоверие между русскими белыми и союзниками обостряется, когда союзники начинают вести борьбу между собой за гегемонию на континенте. Попытка Англии стать твердой ногой в Прибалтике вызывает у Франции стремление сделать из Польши исключительно французский плацдарм. Англия смотрит на Польшу враждебными глазами. В цитированном выше меморандуме Ллойд-Джордж говорит о Польше, как о стране, которая «во всей своей истории ни одного раза не доказала способности к действительному управлению собой». В то же самое время Балтийские Республики, поддерживаемые Англией, долго встречают вражеское отношение Франции. Единый фронт союзников против России опирается на очень слабый фундамент. Противоречия в лагере союзников ослабляют их борьбу с Советской Россией, суживают размах этой борьбы. И когда Советская Россия побеждает Колчака и Деникина, Англия отказывается от дальнейшей вооруженной борьбы.

Весь 1920 год до марта 1921 г., до заключения торгового договора между Англией и Советской Россией, является годом борьбы между тенденцией не сокрушения Советской России, а стремлением разоружения ее изнутри. Еще летом 1920 года Франция поддерживает Польшу в ее вооруженной

борьбе против Советской России, признает Врангеля. Но уже после сокрушения Врангеля во время рижских переговоров Франция внутренне признает свое поражение в вооруженной борьбе против Советской России. Пуанкаре и Барту выступают публично за переговоры с Советской Россией. Переписка Бриана с английским правительством с ноября 1920 года до заключения англо-русского торгового договора является выражением *нового факта*, который с этого времени будет играть значительную роль в борьбе за отношение капиталистического мира к Советской России. Бриан признает необходимость мирных переговоров с Советской Россией и он хочет создать общий фронт союзников для этих переговоров. Но английское правительство оттягивает ответ на его предложение, чтобы наконец холодно ответить: мы торговый договор заключаем и если Франция хочет—она может к нему *примкнуть. Английский капитализм пытается использовать тот факт, что он первый повернул на мирные рельсы, он хочет пожать плоды этого первенства.* Ллойд-Джордж выступает публично, как ангел мира с Советской Россией, и проповедует всем народам мир с нею. *Но английская дипломатия не только не делает ничего, чтобы облегчить Франции заключение мира с Сов. Россией, но, наоборот, английская дипломатия стремится к сепаратной частичной сделке с Россией.* Приглашение Франции сесть в русском вопросе на английский корабль является попыткой унизить Францию и таким образом оттянуть момент франко-русской сделки. Английская игра увенчивается успехом, ибо ей помогает нерешительность французской политики,—политики полной противоречий, политики, не решающей оказать открыто французской буржуазии, что она проиграла вооруженную борьбу с Советской Россией.

Торговый договор с Англией, мирные договоры с Эстонией, Латвией, Финляндией, Польшей, торговые договоры с Германией, Норвегией, Швецией являются *перемирием* с Советской Россией,—*не миром;* они открывают путь для торговли с Россией за наличные,—торговли, которая, при размерах русского золотого запаса, не может быть значительной. Все эти договоры оставляют открытыми все вопросы, без решения которых невозможен более плодотворный и более продолжительный товарообмен между первым пролетарским государством и капиталистическим миром. Но 1921 г. выводит наружу новые факторы, действующие по направлению растущего понимания необходимости более основательной, более продолжительной сделки с Советской Россией. Первым этим фактором является *хозяйственное и политическое положение Европы* за три года после Версальского договора, вторым—*новая экономическая политика Советской России.*

Франко-английская конкуренция, которая с силой начала проявляться во время вооруженной борьбы союзников с Россией, разраслась *в англо-французское соперничество во всем мире,* которое угрожает привести Европу к новой войне. Обе державы, подписавшие Версальский мир, выступают по отношению к Германии не как один фронт, а в качестве потенциальных противников. Всякое мероприятие, предлагаемое Францией для принуждения Германии исполнить решения Версальского договора, находит противодей-

ствие со стороны Англии, ибо экономические последствия Версальского мира оказались убийственными для английской торговли и промышленности, в то время, как Франция, менее зависимая от международной торговли, эти последствия переносит более легко. Мало того: то, что кажется безумством французской политики—систематическое понижение курса германской марки насильственной политикой Франции, на деле является средством достижения более далеко идущих планов французского империализма. Экономический распад Германии дает возможность Франции отделить Прирейнскую область и втянуть в экономическую связь с Францией. Одновременно она открывает Франции возможность захвата Рурского бассейна и, таким образом,—положения основы для об'единения германского угля с французской рудой и создания базиса для экономического господства Франции на континенте. Если уничтожение покупательной силы Германии влечет за собой усиление безработицы в Англии, то выполнение дальнейших планов французского империализма создает опасность французской экономической и политической гегемонии на всем континенте, опасность создания в лице Франции конкурента в десять раз сильнее, чем была побежденная Германия. На Ближнем Востоке Франция всеми силами подрывает влияние английского империализма; она поддерживает возрождение Турции и, таким образом, угрожает уничтожить один из главных результатов войны для Англии—расчленение последнего независимого магометанского государства в Европе, и создание территориальной связи между Египтом и Индией. Созданием подводного флота Франция угрожает морской безопасности Англии, и так уже отказавшейся от владычества на море на Вашингтонской конференции. *Англия принуждена стремиться к усилению России, как континентальной силы, враждебной Франции.* Она хочет создать в России базу не только для экономического возрождения Германии, но и для политического и военного возрождения. Это положение толкает Англию на признание Советского правительства и заключение мира с Россией. Само собой понятно, что такая перемена английской политики не может быть результатом сразу принятого решения; *Англия пытается предварительно сговориться с Францией по всем спорным пунктам, она пытается создать новую Антанту на основе учета новых условий и новых противоречий.* В меморандуме, предложенном английским правительством французскому *в Каннах 4-го января 1922 г.* [1]), Англия предлагает Франции *полный пересмотр отношений обеих стран.* Она предлагает ей на десять лет гарантии вооруженной защиты против реванша Германии; она предлагает ей сделку насчет заключения совместного мира с Советской Россией, при чем обе державы должны защищать интересы старых кредиторов России, как и пострадавших от революции иностранных капиталистов. Взамен этого она требует отказа от враждебной Англии политики на Ближнем Востоке, отказа от постройки подводных лодок, в которых Англия видит угрозу для себя, и умерения требований по отношению к Германии.

[1]) „The Round Table", Лондон, Март 1922, стр. 270—278.

Несмотря на то, что за свое согласие на эту программу правительство Бриана должно было поплатиться отставкой, Англия заставляет Францию явиться в Геную, где, по крайней мере, должен был быть решен вопрос об отношении к России.

Стимулом для попытки решения русского вопроса является, кроме названных выше моментов, новая экономическая политика. Новая экономическая политика в глазах Англии представляется *в качестве отказа Советского правительства от всякого социалистического строительства.* Мотивируя в парламенте англо-русский торговый договор, Ллойд-Джордж указывал на то, что революции рождаются от нужды и нищеты масс. Помочь Советской России выбраться из ее плачевного экономического положения—это означало бы окончить период революционных потрясений в России и открыть период перехода Советского правительства на рельсы капиталистического развития. В речи своей, от августа 1921 г., посвященной голоду в России, Ллойд-Джордж развивает картину проникновения России английским торговым капиталом, который должен ускорить возвращение России к нормальному капиталистическому хозяйству. Невозможность справиться с политической и экономической разрухой, вызванной последствиями войны, принудила союзников к попытке распутать узел на Генуэзской конференции. Посмотрим, готовы ли они были принести жертвы, необходимые для двойного компромисса: компромисса между собой и с Советской Россией, новым, революционным государством, оставшимся после *первой* волны международной революции, вызванной империалистической эпохой.

II.

Генуэзская программа европейского капитализма.

Генуэзская конференция была формально созвана для решения вопросов хозяйственного возрождения всей Европы. Она является звеном в цепи попыток торговой и промышленной мировой буржуазии задержать стремительный хозяйственный развал, ликвидировать наследство Версаля, как орудия победы военщины, не считающейся с требованиями хозяйственной жизни. Первым шагом на этом пути была Вашингтонская конференция, целью которой являлось создание компромисса на Дальнем Востоке, компромисса за счет японского империализма в пользу промышленной и торговой буржуазии Америки и Англии. В Вашингтоне компромисс не состоялся, но империалистические соперники дали друг другу передышку. Вторым этапом должна была быть Генуя. Но еще перед началом Генуэзской конференции общая цель была убита противоречиями, господствующими в лагере империалистов. Отсутствие Америки в Генуе означало, что если английский промышленный и торговый капитал, интересы которого отражает политика Ллойд-Джорджа, был намерен выдвинуть вопрос о пересмотре Версальского договора, если для облегчения уступок со стороны Франции, он хотел апеллировать к карману Америки, то Америка наотрез отказалась от этого. Она не хотела явиться

в Геную, дабы не быть принужденной отказать в уничтожении долгов союзников по отношению к ней. С момента, когда выяснилось, что Америка не принимает участия в Генуэзской конференции, Франция накладывает свое вето на всякое рассмотрение вопроса о германских репарациях—центрального вопроса европейской капиталистической политики. Ибо всякое решение этого вопроса, при отсутствии американских уступок, означало, что цену возрождения германской буржуазии придется уплатить французской. Без финансовой помощи Америки и без права тронуть Версальский договор, Генуэзская конференция могла заняться на деле только русским вопросом. Все прочее, это—были бы разговоры о «коммерческой морали», чтобы употребить слова итальянского премьер-министра господина Факта. Не попытавшись согласовать своих интересов, не уничтожив громаднейшие противоречия в лагере капиталистического мира, европейский капитал взялся за попытку уничтожения противоречий между капиталистической Европой и Советской Россией.

Конференция была посвящена экономическому возрождению Европы. Она взялась за кусок этого вопроса, за вопрос хозяйственного сближения Советской России, за вопрос о хозяйственном возрождении громадной страны, которая перед войной поглощала с каждым годом все больше товаров и которая являлась все растущим источником сырья. Союзники явились на конференцию с так-называемым *предварительным отчетом экспертов* [1]), которые собрались в конце марта в Лондоне для разработки предложений, долженствующих способствовать компромиссу между Советской Россией и капиталистическими державами. Правительства союзников заявили, при дальнейших переговорах с представителями Советской России в вилле «Альберти», что эти предложения экспертов не являются обязательными для союзных правительств, что они являются именно только предложениями экспертов, которые должны служить отправным пунктом для дискуссий. Но на деле, как показали переговоры в Генуе и Гааге, предложения экспертов являются *фактической программой-максимум союзников.* И поэтому очень интересно остановиться на этих предложениях, ибо они бросают наиболее яркий свет на то, как союзники представляли себе возрождение русского хозяйства.

Статья 1 главы 1 доклада экспертов устанавливает: «Российское Советское правительство должно будет принять на себя финансовые обязательства своих предшественников, т.-е. Российского императорского правительства и временного русского правительства, в отношении иностранных держав и их подданных».

Статья 2-я определяет: «Российское Советское правительство должно будет признать *финансовые обязательства всех бывших понине в России властей, как областных, так и местных, а также обязательства предприятий*

[1]) Все документы, касающиеся Генуэзской конференции, изданы в Риме Gianini; их можно найти тоже в книге I. Saxon Mill: The Genua Conference, London 1922. Hutchinson et C°, которая является апологией Ллойд-Джорджа. По-русски документы полностью не опубликованы. Частично — в брошюре Штейна о Генуе изданной Госиздатом, и в сборнике Наркоминдела.

общественной пользы в России, как в отношении других держав, так и подданных, и гарантировать их выполнение».

Статья 3-я определяет: «Советское правительство должно будет обязаться принять на себя ответственность *за все убытки материальные* и непосредственные, независимо от того, проистекли они в связи с договором или нет, если эти убытки произошли от действий или упущений Советского или предшествовавших ему правительств, либо властей областных и местных или же агентов этих правительств или властей».

Таким образом экономическое возрождение России должно было начаться с признания долгов, возмещений за все причиненные иностранному капиталу революцией убытки. Что здесь дело не шло о признании только моральном, это следовало из дальнейших пунктов доклада экспертов, который, затребовав назначения комиссии русского долга, установил обязательство России начать платежи с 1927 года. Мало того, во втором приложении к этим требованиям предвиделось: «Определять, в случае надобности, те *доходные статьи России*, которые должны быть *специально предназначены для обеспечения уплаты долга*, как, напр., отчисления из некоторых налогов или сборов и обложений, падающих на предприятия в России. При случае иметь надзор, если комиссия признает это необходимым, за *взиманием всех этих сумм или части их и принимать их в свое заведывание*». Установление *надзора над русскими финансами* не было последним из притязаний союзников. Россия не только должна была обязаться уплачивать старые долги, она должна была *восстановить иностранных капиталистов в их старой собственности.*

7-й параграф второго приложения устанавливает: «Пред'явители претензий получат *право требовать возвращения имущества, прав и интересов.* Если имущество, права и интересы еще существуют и их принадлежность может быть установлена, они *будут возвращены.* Сумма вознаграждения за пользование ими и ущерб, нанесенный за время из'ятия их из владения собственника, поскольку не имеется соглашения между Советским правительством и заинтересованным лицом, будут определяться смешанными третейскими судами. Ежели имущество, права и интересы более не существуют или принадлежность их данному лицу не может быть доказана, или когда пред'явитель требований не желает возвращения, его требование может быть *удовлетворено путем соглашения между ним и Советским правительством, либо путем назначения ему равноценных имуществ, прав и интересов с прибавлением вознаграждения по обоюдному соглашению, либо, когда таковое не состоялось, по решению смешанных третейских судов или путем иных мер, принятых по соглашению».*

Восстанавливая иностранных капиталистов в их имуществе, накладывая на Советскую Россию обязательство уплаты всех долгов, союзникам оставалось еще только озаботиться о режиме капитуляции.

В приложении 3-м экспертов союзники предписывают Советскому правительству исполнение следующих *«принципов правосудия»:* «1) независи-

мость судебной власти от власти исполнительной; 2) гласный суд, отправляемый профессиональными судьями, независимыми и несменяемыми; 3) применение законов, предварительно опубликованных, равных для всех и не имеющих обратной силы. Эти законы должны обеспечивать иностранцам необходимые гарантии против произвольных арестов и нарушений, неприкосновенность жилища; 4) свободный доступ в суды иностранцам, которые не должны, как таковые, подвергаться никаким ограничениям; иностранцам предоставляется право быть представленными на суде адвокатами по собственному выбору; 5) судебная процедура, подлежащая применению в судах, должна облегчать правильное и быстрое отправление правосудия, должно быть обеспечено право на апелляцию и пересмотр дела; 6) договаривающиеся стороны будут иметь право предусматривать в договорах *применение иностранного закона и суд обязан в таком случае применять этот закон»*. Все эти предложения экспертов означают или требования установления в России общих законов, соответствующих интересам иностранного капитала, или же открыто требуют применения *иностранных законов в России.*

Меморандум экспертов заслуживает глубочайшего внимания, ибо он является той *программой, которую союзники хотят в России на деле осуществить и которую они осуществили бы в случае победы белых в России.*

Перед тем, как перейти к борьбе, которую советская делегация повела против этих предложений, стоит в нескольких словах остановиться на ближайших экономических последствиях требований союзников, как они установлены *ответным меморандумом Сов. делегации,* ибо эти простейшие факты, установленные Сов. делегацией, показывают, как требования союзников противоречат не только интересам русского рабочего класса и крестьянства, но как они являются требованиями, противоречащими простейшим фактам, требованиями, которых абсолютно нельзя осуществить без полного закабаления России:

«В меморандуме не упоминается возможная цифра долгов России, вытекающая из всех обязательств по старым долгам и частным претензиям. Но, согласно подсчетам, делавшимся в иностранной экономической печати, сумма долгов по всем перечисленным в меморандуме категориям должна равняться, приблизительно, *18½ миллиардов зол. рублей*. За вычетом военных долгов получается сумма довоенных долгов и частных претензий, с процентами по 1-е декабря 1921 года, в цифре около 11 миллиардов, а с процентами по 1-е ноября 1927 года около *13 миллиардов*. Если допустить на минуту, что Советское правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью, и в положенный срок, то первый взнос с процентами и с погашением $^1/_{25}$ долга потребовал бы суммы около *1,2 миллиарда. Царское правительство* с огромным напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции в хозяйстве и довоенных размеров внешней торговли, имевшей превышение вывоза над ввозом, в последние 5 лет перед войной в среднем 366 миллионов в год, *выплачивать процентов и погашения около 400 миллионов рублей* в год. Чтобы иметь возможность

выплачивать указанную сумму в 1,2 миллиарда в год, *Россия должна не только достигнуть довоенной продукции к 1927 году, но и превысить таковую в 3 раза.* Так как ежегодный чистый национальный доход России равнялся перед войной 101 руб. на душу населения, а в настоящее время составляет около 30 рублей на душу, т.-е. уменьшился более, чем в 3 раза, то меморандум экспертов молчаливо, повидимому, предполагает, *что за 5 лет наш национальный доход должен возрасти в 9 раз.* Насколько не осуществимо это предположение, видно из того, что национальный доход Англии, Франции, Германии и России на душу населения с 1894 по 1913 год возрос в среднем на 60%, или увеличивался на 3% ежегодно. Российская делегация вполне согласна с тем, что при советском режиме производительные силы России будут развиваться гораздо быстрее, чем они развивались в капиталистических странах Европы и—при царском режиме—в России до войны, и готова допустить, что этот доход будет увеличиваться в два раза быстрее. Но делегация, как это ни лестно было бы для Советской власти, считает все же неосновательным предположение, что рост ежегодного дохода на рост населения с 1922 года по 1927 год будет итти ровно в 60 раз быстрее в сравнении с довоенным ростом. Производство в России глубоко расстроено. Чистый годовой национальный доход страны упал с 12 миллиардов—до войны до 4 миллиардов—по самым оптимистическим подсчетам. Если национальный доход наш будет расти в два раза быстрее, чем до войны, и удвоится в 16 л., то *стране нужно будет 25 лет, чтобы вернуться к уровню довоенной продукции.* А так как в первую очередь и с максимальной аккуратностью страна должна будет платить и проценты и погашения по новым займам, которые помогут ей хозяйственно подняться, и эти платежи должны начаться гораздо раньше указанного выше срока, то *для уплаты по другим обязательствам в России на сколько-нибудь предвидимый исторический срок, вообще, нет и не будет никаких рессурсов.* Этот вывод могла бы подтвердить любая беспристрастная и научно добросовестная комиссия экспертов экономистов, которая имела бы возможность познакомиться с состоянием нашего народного хозяйства.

«Насколько чудовищно велики пред'являемые нам к уплате требования видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим *долгам сумму, равную 3,3% всего государственного бюджета.* Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через 5 лет такой суммы, которая равна *20% всего возросшего на 30% национального дохода и около 80% всего теперешнего государственного бюджета России,* при чем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в 7—8 раз больше национального дохода России».

Само собой понятно, что эксперты союзников совершенно легко могли бы подвести тот же самый подсчет и что они наверное знали, что *экономические требования союзников не исполнимы в той форме, в которой союзники их ставят.* Но они выполнили эти требования, потому что требования эти в

форме меморандума союзников *маскировали настоящие цели союзной политики.* Если Россия не в состоянии уплатить золотом или товарами сумм, требуемых союзным капиталом, то пусть она отдаст союзникам неразработанные богатства России, пусть *она компенсирует их рудниками, угольными шахтами, залежами нефти, лесом, сдачей железных дорог.* Чтобы придать своему разбойничьему плану характер «восстановления русского хозяйства», или, по крайней мере, характер «справедливых» требований «возмещений», союзники выдвинули невозможные требования уплаты долга, возмещения убытков, дабы Сов. Россия, заявив, что она не в состоянии нести эти тяжести, предложила возмещение их предоставлением громаднейших концессий иностранному капиталу. Смысл предложения союзников был ясен. *Восстановление европейского капитала путем переложения значительной части тяжестей войны на Россию, как на страну побежденную.*

Но Россия не явилась в Геную страной побежденной, и Советская делегация в переговорах, веденных за кулисами Генуэзской конференции в вилле «Альберти», выдвинула *свою точку* зрения. Она, во-первых, установила наши *контр-требования возмещений за интервенцию,* которая была войною союзников против Сов. России. Ллойд-Джордж пытался парировать этот удар, указывая на то, что во время английской революции Франция поддерживала английских роялистов, что во время Французской революции Питт поддерживал французских роялистов, но что все-таки ни Англия, ни Франция не требовали друг от друга возмещений за разрушения гражданской войны. Ллойд-Джордж, как ему это доказал в своем ответе Чичерин, не учел в своих аналогиях одного существенного факта. В то время, когда Карл I имел собственную роялистическую армию, в то время, когда французские роялисты стали во главе громадного Вандейского восстания, *армии русских белых были созданы союзными правительствами.* Союзные правительства признали Колчака и Деникина. Армия Колчака была подчинена, как это явствует из документов, захваченных у Колчака, французскому командованию генерала Жанетта. Белые армии были таким образом армиями союзников. Но совершенно независимо от тех или других исторических аналогий и прецедентов при оценке союзных требований уплаты долгов и возмещений, *решающим фактором являются последствия этих требований. Последствием этого было бы закабаление целого поколения русского населения, отдача в руки союзников богатств России, установление в России колониального режима.* Если Ллойд-Джордж возражал против какого бы то ни было признания обязательства союзников возмещать убытки России или даже компенсировать убытки иностранных капиталистов убытками, понесенными Россией благодаря интервенции союзников, то это означало бы ни больше, ни меньше, чем требование, чтобы *Россия, победившая белые армии союзников, признала себя побежденной и взяла на себя роль союзной колонии.* Этого факта нельзя устранить никакими любезностями Ллойд-Джорджа и никакими плодами его остроумия, которых столько в протоколах переговоров в вилле «Альберти». Барту, представитель Пуанкаре, был вполне прав,

когда установил, полемизируя с Чичериным, *что и Англия и Франция выступают в данном деле заодно,* что меморандум экспертов есть совместный меморандум, за который ответственны все союзные правительства.

После ответа Чичерина союзники требовали взаимного пересмотра позиций обеих сторон по пунктам отношений их к вопросу о частной собственности, как и к вопросу о возмещениях и долгах. Взгляды союзников, как их можно представить на основе протоколов дискуссий, сводились в окончательном счете к следующему. Не признавая за Россией права на возмещения за потери, причиненные ей интервенцией союзников, ибо, как заявлял Ллойд-Джордж, союзники признали бы этим себя побежденными, они готовы были, ввиду экономического положения России, списать неопределенную часть долга из своих требований, но они настаивали на признании предвоенных и военных долгов. Только Шанцер, итальянский министр иностранных дел, указывал на то, что военные долги будут требовать общего решения и что, когда наступит момент этого общего решения, т.-е. взаимного отказа союзников от взаимных обязательств, то тогда и вопрос о военном долге России может заново быть решенным. Что касается вопроса о восстановлении частной собственности иностранных капиталистов, то этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед, ибо, если англичане выдвинули формулу обязательной аренды всего имущества, принадлежавшего в прошлом иностранцам на срок 99 лет, то эта формула представляла собой только замаскированную формулу возвращения частной собственности. Обязывая Советское правительство вернуть всякому владельцу участка угольного или нефтяного его бывшую собственность или возмещение, *союзники делали невозможными, как это правильно указал Красин, всякие мероприятия Советского правительства, имеющие целью улучшить хозяйство России.* В нефтяной и угольной промышленности настолько переплетены хозяйственные комплексы, связанные между собой, что возврат к предвоенной капиталистической чересполосице означает *задержку всякого технического прогресса,* без которого Россия не в состоянии выйти из своего бедственного положения. Требования полного возмещения частных капиталистов в том случае, если им не может быть возвращено старое имущество или если Сов. Правительство будет считать необходимым, в интересах будущих своих хозяйственных мероприятий, не отдавать данного имущества, означало бы для Сов. правительства фактическую необходимость возвращения всего. От того, что этот возврат будет называться не реставрацией частной собственности иностранцев, а арендой на 99 лет, ничто не меняется. Что касается наглых требований режима капитуляции для иностранных капиталистов, то союзники были готовы отказаться от них только при условии, что Сов. Россия капитулирует, вообще, перед капиталистами и даст в общих законах, обязательных и для русских капиталистов, то, чего они в меморандуме добивались только для иностранных капиталистов.

Взамен за реставрацию имущества иностранных капиталистов, взамен за то, что Россия возьмет на себя громадное бремя долгов и возмещений.

взамен за то, что будут установлены в России на деле капиталистические порядки, союзные державы обещали создать международный синдикат для эксплоатации России. О каких бы то ни было кредитах для Сов. правительства не было и речи. Речь шла только *о кредитах для иностранных капиталистов*, которые будут работать в России. Всякое указание на простейший факт, что без иностранных кредитов Сов. правительство не в состоянии продолжительное время ни улучшить транспорта, без которого невозможно скорое хозяйственное развитие России, ни восстановить денежную систему, со стороны союзников не получалось никакого ответа. Но их умолчание не выражало теоретической беспомощности. Ллойд-Джордж наверное понимает очень хорошо, что без железных дорог, телеграфов и твердой денежной системы нельзя вести торговлю и восстанавливать промышленность. Он не отвечал ничего по той простой причине, что его молчание представляло собой политическую программу, программу, состоящую в том, *что, не получив кредитов для создания транспортных и финансовых условий развития промышленности, Сов. правительство было бы принуждено сдать в концессии жел. дороги, почту и телеграф, как и предоставить загранице право эмиссий в России*. Программа, развиваемая в вилле «Альберти» и нашедшая позже выражение в *союзном меморандуме от 2-го мая, являлась программой всего европейского капиталистического мира*. Факт на-лицо, что с этой программой был согласен и *Жаспар*, представитель Бельгии, и *Барту*, представитель Франции. Если их правительства впоследствии отказались от подписания даже этой хищнической программы (еле-еле в нескольких пунктах, так, напр., в пункте о восстановлении частной собственности, кое-как замаскированной), то это явилось результатом борьбы противоречивых интересов, которая разыгралась вокруг Генуэзской конференции.

III.

Американский нефтяной трест саботирует Генуэзскую конференцию [1].

Отказавшись от попытки говорить с Россией языком ультиматумов, Франция является в Геную с той же хозяйственной программой по отношению к России, что и Англия. То, чем она отличается от Англии—это решительное настаивание на требовании, чтобы в Генуе не был выдвинут никакой другой вопрос, кроме русского. Французское правительство знает великолепно, что русская политика Ллойд-Джорджа является осколком его общей политики. Решившись внутренно на отмену политики интервенций по отно-

[1]) Все сведения о роли нефтяного капитала в Генуе и Гааге почерпнуты мною из докладных записок тов. Аренса, одного из наиболее ценных постоянных информаторов Н. К. В. Д., работающих под руководством тов. Лапиского над научным освещением событий международной политики. Очень жаль, что эти доклады доступны только ограниченному кругу лиц.

шению к России, если Россия признает долги и пойдет в кабалу к союзникам, Франция уже не может согласиться в Генуе на переговоры о каких бы то ни было других вопросах европейской политики, по той простой причине, что, если в русском вопросе создан был уже в Лондоне единый фронт Франции и Англии, нашедший свое выражение в мартовском меморандуме экспертов, требования которого эвентуально можно было немножко завуалировать, но не отменить, то по вопросу о репарациях и об уменьшении вооружений не было никакого соглашения между Англией и Францией. Вашингтонская конференция оставила нерешенным даже вопрос о постройке Францией подводных лодок. Меморандум Ллойд-Джорджа в Каннах требовал отказа Франции от них. Но этот вопрос представляет для Франции предмет длиннейшего торга, который решится в зависимости от хода развития англо-французского конфликта. Вопрос о переменах в политике репараций неразрешим без перерешения вопроса о долгах Франции по отношению к Англии и Америке. Выступление Сов. делегации с предложением поставить в порядок дня вопрос об уменьшении вооружений, хотя и вызванное речью Бриана в Вашингтоне, в которой он указывал на Красную армию, как на одну из причин, по которой Франция не может разоружиться, представляло для Франции громадную опасность, ибо позволяло Англии поставить этот вопрос на конференции, без предварительного сговора с Францией и таким образом представить ее в качестве защитника вооружений. Но острые столкновения между Барту и Чичериным на первом открытом заседании конференции, столкновения, которые позволили еще раз Ллойд-Джорджу выступить в качестве миротворца, не должны заслонять факта полного соглашения точки зрения Франции и Англии по русскому вопросу, как это выразилось и в заседаниях в вилле «Альберти», и в личной готовности Барту и Жаспара подписать меморандум, носящий в дальнейшем название меморандума 2 мая. Отказ Франции и Бельгии подписать этот меморандум послужил поводом для появления на генуэзской сцене нового фактора—*Соед. Штатов Америки*, или, конкретнее говоря, *нефтяного вопроса.*

Борьба между американским трестом «*Штандарт-Ойль*» и Англо-Голландским трестом «*Шелл и Дечь*», которая разыгралась за последние годы из-за вопроса об эксплоатации нефти в колониях, переданных Англии Версальским договором, на основе мандатов, как и в голландских колониях,—борьба, обостренная нефтяным договором между Англией и Францией в Сан-Ремо в 1920-м году, притупилась в переговорах представителей английского и американского трестов, которые велись перед Вашингтонской конференцией и во время ее. Как это признал английский представитель *Джон Кедмен*, в ряде интервью, как и в своей статье в 3-м номере приложения к «Манчестер Гардиен», посвященном вопросам восстановления европейского хозяйства между Штандарт Ойль, с одной стороны, и Шелл Дечь, с другой, достигнуто было предварительное соглашение о том, что англичане разрешат в своих колониях и мандатных областях Америки эксплоатировать нефть в количестве, равном половине английской эксплоатации, и, во

всяком случае, не менее, чем это разрешат какой бы то ни было третьей стране. Этой третьей страной являлась по договору в Сан-Ремо Франция. Но, как это бывает в переговорах капиталистических трестов, прежде чем проведен в жизнь такой договор, он не считается осуществленным, т.-е. всякая сторона убеждена, что другая готова при изменившихся обстоятельствах не выполнить его. До момента слияния двух трестов никакое соглашение не уничтожает факта их конкуренции. Отсутствует ли договор между Шелл и Дечь, с одной стороны, и Штандарт Ойль, с другой, по вопросу о русской нефти или же американский трест не верил в исполнение этого договора английским, фактом остается, что американский трест смотрел с глубочайшим недоверием на конференцию в Генуе, *боясь, что она может привести к соглашению «Шелл и Дечь» с Сов. правительством, которое исключило бы или очень затруднило бы работу «Штандарт Ойль» в России.* Как замечает нефтяной английский орган «Ойль-Нюс», «Генуэзская конференция была замечательна числом засевших в окрестностях видных представителей нефтяных интересов, из которых каждый в отдельности и все вместе спешили заявить, что они отнюдь не приехали в эти края говорить с кем бы то ни было о нефти».

«Палаццо Дориа», в котором разместились агенты «Штандарт Ойль» сыграло в истории Генуэзской конференции более крупную роль, чем вилла «Альберти», в которой жил Ллойд-Джордж, или отель «Астория»—место помещения Барту. Когда 30-го распространено было известие о том, что Барту согласился с Ллойд-Джорджем на счет требований, которые должны быть пред'явлены России, представители «Штандарт Ойль», будучи убеждены, что Россия пойдет на требования, пред'явленные ей совместно Англией и Францией, забеспокоились. Причины их беспокойства были следующие.

Америка не находилась в сношениях с Советской Россией. Америка не принимала участия в Генуэзской конференции. Политика американского правительства по отношению к России определялась до этого времени тремя фактами. Американские фермеры, страдающие от сужения рынка сбыта в центральной Европе, боятся скорого возвращения русского хлеба на мировой рынок. Американские промышленные круги были до войны сравнительно мало заинтересованы в русской промышленности. Американские торговые круги были мало связаны с Россией. При общей осторожности американского капитала по отношению к инвестициям за границей, он пока что не решается на инвестицию в России, в стране революции. Вопрос об отношении к России является для него вопросом о конкуренции с Англией и с Японией. Если Англия и Франция решили бы заангажироваться в России в крупных размерах, тогда на это пришлось бы решиться и американскому капиталу. Но он бы это мог сделать не так скоро, ибо перемена фронта требует известной подготовки. Поэтому «Штандарт Ойль», который до этого времени, согласно вышеназванным причинам не решался ни на какие окончательные шаги по отношению к русской нефти, несмотря на то, что скупал акции русских нефтяных обществ, находился бы в менее выгодных отношениях,

чем «Шелл и Дечь». Уже этот простой факт был достаточен для его враждебного отношения к удаче Генуэзской конференции.

Но агенты «Штандарт Ойль» были убеждены, что за измененными формулами меморандума экспертов союзников скрывается большое коварство Ллойд-Джорджа. Если, так рассуждали они, союзники не требуют безусловного возвращения старого имущества иностранцам, а разрешают Сов. правительству в случае, если оно это будет считать необходимым, возместить иностранного капиталиста за национализацию вместо возвращения ему его старого имущества, то Сов. правительство может передать нефтяные участки, принадлежащие в прошлом одним капиталистическим группам,—другим, уплачивая пострадавшим возмещение. Этим путем «Шелл и Дечь» в состоянии собрать в своих руках большое количество нефтяных участков. Чтобы сделать это невозможным, «Штандарт Ойль» пустил известие о якобы уже состоявшемся соглашении между Сов. правительством и Шеллем на счет передачи англичанам чуть ли не монопольного владения русской нефтью. Этим «Штандарт Ойль» поднял на ноги французское и бельгийское правительства, ибо, не говоря уже о том, что вопрос о нефти является вопросом громадного значения для Франции, как для страны, обладающей крупным флотом,—если и возможна подобная махинация в вопросе о нефти, то она не исключена *во всех других вопросах,* касающихся французского и бельгийского имуществ. Уплата долгов является, даже при предоставлении концессий, вопросом будущего. Возвращение фабрик и заводов, возвращение рудников и нефтяных источников представляет предмет немедленной наживы, а во всяком случае дает возможность прибыльной игры на бирже. Все эти соображения имели решающее значение для того, чтобы Франция и Бельгия отказались подписать меморандум от 2 мая. *Таким образом, если бы, даже, русское правительство согласилось на требования этого меморандума, на которые оно не может согласиться без того, чтобы не отречься от своего существа, то его капитуляция не дала бы ему не только никаких кредитов, но, даже, не дала бы ему сделки с капиталистической Европой.* Она дала бы ему только сделку с Англией и ее вассалами. «Штандарт Ойль», а с ним и американское правительство—ибо «Штандарт Ойль» поддерживалось в своих махинациях американским посланником в Риме Чайльдом,—сыграло в Генуе роль собаки, рассевшейся на сене и не допускающей никого к нему. Генуэзская конференция кончилась тем, что все выдвинутые ею вопросы, были переданы Комиссии экспертов в Гааге. Таким образом, с одной стороны, нефтевики и союзники выиграли время для переговоров между собой, а, с другой стороны, они были убеждены, что дают Сов. правительству время для отступления. То, на что оно не пошло в Генуе на конференции, в которой принимали участие представители сорока народов, на конференции, которая состоялась под наблюдением 500 журналистов, то на то Сов. правительство согласится, вероятно, в тишине «Дворца Мира» в Гааге, в деловых разговорах с экспертами.

IV.

Перспективы Ллойд-Джорджа.

В речи своей, посвященной Генуэзской конференции, которую Ллойд-Джордж произнес 25-го мая перед Нижней Палатой Англии, он подвел итоги Генуэзской конференции и высказал причины, почему он верит, что Гаагская конференция кончится лучше, чем Генуэзская. Речь его заслуживает внимания, ибо она дает *ключ к пониманию многого,* что без нее непонятно.

Он сначала защищает идею мира с Сов. Россией. Он устанавливает, что Сов. правительство фактически подчинило себе Россию. Оно является *«хозяином положения без конкуренции».* С Россией можно иметь дело только через Советское правительство. Ссылаясь на политику Питта по отношению к французской революции, он устанавливает, что без всякого отношения к тому, как оценивать политику, которую ведет Советское правительство, надо считаться с фактом его силы и заключать с ним мир. Капиталистические державы имеют *три возможных пути* по отношению к Сов. России. Первый путь, это—*вооруженная расправа.* Этот путь, испробованный, кончился банкротством. Никто его не предлагал в Генуе, как бы вражески ни относились к России. Второй—это *предоставить Россию самой себе.* Никто этого не предлагал в Генуе, ибо—*«Россия не смотрела бы спокойно на умирающих своих детей. Готов ли кто-нибудь обеспечить мир Европе, предоставляя Россию самой себе?».* Остается только третий путь—путь сделок, необходимый тем более, что, если оставить Россию самой себе, то, при ухудшающемся положении *Германии, об'единение России и Германии, доведенных до отчаяния, означало бы европейскую катастрофу.* Германия не имеет достаточно капитала, чтобы возродить Россию экономически, но она может создать в России *угрожающую военную силу.* Но если нужна сделка с Сов. Россией, говорит Ллойд-Джордж, то стоит вопрос, на чем она должна быть основана. Великие революции, говорит Ллойд-Джордж меланхолически, имеют одним из своих последствий конфискацию частного имущества. «Я, увы, должен добавить, конфискацию без возмещения». Второй характеристической чертой революции является то, что революция не признает долгов старого правительства. Так делала и французская революция: она конфисковала землю помещиков без возмещения, но она не требовала от них кредитов. Русская же революция находится в том положении, что *она без иностранных кредитов не может реставрировать своего хозяйства. «Вожди России понимают это великолепно.* Как бы их ни оценивать, они люди исключительных способностей и великолепного знакомства с международным положением». И если представители Советской России доказывают очень остроумно, почему не надо платить долгов, то не подлежит сомнению, что, чем остроумнее они говорят, тем менее они могут убедить капиталистов, чтобы они одолжили им деньги, и поэтому между вождями Советской России и капита-

листическим миром найдется в конце концов почва для того, чтобы столковаться. Сов. *Россия признает старые долги, признает возмещение убытков, признает возвращение частного имущества иностранцам в той или другой форме, после чего ей будет дана отсрочка в платежах, долги будут в известной мере списаны, как это всегда делается при финансовом банкротстве государства.* С этой политикой, заявляет Ллойд-Джордж, представители союзников были согласны. Встает вопрос, почему же в Генуе не было достигнуто соглашение. По той простой причине, что *всякое правительство подлежит влиянию своего общественного мнения.* Между чуть ли не достигнутым соглашением в вилле «Альберти» 30-го марта и отказом Советской России принять условия союзников, отказом, последовавшим 11-го мая в ответе на меморандум союзников от 2-го мая, между этими двумя числами произошел *праздник 1-го мая. В России произошли громадные демонстрации требования не сдаваться, и это отразилось на точке зрения Советской делегации.* «Было бы большой ошибкой считать, что автократические правительства не подлежат влиянию общественного мнения. В России существует общественное мнение хотя и не большинства населения. *Единственное общественное мнение, которое имеет влияние — это мнение рабочих городов, которые представляют только несколько процентов населения. Но Советское правительство и власть Советов опирается на рабочих. Это—не демократия, это—олигархия».* И этому общественному мнению рабочих олигархии подчинилось Советское правительство, хотя громадное большинство населения—крестьяне собственники—совсем не связаны с идеей коммунизма или национализации. Но золотой запас Советской России близок к исчерпанию, и *Советское правительство будет принуждено итти на сделку.* С верой в капитуляцию с Советской Россией, с верой в то, что она *сдаст 90% иностранной собственности в концессию* на таких условиях, что она будет равна возвращению имущества иностранцев, союзники собрали конференцию в Гааге.

V.

В Гааге.

Генуэзской конференции предшествовало создание *Франко-Бельгийского нефтяного синдиката,* задачей которого являлась защита нефтяных интересов Франции и Бельгии от сепаратной сделки Советского правительства с английским синдикатом,—сделки, о которой столько шумела пресса во время Генуэзской конференции, как о совершенном факте. Создание Франко-Бельгийского синдиката со своей стороны повлияло на английское правительство в том смысле, что оно с самого начала конференции пыталось сговориться с французским правительством на счет занимаемой по отношению к Советской России позиции. Это выражалось уже в самом факте назначения в качестве руководителя переговоров *Ллойд-Грима,* начальника английского департамента заморской торговли, продемонстрировавшего свое непримиримое отно-

шение к Советской России уже во время Гаагской конференции, посвященной голоду в России. Переговоры в Гааге привели ко второй формулировке позиции союзников, последовавшей после мартовской формулировки экспертов. Три основных резолюции, принятых союзными экспертами, и речь английского делегата Хильтона Юнга позволяют теперь представить эту позицию в ясных очертаниях. Это—резолюции негативного характера. Часто приходится из упреков, сделанных в этих резолюциях представителям Советской власти, делать заключение о том, чего позитивно добиваются представители капиталистических стран.

В резолюции о *частной собственности* главный упрек союзников состоит в том, что представленный тов. Литвиновым список иностранной частной собственности, которую Советское правительство готово сдать в аренду, охватывает только *часть бывшей частной собственности иностранцев,* что большинство этой собственности должно оставаться в руках Советской власти. В дальнейшем констатируют эксперты союзников, что даже эту часть, которую Советское правительство намерено сдать в концессию, оно не сдает безусловно, а требует, чтобы всякий бывший собственник, претендующий на получение в концессию своей собственности, вел сепаратные переговоры с Советским правительством и что только в зависимости от исхода этих переговоров он может добиться сделки. В вопросах о компенсации, заявляют эксперты, Советское правительство делает уступки в зависимости от получения кредитов. Таким образом, заявляют эксперты, капиталистические страны должны сами уплатить свою компенсацию пострадавшим от русской революции гражданам.

В резолюции *о долгах* эксперты устанавливают, что Советское правительство делает признание долгов зависимым от получения экономической помощи иностранных держав. Ввиду этой точки зрения, заявляют эксперты: «Случается, что государство-должник после временного банкротства пытается добиться нового соглашения с кредитором для восстановления доверия к нему. Но положение совершенно другое, когда обанкротившееся государство отказывается признать обязательства своих предшественников. Перед лицом такого прецедента надо спросить, ***какие гарантии будут иметь кредиторы нового капитала против новой революции и нового отказа уплаты долгов, сделанных данным правительством.*** Только опыт может научить Советское правительство, что так долго, пока оно не будет готово признать безусловно обязательств своих предшественников, оно не получит иностранного займа, который, по его собственному утверждению, необходим для экономического возрождения России».

Свой взгляд на вопрос *о кредитах* эксперты выразили в следующем заключении: «1. Советское правительство ***не может получить непосредственно от европейских правительств ни займа, ни кредитов.*** 2. Европа может помочь восстановлению русского хозяйства только *средствами частного капитала.* 3. Гарантии, которые иностранные правительства могут дать капиталу, не в состоянии устранить законов, регулирующих движение частного капитала,

и не могут стать на их место. 4. В руках России возможность путем сделки по другим вопросам, являющимся предметом разбора других комиссий, *создать снова атмосферу, которая позволит перенести в Россию экзотическое растение, называющееся капиталом, таким образом, чтобы он мог содействовать возрождению России»*.

Эти решения комментировал английский делегат Хильтон Юнг, который, между прочим, сказал следующее: «Российская делегация требует, чтобы другие правительства обеспечили за ней своими усилиями получение кредитов, необходимых для восстановления России. Они заявили, что не имеет смысла отсылать русское правительство к частному капиталу. Позвольте мне высказать мое убеждение, что было бы бесполезным иначе поступать. Дело не в том, что думаем об этом мы или наше правительство. *Наши правительства не имеют собственного капитала для инвестиций в России.* Это было сказано с самого начала переговоров. *Но даже если бы они имели деньги, то эти деньги были бы деньгами налогоплательщиков, и было бы абсолютно недопустимым для правительства употребить эти деньги на инвестиции, на которые не употребили бы их сами налогоплательщики. Не правительство контролирует капитал, нужный России,—частные капиталисты и только они имеют этот капитал.* И поэтому Советское правительство не должно обращаться к мнению правительства. Оно должно обращаться к мнению частных капиталистов и считаться только с их усилиями. Я должен сделать одно ограничение. Не подлежит сомнению, что правительства могут сделать кое-что, чтобы помочь России в поиске за кредитами, они не могут сами найти кредитов, но в известных некоторых случаях они *могут помочь перебросить мост между должником и кредитором.* Правительства могут помочь открыть двери, но надо понимать, что даже, если двери открыты, никто не может быть принужденным войти. Было бы бесполезным, чтобы правительство облегчало дачу кредитов России, если капиталисты данной страны не хотят его дать. *А капиталисты не согласятся дать кредитов, пока не будет восстановлено доверие, что существует разумная основа для кредитов.* Они теперь не имеют этого доверия. Для восстановления этого доверия одно представляется существенным условием: *Россия должна вновь восстановить угольный камень, на который опираются кредиты всегда и везде, признание связывающей силы принятых обязательств.* Я убежден, что, пока этого не сделано, правительства не имеют никакой возможности помочь, ибо *частные капиталисты не слушались бы своего правительства, даже если бы оно пыталось убедить их дать кредиты России.* Если бы Британское правительство, например, формально расширило действия разных своих законов, служащих для поддержки иностранной торговли и на торговлю с Россией, то, несмотря на то, как долго Советское правительство придерживается своих теперешних взглядов на обязательства по отношению к иностранцам в вопросе о долгах и частной собственности, так долго расширение английских законов на Россию имело бы только формальное значение. Оно бы не помогло России, ибо частные капиталисты держались бы безразлично и отказывались бы пользоваться сделан-

ными им английским правительством облегчениями. Позвольте мне ясно сказать, что идея, что существует финансовая блокада России в смысле запрета дачи кредитов, сделанного правительствами, является полной иллюзией. Единственное правительство, которое проводит финансовую блокаду России—это Русское правительство».

Резолюции Гаагской конференции были приняты не только под влиянием уступок, сделанных английским правительством французскому, которое более заинтересовано в вопросе о долгах, чем английское, но и под непосредственным влиянием Америки. «Эндепенденс Бельш», орган бельгийских промышленников, от 7-го августа помещает статью о финансовом сотрудничестве Соединенных Штатов с Европой, в которой заявляет, что Американское правительство влияло на союзников в том смысле, чтобы не делать никаких уступок России, пока она не признает долгов и возмещений. «*Англия и Франция,* — пишет дальше эта газета, — *будет считаться с этими пожеланиями, как они уже дали тому пример в Гааге, в связи с указаниями Америки на счет позиции, которую следует занять по отношению к большевикам*».

В момент, когда решался вопрос о срыве конференции, бельгийский делегат Картье, высказываясь за отклонение компромисса, ссылался на совет американского посла. Точка зрения Америки определялась, кроме общих мотивов, на которые мы уже указывали, и следующими соображениями. Создание Франко-Бельгийского нефтяного синдиката повело к уступкам со стороны «Шелл и Дечь». Англия обязалась расширить действия договора в Сан-Ремо о допущении Франции к участию в эксплоатации нефти в Месопотамии и на *Кавказе.* Это соглашение повело, с одной стороны, к консолидации фронта союзников, но, с другой стороны, могло довести до общей сделки европейских союзников с Россией,—сделки, которая была бы еще более опасна для Америки, чем сделка, заключенная только Англией. «Штандарт Ойль» нажал на Францию и Бельгию. Ввиду зависимости Франции от Америки при будущем разрешении ее финансовых затруднений, ввиду того большого интереса, который имеет Бельгия в восстановлении частного имущества иностранцев или обязательной передачи бывшим собственникам в концесию их бывших имений, Америке удалось таким образом настолько обострить позицию союзников, что никакая сделка не была возможна.

VI.

Наука Генуи и Гааги.

Очень важно подвести итоги Генуи и Гааги с возможной полнотой и по возможности холодно, с устранением агитационного элемента, который в данном случае, когда дело идет об исторической оценке, только вредит пониманию положения. Для нас теперь более важно знать настоящее положение, чем по поводу этого положения негодовать.

Первое, что доказала Генуя,—это факт, что *ни одно капиталистиче-*

ское государство не мыслит себе и не может себе мыслить экономического возрождения Европы, как постройки новых хозяйственных отношений на новых, хотя бы капиталистических основах. Если мы говорим об экономическом возрождении Европы, то при этом думаем о международном плановом хозяйстве так же смело, как думают об этом руководящие буржуазные экономисты. Но Европа и мир это есть абстракция, существование которой чувствуется негативно, но не положительно. Мировое хозяйство представляет собой единый организм. Экономический распад значительных его частей влечет за собой экономический кризис и будущий распад других его частей. Но ни европейское, ни мировое хозяйство не имеют никакого руководящего центра, который подчинил бы интересам экономического возрождения Европы интересы частных капиталистов и их национальных группировок. Экономическое возрождение мирового хозяйства требует в первую очередь ликвидации государственных долгов. Внутренний долг побежденных государств, охваченных экономическим распадом, ликвидирован спонтанно простым фактом денежной инфляции. 200 миллиардов внутреннего долга в Германии представляют теперь работу денежного станка на несколько дней. В известной мере уменьшен и внутренний долг Франции и Италии. Остались внешние долги России, долг России союзникам, обязательства Германии по отношению к союзникам и межсоюзный долг. Без уничтожения этих тяжестей невозможно никакое экономическое возрождение Европы. Не только Германия не в состоянии при уплате репараций восстановить равновесие своего бюджета, но и Франция не в состоянии этого сделать без отказа Америки и Англии от их претензий по отношению к ней. Несмотря на тот факт, что это понимают все руководящие экономические круги, вопрос остается не решенным. Только на-днях указывала одна английская газета, что после Наполеоновской войны потребовалось 8 лет для урегулирования тогдашнего вопроса о межсоюзных долгах. Теперь миновало 4 года со дня заключения Версальского договора. Политика союзников по отношению к вопросу о долгах привела Германию на край банкротства. Невозможность экономического решения Версаля признана всеми, и, несмотря на это, никто не может сказать, примут ли союзники необходимое для их собственного спасения решение перед банкротством германской буржуазии, которое означало бы громадный шаг мировой революции вперед, или нет? Это положение об'ясняется очень просто. Ликвидация иностранного долга означала бы необходимость для Америки, Англии и Франции не только взять на себя новые налоговые внутренние тяжести, но отказаться от средства политического давления на страны должников. Америка не намерена отказаться от этого оружия по отношению к Франции и Англии, ибо позиция Англии является очень важным моментом в решении Дальневосточных дел; позиция Франции—в вопросе о состязании между Англией и Америкой. Франция не отказывается от своих претензий по отношению к Германии, ибо эти претензии разрешают ей передвинуть свои границы до левого берега Рейна. *Это положение предрешает негативно вопрос об экономическом возрождении*

Европы, как о результате созидательных действий капиталистического государства.

Что касается *кредитов* для восстановления мирового хозяйства в странах, наиболее потерпевших от экономической разрухи, то тут дело обстоит еще хуже. Ни одно капиталистическое государство не располагает самостоятельно средствами, которые оно могло бы предоставить для экономического строительства в других странах. Все правительства, потрясенные в своих основах, более зависят от королей капитала, чем могут на них влиять. Частный капитал Англии и Америки, понятно, имеет средства для того, чтобы начать работу экономического воссоздания России. Капиталом располагают в первую очередь американская промышленность и финансовая буржуазия, но, абстрагируя даже от вопроса о ее отношении к пролетарской русской революции, финансовый капитал Америки ведет политику воздержания по отношению к Европе. Громаднейший внутренний рынок Америки, необходимость укрепления отношений южной Америки, где американский капитал вытесняет английский, — все это является достаточно сдерживающим элементом от инвестиции капитала в России. Американский капитал попадет в Россию только тогда, когда ему это понадобится с точки зрения его конкуренции с английским и японским капиталом. Английский капитал со своей стороны не видит в России условий, гарантирующих ему безопасность и громадную прибыль. Те же его части, которые подлежат влиянию политических моментов, не хотят экономического усиления России, как силы, революционирующей Восток и Индию, даже независимо от воли Советского правительства. *Условия английских союзных экспертов с марта представляют собой те условия, на которых можно было бы обеспечить значительнейший приток иностранного капитала в Россию. Но эта Россия не была бы больше Советской Россией, а была бы колонией иностранной буржуазии.*

Если союзники представляют дело так, что принципиальное признание долгов и компенсация являются главным условием возрождения русского кредита, то это является не столько иллюзией, сколько обманом. Не подлежит сомнению, что капиталисты были бы очень рады такому признанию, ибо, сколько бы ни был беспринципным всякий капиталист, класс капиталистов имеет свои принципы, свои символы и, в борьбе своей против Советской России, он борется не только за прибыль, которую он мог бы получить в России, если бы она не была страной пролетарской диктатуры, но одновременно он борется с ней, как с олицетворением мировой революции, перед которой он дрожал в 1919 году, но которой он и теперь не перестал бояться. *Признание безоговорочно старых долговых обязательств царского правительства и частной собственности означало бы принципиальную победу мирового капитала не только над русскими, но и над западно-европейскими, американскими рабочими.* Поэтому ничего нет удивительного, что наиболее принципиально и наиболее остро ставит вопрос о долгах и реституциях самое беспринципное, казалось бы, правительство в мире, *правительство американских трестов.* Самая сильная капиталистическая страна, страна разнуздан-

ного буржуазного индивидуализма, страна без всяких традиций, даже социальной реформы, она как бы призвана быть чемпионом частной собственности. Но, как бы важна ни была цель принципиальной победы над русским пролетариатом, более важным для иностранного капитала является *не признание принципа,* а выполнение его: уплата процентов по долгам и возвращение частной собственности. Первое—уплата процентов и долгов—является вещью неисполнимой в продолжение ближайшего десятка лет, неисполнимой не только для советского, но и для всякого белого правительства России. И насколько капиталистические правительства это требование выставляют как реальное, они держат наготове, как мы на это уже указывали, другие требования, которые должны реализовать первое—требование ряда монополий, которые должны быть предоставлены иностранному капиталу по обеспечению процентов от долгов. Что касается второго требования — требования реституции иностранной частной собственности, или в случае невозможности полного возмещения предоставлением новых долгосрочных эквивалентных концессий, то требование это должно быть ультимативно отклонено Советским правительством. Список концессий, представленный в Гааге Литвиновым, может быть дополнен в одном и другом пункте, но не подлежит ни малейшему сомнению, что Советское правительство *не может дать в концессию всего бывшего иностранного имущества, не говоря даже о его возвращении в частную собственность.* Советское правительство существует для того, чтобы развивать русское хозяйство по направлению к социализму. Его работа происходит среди неслыханных затруднений отсталой крестьянской страны, но все-таки, при размерах натуральных богатств России, она имеет все шансы успеха, если Советское правительство сохранит в своих руках достаточную часть всех основных отраслей русской тяжелой промышленности. Имея в своих руках главную часть угольной металлургической и нефтяной промышленности, железные дороги и возможность регулирования внешней торговли, оно обладает могучими средствами направления экономического развития страны. *Борьба иностранного правительства за то, чтобы вырвать из рук Советского правительства железные дороги и промышленность, есть борьба за возвращение Европы к положению перед 1914 годом.* Международная буржуазия, которая в своих странах должна вести борьбу со своим рабочим классом, стремящимся к национализации тяжелой промышленности, хочет доказать на русском примере невозможность государственной промышленности. Советское правительство не может в этом вопросе сдавать своих позиций, не капитулируя перед мировым капиталом.

Мы уже указали в начале этой статьи на то, что одной из причин созыва Генуэзской конференции являлось убеждение союзных правительств, что новая экономическая политика является замаскированной капитуляцией Советского правительства, спуском на тормозах, о котором говорит с восторгом профессор Устрялов в «Смене Вех». Эта иллюзия создала легенду о заявлении Красина, якобы сделанном Ллойд-Джорджу, что Советское правительство готово сдать 95% бывшей собственности иностранцев. Когда ока-

залось, что это—легенда, исчезла почва для Генуэзской и Гаагской сделки. Непримиримость Франции или Америки была только элементом, который ускорил обнажение этого факта. Английское правительство готово было с гибкостью, присущей английской политике, сделать целый ряд уступок для прикрытия капитуляции Советского правительства. Но цели его были те же самые, что цели Франции и Америки, и когда сделалось ясным, что Советское правительство не намерено итти на капитуляцию, то Англия так же сама намерена была делать мало существенных уступок, как все прочие капиталистические державы. Основной факт Генуи и Гааги состоит в том, что если капиталистические державы не в состоянии принести значительных жертв для восстановления капиталистического мирового хозяйства, если они не в состоянии еще итти на компромисс между собой, *то тем менее они согласны итти на компромисс со страной победившей пролетарской революции, на компромисс за счет капитализма.*

Такой компромисс не является исключенным. На-лицо факт, что пять лет существует страна с пролетарской революцией и что международному капиталу оказалось не под силу ее победить. *Он еще не уверен в том, что победа пролетарской революции в России является окончательным фактом, который нельзя будет вырвать из книги истории.* Новая экономическая политика, которая сама по себе является сочетанием капитализма с социалистическим строительством, усилила уверенность международного капитала в свою собственную силу, в свое собственное будущее. Но если пролетариат в России власть и в будущем удержит, если новая экономическая политика вместо элемента разбазаривавшего силы русского пролетариата, как это ожидает международный капитал, сделается элементом, собирающим его силы, то при условии дальнейшего кризиса на Востоке и дальнейшего распада капиталистического хозяйства на Западе, обострения международных противоречий мирового капитала, он может быть принужден итти на модус вивенди с Советской Россией на основе взаимного компромисса, а не односторонней капитуляции.

VII.

Что же дальше.

Если Генуя и Гаага не кончились бы полным банкротством, если бы, скажем, Советское правительство согласилось на принципиальное признание старых долгов и на признание возмещений, при чем о значении размеров наших обязательств было бы предоставлено будущим переговорам, если бы, с другой стороны, союзники взамен за эти уступки признали Советское правительство—последняя формула Литвинова в Гааге,—то быть может это создало бы более благоприятную обстановку для частных сделок Советского правительства с разными капиталистическими группами. Оно затруднило бы беспрерывную диффомацию Советской России, но это не было бы решающим фактором для привлечения иностранного капитала в Россию. Достаточно

указать на следующий момент. Признания долгов наиболее добиваются страны, которые перед войной были главным образом кредиторами России. Но бывшие кредиторы России это—не будущие кредиторы России. Ни Америка, ни Англия не являются главными кредиторами России в прошлом. Главным кредитором старой России была Франция, которая только в случае об'единения с германской тяжелой промышленностью в будущем сумеет снова стать страной кредиторов. Англия и Америка требуют признания долгов или по соображениям своей внешней политики—Англия пытается удержать Францию в фарваторе своей политики и поэтому должна ей делать уступки—или — как Америка — занимают в вопросе о долгах «принципиальную» позицию. *Но если России пришлось на деле уплачивать проценты от долгов, то на этом ничего бы не выиграли, а, наоборот, потеряли бы те капиталистические элементы, которые не заинтересованы в старых долгах, а которые могут теперь работать в России: ибо яснее ясного, что уплата процентов французским рантье уменьшала бы долю материальных уступок, которые могло бы Советское правительство делать в случае инвестиции их капитала в России.* Подобно обстоит вопрос с реституцией частного имущества или с компенсацией за его национализацию. Не все старые владельцы в состоянии заново начать свою работу в России. Многие из них продали бы на бирже свое право на реституцию или возмещение. Но капиталистические *элементы, решающиеся работать теперь в России, потеряли бы возможность получения собственности, принадлежащей старым владельцам, они могли бы ее только скупать на бирже по более высоким ценам,* чем то возмещение, которое они готовы уплачивать для перестраховки теперь бывшим владельцам при получении русских концессий для того, чтобы обеспечить себя от упрека, что покупают «краденое». Решающим при оценке перспективы и привлечения иностранного капитала для работы в России являются следующие моменты: 1) На эту работу пойдут наиболее *смелые* элементы, считающиеся только с *размерами* прибыли и *степенью безопасности.* 2) Поэтому самым важным является на ближайшее будущее не тот или другой дипломатический компромисс с державами, а *непосредственная сделка с разными группами международного капитала.* 3) Условием, облегчающим эту сделку, является, кроме высоты прибыли, *создание внутренним русским законодательством возможно больших гарантий личной имущественной безопасности для концессионеров.*

Умелая концессионная политика, связанная с рядом внутренних мероприятий в области судебной, административной и финансовой, позволяет Советской России, несмотря на неудачу в Генуе и Гааге,—неудачу, которую Советская власть предвидела, добиться известного притока иностранного капитала. Но общественная мысль Советской России должна усвоить себе тот факт, что этот *приток будет на ближайшее время сравнительно не велик,* и что поэтому главные силы хозяйственного возрождения России придется черпать *из собственных источников,* которые дает русское земледелие, если не будет в ближайшие годы неурожая и войны.

Момент для крупных сделок с иностранными правительствами наступит

только при *новом революционном сдвиге на Востоке и Западе* или при обострении отношений между империалистическими державами. Консолидация сил китайской революции, обострение классового кризиса в Японии сделает Россию, если мы сумеем сохранить боеспособную армию, *решающим элементом на Дальнем Востоке:* для Японии и для Америки. Усиление кризиса в магометанском мире ближнего и среднего Востока повысит значение Советской России по отношению к Англии и Франции. В том же самом направлении действовало бы усиление англо-французского конфликта. Победа *пролетарской революции, хотя бы в одной промышленной стране,* доказала бы капиталистическим державам *необходимость искания сделок с пролетарской революцией.* До этого сдвига работа Советской дипломатии, связанная ближайшим образом с хозяйственной работой страны, будет состоять в целой системе дополняющихся дипломатических передвижений, но не будет иметь крупного размаха. Только момент новых мировых сдвигов окрылит ее заново. Только в момент, когда ей придется использовать победу пролетарских и национальных революций, или победу Красной армии, она снова развернется в полном об'еме.

Японский империализм.

Мих. Павлович.

На заседании Чан-Чунской конференции в конце сентября текущего года японская делегация заявила, что Япония не намерена эвакуировать северной части Сахалина впредь до разрешения вопроса о пресловутых Николаевских событиях и *вообще не намерена ставить вопроса о Сахалине на обсуждение конференции.* Заявление японской делегации свидетельствует о том, что Япония подготовляет аннексию Сахалина и собирается превратить последний в свою колонию подобно Корее.

Итак, несмотря на тяжелое внутреннее положение страны, финансовый и экономический кризис, рост рабочего движения, непрерывные аграрные волнения, число которых увеличилось в этом году втрое, по сравнению с истекшим периодом 1921 г., оппозиционное настроение влиятельных кругов японской буржуазии, требующих установления мирных отношений с Россией, далее, несмотря на неблагоприятную международную ситуацию и антияпонское движение в С. Штатах, правительство Микадо не желает отказаться от своей империалистической политики, от захватных планов по отношению к Сибири и всему азиатскому континенту. Своевременно поставив вопрос о сущности и программе японского империализма, с завоевательными стремлениями которого нам, очевидно, придется еще долго бороться.

Японский империализм впервые выдвигается на авансцену мировой истории в 1894 г., когда Япония об'явила войну Китаю. Эту войну многие рассматривают как пробный камень, оселок, на котором Япония должна была обнаружить степень своей военной подготовки. Китай потерпел целый ряд поражений и вынужден был подписать Симоно-Секский договор 17 апреля, по которому Китай признавал независимость Кореи и уступал победителю Ляодунский полуостров до 4-й параллели вместе с Порт-Артуром и Дальним. Царское правительство предложило французскому и немецкому правительствам произвести совместное давление на Японию, чтобы заставить последнюю отказаться от плодов ее побед. 23 апреля Франция, Германия и Россия пред'явили Японии ультиматум. Чувствуя себя бессильной, Япония согласилась очистить Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и

Дальним и прекратить военные действия с Китаем, удовлетворившись присоединением к своей территории Формозы и Пескадорских островов.

Эта неудача не заставила, конечно, японское правительство отказаться от своих империалистических планов. Наоборот, японское правительство начинает с этого момента с особой лихорадочностью увеличивать военно-сухопутные и морские силы страны. Японская пресса, японская литература начинает с особым вниманием изучать вопросы «мировой политики», следить за международными конфликтами и начинает вырабатывать, так сказать, «програму-минимум» и «програму-максимум» японского империализма. Ввиду того, что европейская и американская прессы мало интересуются японской печатью и не следят за ней, японские журналисты не считают нужным соблюдать особую осторожность в изложении своих взглядов и без опасений развивать свои теории.

В этот период начинает понемногу выкристаллизовываться программа японского империализма, создается японская «доктрина Монрое», провозглашающая лозунг «Азия для азиатов» и выдвигающая Японию Микадо в качестве центра, вокруг которого должны сгруппироваться все азиатские народы в борьбе против засилья белых; одновременно военные круги Японии вырабатывают тайную карту будущей «Величайшей Японии».

Границы этой «Величайшей Японии» должны были включить в себя следующие территории:

К востоку—всю Полинезию.

К югу—Филиппинские острова, Зондский архипелаг и Австралию.

К западу—Сиам, побережье Китая, Монголию, Маньчжурию, Корею, Амурскую и Приморские области.

К северу—Сахалин, Камчатка, Беринговы острова и Якутскую область.

Расширение Японии до этих пределов должно было начаться с образования прочной базы на ближайших берегах азиатского континента и превращения всего водного пространства, заключенного между Японскими островами, включая русский Сахалин, и берегами русского Приморья и Кореи во внутреннее Японское море.

Первым этапным шагом для осуществления этой программы должна была явиться оккупация Сахалина, Кореи, откуда предполагалось движение вглубь хлебородной Маньчжурии. Но здесь предстояла кровавая борьба с империей царей, справиться с которой собственными силами было Японии во сто крат труднее, чем с Китаем. Японское правительство начинает лихорадочно увеличивать свои сухопутные и морские силы, создает многочисленную армию и могучий флот, вооруженные по последнему слову современной военной техники и одновременно искусно разжигает во всей стране дух ненависти к России, стоящей поперек развитию Японии. Одновременно японская дипломатия через посредство своих агентов ведет организованную кампанию в английской и американской прессе, усиленно подчеркивает планы России относительно захвата Индии, Китая и изображает политику прави-

тельства Микадо, как имеющую единственной целью защиту независимости страны против угрожающей опасности со стороны России.

Эта кампания японофильской прессы приносит свои плоды. И в С. Штатах и в Англии создается сильное течение в пользу поддержки японской политики. С одной стороны, проникновение России в Корею и возможность оккупации последней русскими войсками рассматривается руководящими кругами в Англии и Америке не только как угроза независимости и целости Японии,—сохранение которой в качестве сильного государства необходимо для противовеса русскому расширению,—но и как полное нарушение равновесия на Тихом Океане, грозящее переходом гегемонии в водах последнего в руки России; с другой стороны, сама война между империей царей и страной Восходящего Солнца рассматривается англо-американской дипломатией, как весьма выгодная для Англии и Америки афера, которая даст возможность обеим этим странам извлечь соответствующие выгоды из войны между Россией и Японией: Англии в Тибете, Персии, Турции; Америке—в Китае. Англичане не верят в «непобедимую мощь» царской России, однако сомневаются и в возможности решительной победы Японии над Россией и рассчитывают, что как бы то ни было японо-русское кровопускание пойдет на пользу Великобританскому империализму. Так же рассуждают и дипломаты С. Штатов.

Так при материальной и дипломатической поддержке С. Штатов и Англии Япония вступает в вооруженную борьбу с царской Россией.

26—27 января (8 февраля) японское правительство, желая сразу обеспечить своему флоту господство на море, столь важное для успешного ведения дальнейших военных операций, внезапно, без всякого формального об'явления, начало военные действия против России. Небольшой отряд японских миноносцев, пользуясь беспечностью Алексеева, который, как библейский Сарданапал, устраивал в своей столице лишь веселия и пиршества, не заботясь серьезно о чем-либо другом, и полной анархией, господствавшей в Порт-Артуре, без труда проник внутрь нашего первоклассного порта, «неприступной русской твердыни», находившейся в данный момент на военном положении, и атаковал многочисленую и прекрасно вооруженную русскую эскадру, состоявшую из 30 больших и малых судов. В результате три лучших судна нашей тихо-океанской эскадры, броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» и крейсер «Паллада» были выведены из строя. Таким образом начался непрерывный ряд морских катастроф, который должен был закончиться полным уничтожением русского флота при Цузиме.

Это был первый грозный удар, нанесенный Японией России, вернее сказать, старому русскому режиму,—удар, который ясно показал всю гниль, все внутреннее бессилие якобы несокрушимого могущества России [1]).

---

[1]) Как явствует из „Записок губернатора", в высших правит. кругах нападение Японии и атака 26—27 янв. рассматривались попросту, как „укус блохи" (Князь С. Д. Урусов, „Записки губернатора", стр. 239, Берлин 1908 г.)

После столь роковой для нашего флота атаки 26—27 января целый ряд катастроф обрушился на русскую эскадру и русскую армию.

Русско-японская война дорого обошлась русскому народу. Уже по одним официальным данным общая сумма расходов, вызванных русско-японской войной, за 1904 и 1905 г.г. равняется двум миллиардам рублей. Но если мы примем во внимание стоимость безвозвратно потерянной для нас маньчжурской дороги (400 милл. р.), Порт-Артура, Дальнего, потопленных на сотни миллионов руб. судов, расходы по содержанию военнопленных в Японии (около 200 милл. р.), далее по перевозке их и вообще всей маньчжурской армии в Россию и т. д. [1]), общая сумма расходов, связанных с нашей маньчжурской авантюрой и пресловутой концессией на Ялу определится минимум в пять миллиардов рублей. Что же касается убитых, раненых, пропавших без вести в армии и флоте во время войны, число их по самому строгому подсчету доходит до 400.000 [2]).

В результате победоносной войны с Россией Япония приобрела Порт-Артур и Дальний вместе с Ляодунским полуостровом и южную половину Сахалина, Корею, всю южную часть Китайской железной дороги (1.200 километр.), построенной на русские деньги, и твердой ногой стала на азиатский континент. Попытки Японии использовать свою победу до конца, захватить *весь* Сахалин, наложить громадную военную контрибуцию на Россию и т. д. не удались, благодаря энергичным давлениям и скрытым угрозам со стороны правительства С. Штатов, дипломатия и общественное мнение которых начали уже с опасением взвешивать все последствия чрезмерного усиления новой империалистической державы на Востоке.

Результаты русско-японской войны не удовлетворили аппетитов японских хищников. Был осуществлен большой шаг вперед по пути выполнения грандиозной программы «Величайшей Японии». Но все-таки кольцо японского моря остается незамкнутым. Северный Сахалин и Приморская область остаются в руках России.

Период с 1905 по 1914 г.г. Япония употребляет на укрепление своих позиций в Южной Маньчжурии и окончательную аннексию Кореи, которая превращается в японскую колонию. Война с Германией дает возможность Японии захватить заарендованную немцами у Китая область Киао-Чао с

[1]) Французская печать высчитывала, что России нужно затратить по меньшей мере 3 миллиарда фр. (т.-е. более миллиарда руб.) только для того, чтобы возместить понесенную во время войны потерю в ружьях, пушках, военных снарядах, провиантских запасах, вагонах, конском составе и восстановить материальную часть сухопутной русской армии в таком виде, в каком она была до войны.

[2]) Наши официальные данные о потерях русской армии на войне не верны. По японским официальным данным, армия Микадо потеряла на войне с Россией 80.378 чел. убитыми. Число же раненых и заболевших на войне определялось главным врачебным инспектором Koike в 457.035 ч. Процент раненых в японской армии был значительно выше, чем в русской, но благодаря образцовой организации японской военно-санитарной части Япония в этом отношении отделалась гораздо легче, чем Россия. Как бы то ни было, и японские потери оказались очень серьезными.

портом Циндао и превратить эту провинцию в базу для дальнейшего проникновения в Китай. В 1915 г. (январь 18) Япония пред'являет Китаю в ультимативной форме свои известные 21 требование, осуществление коих должно было бы повести к полному подчинению всего северного и южного Китая Японии в политическом, финансовом, военном и административном отношениях [1]). Пользуясь тем, что вся Европа и Америка в течение мировой войны были заняты своими делами, Япония начинает энергичное экономическое наступление на весь азиатский континент и наводняет Китай, Сибирь Индо-Китай, Индию, даже Персию своими товарами, устанавливает пароходные рейсы со всеми азиатскими портами, открывает повсюду банки, торговые отделения и т. д.

Однако захват Шандуньской провинции и экономическое проникновение в Китай, Индию, Индо-Китай не могли удовлетворить аппетитов японских империалистов. Японские захватчики не могли отказаться от своих планов насчет всей восточной Сибири и ждали только удобного случая для приведения своих проектов в исполнение. Февральская революция и затем октябрьская явились удобным поводом для наступления в Сибири.

Сейчас же после февральской революции японская империалистическая печать стала подготовлять почву для интервенции в Сибири. «Японская интервенция еще во времена Керенского нависла как Дамоклов меч над Россией, как орудие наказания со стороны Антанты. В марте 1918 г. японская печать усиленно подготовляла интервенцию в Сибири [2]). «В дипломатической газете «Кокумин» появилась статья, автор которой старался доказать, что теперь, дескать, «весь русский народ доволен своим новым правительством, и так как ни о каких бунтах в тылу не может быть речи, то России ничего не стоит перебросить все свои войска из Сибири на фронт, а охрану порядка поручить... японцам». Та же мысль подготовлялась на все лады и по всевозможным поводам во время керенщины, и чем выше поднимались волны революции, тем настойчивее повторялся этот припев (см. ст. «Интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири» в сборнике «Первый с'езд революционных организаций Дальнего Востока», Петроград, Издание Исполкома Коминтерна 1922 г.).

Начиная с момента Октябрьской революции японские империалисты, считая Россию совершенно ослабленной, а Европу и Америку надолго запутавшимися в своих делах, с особой энергией усиливают свою агрессивную политику на азиатском континенте. Одновременно японская пресса усиленно

[1]) Эти 21 условие, которые Япония обязала Китай держать в секрете, вызвали сильное негодование в С. Штатах, нашедшее свое выражение в ряде статей в влиятельных органах американской прессы. Подробному анализу этих условий посвящена книга Орнбека. Stanley K. Hornbeck, „Contemporary Politics in the Far East!“, New-York 1921.

[2]) Г. В. Чичерин. „Внешняя политика Советской России за два года“ Очерк, составленный к двухлетней годовщине рабоче-крестьянской революции, стр. 32, Гос. Изд., Москва 1920 г.

пропагандирует азиатскую «доктрину Монроe» и возобновляет кампанию «Хакабатцу» (белая опасность), призывая желтые расы об'единиться для борьбы с белыми. Кампания эта была впервые начата в 1913 г., накануне русско-японской войны, бывшим министром Такутами, редактором популярной в Японии газеты «Какашим-Шимбун». Японцы организовывают «Пан-азиатское общество», имеющее девизом «Азия для азиатов». Это общество выпускает ряд брошюр на китайском и других языках, печатает в китайских газетах через своих агентов статьи о *«белой опасности»*, атакует Россию, «захватившую северную часть Азии (Сибирь) 300 лет назад», Англию, наложившую свою руку на Индию, Тибет, ряд китайских провинций, Америку, распространившую свое «тлетворное» влияние на весь Китай, Сибирь, Северную Маньчжурию, Внешнюю Монголию и т. д. Во всех этих брошюрах, статьях, манифестах доказывается, конечно, что во главе пан-азиатского освободительного движения должна стать Япония, показавшая свою способность бороться победоносно с белыми, являющаяся авангардом всей Азии в великом движении против белой опасности.

В этот момент гипноз идеи «Величайшей Японии» овладевает умами многих японских империалистов. Обстоятельства как будто благоприятствуют осуществлению мегаломанских японских планов в течение ближайшего периода. Россия,—как намекают японские политики—этот недавно самый грозный враг Японии на азиатском континенте,—Россия, ослабленная уже войной 1914 года, совершенно выбита из строя в результате мировой войны, февральской и Октябрьской революций и может играть лишь роль арены для действия японских войск, роль жертвы, но отнюдь не соперника в борьбе за Азию. Китай, раздираемый внутренними распрями, порабощен белыми и в интересах своего освобождения должен войти в сферу влияния Японии, попросту стать колонией последней. Великие мировые державы, Англия, Америка, Франция, Германия и т. д., ставившие барьер расширению Японии на азиатском континенте и в водах Тихого Океана, вступили друг с другом в страшный бой, который при всех усилиях противников не может кончиться решительной победой той или другой стороны. Очевидно, что С. Штаты и Европа выйдут из мировой войны обессиленными и связанными по ногам и рукам на долгие годы в своей *азиатской* политике неразрешенными вопросами и неизбежно вытекающими отсюда конфликтами из-за тех или других взаимно сталкивающихся интересов на *европейском* континенте; на Балканах, в проливах, в водах Средиземного моря и Атлантического океана. Японское правительство, очевидно, считает момент удобным для осуществления своих захватнических планов. Оно высаживает свои войска в Владивостоке и начинает наступление вглубь восточной Сибири, вторгается в Маньчжурию, Монголию, захватывает в свои руки через посредство своих агентов и путем военных угроз, указанием на то, что «Япония имеет миллионную армию, которая бездействует», фактическое управление Китаем, наводняет своими эмигрантами и шпионами все острова Полинезии и Калифорнию, проникает в Индо-Китай, Индию, организовывает неудавшуюся

экспедицию к южному полюсу и по пути исследует берега Австралии и Новой Зеландии. Таким образом империалистическая Япония, опьяненная своими успехами, уверенная в том, что Европа и Америка надолго завязли в европейских делах, ведет металоманскую политику, еще более безумную, чем та, которая привела к военному разгрому царизма в 1904 г. *Охотское море, Берингово море, устья Амура, Татарский пролив, Желтое море, Печилийский залив, Индийский океан, Персидский залив, Камчатка, Сахалин, Якутская область, Маньчжурия, Монголия, вся Восточная Сибирь, весь Китай, Филиппинские острова, Зондский Архипелаг, Индо-Китай, Сиам, Индия, Персия, Калифорния, всюду действуют японские войска или японские наемники (Семеновы, Калмыковы, Меркуловы и др. в Сибири, Унгерны в Монголии, Джан-Дзо-Лины в Китае), всюду работают японские купцы, японские эмигранты и т. д., под маской которых часто скрываются военные шпионы, всюду ведутся интриги, всюду тратятся деньги на подкупы, на банки, всюду приобретаются часто под фиктивными именами концессии, всюду строятся или проектируются железные или другие пути сообщения, преследующие прежде всего военно-стратегические цели, всюду японский империализм протягивает свои щупальцы.*

В этом плане захвата азиатского континента и превращения Японии в «мирового гегемона», которому не сумеют стать поперек дороги заокеанские державы, обессиленные мировой войной, долженствующей по японским планам надолго отвлечь внимание белых хищников от Азии — первое место в качестве фундамента, опорной континентальной базы для «Величайшей Японии» принадлежит, по теории японских империалистов, Восточно-Сибирским владениям и России с их угольными копями, железными рудниками, нефтеносными источниками, с их рыбными богатствами и т. д. Только овладев этими сокровищами и упрочившись на восточно-сибирской территории, великая Япония станет на трамплин, откуда она сумеет прыгнуть на высоту величайшей мировой державы и утвердит свое непоколебимое господство на Тихом океане.

При таком настроении, с такими безумными планами Япония начала в 1918 г. свое наступление против России при поддержке наших белогвардейцев, эс-эров и других контр-революционных элементов, готовых соединиться с любой капиталистической державой для борьбы с рабоче-крестьянской властью. Теперь агенты международного империализма, белогвардейцы и эс-эры, раздавлены, меркуловщина переживает агонию, Америка открыто становится во враждебную позицию к Японии и требует эвакуации Сахалина, английская пресса публикует сотни статей об агрессивных планах Японии, об японских интригах против Великобритании в Китае, Индии и т. д. Тем не менее японская военщина не желает отказаться от своих захватных планов. Рабоче-крестьянские массы Р. С. Ф. С. Р. и Дальне-Восточной республики не отдадут японским хищникам Северного Сахалина и ни одной пяди Сибирской земли.

Подобно царской России накануне 1905 г., подобно Германии Гогенцоллернов, сумевшей накануне мировой войны об'единить против себя даже вчерашних врагов (Россию и Англию) и оттолкнуть вчерашних союзников (Италию), империалистическая Япония, отнюдь не обладающая громадными военными силами и экономической мощью Deutschland über Alles, фатально стремится навстречу неизбежной катастрофе.

Вот почему наиболее трезвые представители японской буржуазии и либеральных кругов с такой тревогой вглядываются в будущее своей страны, вот почему значительная часть прессы с такой суровостью критикует политику безответственной военщины, влекущей страну на путь безумных авантюр.

Однако немногочисленные статьи и речи японских пацифистов помешают этим авантюрам. От последних спасет Японию только растущая сила рабочего и крестьянского движения, волны которого с каждым днем все выше и выше подымаются в стране самураев.

Современная Ирландия.

(Социально-экономический очерк)

П. Китайгородский.

I.

6 декабря 1921 г. представителями «Дайли-Эйрана» (так наз. син-фейнерского революционного парламента), с одной стороны, и Ллойд-Джорджем, с другой, было подписано соглашение, в силу которого Ирландии предоставляется под сенью королевского скипетра «широкая» автономия, приблизительно в об'еме прав и самостоятельных функций, какими пользуются Канада, Австралия и другие английские доминии.

Этим актом Ирландия впервые официально освободилась от гнета, кошмара и террора, тяготевших над нею еще с XVII столетия, и стала «первой среди равных» доминий его королевского высочества. События, последовавшие за этим «исторически-знаменательным» актом, в связи с позицией, занятой в этом вопросе группой «непримиримых» ирландских националистов («син-фейнеров») с Де-Валерой во главе, затмили собою историческое значение этого «клочка бумаги».

«Соглашение» это по существу ознаменовало собою сделку буржуазии угнетенной национальности с буржуазией господствующей нации за счет интересов пролетариата обеих наций. Это «соглашение» пережило несколько фаз. После упорной борьбы «непримиримых син-фейнеров» с умеренными, последние как будто уступили, и события в Ирландии вступили было в новую фазу заостренной национальной борьбы за независимость. Но в решительный момент «умеренные» опять изменились, национально-революционное движение Ирландии осложнилось социальной борьбой классов. Молодая революционная рабочая партия Ирландии вступает на путь «прямого действия» за захват фабрик и заводов... Чтобы лучше ориентироваться в событиях, имеющих место на театре национальной и классовой борьбы, нам придется сделать анализ социально-экономической эволюции, происшедшей в жизни ирландского общества за последние 15—20 лет.

Когда-то гениальный учитель рабочего класса К. Маркс возлагал очень много надежд на ирландское революционное движение. Еще в первом томе своего «Капитала» он посвятил Ирландии специальную главу, установив на

учный прогноз для этой многострадальной страны. Насколько живо Маркс и весь I Интернационал реагировали на ирландский вопрос, можно видеть из следующего документа, датированного 1-м января 1870 г. Генеральный Совет I Интернационала, в ответ на брошенные органом Бакунина «L'Egalité» обвинения, будто «Генеральный Совет пренебрегает интересами ирландских революционеров», пишет буквально следующее: «Если Англия является крепостью европейского лэндлордизма и капитализма, то единственный пункт, откуда можно нанести сильный удар официальной Англии, представляет из себя *Ирландия*. Прежде всего, Ирландия является крепостью английского лэндлордизма. Если последний падет в Ирландии, то он неизбежно должен будет пасть и в Англии. В Ирландии—читаем мы в этом документе — эта операция во сто раз легче, потому что *экономическая борьба концентрируется там исключительно на земельной собственности*, борьба эта там *национальная* и народ в Ирландии революционнее и озлобленнее, чем в Англии. Лэндлордизм в Ирландии поддерживается только английской армией. В тот момент—говорится дальше в этом послании к «Федеративному Совету романской Швейцарии в Женеве»,—когда прекратится принудительное об'единение этих двух стран, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и *в устаревших формах* (курсив наш. *П. К.)*. Английский лэндлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также важнейший источник своей моральной силы, как представителя господства Англии над Ирландией. С другой стороны, английский пролетариат сделает своих лэндлордов неуязвимыми, пока оставляет неприкосновенным их могущество в Ирландии» [1]). В заключение Генеральный Совет пишет: «Таким образом, точка зрения Международной Ассоциации Рабочих на ирландский вопрос очень ясна. *Ее первая задача—ускорение социальной революции в Англии. Для этой цели надо нанести решающий удар в Ирландии»*. (Курсив везде наш) [2]).

Итак, мы видим, Маркс чрезвычайно много внимания уделял ирландскому революционному движению, на торжество которого он смотрел как на необходимую предпосылку социальной революции в самой Англии.

II.

Чтобы лучше уяснить себе движущие силы ирландской «национальной» революции, нам нужно ознакомиться с современной социал-экономической жизнью Ирландии и той метаморфозой (внутренним перерождением хозяйственных тканей), которые произошли в недрах ирландского общества за последние два десятилетия.

Население Ирландии, начиная с 1841 г., все более и более уменьшается, благодаря жестокой политике экспроприации и конфискации частной земельной собственности и насильственных выселений из деревень, усердно практи-

[1]) См. „Письма Маркса к Кугельману“, стр. 95.

[2]) Ibid., стр. 96.

ковавшейся тогда английскими лэндлордами. С 8.222.644 душ, числившихся в Ирландии в 1841 г., цифра населения падает уже в 1866 г. до 5½ милл. За 5 лет (1861—1865) эмигрирует в одну только Америку 1.591.487 ирландцев. Этот процесс беспрестанного уменьшения народонаселения продолжается и в дальнейшем. Английские лэндлорды ненасытны в своих аппетитах. «При 3½ миллионах населения лэндлордам кажется, что Ирландия все еще перенаселена и им хотелось бы, чтобы население еще уменьшилось в своем числе для того, чтобы она (Ирландия) могла выполнить свое истинное предназначение—страны овец и пастбищ для Англии», саркастически замечает Маркс [1]). Параллельно, с уменьшением народонаселения Ирландии прогрессирует процесс концентрации земельной собственности в руках лэндлордов. Число ферм с 1851—1861 г.г. в 15—30 акров возрасло на 61.000, а число ферм больше 30 акров на 109.000, общее же число всех ферм разных размеров уменьшилось на 120.000. «Это уменьшение—говорит Маркс—вызвано исключительно уничтожением ферм ниже 15 акров, т.-е. централизацией» [2]).

При таком быстром темпе обезземеления мелкого ирландского крестьянина немудрено, что Ирландия вскоре становится, по выражению Маркса, «крепостью английского лэндлордизма». Процесс превращения пахотной земли в пастбища производит полное опустошение в среде ирландского крестьянства и социально его видоизменяет, превращая его из мелко-собственника в наемного работника-батрака. Обезземеленное сельское население начинает компактными массами эмигрировать в Соединенные Штаты Америки, обретая там свою вторую родину. Но эмигранты не порывают связей с своей старой родиной, превратившейся для них в злую мачеху-разорительницу. «Вытесненные с родной земли быками и баранами, ирландцы переселяются в Соединенные Штаты, где они составляют значительную и все больше возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть—это ненависть к англичанам», пишет Маркс позже в 1870 г. [3]). Этот гениальный человек, гармонически сочетавший трезвую научную теорию с революционной практикой, не переставал звать I Интернационал на атаку английской Бастилии—лэндлордской Ирландии,—«этот единственный пункт, откуда можно нанести сильный удар официальной Англии»...

Вплоть до начала XX столетия положение ирландского народа все более и более ухудшается. Лэндлорды полновластно царят над забитым ирландским крестьянином, опираясь на свою армию и на крупную земельную собственность. Но вот в начале XX столетия радикально меняется социально-экономическая физиономия этой части Великобританского архипелага.

По мере того, как расло национально-революционное движение, питавшееся соками упрочившейся в Америке ирландской эмиграции, начинается *обратный процесс децентрализации земельной собственности и параллельно с*

[1]) См. К. Маркс, „Капитал“, I т., стр. 734, глава „Ирландия“.
[2]) Ibid., стр. 720.
[3]) См. „Письма Маркса к Кугельману“, стр. 96.

этим превращения луговой площади в пахотную. Ирландские реэмигранть постепенно начинают приобретать земельные участки, увеличивая все более и более число мелких фермеров. Это явление перемещения земельной собственности из рук одной социальной группы в руки другой особенно усилилосі после издания в 1903 и 1907 г.г. земельных актов, предоставляющих ирландцам право закупки земли в долголетнюю рассрочку платежа.

326.000 ирландских крестьян воспользовались этим правом, вырванным ценой неимоверной борьбы у классового «инородческого» врага, получив в свое распоряжение 10¾ милл. акров за 105 милл. фун. стерл. с рассрочкой на 68½ лет по 3—5% годовых. Впоследствии число этих мелких самостоятельных фермеров увеличилось еще на 80.000, закупивших 2¾ милл. акров земли за плату в 18 милл. ф. ст. [1]).

Таким образом, благодаря земельной реформе, отвоеванной в кровавої борьбе с английскими поработителями, начал формироваться в Ирландии уже в первое десятилетие XX века *новый социальный слой мелких собственников кулаков,* который наложил свой отпечаток на характер син-фейнерского движения. Эта же самая реформа повлекла за собою и изменение в экономической структуре страны. Особенно мощный толчок этому перевороту дала империалистическая война 1914—1918 г.г. Последняя увеличила в три раза стоимость земли и понизила в то же время стоимость денежных знаков. Зажиточные и полузажиточные ирландские крестьяне в своем порыве к земельным приобретениям, в чаянии превратиться в самостоятельных собственников, не останавливались перед самой высокой ценой на землю.

Двигательною силою син-фейнерского движения является заманчивый для ирландского крестьянина лозунг—«вся земля крестьянам» (правда, за выкуп!). Националистическая кулацкая интеллигенция взяла быка прямо за рога и стала монопольной руководительницей трудящихся Ирландии. Предстоит из'ять (конечно, добровольно и разумеется за «справедливое» вознаграждение) землю у лэндлордов, которые особенно после войны обнаруживают тенденцию к охране своих латифундий от раздробления и распродажи. Поскольку син-фейнеры остаются верными стражами института частной собственности, они вряд ли сумеют справиться с этой задачей.

III.

На-ряду с изменившимся характером и форм земельной собственности, изменилось и само сельско-хозяйственное производство. С 1855 г. по 1901 г. площадь пахотной земли сократилась с 2.832.564 до 1.317.574 акров, тогда как площадь пастбищ и лугов возрасла с 1.314.807 до 2.178.592 акров [2]). Ирландия ежегодно ввозила хлеба на 20 милл. фун. стерл. Но война свершила революцию в сельско-хозяйственной жизни Ирландии. Подводная война вынудила Великобританию, ввозившую ежегодно хлеба на 200 милл. ф. стерл.,

[1]) См. Revue économique Internationale, fevrier 1922, p. 288.

[2]) См. Revue économique Internationale, стр. 290.

обратиться к помощи Ирландии, которая не замедлила стать для английского населения крупнейшей продовольственюй базой. Вто это, действительно, что называется, не было счастья да несчастье помогло. Не забудем, что, по милости лэндлордов, в Ирландии к началу войны площадь хлебных посевов равнялась всего 36.913 акров, т.-е. на 408.862 акра меньше, чем в 1855 г. Кровавый Марс улыбнулся ирландскому земледельцу, который стал переходить к интенсивной культуре хлебных злаков. Уже в 1916 г. было засеяно под одной пшеницей 76.438 акров. Изданное в 1917 г. правительством Великобритании обязательное постановление о засеве зерновых хлебов еще больше форсировало процесс превращения страны пастбищ и лугов в страну нив и цветущих полей. Следующая таблица дает наглядное представление об этой метаморфозе:

Злаки:	В 1914 г.	В 1918 г.	В 1920 г. [1]
Пшеница	36.913 акр.	157.326 акр.	49.700 акр.
Овес	1.028.758 „	1.579.537 „	1.331.342 „
Ячмень	172 289 „	184.712 „	207.715 „
Рожь	7.535 „	8.947 „	5.749 „
Абрикосы и фасоль	1.508 „	2.271 „	1.762 „
	1.247.003 акр.	1.932.793 акр.	1.596.268 акр.
Овощи:			
Картофель	583.069 акр.	701.847 акр.	584.316 акр.
Свекловица	81.576 „	97.663 „	77.447 „

Общее процветание страны отразилось и на росте народонаселения, равнявшегося уже в 1911 г. 4.365.890 душ.

Как далеко шагнула Ирландия по сравнению с 1865 годом, о котором еще Маркс писал в своем «Капитале»!

IV.

«Единственная крупная промышленность Ирландии,—пишет Маркс в I-м т. «Капитала», стр. 727, — фабрикация полотна требует сравнительно мало взрослых рабочих-мужчин и вообще дает заработок лишь относительно небольшой части населения». К этому следует внести маленький корректив. После 1866 г. в районе Бельфаста начинает развиваться, помимо текстильной, еще одна отрасль крупной промышленности, а именно, корабле- и машиностроительство. В последнее время молодая ирландская буржуазия развивает усиленную деятельность по восстановлению своей «национальной» промышленности. Идеологи этой буржуазии—Риссель, Артур Гриффит, Эрскин Шильдер, копирующие французов Неккера, Кольбера и Тюрго XVIII века, выдвигают широкую программу развития «отечественной» промышленности и торговли то ли при помощи протекционизма, то ли путем — есть и такие умники—государственного капитализма. Как во всех английских до-

[1]) См. Revue économ. Intern., стр. 309.

миниях, в Ирландии замечается промышленный «зуд», чувствуется задор только что вылупившейся из скорлупы молодой ирландской буржуазии, полной инициативы и заманчивых перспектив освобождения от опеки со стороны своей метрополии. Английская экономическая политика все время была направлена на разрушение туземной ирландской индустрии, стараясь превратить ирландское население в производителя сырья и приобретателя исключительно предметов английской фабрикации. Сейчас, преисполненная веры в свои силы, ирландская «демократия» стремится стать самодовлеющим хозяйственным фактором. Бывшая «страна пастбищ и овец для Англии» хочет стать «вещью в себе и для себя». В Ирландии имеются на-лицо все элементы, необходимые для развития крупной промышленности. Залежи железа, меди и цинка, графита и мрамора—находятся в больших размерах. Шелководство и хлопчатое производство начинают довольно интенсивно развиваться. Молодая буржуазия готовится недостаток угля заменить торфом, которого в Ирландии довольно много, также старается использовать «белый уголь».

Сельская и городская кооперация сделала крупный успех за последнее время. В одном только 1919—20 г. насчитывалось 1.028 кооперативов (смешанной системы) с 1.135.669 членами и оборотом в 11 милл. фунтов стерлингов.

Финансовое положение Ирландии находится в благоприятном состоянии. С 1910 г. по 1919 г. накопилось в банках более, чем 136 милл. ф. стерл. Когда син-фейнерское правительство об'явило в 1920 г. подписку на государственный заем, он был покрыт полностью в несколько недель, что свидетельствует об обилии свободных капиталов в стране. Правда, американские ирландцы закупили акций на 5 миллионов долларов.

Политики молодой ирландской буржуазии охвачены идеей о завязывании торговых сношений с за-границей, минуя посредничество англичан. До последнего времени вся внешняя торговля составляла монополию Англии. Синфейнерское правительство задалось целью восстановить морскую торговлю Ирландии, дабы облегчить непосредственный товарообмен с внешним миром. Америка и Франция уже вступили в регулярные торговые сношения с ирландскими портовыми городами.

V.

Избранный в декабре 1918 г. син-фейнерский парламент выделил исполнительный орган, который приступил к организации армии, полиции и всего судебного и государственно-административного аппарата. Ирландская демократически-кулацкая интеллигенция сумела использовать вековое недовольство масс в интересах своего класса. Она взнуздала революционного коня и села на него верхом. Право на «национальное самоопределение» она истолковывает в смысле права каждой буржуазии на эксплоатацию «своего» пролетариата, сельского и городского.

Ирландские фермеры-кулаки порою ропщут на свое «Дайла-Эйран» за то, что он установил прожиточный мимимум для сельских батраков. Новое

син-фейнерское правительство, на котором еще блестят зарницы революционного восстания 1916 г., пытаются облачиться—и довольно неудачно—в тогу «надклассового» органа, выступая в роли арбитра между трудом и капиталом. За сентябрь и октябрь месяцы 1921 г. правительству удалось все-таки локализовать 41 стачку и локаут.

Таким образом, за последние 15—20 лет совершился громадный переворот в социально-экономической жизни Ирландии, породивший сельскую кулацкую демократию и городскую «национальную» буржуазию. Наигрывая на слабых струнках болезненного национализма, «надклассовая» интеллигенция искусно повела за собою отсталые слои ирландского пролетариата, отравленного ядом шовинизма.

До начала XX столетия одна только английская буржуазия культивировала этот национальный антагонизм, найдя его для себя чрезвычайно выгодным, так как он создавал средостение между английским и ирландским пролетариатом. Английская буржуазия извлекала крупную пользу из этой розни, стараясь эксплоатировать ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса Англии.

«Средний английский рабочий,—читаем мы в выше цитированном документе Генерального Совета I Интернационала, принадлежащем перу Маркса,—ненавидит ирландского, как конкурента, понижающего заработную плату и уровень жизни. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию (большинство ирландцев, как известно, — католики. *П. К.*). Эту рознь между английскими пролетариями буржуазия поддерживает искусственно, ибо в этой розни—буржуазии сие хорошо известно — заключается действительная тайна сохранения ее могущества» [1]).

Вот эту культивировавшуюся столетиями взаимную национальную нетерпимость старается теперь монополизировать новоиспеченная ирландская буржуазия и ее идеологи. В этом тайна их власти над массами. Но в последнее время национальный психоз начинает улетучиваться. Идее классового сотрудничества и «надклассового» национального правительства нанесен непоправимый удар. Едва только было подписано «историческое» соглашение между син-фейнерами и Ллойд-Джорджем, как в Дублине, Бельфасте и других городах Ирландии произошла всеобщая забастовка, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями между «революционной» полицией и рабочими. На выборах в син-фейнеровский парламент рабочая партия Ирландии выступила самостоятельно.

Коммунистическая пропаганда начинает приобретать все больше адептов. Социальная борьба все более разгорается.

Не «справедливое» вознаграждение, не выкуп, а безвозмездная конфискация лэндлордовской земли. Такова аграрная программа молодой ирландской революционной рабочей партии, противопоставляемая умеренной, кадетской программе буржуазных националистов.

---

[1]) См. „Письма Маркса к Л. Кугельману", стр. 95.

Оплоту английского лэндлордизма, Южному Ульстеру, грозит серьезная опасность.

Дальнейший ход событий покажет, удастся ли молодой ирландской рабочей партии повести за собою бедняцкую часть фермеров и одержать победу над кулачеством, алчущим «свободы и порядка» и всецело поддерживающим «умеренных» син-фейнеров, идущих на компромисс с Ллойд-Джорджем

Литературные силуэты.

А. Воронский.

II. ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

I. «Идет с 1917 года одна моя дорога смертная».

Дан ему большой, крепкий, сильный и радостный талант. Он вышел из низовой, безымянной, рабочей, трудовой, беспокойной, взыскующей Руси. Опаленный революционными сполохами, вросший в нынешний складывающийся быт, в смертоносные, гражданские войны, он по новому, по своему рассказывает о революции, о недавно бывшем,—надолго, навсегда врезавшемся в память нам, современникам.

Из молодых беллетристов, выдвинувшихся за последние 1½—2 года, Всев. Иванов наиболее решительно и безоговорочно принял Советскую Революционную Россию, и выходит это у него просто, молодо, легко, художественно, правдиво и цельно. Он не осматривается по сторонам прицеливающимся, сомневающимся взглядом, не расходует себя на двусмысленности, недоговоренности, не боится, что его будут считать большевиком в литературе, не играет под сурдинку «на всякий случай» из опасений, что неизвестно, мол, «чем все это кончится». В равной мере далек писатель и от тех безвкусных, добродетельных, выхолощенных агиток, где все хорошо: революция победила по всему фронту, и граждане благоденствуют, славословя предержащие власти. Таких, не в меру ревнивых, советских суздальских богомазов от литературы у нас не мало, и бывает подчас плохо: читатель либо со скукой отбрасывает напечатанное, либо вопит: обман.

С общего отношения к революции нужно начинать вообще и теперь в особенности, и, в частности, раз речь заходит о поэте, беллетристе, потому, что волей неволей, но каждое их слово, каждая вещь падает прежде всего на чаши весов революции и контр-революции, что нет никакого искусства вообще, чистого искусства, искусства в себе и для себя, и не может быть, особливо в годы, когда еще недавно звучали только сталь и железо, когда люди вгрызались друг другу в горло, когда все и по сию пору идет под знаком этой войны,—потому, наконец, что в области художественной жизни чрезвычайно сильны предрассудки о всемирном, самоценном искусстве, и встречаются они даже там, где им совсем не место.

* * *

Всев. Иванов—наглядный аргумент революции. Глубочайший смысл октября—в том, что он выдвинул подлинный демос. В государственные и хозяйственные органы, в Красную армию, во все поры России с октябрем, хлынули сотни тысяч рабочих, крестьян, мелкого служилого люда, подпольной наиболее демократической и необеспеченной интеллигенции, о ком с ярой ненавистью, как об охлосе, о хамах твердила и твердит буржуа и «большая» интеллигенция, с солидным, в недавнем, положением, интеллигенция хороших гостиных, ресторанов, высоких заработков и гонораров. Красная армия уже показала и доказала этим «бывшим людям» жизненную крепость «охлоса». Гораздо сложней дело обстоит в области хозяйственной и особенно идеологической, в тесном и узком понимании этого термина. Овладеть наукой искусством куда трудней, чем взять и держать власть. Кроме того, гражданская война явилась огромной помехой при выработке своей идеологии послеоктябрьским демосом. Только теперь можно наблюдать первые побеги, видеть первые ростки, начатки новой культуры. Это—не пролетарская, не коммунистическая культура. Нам далеко до этого, ибо пролетариат вышел из войны чрезвычайно ослабленным. Но это—и не старая императорская культура, довоенная, разбавленная новой нэпмановской идеологией. Это—советская, промежуточная, переходная культура. В ней больше от крестьянина, от «демократического» интеллигента, чем от рабочего, да, ведь, и рабочий еще только в пути. Она вся неустойчива, расплывчата, обращенная своим лицом к тому, что в будущем явится подлинной культурой пролетариата,—и она органически враждебна, четка и ясна в этой своей враждебности к старой буржуазно-помещичьей культуре.

Всев. Иванов—один из первых, свежих и крепких ростков послеоктябрьской советской культуры в области художественного слова. Он кровно связан с «охлосом», наполняющим рабфаки, студии, командные курсы, академии, университеты и пр. Он—их по происхождению, по прошлому, участию в революции, по своему психическому складу и облику. Пришел он из тайги, с тундр, со степей, гор и рек сибирских, весь обвеянный ими. Отец был приисковый рабочий, самоучкой сдал экзамен на школьного учителя. «С 14 лет,—рассказывает о себе Иванов,—начал шляться. Был пять лет типографским наборщиком, матросом, клоуном, факиром—«дервиш Бен-Али-Бей» (глотал шпаги, прокалывался булавками, прыгал через ножи и факелы, фокусы показывал); ходил по Томску с шарманкой; актерствовал в ярмарочных балаганах, куплетистом в цирках, даже борцом. С 1917 года участвовал в революции. После взятия чехами Омска (был я тогда в Красной гвардии), когда одношапочников моих перестреляли и перевешали,—бежал в голодную степь и, после смерти отца,—дальше за Семипалатинск к Монголии. Ловили меня изрядно, потому что приходилось мне участвовать в коммунистических заговорах. Так от Урала до Читы всю колчаковщину и скитался»... (Автобиография). Два раза Иванова собирались расстреливать: один раз партизаны, в другой — новониколаевский че-ка, по недоразумению. Болел тифом. Словом, жизнеописание совершенно определенное. В. Иванов—не старый подпольный

революционер, он вообще беспартийный,—революция подняла его на своем могучем гребне вместе с сотнями тысяч другой молодежи, которая до того работала в типографиях, а в периоды безработицы «шлялась», пробиваясь, чем бог пошлет.

Теперь эта молодежь идеологически оформляется,—раньше некогда было—дрались,—и закрепляется на занятых во время революции позициях. Всеволод Иванов наглядный показатель того, как далеко шагнул вперед этот демос, как много творческих, свежих сил таит он в себе. За ним и с ним—тысячи и десятки тысяч, пишущих стихи, рассказы, драмы (вся Красная армия,—говорят,—пишет теперь), «проглатывающих» учебники и книги. В литературе он тоже не одинок. С ним довольно значительная, с каждым месяцем растущая группа художников слова. Все они—из одного гнезда, от одной матери. Зарубежные витии—Бурцевы, Мережковские, Бунины, Черновы—могут сколько угодно вопит о хамодержавии, сколько угодно могут свистать и заливаться соловьями о западно-европейском парламентаризме и демократизме, не в пример «русской советской азиатчине»,—факт тот, что, именно, большевизм и «советизм» расчистили и проторили дорогу подлинной рабоче-крестьянской демократии,—факт тот, что в среде этой демократии выкристаллизовывается новая интеллигенция, со свежею кровью и что она,—интеллигенция эта,—шагает семимильными шагами, завоевывая себе надлежащее, господствующее место «на пиру жизни». Господа Мережковские покинули Россию в мыслях, что она без них пропадом пропадет.—Они только освободили путь свежим и здоровым..

II. «И тому, что жив,— радуюсь»...

Основной темой рассказов и повестей В. Иванова является гражданская война партизан в Сибири с колчаковскими войсками. Тема сама по себе тяжкая, кровавая. Зверски расправлялись колчаковцы с рабочими, крестьянами, красногвардейцами,—и не давали пощады белым отрядам партизаны со своей стороны. В. Иванов—непосредственный участник этой войны,—сумел пронести и сохранить через всю кровавую эпопею большое, любовное, теплое, жизнепринимающее чувство, радостность, опьяненность дарами жизни. Словно после грозы, ливня и бури, когда солнце особенно жгуче, весело и молодо льет свет свой, вещи В. Иванова освещены этим чувством и ощущением теплой, светлой и материнской ласки жизни: тайги, степей, сопок, ветров, партизан. В передаче этого настроения—главная изюминка произведений В. Иванова, основной мотив его творчества, то, с чем остается писатель на всю свою жизнь, что является «душой» произведения, сообщает ему тон и дает окраску. «У всякого человека есть внутри свой соловей»,—говорит маслодельный мастер в «Партизанах». Тем более, такой соловей должен быть у писателя «божьей милостью». Замолкает такой соловей,—и писатель становится скучным и серым, перепевает себя и о нем говорят: «исписался», «отпел», «кончился». Таким соловьем у Всев. Иванова является глубокая, мягкая и, в

то же время, сильная, звериная и непосредственная радостность. Ее особенность—в том, что она выношена, а, может быть, и рождена в кровавые смертоносные дни в мытарствах и скитаниях.

В «Бронепоезде» есть эпизодическая фигура—«солдатик в голубых обмотках и в шинели, похожей на грязный больничный халат». Шляется и присматривается ко всему.

«Солдатик прошел мимо, с любопытством и с скрытой радостью оглядываясь, посмотрел в бочку, наполненную пахнущей, похожей на ржавую медь, водой.

«— Житьишко!—сказал он любовно»...

В. Иванов в своих вещах очень напоминает этого солдатика. Он, какбудто в стороне, ко всему присматривается, но читатель чувствует, что каждой написанной своей страницей автор говорит любовно и с скрытой радостью: житьишко!—идет ли речь о сопках и степях, или партизанах и китайце Син-Бин-У.

И не мешает ему густая, липкая человеческая кровь кругом. Дал автор сцену расстрела начальником партизан Никитиным молодого слесаря, у которого, при пробе бомбы не разорвались, и тут же рядом—лирическая глава, кончающаяся гимном жизни:

«— Эх, земли вы мои, земли тучные!

«— Эх, радость—любовь моя, горная птица над белками!

«Верую!—». («Цветные ветра», стр. 72).

Только что он рассказал в «Бронепоезде», как мужики сотнями, «как спелые плоды от ветра падали... и целовали смертельным, последним поцелуем землю»,—и новый гимн:

«...— пахнет земля—из-за стали слышно, хоть и двери настежь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляюще. Леса нежные, ночные, идут к человеку, дрожат и радуются,—он господин.

«Знаю!

«Верю!

«Человек дрожит,—он тоже лист на дереве огромном и прекрасном. Его небо и его земля, и он—небо и земля. Тьма густая и синяя, душа густая и синяя, земля радостная и опьяненная. Хорошо, хорошо—всем верить, все знать и любить!» (стр. 73).

По старым добрым традициям, тут «слезу пустить надо», сделать панихидное лицо, либо нагромоздить всяких настроений, размышлений, стенаний. А тут—гимны! Никакого благообразия литературного нет. Ах, какой примитивизм, какая некультурность и грубость нервов!

Автор настолько переполнен гимнами жизни, что обычные рамки рассказа, повести ему тесны. Он постоянно их раздвигает, вставляя лирические главы, отступления, обращения—целые рапсодии. Подобно скальду Ибсена, он на могилах сынов и братьев своих по борьбе, слагает песни:

Язвы все врачует
Песнь волшебной силы,
Так греми ж сильнее
Над сынов могилой!

В автобиографии (см. «Литер. Записки» № 3) Иванов, между прочим, рассказал, как его два раза расстреливали. Повествование о расстрелах кончается там заявлением, обычным для писателя: «идет с 1917 года одна моя дорога,—смертная. И тому, что жив,—радуюсь».

Знаменательней же всего то, что во всем этом у Всеволода Иванова нет ни тени усталости, разочарования, издерганности, размагниченности. Здесь не тяга к обывательской размягченности, к подушкам и перинам, от перенесенных невзгод, что теперь очень часто встречается, не ренегатство и отход,—а действительно глубокая, здоровая радость. Большая она, широкая, всеоб'емлющая, всепокоряющая. Велики дары жизни и тонут в них кровавейшие человеческие дела, кажутся отдельными эпизодами, а надо всем «земля радостная и опьяненная», господин ее—человек.

Пришел писатель из степей, гор, лесов, где все напоено могучей первобытной жизненностью, красотой, девственной нетронутостью и цельностью, где и люди, как окружающая их природа, по первобытному сильны и здоровы. Вместе с ними боролся писатель и была эта борьба, по своему содержанию, такова, что не обессилила, не измотала, а еще крепче связала его с красотой и зовами жизни, зовами таинственными и прекрасными.

Такова Сибирь у В. Иванова; густой, жирный, теплый, тучный, радостный, медоносный, жизненосный, густо-пахнущий, тугой, крепкий, смоляной, жаркий, красно-оранжевый, синий, упругий, великий, сладостный, острый, стальной, зеленый, бурый, спелый, сладко-пахучий, нежный, тягучий, радужный, кровавый и т. д. Все сильное, пахучее, цветистое, яркое, буйное, крупное. Даже ветра у него цветные, голос—розовый. «Азиат тело любит крашеное»,—это он про себя, прежде всего, так написал. Бледных красок на палитре В. Иванова нет. От этого и горы, и степи, и леса, и реки выступают полные цветов, буйной жизни, зовут и манят к себе своей звериной красотой и пестротой красок, как малявинский хоровод, как яркие сарафаны и платки деревенских женщин в праздники.

А партизаны? Все они у него здоровые, свежие, кряжистые, дубовые. Больных, с надрывом у Иванова нет. Он их не изображает, не любит, они—не герои его романа. Дикой, непреоборимой силой и властью земли напоены до краев его мужики-партизанщики, соками жизни, соками густыми и пахучими, как деревья весной. Селезнев:—«у него была широкая, лошадиная спина, с заметным желобком посредине», «ступал грузно». Соломиных говорит про него: «медвежья душа у человека». Сам Соломиных «походил на выкорчеванный пень,—черный, пахнущий землей и какими-то влажными соками». Горбулин:—«широкорожий, скуластый, с тонкими прорезами глаз». Вершинин:—«широкие, с мучной куль, синие плисовые шаровары плотно обтянулись на больших, в конское копыто, коленях... высокий, мясистый, похожий на

вздыбленную лошадь... с тяжелыми сапогами, как у идола». Каллистрат Ефимыч:—«тело широкое, тяжелое, и длинная тяжелая в проседь борода... огромные руки». Ему под шестьдесят, сыновья семейные, а он тянется к молодой Настасье, как 17-летний. Все у них нутряное, исподнее, неподдельное и простое. Слова выговариваются с трудом и всегда отвечают внутренним движениям. Так же прямы и непосредственны их действия.

Городские большевики у Иванова тоже полны энергии и движения. Председатель подпольного ревкома Пеклеванов—с впалой грудью, говорит слабым голосом, кожа на щеках у него нездоровая, «но глубоко где-то хлещет радость и толчки ее, как ребенок во чреве роженицы, пятнами румянят щеки». Комиссар Васька Запус:—«волос у него под золото, волной, растрепанной на шапочку. А шапочка—пирожек, без козырька и наверху—алый каемчатый разрубец. На боку, как у казаков,—шашка в чеканном серебре... Слова у Запуса розовые, крепкие, как просмоленные веревки, и теплые... Глядит из-под шапочки—пильменчиком, веселым глазком... маленькие усики над розовой девичьей губой»...—Даже у Никитина, который дает только кровь, внутри спрятаны ласковость и «ухмылка». Матрос из «Бронепоезда», Васька Окорок—тоже веселые, хохочущие люди.

Атмосфера партизанщины бодрая, веселая, уверенная, героическая.

Вот откуда радостность, пронизывающая писания В. Иванова.

Сим победиши!

Если прав Гинденбург, что побеждает тот, у кого крепче нервы, то партизаны и большевики: Никитины, Васьки Запусы, Пеклевановы должны были победить, так как на их стороне была не только крепость нервов, но и сама жизнь, ее стихийная сила, ее радость. Эта сила дала возможность марксистскому большевизму не только разбить Колчака, Врангеля и Деникина, но и разорвать кольцо блокады, но и отбить нападения могущественной Антанты. Большевизм сумел соединить себя с этим могучим и мощным потоком жизни, с этой миллионной первобытностью. И потому он устоял и побеждал. Вещи В. Иванова, в числе прочего—чудесный, художественный документ нашей эпохи, выясняющий с внутренней, психологической стороны, почему мы, большевики, оказались победителями в гражданской войне.

Сейчас за рубежом печатается тьма тьмущая воспоминаний, повествований, мемуаров, фельетонов о недавней гражданской войне в Сибири, в Крыму, на Дону. Все они окрашены, во-первых, воплями,—эти мерзавцы лишили нас сытой жизни, ресторанов, кабаков и автомобилей, во-вторых,—полным неверием в себя и в дело, за которое недавно распинались,—истерикой, и пессимизмом. Очень любопытно сравнить это зарубежное творчество с художественными вещами В. Иванова. Вывод общий один: одни сумели, через всю тяжесть гражданской войны сохранить и даже накопить «элексир жизни», выйти здоровыми духовно и благословляющими жизнь, другие—стекали, как гной, на окраины, все потеряли, во все изверились, оказались внутренне опустошенными. Судите сами, на чьей стороне была правда истории.

Широкая радостность и упоенность жизнью, освещая творчество молодого писателя, дает ему ключ к действительно художественному подходу к обработке материала. Благодаря наличию этого основного настроения, В. Иванов обнаруживает ту художественную проницательность, правдивость и нелицеприятие, без каковых произведения непременно делаются ходульными, тенденциозными, лишенными плоти и крови.

Верно ли это в отношении к вещам Иванова?

Остановимся подробней на его мужиках - партизанах.

III. «Заметь, хорошие парни были».

«Нам с этой властью (колчаковской. *А. В.)* не венчаться. Наша власть советская, хрестьянская» (Селезнев)...

«Только я говорю, без большацкого правления,—наша погибель. Давай, мол, из камню большаков к восстанью тащить» (Краснобородый)...

Не сразу, однако, сибирские мужики пришли к мысли, что без «большацкого» правления—погибель их. В «Партизанах» Иванов отмечает, что этих самых «большаков» крестьяне вылавливали и предавали колчаковским отрядам. Понадобился некий поучительный, жизненный опыт, чтобы мужики изменили свое отношение к большакам и пошли к ним с «истомленными, виновными лицами».

В результате этой жизненной практики мужики, прежде всего, убедились, что «Толчак» непременно оставит их без земли.

«—Парней-то призывают к Толчаку этому самому служить, а они не хочут. А ну его к праху, чех, собака, и земли все хочет отбирать.

«—Отберет,—уверенно прогудели мужики» («Цветные ветра», стр. 62).

Из «Бронепоезда»:

«Вершинин, с болью во всем теле, точно его подкидывал на штыки этот бессловный рев, оглушая себя нутряным криком, орал:

«— Не давай землю японсу! Все отымем! Не давай...

«...Как рыба, попавшая в невод, туго бросается в мотню, так кинулись все на одно слово:

«— Не-е-да-а-вай!!!» (стр. 31—32).

Сюжет повести «Цветные ветра» развертывается из того, что колчаковские офицеры обещают киргизам кабинетские земли, а крестьяне этих земель отдавать не хотят.

В сущности особых, а тем более помещичьих угодий, в Сибири нет и мужики вкладывают в лозунг—земель не отдадим—свою особую мысль, свое понимание.

Партизан Горбулин говорит:

«—Одуреешь *без работы-то.* Мается, мается народ и сам не знает пошто»... («Парт.», стр. 80).

В «Бронепоезде» Знобов подтверждает:

«— Народ *робить* хочет.

— Ну?

«— А робить не дают. Об'яростил. Гонют» (стр. 26).

Наумыч, мужик, жалуется Каллистрату Ефимычу:

«— Мается люд. Для близиру хоть пруд гонит. Душа мутится с войны... Робить...» («Цветные ветра», стр. 177).

Робить охота. Держит земля мужика, требует его пашня. А робить не дают: «Толчак», атамановцы, чехи, американцы, японцы, милиционеры. Селезнев—самый «справный» хозяин, богатый, церковный староста, а его вынуждают обстоятельства сделаться начальником партизанского отряда: в праздник приехали милиционеры, «накрыли» Селезнева с самогонкой, разбили самогонный куб и были «случайно» убиты «случайными» плотниками.

«Случайные обстоятельства» то-и-дело врываются в трудовую жизнь сибирского мужика: то парней гонят по мобилизации к Колчаку, то начинают бесчинствовать атамановские банды, то колчаковские офицеры тревожат крестьян обещаниями отдать кабинетские земли киргизам, то беспокоят японцы, чехи, американцы.

«Польские уланы отправляются в «поход».

«Некоторые из улан, проезжая знакомые деревни, раскланивались с крестьянами. Крестьяне молча дивовались на их красные штаны и синие, расшитые белыми снурками, куртки.

«Но чем дальше от'езжали они от города и углублялись в поля и леса, тем больше и больше менялся их характер. Они с гиканьем проносились по деревне, иногда стреляя в воздух, и им временами казалось, что они в неизвестной, завоеванной стране,—такие были испуганные лица у крестьян, и так все замирало, когда они приближались» («Парт.», стр. 58).

Дальше начиналась ловля «большевиков», изнасилования женщин, расстрелы.

Огромное озлобление отмечает у мужиков автор к иноземным войскам.

Партизаны взяли в плен американского солдата, сгрудились вокруг него:

«— Жгут, сволочи!

«— Распоряжаются!

— Будто у себя!

«— Ишь забрались!

«— Просили их!»

Дальше они убеждают пленного:

«— Ты им там раз'ясни. Подробно. Не хорошо, мол. Зачем нам *мешать?»*

Вообще крестьяне у В. Иванова с первого взгляда пламенные патриоты. Они за «Расеею», за «хрестьян», за «православных», против иноземцев. Пришедши к Никитину, мужики подозрительно выспрашивают, каких он земель, крещеный ли и т. д. Рассказ «Дите»—один из лучших—целиком посвящен теме, как интернациональная русская революция преломляется в мужицком национализме. Партизаны убили офицера и женщину с ним в степи,

нашли в кузове тележки грудного ребенка и решили его выкормить. С этой целью делается набег на киргиз, умыкается молодая киргизка тоже с ребенком; ее заставляют кормить приемыша и, когда партизаны замечают, что она лучше кормит своего, то убивают его: «нельзя хрестьянскому пареньку как животине пропадать».

В национализме мужиков Вс. Иванова есть одна странность: никто из партизан ни разу не обмолвился ни единым словом о войне с немцами. Колчаковцы, как известно, своим главным лозунгом сделали «единую, великую, неделимую Россию». На всех перекрестках они твердили о позоре брестского мира, о предателях родины и т. д. В их распоряжении были газеты, устная агитация и пр. Казалось бы, мужики, настроенные столь «по крещенному», должны были легко поддаваться воздействию колчаковской пропаганды. Между тем об единой, великой, неделимой среди партизан ни звука. Наоборот, именно власть Колчака считали они инородческой, а большевиков—«хрестьянской». В чем дело?

Дело в том, что мужицкий национализм, как и вера—земляные, от власти земли. Корни здесь. Чехи, американцы, японцы *не давали «робить»*. В этом и разгадка и ключ к мужицкому национализму. Большевизм сумел свой интернационализм связать с землей, с основным, исконным требованием мужиков. Свой национализм русские белогвардейцы должны были, наоборот, в силу классовой своей природы, противопоставить этому требованию. Больше того, они связались с чехами, японцами и вместе с ними мешали «робить». Отсюда—равнодушие мужицкого национализма к национализму белогвардейцев и сочувствие интернационализму большевиков, которые дают помощь «чужих земель».

У нас до сих пор, особенно за рубежом, продолжают еще долбить об единой, великой и пр. Следовало бы внимательней присмотреться к партизанам В. Иванова—тут много поучительного, художественного материала и для Милюкова, Бурцева и К°.

Робить не давали.

Разбитые колчаковцами, партизаны отступают в горы.

«Партизаны, как стадо кабанов от лесного пожара, кинув логовище, в смятении и злобе рвались в горы. А родная земля сладостно прижимала своих сынов, итти было тяжело... Вершинину, начальнику отряда, думать было тяжело; хотелось повернуть назад и стрелять в японцев, американцев, атамановцев, в это сытое море, присылающее со всех сторон людей, умеющих только убивать» («Бронеп.», стр. 14—15).

Поднимались тяжело,—все, богатеи, старосты. И воевали. А земля звала к себе. Тосковали мужики. «Мозги, не привыкшие к сторонней, не связанной с хозяйством, мысли, слушались плохо и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючек из глотки попавшейся рыбы». И тут с особой силой говорила о себе земля. Тут впервые многие партизаны испытали жизненную мудрость Кубди:—«Нет, ты, курва, прожгись через работу-то, да выплачься, — вот и поймешь, на какое место

заплатку ставить надо». Поливая обильно своей кровью землю, партизаны с новой, неизведанной силой начинали ощущать ее таинственную, сладкую и мучительную власть над собой. Вершинин, бывший рыбак, не обрабатывавший раньше землю, впервые в партизанщине почуял эту власть. С Окороком парнем из рабочих, у него происходит такой разговор:

Вершинин: «— Кабы настоящи ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьми двери-то открывать надо.

«— Зачем идешь?

«— Землю жалко. Японец отымет.

«Окорок беспутно захохотал:

«— Эх, вы, землехранители, ядрена-зелена!

«— Чего ржешь?—с тугой злостью проговорили Вершинин:—кому море и кому землю. Земля-то, парень, тверже. Я сам рыбацкого роду...

«— Ну, пророк!

«— Рыбалку брошу теперь.

«— Пошто?

«— Зря я мучился, чтоб опять в море итти. Пахотой займусь. Город-то только омманыват, пузырь мыльный, в карман не сунешь» («Бронеп.», 33—34 стр.).

Каллистрат Ефимыч тоже впервые почувствовал эту тягу к земле в партизанщине и кончил тем, что оставил отряд и ушел в хлебопашество. В. Иванов художественно, верно и точно схватил и передал один из самых характерных и замечательных процессов в деревне,—возросшую после гражданской войны власть земли над мужиками,—вскрыв ее психологические корни. Действительно, деревня уходит теперь в землю с особой силой: земля тянет к себе даже таких, кто недавно к ней был равнодушен. Жажда и жадность земли, стремление «робить»—огромные.

На Калистрате Ефимыче следует остановиться. Он искатель «праведной земли», настоящей «веры», странник. «По баптистам ходил, всем богам молился... ране-то до войны этой шли селами странники. Рассказывали чудеса все... Пошел. Такая же земля, народ такой же везде злой. Прошел я пешем до Катиринбурга почти, может три тысячи верст, плюнул и вернулся... Будто и не был нигде»... Старую веру потерял, новую не нашел. Мужиков не любил. Казалась ему их работа и жизнь с землей пчелиной, бессмысленной. Случайно попал он к партизанам, захватила его борьба и даже 16 волостей поднял на восстание, но и здесь не нашел веры: «За пашню по кишкам рвал... нету спокоя, ну?» Спокой он, однако, нашел. Однажды ощутил в себе «силу тугую, неуемную», оставил партизан и ушел к пашне.

Каллистрат у Всев. Иванова самая интересная и большая фигура. Каллистратом В. Иванов вскрывает прежде всего истинную подоплеку мужицкой веры, мужицких исканий, смутных порывов и алканий. Это—деревня, какая создала сказание о сокровенном граде Китеже, бродила по Руси из края в край в поисках праведной Земли и жизни,—странная, бродячая Русь, снаряжавшая ходоков, выделявшая своеобразных лишних людей. Такие иска-

тели то-и-дело проходят пред читателем у Всев. Иванова; таков Ерьма в «Синем Зверюшке», об этом же говорится в «Жаровне архангела Гавриила». Во всех этих вещах писатель вскрывает корни мужицкой веры, мужицких упований и исканий. Корни эти в земле. Разные «обстоятельства» мешали мужику вплотную подойти к земле, создавали помехи, рогатки—отсюда искания, Китеж-град, странники, лишние люди. Концом Каллистрата писатель как бы хочет сказать: с революцией эта странная, взыскующая деревня нашла свое место. Китеж-град найден, обретена настоящая вера; конец странниками, искателями Земли праведной. Она найдена. Ее дала русская революция, обильная кровь, коей смочили мужики поля и леса. Пашня освобождена от тех, кто ее не давал мужику, мешал на ней робить, свободно ей распоряжаться. Один на один теперь свободный мужик со свободной пашней. Кончилась старая деревенская Русь паломников, лишних людей, взыскующих града.

Каллистрат нашел, понял, на какое место следует заплатку ставить. Понял и Вершинин. Об этой заплате в сущности мечтал в партизанах и Селезнев.

Что несет с собой эта новая, деревенская, успокоившаяся, обретш[illegible] Русь? Городу, рабочему, социализму?

Об этом не говорит ни автор, молчит Каллистрат.

Голосом низким, протяжным, точно межа, ответил:

«— Микитину-то? Скажи...

«Отрезал ломоть... Медленно, как лошадь, жуя, проговорил что-то неясное.

«Из мешка густо пахнуло на Павла хлебом»... («Цветные ветра», стр. 185).

Молчат Каллистраты. Пахнет только от них хлебом, хлебом, хлебом...

Каллистрат—большое художественное обобщение у писателя. О нем серьезно нужно говорить. Каллистрат войдет в русскую литературу как новое значительное художественное слово, на-ряду с Иваном Ермолаичем Г. И. Успенского и «Мужиками» А. П. Чехова. К сожалению, печать некоторой художественной незаконченности, недоработанности лежит на нем. Всев. Иванов поторопился и местами только слегка мазнул там, где требовалась тщательная зарисовка и углубленная работа. Такой незавершенностью страдает одно из главных в повести мест, где Каллистрат почувствовал в руках «силу тугую, неуемную». Место как-то смято, есть какая-то недоговоренность. Не всегда «остранение» сюжета приводит к положительным результатам. Здесь этот прием дал у В. Иванова осечку. А жаль. Взята и введена в русскую литературу большая фигура, схвачено очень важное явление и у писателя были все данные справиться с задачей: как-никак Каллистрат врезывается в глаза живо, остро и убедительно.

Вообще мужики у Иванова великолепны и художественно правдивы. Писатель не подслащивает, не подкрашивает их. Там, где следует, они выглядят во всей их зоологической жестокости. Таковы они в рассказе «Дите».

В «Логах» курчавый казак кормит голодных, умирающих киргиз вволю хлебом, чтобы посмотреть, как они умирают. Отвратителен Семен в «Цветных ветрах» в своей жестокой тупости и жадности; беспутен Дмитрий; жадны, ограничены, с куриным кругозором, мужики, пришедшие к Никитину с просьбой стать во главе их. Жутка по своей кровавой развязке их тяжба и вырезывание несчастных, обманутых киргиз, доведенных отчаянием до кражи «русских богов»,—свои не помогают. В качестве партизан мужики грудами устилают землю в боях с бронепоездом Колчака, но героизм их стадный, сплошной; индивидуально они не герои.

В подходе к мужику у В. Иванова есть много от Горького, Чехова и Бунина. Но не следует слишком увлекаться сопоставлениями в этой области, по той простой причине, что в конце концов у писателя есть своя собственная расценка мужиков. Каким-то особым теплом, человечностью и мягким, ласкающим светом сумел писатель облить корявые, звериные, мужичьи фигуры,—добродушием и юмором. Поэтому и выглядят у него партизаны не зверями, лишенными «образа и подобия божьего», как, например, у Бунина, а подлинными, живыми, страдающими, радующимися, алчущими и жаждущими *человеками*.

Обо всем следует судить относительно. Теперь вошло в моду, является признаком хорошего литературного тона изображать мужика, как чудище, «обло, озорно, стозевно и лаяй». Повелось это задолго до революции; с революцией в известных литературных кругах о народе, особенно о мужике, иначе не говорили как о хаме, животном грязном, нечистоплотном и кровавом. Не говорим о таких писателях как Бунин,—даже М. Горький недавно отдал дань этому умонастроению в его статьях «Русская жестокость». За периодом народнической идеализации мужика и обсахаривания его, наступил период развенчания. Прикрывалось это якобы-марксистским подходом к деревне, на деле же это являлось отходом от социализма, от народа и революции широких слоев русской интеллигенции. Марксизм и большевизм всегда твердо знали, что две души у мужика: одна—от хозяйчика, забира—жадная она, жестокая, тупая; другая—от трудового человека, веками угнетавшегося помещиками, урядниками, становыми и пр.

Всев. Ивановым и его некоторыми молодыми сверстниками в русскую литературу вводится это единственно справедливое, верное отношение к мужику. Получается это потому, что Ивановы сами плоть от плоти этого мужицкого моря. Читатель все время чувствует, что мужики близки писателю, родные ему, что не со стороны он судит о них, а как свой, из их среды вышедший, с ними деливший самые тяжкие, опасные, смертоносные моменты. Мужики Ивановым взяты в восстании, в кровавой борьбе, в их жертвенности, в исканиях свободы и земли, в их высших духовных напряжениях, в страданиях и пафосе партизанщины, т.-е. в том состоянии, когда русский крестьянин со всей невиданной силой показал, что он не только собственник но и трудовой, угнетенный человек, что поэтому он может итти рука об

руку с Пеклевановым, Никитиными, с матросами, с рабочими и с Интернационалом, несмотря на свой земляной национализм и земляную веру.

Шли, боролись, умирали, побеждали, верили!

— Заметь, хорошие парни были!..

IV. «Есть у него своя блоха на уме».

«Сказал Каллистрат Ефимыч:

«— Любовь надо к люду. Без любви не проживут.

«— Не надо любви,—отрывисто, точно кидая камни, отозвался Никитин...

«— Вот к тебе спрашивают, приходют, жалуются... ты что им отвечаешь?

«— Знаю, что ответить.

«— Всем? Без любви?

«— Без...

«— Крепкий ты парень, чудно таких-то видеть! Не видал таких-то, не водилось.

«— Есть» («Цветные ветра»).

У большевика Никитина, начальника партизан, все—в одной точке: бей, только. Пришло такое время—нужно бить. И он бьет, без оглядки. Подобно Каллистрату он тоже «скучает». По человеку, а не по вере скучает. По будущему, выпрямленному человеку. Он знает: «мужик—тесто». Нужно его сковать железными обручами дисциплины. И он сковывает, твердо, без послаблений. Он понимает также, что мужик поднялся, хочет бить, убивать. Это—стихия: перечить ей бесполезно и вредно и он дает волю этой стихии: бей! Он расстреливает сына Каллистрата, Дмитрия, невинного, за вину брата Семена, зная, что он неповинен: «Звери все, зверям—крови!» Он не сопротивляется, когда мужики двигаются на киргиз и истребляют их: «я даю кровь».

Великая любовь рождает великую ненависть. У Никитина ненависть поглотила, заглушила любовь. Во имя дальнего, бей ближнего. Он не считается с индивидуальной виной, он знает вину только классов. «Кто-то убил, кого-то надо убить. Убьем!» Никакой справедливости, никаких категорических императивов, все подчинено целесообразности, а она сейчас дает только одну заповедь: убивай!

Ненависть, холодная, сжатая, расчетливая, умная. Через никитинскую ненависть и заповедь: убивай,—напоминают о себе миллионы убитых, искалеченных на войне, во время революции, умученных в тюрьмах, на каторге. В наше российское тесто—это как квашня. Без таких рассыпались бы партизанские отряды, проигрывались бы восстания, сражения, невозможны бы были красный террор, раскрытие заговоров, Красная армия, война с Антантой, штурм Сиваша и Перекопа. Вздыбить трудовую Русь, поднять ее, сосредоточить все помыслы в одном высшем напряжении, иметь силу и сме-

лость дать простор звериному в человеке, где это необходимо, и где необходимо сковать сталью и железом—все это невозможно без Никитиных.

Изверг, красных дел мастер, садист, сухая гильотина?

Есть такой разговор между Каллистратом и Никитиным: «Достал из кармана (Никитин. *А. В.*) черный камешек. Всплыла неподвижная *ухмылка*.

«— Пласт горы—нашел. Уголь каменный. Слышал?

«— Баят, жгут. Горюч камень, выходит. Куды его, здесь лес вольный, жги. Угар, бают, с камня-то...

«Дробя камень пальцами,—*смытым, ласковым* голосом говорил Никитин: «— Руды—хребты. Угля—горы. Понимаешь, старик? Заводов-то! Я сейчас мастерскую. Город возьмем...» (стр. 180).

«Я даю кровь»,—а где-то глубже запрятаны и ласковость, и «ухмылка» Ибо кровь льется во имя будущего, земли и ее господина—человека. Вот что дает право Никитиным быть гильотиной и кровавым орудием времени. И гильотина—и подвижник со скрытым пламенем внутри.

Мужики-партизаны его уважают, подчиняются ему, но не понимают и смотрят на него с опаской, но чувствуют, что он их не выдаст, что он понял их нутряной, звериный лозунг: бей, и что без него—их погибель...

Председатель подпольного ревкома в городе, Пеклеванов—интеллигент со впалой грудью и в очках. Профессиональный революционер. Весь в деле, в работе, в подготовке восстания. Городской с головы до ног. Суховат. У мужика Знобова, явившемуся к нему от партизан на явку, сначала недоверие и туча сомнений: и начальник-то он, должно, плохой, и еда-то у него «птичья». Однако общий язык находится быстро через водку, разговоры о колбасе, о восстании и т. д. И кончает Знобов тем, что весело обзывает Пеклеванова: «предыдущий ты человек». Пеклеванов тоже восстанщик, из него тоже «хлещет радость» и потому так нетрудно устанавливается контакт у него с мужиками. (Кстати: совсем нет ничего об эс-эрах у Иванова: а они, ведь, трубят до сих пор, что во главе партизан были они, эс-эры).

В романе, еще далеко не законченном, «Голубые пески», дан большевик, комиссар Васька Запус, одна из самых удачных и ярких фигур у Всев. Иванова. Хороший комиссар, чудесный. Удалый, беззаботный, беспечный, веселый, смешливый, немного озорной, юный, бабник, задорный, здоровый; какая-то легкость и уверенность в себе и в деле—и дело спорится, делается с шуточками и прибауточками, с коленцем, походя, просто, само собой. Человек, которому везет и в восстании, и в любви. «Серебро—как зубы, зубы—молодость», поет про него киргиз песню. Кругом он, как в кольце, в тупой, зверски и животно злобной обывательщине, подготовляется контр-революционное восстание,—а он хоть бы что. Посмеивается, бренчит сабелькой. У него все хорошо, все с ним.

«— Здесь, старик,—говорит Кириллу Михеичу,—Монголия. Наша! Туда—Китай—пятьсот миллионов. Ничего не боятся. На смерть наплевать. Для детей—жизнь ценят. Пятьсот миллионов... Дядя, а Туркестан—а, о! Все—наше! Красная Азия! Ветер... Спать хочу! Хоро-о-ошо, дьяволы, ей-богу»..

Так и видишь его с серебряной саблей, с девичьей розовой губой, с шапочкой, из-под которой торчит хохолок. Сам повольник и с ним повольница, когда не было Красной армии и приходилось защищать революцию на-скоро, на-спех сколачивать отряды и драться.

И у Никитина, и у Пеклеванова, и у Васьки Запуса среди партизан есть свои особые проводники их идей, через которых они закреплялись и овладевали мужицкой массой. Плотники: Кубдя, Беспалых, Горбулин и др. У всех у них своя, особая блоха на уме.

«— Робите?—полунасмешливо спрашивает их Селезнев.

«— Робим.

«— Так... Али дома места нету? Земля высохла?

«Беспалых стукнул себя кулаком в грудь.

—« Потому мы — странники... Разжевал, Антон Семеныч?» (стр. 44).

Странники. Странствовал Каллистрат, Ерьма пытался, рыбак Вершинин странствовал по морям. Кубдя, Беспалых и Горбулин — странники особые. Кубдя об'ясняет Селезневу по поводу своих странствований:

«— Сам знаешь, с каких доходов на работу идешь... Потому, тоска!. Был, я скажу тебе, в германску войну, в Польше был, в Германии был... Посмотрели—во-от народ!.. Живут, скажу тебе, робют. Чисто, сухо, кругом машины... Недовольны мы, понял?.. Желаем жить—чтобы в одно со всеми, а не у свиньи хвост лизать»...

Вершинин, Селезнев рвутся к земле. Плотник же Беспалых убежден, что бог ее дал в наказанье: «трудитесь, мол, мать вашу так»...

Такими «странниками»-помощниками у Никитина являются серб Микеш, австриец Шлоссер. У Пеклеванова — Васька Окорок, веселый человек (у В. Иванова почти все веселые), матрос, который «весь плескался, как море у лодки, рубаха, широчайшие штаны, гибкие рукава». У Васьки Запуса—корабельная повольница. Все они, так называемые, стихийные социалисты, они недовольны, странствуют и взыскуют, чтобы всем в одно жить и с машинами. Упорно, шаг за шагом, в постоянном общении и жизненном обиходе вдалбливают они в тугие мужицкие головы свой стихийный социализм. И через них мужики по своему смутно ощущают трудящихся иных стран и их поддержку. И хотя «корявый мужиченко» и шепчет Вершинину:«—А интернасынал-то? Я ведь знаю—там ничего нету. За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем—пашня»... но все-таки мужики чувствуют себя уверенней и знают смутно, что им кто-то издалека сочувствует и помогает: «—потому за нас Питер.. наци... нал!.. и все чужие земли»...

Особняком нужно упомянуть китайца Син-Бин-У.

В русской литературе это пока единственная фигура, как и шаман Апо. Этого молчаливого, почти неговорящего человека, далекого и загадочного В. Иванов сумел приблизить и сделать понятным, близким и своим. Син-Бин-У люто возненавидел японцев с тех пор, как они разрушили его очаг, убили жену. Тогда он ушел к русским и пошел с ними по дороге Красного Зна-

мени, уверовав, что хороша только русская Красная Сов. Республика. Рассказ о гибели китайца на рельсах, исключителен по своей свежести, простоте и трагичности. На читателя дышит тысячелетняя далекая Азия, страна, где люди привыкли умирать непонятно нам, мудро, просто и обыденно. Собственно положили китайца и заставили его умереть мужики,—огромная, невесомая сила коллектива, тысяча глаз, более принудительная, чем приказы, угрозы, увещания, личные побуждения.

«— Син-Бин-У был один. Плоская изумрудо-глазая, как у кобры, голова пощипала шпалы, оторвалась от них и, качаясь, поднялась над рельсами... Оглянулась.

«Подняли кусты молчаливые мужицкие головы *со ждущими голодными глазами.*

«Син-Бин-У опять лег.

«И еще потянулась изумрудо-глазая кобра—вверх и еще *несколько сот голов* зашевелили кустами и *взглянули на него.*

«Китаец лег опять...» (курсив всюду *А. В.*).

Так приказал умереть китайцу коллектив—и он умер.

Как хорошо, что нашелся уже талант, который дал Син-Бин-У и его смерть! Это нужно.

Китайские отряды, охраняющие Кремль и усмиряющие рабочих и крестьян...

Ах, мерзавцы!..

V. «Стекаем... гной из раны»...

Мужики-партизаны, «странники» и недовольные Кубди, революционеры большевики лучше всего удаются Всев. Иванову. Происходит это, видимо, оттого, что этих людей любит писатель, они ему близки, через них он говорит свое «осанна» жизни. Их ощущаешь почти физически, видишь и обоняешь. Своеобразный добродушный юмор писателя, легкий и веселый, еще больше приближает их и роднит с читателем.

Художественно слабей у Иванова выходит другой лагерь, против которого ведут борьбу партизаны. Начальник бронепоезда Незеласов, например, воспринимается туже, а местами образ расплывается. То же с прапорщиком Обабом. Видно, что душа писателя к ним не лежит: Иванов тяготеет исключительно к людям здоровым и морально крепким. И принадлежит он к таким художникам, для которых стоять в стороне и со стороны зарисовывать хуже. Ему со стороны не видней, он—суб'ективист и непременно вкладывает в изображаемые лица свое, интимное, в очень большей дозе.

Мы не хотим сказать, однако, что Незеласов и Обаб плохи.

Кроме того, они—правдоподобны.

Незеласов говорит о себе и белых:

«—Что ж?.. Стекаем: гной из раны... на окраины... Мы.. Все...—и беженцы, и утонувшие в снегу правительства... Родина нас... вышвырнула..

Думали все нужны, очень нужны, до зарезу нужны, а вдруг расчет получайте... И не расчет даже, а в шею, в шею! В шею»...

В другом месте:

«— Сталь не лечат, переливать надо... Это ту... движется если... работает... А если заржавела... Я всю жизнь, на всю жизнь убежден был в чем-то, а... ошибка оказывается»...

Никакой веры у Незеласова нет. Он уже знает, что дело проиграно. Бронепоезд его мотается без толку, без толку стреляет, бессмысленно убивает, Незеласов не знает даже, от имени какого правительства он действует.

Обаб с виду крепче.—Не моя обязанность... думать,—бормочет он. Он знает одно: приказано. Но в сущности в нем все подорвано. Только он укрывается от «проклятых вопросов» жратвой, исполнительностью, нежеланием размышлять. Однако, когда Незелесов начинает рассказывать ему о доме, семье, Обаб бесится и теряет равновесие, впадает в истерику, так что Незеласов не без основания говорит ему:—я думал... камень, про вас-то. А тут... леденец... в жару распустился...

Известно, что белые не понимали революции. *Но они также не понимали и друг друга.* Незеласов и Обаб говорят о разном, как люди с разных планет. Нет у них ничего общего, об'единяющего. Даже в смертельном деле они бесконечно далеки и враждебны друг другу. Как русская эмиграция сейчас, они орут друг на друга, ссорятся, обзывают взаимно последними словами. Тут духовная опустошенность и гниение выступают с особой, кричащей отчетливостью. Когда люди, по виду, по форме, призванные творить одно дело, перестают понимать и уважать друг друга, значит—строят они вавилонскую башню. Это последнее—хуже всего.

Одна из последних вещей В. Иванова, роман «Голубые пески» далеко еще не закончен, напечатана из трех частей только первая. Роман несколько растянут, следовало бы сжать. В первой части дана сибирская провинция в революцию—город Павлодар. Помимо прекрасно удавшегося комиссара Васьки Запуса тут есть несколько колоритных персонажей: подрядчик Кирилл Михенч, архитектор Шмуро, протоиерей Смирнов, семья Саженовых. Передана животная тупость, страх и непонимание переживаемого. Октябрь уже прошел, корабельная повольница, комиссар Васька Запус, а Кирилл Михеич высчитывает будущие барыши, намерен строить новые церкви, рассуждает о торговых перспективах, о кирпичах и т. п. И для него, и для Саженовых, и для прочей сибирской окуровщины революция — разбой; ждут варфоломеевских ночей, поголовного истребления и т. д. Жена К. М., Фиоза—другая. От побоев в семье, от тупой, жвачной жизни она делается странницей, убегает к Запусу в степь и там записывается в его отряд. С живым интересом читаются страницы, где корабельная вольница и совет взимает контрибуцию с купцов, сильно переданы: захват белыми красного парохода, зверская расправа над вольницей со стороны казаков и обывателей.

В. Иванов этим романом впервые выступает в качестве бытописателя города. До сих пор у него действия развивались в степях, в горах, в лесах.

Начало—удачное. Провинциальная Сибирь, Сибирь подрядчиков, протопопов, церквей и поднявшейся революционной голытьбы даны в истинно художественных зарисовках. И надо всем по обыкновению радостный и добродушный голос писателя. И легкая усмешка.

IV. В заключение.

Утверждают, что Всев. Иванов—бытовик. Конечно, он пишет о том, что было недавно. Но очень ошибется, кто примет за чистый быт то, что дано писателем в его повестях и рассказах. Прежде всего у него очень большая широта художественного обобщения, чего нет обычно в подлинных бытовых произведениях. Последние ограничены в смысле обобщения; в них, правда, схватывается типичное, но оно всегда очень ограничено временем, обстановкой, всегда протокольно, фактично, фотографично. Фигуры же В. Иванова не просто выхвачены из гущи жизни, а подверглись довольно основательной обобщающей творческой обработке. Каллистрат Ефимыч вобрал в себя сотни и тысячи Каллистратов, у которых искание «веры» и т. д. тоже были в наличности, но в разжиженном, разбавленном виде. Каллистрат Ефимыч такой же тип, как Иван Ермолаевич, т.-е. он создавался тем же, в основном, художественным путем. В Син-Бин-У раскрыта душа китайского красного партизана, а не просто зафиксирован случайно подвернувшийся под руку любопытный индивид, взятый в об'ектив художником. То же с Кубдей, Селезневым, шаманом Апо и другими персонажами В. Иванова.

Далее, автор несомненно «вложил», выражаясь в терминах Маха и Авенариуса, свои собственные настроения в своих персонажей. Он отыскал, усилил, подчеркнул то, что нашел в себе. Большинство его «героев» странствуют, ищут, испытывают духовный голод; Кубдя, Беспалых, Каллистрат Ефимыч, Селезнев, Вершинин, Никитин, Ерьма, Син-Бин-У, Олимпиада,—они странники, одержимые, влекомые куда-то; их беспокоит своя блоха на уме. Просмотрите бегло автобиографию В. Иванова и вы убедитесь, откуда это идет—от самого автора, который странствовал и «шлялся» с 14 лет. Тут невольно напрашивается аналогия с Горьким, оказавшем большое духовное влияние на молодого писателя. У того тоже—странники, искатели; тоже насквозь сочинены они им, выдуманы и отражают в первую голову духовный облик самого Алексея Максимыча.

Наконец, как уже отмечалось выше, вещи Иванова неизменно освещены одним ровным светом: радостью жизни, ее самоценностью, лаской ее. Словом, Иванов несомненно суб'ективен.

Он—лукавый писатель, т.-е. настоящий. Легко можно поддаться одному обману: его герои слишком по бытовому ведут себя и слишком от быта их язык: бяда, понимашь, колды, хрестьянин, немаканый и т. д. А тут еще прибавляется масса областных наречий, своеобразная обстановка, экзотическая, Майн-Ридовская: Сопки, Монголия, степи, белки и т. д. Все это, однако,

только средства, чтобы читатель поверил, что все так было, как написано. Было то оно было, но не совсем, повидимому, так.

То же и с событиями. Был, конечно, бронепоезд, были партизаны и брали его, но, конечно, все это было по иному.

Искусство есть то, что лучше жизни и больше похоже на правду, чем сама жизнь—этому правилу Иванов свято следует, потому что он настоящий талантливый художник «божьей милостью».

Мы не хотим этим сказать, что вещи В. Иванова лишены бытового значения: их бытовая ценность несомненна; мы только хотим отметить, что бытовой материал переработан писателем в соответствии с художественными требованиями.

Еще несколько слов о быте. Из тех литературных кругов, которые создают «Утренники», нередко слышится, что наш быт контр-революционный. Творчество В. Иванова живое тому опровержение. А В. Иванов—не одинок.

Печатью уже отмечалось, что В. Иванов—писатель рисовальщик. Это верно и у него прежде всего цвета, затем запахи. Слабее—слух. Бой мужиков с бронепоездом описан так, что не слышно ни грохота, ни пулеметной, ни ружейной стрельбы. За то сколько эпитетов зрительного и обонятельного порядков! Внешне подходит беллетрист к своим персонажам. Дается представление о фигуре, затем диалоги и действия, поступки. Почти никакого психо-анализа, полный антипсихологизм. Внешность героев дается в такой манере, что, если бы художник-живописец решил бы последовать за автором и дать в рисунках коллекцию ивановских персонажей, получились бы рисунки футуристического характера, вроде тех, что дает Влад. Маяковский в своих талантливых плакатах. Для примера: «голый Незеласов—костляв, похож на смятую жестянку из-под консервов—углы и серая гладкая кожа». Учитель Кобелев-Миклашевский: «у него все было плоское, и лицо, и грудь, и рваные брюки на выпуск, и голос у него был ровный»... Или: «шел похожий на новое стальное перо, чистенький учитель». (Между прочим—интеллигенты у В. Иванова почти все плоские.) Описания наружности партизан даны выше. Всюду одна манера: резкие мазки, выпячивание двух-трех черт, резкое заострение и преувеличение—плакатная манера наших дней.

Антипсихологизм В. Иванова несомненно является в существе своем здоровой реакцией против ковыряки в душе, Пшибышевщины и Андреевщины, заполнивших русскую литературу кануна революции. Кроме того, это вполне соответствует изображению звериных, здоровых духовно и физически людей, данных писателем. Протокольно, просто, прозаически описывает автор самые драматические события, без лишних слов.

Вот картина пробы бомб в мастерской и расстрел.

«Слесарь тонкий, с девичьим розовым лицом, весело улыбаясь, подал бомбу. Царапнул железо капсюль. Кругло метнулась рука и круглые взметнулись слова:

«— Раз-два-три!

«Молчит крапива. Несет из-за бани порохом, землей, Никитин схвати другую бомбу, кинул. Подождали. Уже не порох пахнет; земля густая, п осеннему распухшая.

«Никитин кинул третью бомбу. Ничего.

«Шумно, как стадо коров от волка, колыхнулись и дохнули мужики.

«— Ы-ы-х... ты-ы!..

«Никитин, вытянув руку, взял винтовку. Резко, немного присвистывая зубах, сказал:

«— Становись!

«Слесарь с девичьими, пухлыми губами мелко закрестился. Подошел к сутункам банной стены. Никитин приподнял фуражку с бровей, приложилс и выстрелил» («Цветные ветра», стр. 71).

По добрым старым временам, сколько бы тут было нагнетено психол гии, а тут все внешне, буднично, почти фотографично. По мужицкому. Так ж как у мужика, который докладывал Вершинину: «—всех убили? Усех, Никита Егорыч. Пятеро—царствие небесное!..»—В чем тут дело? В грубости и ту пости восприятия? Нет, описание само говорит за себя. *Все дело в том, что писатель не чувствует потребности пугать зря читателя и себя: и так страшно.* Андреевский прием был бы для него фальшив, ложен, вреден.

Диалог у В. Иванова временами своеобразный. Собеседник часто отвечает не на вопрос, а какому-то своему внутреннему состоянию, словно ведет при помощи другого разговор с собой. Прием этот, заставляя подставлять соответствующие переживания и «вкладывать» их в изображаемое лицо, приводит читателя нередко к тому, что он спотыкается и вынужден разгадывать «загадки». Нужно очень осторожно им пользоваться, что не всегда соблюдает автор.

Немного злоупотребляет автор простонародными словами: колды, усех, здеся и т. д. Едва ли это нужно в таком количестве, как у автора. Много излишних грубостей-излишеств натурализма. Тут следовало бы быть более разборчивым. Впрочем, особенно это не претит: слишком глубоко опускает читателя писатель в гущу мужицкой жизни.

В. Иванов—сюжетен, если так позволительно выразиться. В его вещах есть занимательность фабулы. Отчасти он напоминает Джека Лондона. Приходилось слышать в связи с этим упреки в анекдотичности. Неизвестно, что собственно точно при этом имеется в виду. Анекдотичен бой партизан с бронепоездом, смерть Син-Бин-У, похищение киргизами православных икон, бой «батырей»? Такие «анекдоты» останутся в литературе.

Недостатком следует считать некоторую растянутость. Есть она и в «Партизанах» и в «Бронепоезде» и в «Голубых песках». Рассказы у Иванова в этом отношении строже и выдержанней. В таких вещах как «Дитё», «Полая арапия»—нет ничего лишнего.

К остранению сюжета В. Иванов прибегает меньше, чем другие серапионовы братья,—чаще в последних вещах, чем в первых. Пуская в ход такое вуалирование, нужно, однако, иметь в виду того массового читателя из

низов, который является единственно стоющим, ибо за ним будущее. Сдается, что, например, описание смерти капитана Незеласова выиграло бы в глазах этого читателя, если бы была дана более ясно, четко и просто.

Порой у автора чувствуется спешка, незаконченность, некоторая неряшливость, свежая талантливая неотесанность и неприглаженность. Вывозит обычно одаренность. А все-таки... следовало внимательней, тщательней и строже относится к печатаемым вещам. И надо—учиться, учиться, учиться, обогащать себя всеми приобретениями науки, искусства и культуры, да простит нас за такую дидактику товарищ Иванов!..

Сила и прелесть таланта В. Иванова с особой полнотой звучит в его желтые цыплята, похожие на кусочки масла, выкатились из-под навеса»... сравнениях. Они свежи, сочны, метки и сильны. Берем наудачу: «маленькие «Дни-то какие—насквозь душу просвечивают»... «Емолин опалил постройку взглядом»... «Звенели дрожью, отсвечивая на солнце, большие, похожие на играющих рыб, топоры. Бледножелтые, смолисто-пахнущие щепы летали в воздухе, как птицы»... «Мужики молчали так, словно вели большой и важный разговор»... «с плеском и грохотом скачет вода, вскидываясь, белыми блестящими лапами кверху»... «—Назад!—оглушительно заорал Селезнев. И, как цыплята под наседку, пригибаясь, мужики побежали в тайгу»... «как племя злобных рыб, пойманных в сети, оилась в камнях вода»... «Горели медленно розовые, нежные и тягучие, как мед, дни»... «Отвечал Апо: мысли мои засохли как степь летом... сердце у меня бьется как священный бубен»... «Закрыл прозрачные веки шаман и за ними глаз просвечивает, как огонь в золе»... «Не отвечает Каллистрат Ефимыч. А глаз, глубоко как сом в водах, незаметен».. «Глаз у кошки золотой и легкий, как пыль»... «Осанка у всех партизан стала слегка сгорбленная» (это понятно особенно, нам, подпольным революционерам. *А. В.*)... «Лыс как курган, хитер и слово бережет, словно клады—земля»... «С морды по шерсти текла вода и глаза у скота были тоже как огромные темные капли»... «Звери у меня на душе бегают»... «Бог для ночи нужен. С ним дневать не приходится... Здоровый черт, и есть у него своя блоха на уме»... «Беспалых, словно охмелев от боли, начал заплетаться языком»... «Как лемех в черной земле, блестели у него зубы»... «Заходили проворные, как блохи, глазенки»... «Партизаны, как стадо кабанов от лесного пожара, кинув логовище, в смятении и злобе рвались в горы»... «За озером в высокое, бледное небо с белыми клыками упирались белки»... И наконец: «всех земель усталые пальцы опускаются, а спустятся в море и засыпают. Усталые путники всех земель—дни»...

Усталые путники всех земель—дни! На жизнь это запоминается.

Щедрой рукой, легко, без натуги берет свои чудесные сравнения писатель, собирая их по горам, полям, степям, среди мужиков, народа крепкого и меткого. Можно, конечно, выудить в вещах В. Иванова несколько неудачных сравнений, промахов, но если к этому сводить все дело—значит, либо нужно быть тупым, либо иметь задние мысли. Рассказы и повести В. Иванова

прямо перегружены сравнениями; видно, как через край льются они у автора, иногда даже тесно среди них, все кругом заставлено, как цветами в цветнике.

Тридцать лет тому назад в русскую литературу вошел А. М. Горький (Пешков). Он был первым буревестником русской революции. Он вышел тоже из низовой, взыскующей града Руси. Он внес в литературу романтику первых дней революции, свежесть поднимающихся низов, их духовную жажду и неудовлетворенность. В. Иванов идет от Горького, он его продолжатель. Его вещи написаны под сильным влиянием Горького. Он так же «шлялся» по Руси, измерил ее, также рассказывает о странниках и скитальцах. Но время другое. «Странники» и скитальцы толкли и ворота отверзлись. Волей истории на Руси они уже выступают не только в качестве ищущих бунтарей, а и строителей, созидателей новой жизни. Всеволодом Ивановым эти строители свидетельствуют воочию, что не даром рабочие, мужики-партизаны, красноармейцы—кровью поливали землю и целовали ее последними смертельными поцелуями.

Без помещиков.

С. Ингулов.

«Продналог сдают с музыкой». Это—газетный заголовок. Пускай он вызовет усталую ироническую улыбку у «Руля», но он верен. Сырой туман притушил пыль на широкой дороге.

Длинный яркий поезд изогнулся. Голова хвосту не видна. Сотни подвод. И на всех плакаты. Красные и зеленые. И надписи: «Долой разруху», «Поднимем хозяйство», «Натурналог рабочему—мужику плут». А впереди красный флаг и оркестр.

Вот д. Чижевичи, Слуцкого у., собралась вся, свыше сотни подвод, на первую подводу—председателя сельсовета усадили и через деревни и села—к уездному Исполкому. Вот 90% сразу сдала. Положенные на аккуратность 10% сама себе отсчитала.

Что это. Больной зуб, который лучше выдернуть сразу.

А одесская деревня не хочет без музыки. Требует из города духовой оркестр: не под гармошку же продналог отвозить.

Был такой период и в городе. Митинг—обязательно с концертом. Доклад в клубе рабочих полиграфического производства, пустяковый, об охране труда или о выборах в ЕПО, и в заключение—сольные номера и симфонический оркестр. Рота красноармейцев отправляется в баню—под музыку.

А в это время деревня, мрачная и подозрительная, сурово стиснула зубы, со злобой смотрела на город и ждала. Молчаливая, готовая к самозащите, готовая к нападению.

И та же одесская деревня. Летом 1919 г. внешкольный отдел наробраза послал музыкальную труппу в деревню для пропаганды Чайковского и Римского-Корсакова. В труппе было 22 артиста. Возвратилось в город три. Остальные были расстреляны и зарезаны. Артисты не были посланы за хлебом. Но они пришли из города—и они были убиты.

А сейчас головорезы из этой неистовой деревни не могут сдать продналог без музыки и без советского плаката. Через три года только, после кровопролитных битв с Юденичем и Петлюрой, с Колчаком и Булак-Балаховичем, с Дутовым и басмачами, волна революционного под'ема схлынула с города в деревню. Она залила калужскую деревню, донецкую станицу, волынское село, кубанский казачий хутор, азербейджанский аул. Ведь, это—он.

азербейджанский аул, задолго до срока сдал не одну, а полторы нормы продналога.

Город будничен. Он сосредоточенно производит ценности, празднует редко. Деревня празднична,— в страду жатвы, и при сдаче натурналога.

Под'ем в деревне увидела и Е. Д. Кускова. Она о нем говорила с трибуны, писала в парижских «Посл. Новостях». Она узрела в деревне новонарождающегося кулака, и строит новые расчеты на «третью революцию». В порыве самоуничижения она восклицает: «Нет, революция гораздо больше перевернула душу крестьянина, чем душу русского интеллигента. Крестьянин уже схватился за единственное орудие, могущее его сейчас спасти,—широкое самоуправление волости и выдавливание из нее нежелательных элементов». «Нежелательные элементы»—коммунисты. Кускова называет это движение «революционным» и свидетельствующим о проснувшемся сознании народа.

И мы говорим о проснувшемся разуме деревни, только не эксплоататорской ее части, а нуждающейся и нищенствующей, противопоставляющей свое пробужденное сознание и инстинкт самосохранения осторожному, но настойчивому наступлению зажиточного хозяина. И мы утверждаем о происходящем в деревне «выдавливании нежелательных элементов», только нежелательные элементы мы разно с г-жой Кусковой понимаем.

По всей стране происходят перевыборы советов перед всероссийским С'ездом. Эти-то перевыборы и свидетельствуют о «выдавливании» тех, которые раньше не пускали в совет коммунистов. «В сельсоветы проходит больше коммунистов, чем в прошлом году: это—почти общее явление»,—сообщают «Известия ВЦИК».

Сельский коммунист, это—демобилизованный красноармеец. Он пришел в деревню пропахший дымом гражданской войны. В армии он узнал не только своих противников на фронте, но и своих врагов у себя в деревне. Поэтому он сейчас волисполкомщик, носитель революционной культуры, организующее начало в деревне. Деревня его давно ждала. Хозяйство ждало работника. Семья—сына, отца, мужа. Сельское общество—приобщенного к городской революции человека. Жизнь требовала своего.

Коммунисты, коммунисты,
Пора бросить воевать:
Много девок засиделых,—
Пора замуж отдавать...

Распевали девушки частушки [1]).

И как только кончилась война, начали жадно жить,—запоем. И школы, и свадьбы, и электричество, и выпивки, и широкие конференции, и артели, и субботники, и церкви. «Кончилась война—отблагодарим, господа». «Кончилась война—возьмемся-ка за дело». И верующие, и безбожники, и знахарка, и продагент, и поп, и делегатка женотдела—с одинаковой алчностью припали к сосцам жизни. И пьют.

---

[1]) Мих. Бахметьев, Записки о дерев. глуши. „Воронежск. Коммуна“ № 859.

Деревня ожила политически. Возродившийся сельский буржуа вызвал повышение активности у бедноты. Она стремится отстоять советы, органы своей защиты и борьбы от кулачья. И держится крепко. Перешла в наступление—даже. Перевыборы по 52 волостям Барнаульского уезда доказывают это с полной очевидностью. В прошлом году в исполкомах этих волостей было всего 35% коммунистов, сейчас—61%. В прошлом году в волисполкомах было бедняков—54%, середняков—46%, в этом году—бедняков 67%, середняков—33%[1]).

Голод хозяйственно ослабил деревню и совсем разорил ее беднейшую часть. Бедняк обезлошадел, обезинвентарил. Экономически его начал подавлять, почувствовавший силу, крепкий мужик. И не только экономически, но и политически. Для того, чтобы легче провести кабальную сделку и забрать в лапы разорившегося на голоде соседа, кулак лезет в совет.

Обнищавшему бедняку нечего делать в деревне, если зажиточный хозяин не берет его в батраки, и он уходит в город на заработки. А в городе фабрика не испытывает нужды в неквалифицированной рабочей силе. Деревня его выбросила, город—не принял. Казалось бы, где уж тут сопротивляться наступлению деревенского буржуа. И, действительно, кое-где он успел проникнуть в совет, по преимуществу в голодной губернии. Но ненадолго.

Кончился голод—новый порыв жизни. Гонят сельского кулака из исполкома и совета. Вырос интерес к «самоуправлению волости», конечно, не тому, которое воодушевляет Кускову и Милюкова новыми надеждами «собрать расплеснутые силы контр-революционной «русской общественности», а к самоуправлению через советы и под руководством коммунистов.

Волна общественно-политической жизни поднялась среди крестьянства. Она всюду: и в недавней резиденции антоновщины, и там, где властвовал Махно, и в деревне Сибири, где красного партизана сменил было атаман бандитской шайки.

Никогда деревня так много и так часто не собиралась, не с'езжалась и не заседала, как сейчас. Выборы в советы, в кооперативы, в комитеты взаимопомощи, в различные комиссии содействия. С'езды сельсоветов, кооперативов, широкие крестьянские конференции, с'езды молодежи. И никогда собрания и с'езды не были так многочисленны и оживленны.

За последние годы революции черниговское село не испытывало такого оживления, как сейчас. Ослабевший хозяйственный хребет селянства начинает крепнуть, выпрямляться. И в результате появились у крестьянства новые, деловые настроения и новые требования.

К примеру—недавние районные беспартийные конференции, которые охватили значительную часть селянства. Еще этой весной конференции проходили вяло, без под'ема. Крестьянство было истощено тяжелой зимой. По селам и городам черниговщины потянулись бесконечные вереницы голодных беженцев. Всю эту массу надо было кормить.

---

[1]) „Изв. ВЦИК“ № 220 от 30/IX 1922 г.

Пришла осень. Урожай сняли в общем недурной, голод ушел в прошлс продналог оказался не таким тяжелым, и в итоге крестьянство ожило, это оживление перенесло на свои широкие конференции[1]).

На конференциях говорят обо всем, что болит. Государство не може содержать всех больниц, всех школ, всех клубов и библиотек. Разлезлись размыты дождями дороги. Где закончены, а где не проделаны вовсе земл устроительные работы и еще идут споры о земле между деревней деревней, между двором и двором. Пришел арендатор. Появился наемны сельскохозяйственный труд. Учитель в школе контр-революционные ахин разводит,—ему не заплачено жалованье за полгода. Голод оставил много бес-хозяйственных семейств. Сирот надо куда-нибудь пристроить. Самогон зал вает всю волость. Помещение совета пять лет без ремонта стоит,—прот кать начинает. Агропропаганду строить надо, а агрономы саботируют— конференции не приезжают,—их доклады из-за этого отменяются.

К агропропаганде исключительный интерес. Голод поднял его. Брошюра Раковского «Кукуруза», в сельской библиотеке теперь уже не одна самая растрепанная и зачитанная. Сейчас и Грацианов популярен, и Осинский, и Гуров, и Шефлер, и Борисов из «Бедноты».

Но книги и брошюры «Новой Деревни» недостаточны. Сельские сходы и волостные с'езды требуют лекций по агрономии, сельскохозяйственных курсов, чтобы вся волость знала, как бороться за лучший урожай. Кое-что усвоено уже. Выносятся резолюции о ранней вспашке, о затребовании и закупке племенного скота, об организации с.-х. коллективов и хозяйственной помощи им.

Коллективы от голодного бедствия меньше пострадали, чем индивидуальные хозяйства. Скотину отходили. Это—главное. Семена государство дало. В этом году уродило—и уже продналог сдали весь. В Царицынской губ. коммуна «Мир и тишина» первая свезла весь налог [2]). Единственная коммуна и губернии развалилась, это — «Вечный мир» знаменитого иеромонаха Илиодора. «Коммуна» эта об'единяла монахов илиодоровского монастыря. Своим трудом святые коммунары должны были содержать всяких кликуш, фанатиков и фанатичек,—последователей и последовательниц Илиодора. Внутренний порядок в коммуне был не блестящ,—об этом свидетельствует постановление общего собрания членов коммуны после бегства иеромонаха Илиодора.

«Ввиду вражды, кражи, непослушания, недоверия и нерадения к работе коммуна «Вечный Мир» является непродуктивной. Членам коммуны не было ясно значение слово коммуна, и связь держалась на религиозной почве, а о поднятии как своего, так и народного хозяйства не было и речи. Стремление к расхищению—явление общее» [3]).

---

[1]) „Коммунист" (Харьков) № 207 от 10/IX—1922 г.
[2]) „Борьба" (Царицын) № 797 от 9/IX—1922 г.
[3]) „Борьба" (Царицын) № 792 от 3/IX—1922 г.

Коммуна перестала быть жупелом. Крестьянин раньше смотрел на нее со снисходительным любопытством, а сейчас с доброжелательным сочувствием. Коммуна и коммунисты сейчас вошли в быт и в психологию нашей деревни. Не то, что «самоуправление», никакой кронштадтщиной не вытравить их из жизни и сознания русского крестьянства. И если м-м Кусковой мнится, что коммунисты только «пленка», которую, якобы, деревня уже начинает прорывать, то она уподобляется тому репортеру из кавказской газеты, который в порыве поэтического увлечения, описывая вершину Ильхи-Дага, снежный покров толщиной в два аршина, деликатно назвал нежной девственной плевой.

Деревня переменилась или сельский коммунист не тот. И то, и другое. Революция, а еще больше контр-революция не мало пошельмовала русскую деревню. Она все перепробовала, а лучше и роднее коммуниста все же не нашла. И коммунист другой стал—деловитый, не митингер,—государственник. Раньше коммунист приходил только за хлебом, с реквизицией, с мобилизацией, за лошадьми. Исполкомщик из матросов жил широко, ездил на помещичьей тройке, сам был чужой. Он отпугивал не только середняка-крестьянина, но и самого подлинного голяка.

Сейчас исполкомщик—бывший политрук, тоже требователен, но он хочет, чтобы была больница, чтобы работала мельница, чтобы не бездействовала изба-читальня. Он свой, местный. И не крикун, не клешник. И в частушках он уже тоже совсем иной:

У нашего комиссара
Рубаха зеленая,
У нашего комиссара
Хата заваленная.

— -

У миленка комиссара
Рубаха зеленая,
Две недели с ним едим,
Едим не соленое.

—

Комиссар, комиссар,
Как тебе не стыдно?
Скрозь твой галифе
Все на свете видно... [1])

Этот голоштанник пользуется общим уважением. У него авторитет, выдержка, его действия, его образ жизни заставляет призадумываться и относиться к нему с почтительной осторожностью.

Коммуниста любить
Вовсе не годитца:
Он не может пойтить
В церкву поженитца [2]).

[1]) Мих. Бахметьев, „Воронежск. Коммуна“ № 207 от 14/IX—1922 г.
[2]) Мих. Бахметьев, „Воронежск. Коммуна“ № 207 от 14/IX—1922 г.

Конечно, «комиссар» еще не везде остепенился, сжился, вырос. Даже много их прежних. Но он уже не прежняя гроза, его не избирают, а выбрали, его действия критикуют, о нем в газету пишут. Крестьянин привык к газете. И не только грамотный:

«Встречал я стариков 60—70-летних, в этом году грамоте обучавшихся.

«— Что вас заставило?—спрашиваю.

«— Сынок грамотный, и меня научил. Хочу знать, что там про все пишут» [1]).

А научился грамоте—и читает газету, и пишет в нее. Их мало стало сейчас, газет. Но те, что есть и приходят в деревню,—те делаются своими, из них узнаешь и о своих нуждах, им рассказываешь о своих болях.

На хуторе Адринищи, Слободо-Пырашевской волости, Игуменского уезда был поставлен спектакль в пользу голодающих. На этот спектакль явились и председатель волисполкома и два члена. Для них была отведена особая квартира, где они свободно распивали самогонку. Напившись вдоволь, они прибыли в здание театра и начали себя доказывать. Особенно хорош был тов. Пармен, растрепанный, пьяный. При виде его люди чуть не падали в обморок. Начальство расхаживало по зале, мешало танцовать. Под конец вечера, при *пении Интернационала, пьяницы ревели такими дикими голосами,* что сбивали других. Публика осталась недовольна своими волостными начальниками. Да и не место таким в исполкоме [2]).

Или другое вот письмо:

В Покровском волисполкоме, Юрьевского уезда, Ив.-Вознесенской губ. красуется целая божница: здесь мы увидим икону в память 17 октября 1887 г., три лика Николая Угодника, лик Александра Невского и, наконец, Марии Магдалины. Вот сколько святых. Не исполком, а целая часовня. Не по декрету это, граждане исполкомщики. Пора убрать образа-то. Чай, ведь, не старое право [3]).

И еще:

Председатель Иньковской волостной ячейки содействия Р.-Кр. Инспекции гражданин дер. Рокот, Михаил Романович Булохов, занимается выгонкой и спекуляцией самогонкой. В день праздника Булохов часов с 12 дня расставил аппарат и начал гнать самогонку. Собралось много молодежи и каждый хотел выпить, да самогонки не хватило. Булохов не знал кому прежде отпускать. В толпе поднялись споры и крик. Решено было соблюсти и здесь известный порядок, построились в очередь и ожидали [4]).

И на-ряду с Парменом и Булоховым—Зайшлый.

Зайшлый—«голова» (председатель) волисполкома Поповской волости, Миргородского уезда, Полтавской губ.,—того самого Миргородского уезда, в котором Гоголь нашел Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну Товстогубов и поссорившихся от безделья друзей Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Зайшлый—слесарь. Его увлекла идея электрификации. Но он решил не ждать, когда по государственному плану электрификации дойдет очередь до миргородского села.

---

[1]) „Коммунист" (Харьков) № 199 от 1 сент. 1922 г. „По Подолии"

[2]) „Белорусск. Деревня" № 14 (97).

[3]) „Рабочий Край" (Ив.-Вознес.) № 257 от 13/IX 1922 г.

[4]) „Раб. Путь" (Смол.) № 113.

И в его селе в хатах сверкают электрические лампочки. Хлеб молотит электричество. Сначала селяне относились недоверчиво к затеям «головы». Электрическую станцию, уложенную в какой-то ящик, они называли «собачником». Электрическая линия отведена на 7 верст:

— Щоб оцей мотузек та молотив божий хлиб. Та ником в свите цього не було, тай не буде... [1]).

Но ток пущен, молотилка заработала. Сноп за снопом глотает она. Жители поражены. Сейчас уже привыкли. Школа для взрослых, изба-читальня работают и вечером при свете электричества.

Председатель волисполкома, который чинит мосты сам вместе с сельскими жителями, который сам ладит рамы окон для школы, который сам занятия с неграмотными, — теперь уже не редкость. О нем теперь уже меньше пишут. Он уже не исключение. Исключение скорее тот, прежний, Булохов. Поэтому о нем и пишут больше.

И сама деревня преобразилась. Это верно—она по-прежнему хлещет самогон, по-прежнему по праздникам кулачные бои устраивает, и в них даже принимают участие председатели волисполкомов (Бобровский уезд, Воронежской губ.), по-прежнему самосуд над конокрадом—высшее торжество народного гнева, по-прежнему сельский сход не только сход, но и приход, который меняет попов с плохими голосами на более молодых с лучшими. Но верно и то, что приход не всюду сохранился, как церковное «самоуправление»,—кое-где он уже давно чувствует себя больше светским,—с еще больше советским—парламентом.

> Граждане села Станькова, собравшись на общем сходе, обсуждали вопрос о священнике Дикареве. Рассмотрев дело всесторонне,—постановили: священника Дикарева удалить из Станьковской церкви, ибо он является вредным элементом как для крестьян, так и для Советской власти. В своих действиях он постоянно идет против народа. Следуют подписи [2]).

Особенно молодежь. Если в Смоленской губ. она в день праздника выстроилась в очередь за самогоном, то белорусское село празднует иначе. Деревенский праздник «Фест». Обычно с'езжаются в этот день в местечко много богомольцев. Среди них немало молодежи. Сейчас празднование носит несколько иной характер:

> И вместо божественных песнопений и молитв, которыми только что в церкви угощали святые отцы,—митинг открывается торжественным пением пролетарского гимна. Митинг проходит живо и интересно. Даже резолюцию вынесли по приговору над эсэрами, нашли, что трибунал был слишком снисходителен [3]).

Эта же деревенская молодежь,—подросшие за время революции юноши, которые имеют уже весьма смутное представление о том, что такое помещик, и девушки, которые дождались, наконец, что «коммунисты бросили воевать и что их можно замуж выдавать»,—имеет и свои праздники и научились

[1]) „Коммунист" (Харьков) № 201 от 3/IX 1922 г.

[2]) „Белорусск. Деревня" № 51 от 2/IX—1922 г.

[3]) „Юный Пахарь" (Минск) № 3 от 9/IX—1922 г.

их праздновать по-своему. Со всей волости стекалась в волостное село кр(стьянская молодежь. Растянулось шествие. Революционные песни. Знамен Портреты Либкнехта. Речи, митинги. Это в международный день рабочей мс лодежи. И резолюция,—конечно:

> В забытой глуши пробудившаяся молодежь Пуковской волости собралась н международный юношеский праздник. Вспоминая всю пролитую кровь и стр дания за дело революции, мы заявляем: „войны не хотим, революционных завоев ний не отдадим. Для защиты этих завоеваний мы требуем создания единог фронта борьбы рабочей молодежи всех стран против наступающего капитал Настаиваем на созыве мирового конгресса молодежи. Да здравствует Интерн ционал Молодежи" [1]).

Эта крестьянская молодежь сумеет постоять за себя, сумеет повести з собой и стариков. Ведь, ей удалось увлечь за собой отцов и дедов в демонстра цию. И не даром старики говорили,—«хоть бы каждую неделю такой празд ник».

Деревня празднична. Голодный год жестоко ударил по ней. И там, где он сломал всю хозяйственную и культурную жизнь, сейчас все же начинают сращиваться ткани. И не о семенах только забота, но и о клубе и о школе. Сибирская деревня празднует «конец войны» так, как этого требует частушка:

> Село Глядень, Красноярск. у., охвачено какой-то эпидемией свадеб. Женятся молодые, женятся старики. При чем каждая свадьба сопровождается недельными кутежами, во время которых пьют самогонку мужики, пьют бабы, пьют девки, напаивают даже 5 – 7-летних детей. Даже на бедной свадьбе выпивается два-три ведра самогонки, которая выгоняется в Глядене же [2]).

Впрочем, это не отрывает баб и девок от политической жизни. Гляденские, хотя самогоном и заливают свои свадебные пиры, но и их нащупала шарящая во всех углах уезда агитационная брошюра женотдела. Это ничего, что самогонка пьется ведрами,—бабы и в кружке содействия сельскому хозяйству, и в кружке охраны материнства и детства, и в ячейке содействия Рабкрину. Это—из кружка охраны бабьего здоровья вышла Дюкова, мужичка, председатель волисполкома Барышевской волости, Новониколаевского уезда. Это из собрания делегаток женотдела вышла 60-летняя Бармашева, член волисполкома села Заселье, Николаевского уезда, твердая коммунистка,—за эту твердость погибшая от руки украинского куркуля.

Не та сейчас деревенская баба. Коровник, мазаная изба—по-прежнему, главное, но не единственное—в ее жизни. Она легче порывает уже со своим хозяйством, она пошла в сельскохозяйственную коммуну, сама организует артели.

Артели сейчас не только земледельческие,—разрабатывают торф, сушат болота. Голод выбил тысячи семейств из их хозяйств. Они собираются

[1]) „Белорусск. Деревня" № 54 от 13/IX—1922 г.

[2]) „Советск. Сибирь" (Н.-Николаевск) № 206 от 8/IX—1922 г.

в артели—кустарные, мелиоративные. В мелиоративные всюду тяга большая. Артель была образована в Устьпаденгской волости, Архангельской губ. Собиралась болото на Ваге осушить, но обнаружила в нем известково-меловые залежи. Поставила обжигательную печь. Совсем другое получилось производство[1]).

Селю Липовку в Царицынском уезде заносили пески сыпучие. Наваливались на пахотную землю, мяли, погребали посевы. Там, где пески были, засадили деревья. Это с десяток лет назад было. Вырос лес. Пески осели. А когда пришла во время войны и революции нужда в топливе и строительном лесе, липовцы вырубать стали деревья. Старожилы забили тревогу. Написали статейку в «Борьбе». Прекратили порубку леса, снова пески укреплять стали липовцы, новые деревья засаживают.

Состоялся в Харькове с'езд комнезамов (комбедов). О земельном вопросе говорили, о текущем моменте, о голоде и еще о радиофикации Украйны. Сами незаможные селяне—все те же миргородские,—вопрос подняли. В Америке каждая барынька в детской коляске, когда ребенка с няней на прогулку отправляет, радиоприемник ставит. А мы, чтобы на волость приемника не поставили. Выносили постановление: нужные суммы со всего сельского населения собрать и Украйну радиофицировать. Чтоб знать, что на свете делается. Газета, кто его знает, дойдет или не дойдет, а радио дело вернее.

Старая газетная хроника деревни то же рассказывала о постановлениях и ходатайствах. Но другие это были постановления: ярмарку открыть, обновившуюся икону в церковь перенести, храмовой праздник установить, бабке повитухе избу поправить обществом.

Выросла русская деревня за пять лет революции. Вернувшийся в деревню красноармеец в потребиловке театр построил, сам пьесы сочиняет и ставит. Старый волисполком из города пианино привез: лектор из уезда приедет, учительница концерт устроит.

Такая она с виду, как и при царе была. И шапки крыш, кажется,еще больше на бок сползли. Правда, за последний год и новые белокурые крыши появились и новые срубы деревянных домов против старого неба ощетинились. Но прежняя она, русская деревня, по внешней видимости. А нутро то все новое. И слова новые. Гонит клячу свою мужик:

— И-йех, саботажница...

И уверенность в себе появилась. Все возможно—от нас зависит. В волость на почту по грязи болтаться, что толку. Подавай почтово-телеграфное отделение сюда, в село, на хутор. И жадность: все подавай. И газету, и агронома, и радио, и электромолотилку, и клуб...

Сколько всего клубов в России. Может быть, десять тысяч, может быть сто тысяч... Никто не считал. Некогда было во время войны этим заниматься. Они сами вырастали то в доме богача, то в складе кооператива, то в кабаке. Н. К. Крупская подсчитала, что в одной Ярославской губ.

[1]) „Трудовой Север" (Арханг.) № 206 от 8/IX 1922 г.

театров больше, чем во всей Франции. В Одесской губ. еще в начале 1922 было 3.144 политико-просветительных учреждений: клубов, библиотек, изб-читален, пунктов ликвидации неграмотности и проч. Одесская губ. имее всего пять уездов. Пермская губ. имеет одних только изб-читален 2.000.

Это все содержалось за счет государства. Это все работало плохо, с перебоями. Но агитпункт, на железной дороге, не пропускал красноармейца, не наделив его газетой и листовкой. Но Нардом сумел доказать крестьянин какая ему грозит опасность в случае поражения революции, и он тянул из себя хлеб для фронта. Четыре года изба-читальня держала, пусть не всегда умело и не всегда полно,—деревню, в курсе всех политических событий. Может ли нынешний мужик, научившийся читать и политиканствовать, от избы-читальни отказаться?

Деревня стала грамотнее, развитее. На каждую тысячу жителей негрмотных приходилось: в Германии—20, в Англии—80, во Франции—150, России—310 неграмотных.

Государство перестроило, после окончания гражданской битвы, свою хозяйственную систему. Оно не может содержать все то количество школ, клубов и библиотек, которое покрыло советскую землю в период первых лет революции. Но сельский житель уже не может отказаться от своего театра. Он об'единит его с клубом, он и библиотеку перенесет в клуб, он не станет разбрасываться, но клуб он будет содержать за свой счет.

Деревня всем миром стала горой за школу. Сначала было туго. Нет у деревни денег. Налоги пошли больше, на нужды народного хозяйства. Но на выручку школы деревня пошла грудью. Сельские общества заключают договоры с отделами народного образования: обязуемся содержать столько-то школ первой ступени, библиотеку, столько-то пунктов ликвидации неграмотности... Не может уже наш мужик без грамоты. Потому что чтения вслух, хотя и устраиваются в избе-читальне по-прежнему,—все же понятнее, когда самому прочитать про себя.

И не то что без школы грамотности обойтись не может, уже и без «второй ступени» трудно. Села свои «гимназии» создают. Не все же городу.

Вон в Усть-Медведицкой станице, Царицынской губ., «Дом Науки» создали. Ну, за каким, по совести, бесом он нужен усть-медведицким казакам. Никакой там, правду сказать, науки нет, но ценностей научных там собрано много [1]). Что толку в них станичнику? А вот поди ж ты. Жадность одолела. До всего жадность—до всего, что дает знание, что связано со знанием.

Такая уж она, послереволюционная, беспомещичья русская деревня. Такое уж оно «пробудившееся сознание» русского мужика. Такая уж это у него тяга к «самоуправлению», уважаемая госпожа Кускова.

---

[1]) „Борьба“ (Царицын) № 800 от 17/IX—1922 г.

Критика и библиография

Ив. Шмелев. «Неупиваемая чаша». Изд. «Задруга», Москва 1922 г., стр. 87.

Дачники, да, они любят посмотреть старый дом, церковь за парком. И сторож все показывает с толкованием. Рассуждают дачники про стиль (больше не о чем):

— А может и рококо.

— А мне что... Может и она, — толкует сторож.

Но вот, «не показывает сторож могилы у северной стороны церкви. В сочной траве лежит обросший бархатной плесенью валун-камень, на котором едва разберешь высеченные знаки. Здесь лежит прах бывшего крепостного человека Ильи Шаронова. Имя его чуть проступает в уголку портрета. А может быть и не знает сторож: мало кто знает о нем в округе». А в нем то, в Шаронове, все и дело. Знал про него все дьячок Каплюга, потому-что хранил все записанное самим Шароновым в «итальянской тетради бумаги». Знал также Каплюга, что на картине, что на южной стене собора у Змея, которого поражает светлый рыцарь, голова как у человека, и говорят, что она «Жеребцова», т.-е. старого барина. Илья— единственный сын крепостного дворового человека, маляра Терешки, искусного в деле, и тягловой Луши Тихой. После смерти «Жеребца», старого барина, изломанного развратом, приехал молодой его наследник Сергей Дмитриевич. «Добрый был молодой барин, не любил сечь»...—Вот под властью такого барина, который «приказал гнать науку на всех дворовых», и проснулся необыкновенный художественный талант Ильи. Сначала он расписывает монастырскую церковь, вместе с живописными мастерами-владикальцами из села Холуя. Полюбил там его главный в артели, старик Арефий, который первый собственно и пробуждает в Илье сознание того, что он талантлив. Арефий зажигает, возбуждает к творчеству. Потом барин везет его в Италию и определяет его в Рим к живописному мастеру Терминелли. Работал у него Илья три года. Потом он возвращается на родину к барину. И здесь происходит у него молчаливый, но полный глубоких переживаний роман с женою барина. Она-то и родила в его душе образ богоматери без младенца с золотой чашей в руках. Неупиваемой чашей. «Умер Илья теплою весенней ночью», оставив «неупиваемую чашу монастырю».

Повесть эта, как говорит пометка в конце его, относится к 1918 году. Может быть, потому она не вполне выдержана в чисто Шмелевских тонах. Несколько пестрая. И, может быть, именно от этой пестроты кажется растянутой больше, чем требовала бы того сама фабула. Читаешь эту повесть и не чувствуешь опорной точки, на основе которой она должна вращаться. Едва-едва охватит читающего та задушевность, которая присуща перу Шмелева, как автор заканчивает главу и переходит к следующей главе, чуть ли не к новой теме, куда-то в сторону. Хорошо, разумеется, что «Задруга» издала эту повесть, а то бы суждено было ей вращаться в эмигрантских кругах — сначала она была издана в Париже, т.-е. в кругах тех «жеребцов» и «бар», которые то «гнали науку на всех дворовых», то развращали их своей неестественной от пресыщения похотью—пока, наконец, в 1917 году эти бывшие «дворовые» не выгнали их с русского двора.

А. А.

Сергей Григорьев. «Черемуха». Повесть.

Изд-во «Поморье», Москва 1922 г., стр. 73.

Есть такие деревья черемухи, которые цветут ближе к осени. Есть и люди, не ко времени, поздновато зацветают. «Летом черемуху об'едали черви до тла, а к августу, когда черемуховые ягоды кругом в садах давно поклеваны скворцами, старая черемуха в закоулке, где княжил неряшливый запах людей, одевалась веселой, легкой листвой, распускала кисточки и зацветала». Так в сердце, до тла об'еденном временем, поклеванном заботами, к самой осени жизни вдруг зацветает юное чувство того особенного, что немногодумные люди называют любовью, скептики— страстью, а Сергей Григорьев—просто черемухой.

Таков старик Флегонт Маркелыч. Нижегородский Мефистофель нижегородского Фауста—студента Миши. Он оказался несчастнее Гетевского Фауста. Тот хоть в согрешении своем испил, вкусил красоту Маргариты. Миша же, подаривший букет осенней черемухи Леночке, растеряя все ее симпатии, отлетевшие к старику, как цвет черемухи, гонимый ветром. Старик Флегонт Маркелыч, постукивающий палочкой, шагая в гору в ночную пору, одержимый адской тоской—«Сподоби, Господи, согрешить» — повлек за собою Мишу в ярмарочно-трактирный ад и сжег его там и себя и виновно-невинную Шушанику. Нож большой, поварской нож, который хорошо резал телятину, порезал их троих. А Леночка, оставленная в стороне, вырвавшаяся, как петух, которого на корме хотел поваренок зарезать, исчезла в волжском сиянии, на пароходе, утонула в этом сиянии, как для Миши, так и для Флегонта Маркелыча. Петух, который вырвался из-под ножа повара и бросился в Волгу, тоже утонул в синих волнах, в белых пенах.

Таков круговорот замечательной по изяществу и по цельности поэмы «Черемуха», названной автором скромно— повестью.

К сожалению, не знаю, когда писана эта поэма, но спокойный стиль ее, отсутствие бьющей в глаза выдумки и ширококрылый русский язык, который несет и качает над Волгой видения, кажущиеся автору—доказывают большое эстетическое спокойствие, с каким писаны строки этой повести. В современной нам литературе, которая подчас искажает лица людей и души выворачивает наизнанку, такое явление довольно редкое. Поэтому «Черемуха» производит большое впечатление.

Кроме того, автор видимо хорошо ориентирован в русском языке и выбирает слова с большой тщательностью. Так, например, в приведенной выше цитате С. Григорьев говорит: «княжил неряшливый запах людей». Мало вдумчивый автор, наверное, сказал бы просто: «царил», да еще, пожалуй, добавил бы—«скверный запах». Черемуха же росла как раз там, где был только «н е р я ш л и в ы й» запах людей. А «неряшливый» и может только княжить, а не царить. Или еще: воздух «з а о с т р и л с я» (это августовская ночь), «целомудренный дух черемухи», «заикнувшийся холодок ожидания» и т. д. Все это выдает серьезность, вдумчивость автора. Такое отношение к слову дало С. Григорьеву большое преимущество для того, чтобы с первых же слов его книги читатель попал в «заостренный» воздух и «целомудренный дух черемухи» и чтобы слово от слова, дальше и дальше в душе читающего нарастал «заикнувшийся холодок ожидания». И тяжелый кровавый конец обагряет синий блеск Волги, так искусно нарисованный автором. Черемуха старая, кряжистая загубила целомудренный цвет свой, загубила свой белый цвет. Не потому ли загубила, что земля, где росла эта черемуха, была «загажена людьми»?

А. А.

—

Пьер Бенуа. Атлантида. Роман. К-во С. Ефрон. Берлин. Стр. 328. Перевод И. де-Шевильи.

Загадочное содержимое заглавия книги сбивает читателя с толку: какая Атлантида? та самая? та ли, о которой догадываются с хронической утомитель-

ностью то тот, то другой из ученых таких несхожих специальностей—ботаник, геолог, этнограф? Та ли? вдруг это не та, и перед нами просто использование звонкой загадки догадливым писакой,—загадки не менее зверской, чем Великая Теорема Фермата? Читателю нечего волноваться—почти что та.

Но приходится вспомнить, что эти вот венцицы, которые живут лишь в сознании современника, требуют чрезвычайно тонкого и щепетильного отношения к своему наполнению. У них есть прошлое, есть солидная и зарекомендованная фирма, они наконец — сущности особо тонкого и навек застывшего содержания. Если вам говорят, что пирамиды Хуфу суть напечатления «священного тернера» или что их пропорции геминируют орбиты светил, вы можете так или иначе связываться с такими представлениями, игнорировать их, но они не разрушат в вас ваших нежностей к пирамидам: в конце концов, этим чудачествам одна цена;—они знак почтения, окраска же таких знаков отличается пристрастиями изобретателей, вот и все. Но если вам расскажет конан-дойлистый автор длинную историю, из которой с явностью телефонного номера выяснится, что вы, мой современник, отделены от пирамиды не больше, как недостатком воображения, которое с великой легкостью может перенести ваш способ любить женщин в любое окружение, которое—это так просто—может быть кстати наполнено до отказа продажной любезностью любого гранд-отеля,—вы разочаровываетесь. Вам припоминается кино с его фальшивыми нежностями плохо ознакомившихся с обстановкой примадонны и жен-премье, вы припоминаете, что из всех действующих лиц «драмы» с таким-то метражем, вам понравился больше всего ветер, качавший пальмовые ветки над героем, который с опаской оглядывался на невидимого режиссера, и с весьма прозаичным аппетитом впивал губами в шейку своей партнерши, которую явно видел в первый раз.

Французский «экзотический» роман пишется по хорошо установленному рецепту, это своевременно подмечено еще

Монассаном, который проше
го явления с снисходител
Ренуаровского вивера, хоро
мленного о фактическом по
щей и не собирающегося ег
дабы не печалиться без ну
нуа, конечно, читал не одного
то-есть, лучше сказать: не о
Фаррера и их приятелей. О
всей энергией специалиста в
роман последнего «Аэша» и
вили очевидный след на «
В «экзотическую» обстановку
ся современнейшее романи
ключение, чем более современ
героя (ясно, что герой европее
загадочной, по замечательно
тем лучше—потому, что тем
Хаггард увел читателя в пуст
стынь, Бенуа не может жить
на и его праправнучка Атла
«Ви Паризьен». Хаггардова п
сто выписанная совсем не так
поражает именно этой отреше
культуры—и если б автор был
точку более поднаторевшим в
месле и сумел бы похитрее св
интригу, то он поднимался бы
очень хороших образцов. Чел
гарда идет сражаться с миром,
шите гулкий шум его шагов и
коряемой земли. Мосье Бенуа
по маршрутам Компании Кука
жает себя предающегося изн
нравов «под небом Африки м
цитату жалко!). «Сама» Д. Л
сало с сахаром,—и тот тщил
в своем герое, приказчике на
Соломоновых островах, возмо
роном этой акульей души. Есл
мнить Киплинговских солдат и
ских чиновников, умирающи
крепчайших кошмарах, — вы
да ведь современник может и
казать кортеса современности,
его, он помнит о гибели капита
у Южного полюса—и что нам
концов за дело до этих дивана
щек Бенуа, в которых тонет
кафешантанного заграничника
него хоть семь пядей во лбу!

Любопытно и следующее: у Г
в «Навыворот» собраны все имя
рые мог вспомнить автор во вр

ты: этот сердечный адрес-календарь привязанностей былого «натуралиста» (а ля Золя) и будущего «католика», а в эпоху «Навыворот» — просто существенного диспепсика, утомительно рекламировал близкое знакомство с различными циклопедиями, коллекционерского типа и не говорил ни уму ни сердцу,—на чистоту-то, просто повторял скучный средневековый способ обнаруживать свою ученость. Бенуа читал и Гюисманса, и книга пестрит ссылками на сочинения по Атлантиде и Африке, их много (специалист, наверно, с огорчением констатирует, что пропущено одно капитальное сочинение и три статейки эпохи Лютера)—удивляешься, зачем эта беда автору? а все для хорошего тона.

Но что такое, в конце концов, Гюисманс и Хаггард? В них ли дело! Есть на родине мосье Бенуа еще один хороший писатель, мало знакомый моей необразованной на такие вещи стране. Не пугайтесь, это не Гюго и не Мюссе, не Франсуа Коппе и даже не Ренэ Базэн,—это всего на-всего Поль Дерулэд—шарманка, воспевавшая подвиги бедных пуалю и скверные манеры пруссаков. Отметьте в предыдущей фразе именно шарманку, с пуалю и пруссаками мы довольно знакомы и по Беранже (хотя он их фактически и не касался) и по Мопассану и по Флоберу. Дерулэдовщина — оборотная сторона французской опрятности и гюгонзма: и ее п[illegible]ечаешь, как родную в героических к[illegible]тане Моранже и лейтенанте де Сент-[illegible] парадирующих в «Атлантиде». О, н[illegible]яснимое благородство Моранжа, отка[illegible]егося вкусить ласк красивейшей [illegible]щины мира! О, безумнейшая страсть [illegible]енанта, убившего для этой женщины [illegible], и не забывшего ее на протяжении [illegible]ких лет и бросившегося снова к [illegible] чтобы мумифицироваться в тронном [illegible] пурпурного мрамора (заимствованного тоже совершенно нечаянно из Хаггарда) под 60 или 85 номерами (обратите внимание: что за точность! из какой коридорной системы похищена эта номерация возлюбленных?). О, загадочнейший из французских лейтенантов—ты, который носил в себе мрачную тайну исчезновения друга, и который любезно изложил ее нам ровно за час до совершенно неожиданного прибытия вестника от роскошнейшей из любовниц! Ты, на которого прытал ручной барс, и который отразил этого крохотного зверька ударом кулака! Ты не пожалевший для мангусты (бедный «Рикки-тикки» Киплинга, где пришлось нам с тобой встретиться!) заряда карабина в полной уверенности, что после карабинного выстрела в упор от бедной маленькой крыски что-то останется! Мы понимаем, что басносло́вным, влажным от страсти глазам, расцветающим под счастливым солнцем Роны, нужен идеал любовника,—о, Пьер Бенуа! о, лучший из детских писателей для взрослых, как вкусно,—и как безыскусно!—ты его приготовил!

А все ж, несмотря на все это, у салонного Бенуа есть свои и хорошие достоинства. Нелегко ведь писать (не то, что нам придираться и хихикать) простую и понятную вещь после Боделера, Метерлинка и прочих ученых мужей, самоотверженно державших не один год свои «театры ужасов» и ловко эксплоатировавшие любопытство праздношатателя к отвратительному. Его пейзаж хорош, чист и тонок, его таинственные дворцы оставляют читателя под впечатлением истой фантастики (а все-таки как вспомнишь какие дворцы у Андерсена!..) — в его путешественниках есть, как никак, та суровая грусть и обширная страсть, которая заставляла часами стоять над океаном, завернувшись в бурнус—настоящего героя: Артюра Римбо. Его вставные рассказики (истории эпизодических персонажей, прием Шехеразады), правда, прикрывают бедную выдумку в существе интриги, но занимательны и чисто выписаны (эпизод с Наполеоном III). Вся история его, весь роман, в конце концов—сводятся к тонко воспринятому ощущению: фантазмов любовного чувства и тонко раскрывающегося всепонимания в этом чувстве.

Пока еще автор во многом неопытен просто. Ему для эффектной сцены, для дюжины красных словец, которые ему жалко выбросить, хотя это сущая труха с точки зрения всей вещи, ничего не стоит заставить людей, бегущих от смерти, вести длиннейший разговор на десяти страницах; тех же беглецов он остана-

влипает в пути, чтобы ввести в дело эпизод с мангустой. Вводные истории иногда прелестны, но никакого отношения к делу не имеют: пока это — упражнения для будущих романов.

Все это могло бы быть и получше, но спасибо уж и за «интересный роман» — от книги не оторвешься.

Сергей Бобров.

Н. Степной. Семья. Роман в трех частях под редакцией и с предисловием Евг. Лукашевича. Самара. Государственное Издательство, 1922 г., стр. 152.

На Всероссийском конкурсе Лито роман Степного «Семья» получил первую премию. В предисловии своем Евгений Лукашевич пишет, что Степной писатель пролетарский: «первый еще в 1919 году подошел вплотную к современности. Взял жизнь в том разрезе, который нам ближе всего, который нам больнее всего—взял семью и самое интимное, самое сокровенное, скрашивающее все беды, придающее смысл всему нашему существованию,—призвание человека взял, творчество проснувшейся личности, коллектива в искусстве и литературе. Взял семью новую и литературу новую, писателя нового, только что вырвавшегося из низов к творчеству,—жадного, торопящегося жить, но еще неопределившегося, бескрылого. В романе этом обнажен и поставлен ребром вопрос: «быть или не быть семье».

Действительно, Степной взял наболевший вопрос—«Семью»—в условиях нашей современности, в период военного коммунизма и развертывает картину за картиной домашнего семейного ужаса, в котором гибнет творческое, живое, в лице писателя Евгения. Он живет общественной жизнью, занимается литературой, читает лекции по рабочим клубам, проповедует нову[illegible] семью, общность детей, где говорит:

— Мое и тв[illegible] ны б[illegible]ь уничтожены, дети должны быть [illegible]щими. Я признаю только коммунальную семью. Дети должны принадлежать обществу. Слова: мой муж, моя жена, мой ребенок—нечестны, мелкобуржуазны. Пока старая семья существует, нет коммуны.

А Надя, жена, отвечает ему:

— Дурак ты! Ты должен жить, как все живут. Вот, смотри: сосед про свои папиросы, купил масла, полу паек, а сам не курит. Он еще са получил по твердым ценам, а ты можешь, жеманничаешь.

Утверждая в жизни общества «Дом тери и ребенка», литератор и комму Евгений горячо доказывает, что есл «Доме матери и ребенка» умерло на тр пятьдесят — двести ребят, то почему наш ребенок должен остаться? За щать, так всех, для всех заботитьс не для одного своего. Умирать, так в

А Надя мещанка, Надя обывател ца, Надя индивидуалистка, дороже в на свете ставящая своего ребенка, ступленно кричит:

— Молчи! Уходи от меня и произв свои эксперименты, свои опыты над раками, а я больше дурой не хочу б Что за мерзость! Вошь, грязь, нечи плотность, неряшество. Уходи! К ч ни прикоснешься, все портится, мне ломается. Чистенькая клееночка была, а грох фуражку на стол, который соби микробов по улицам. Тебе потому большевиками нравится жить, что самое обыкновенное животное. Я пер человека вижу, как ты, никакого поня о красоте.

У самой Нади все понятия о крас сводятся к своим горшкам, к своим леночкам, к хлебу, молоку, дровам, ленькому домашнему уюту, ради к рого она и грызет ежедневно Евгения, тератора-коммуниста, отрывает его общественной работы на общую поль отравляет жизнь истерическими вык ками, упреками, руганью, семейным з измом.

В минуту раздумья Евгений ставит прос:

— У меня не остается ни минуты с бодной. Это смерть. Почти год слав революционной жизни я отдал сем Нет, надо уйти. Долой семью, она от ла так [illegible]ого.

Но и тут опять кричит Надя на него:

— Ты просто или озорник, или де нерат. Ты где одеяло развесил? Оно х тает до грязной твоей шинели.

У Евгения не было родных, для не не было предела и он в сто первый р убеждает жену-мещанку:

— Ты зовешь остановиться и обзавестись отдельной своей хибаркой. Мне это не с руки, для меня весь земной шар—хибарка. И если у меня нет своей хибарки, мне принадлежащей, то весь свет для меня приют—и мое твое мне непонятно: все общее, вся земля, весь свет, все есть дело моих рук и рук таких же, как я, творцов жизни — рабочих. Я и мои товарищи, если еще не создали коллективом такую жизнь, то создадим. Я не пойду один, баста.

Евгений храбрым оказывается только на словах, а в душе, в своих действиях похож на пораженного интеллигента. Ему хочется выйти из круга, в который заперла его семья со своими узко-эгоистическими интересами, но на это не хватает воли. Топчется, кружится, нервничает, кается перед собой, мечтает о широком будущем и не может двинуться с места.

Написан роман неровно. На-ряду с прекрасными картинами, полными трагизма и глубокой лирики, есть чрезмерные излишки, длинноты, повторения, так невыгодные в целом для общего впечатления. На художественной работе в романе лежат следы торопливости, непродуманности, вообще-то свойственной Степному. Он уже писатель немолодой, имеет несколько печатных трудов, и все они, обнаруживая в авторе талант бытописателя и горячий живой темперамент свободолюбивого жизнелюба, неприятно раздражают подчас неряшливостью языка, поверхностностью разработки тех мест, которые необходимо художественно углубить.

Автору необходимо обратить самое глубокое и серьезное внимание на свой язык, на художественный рисунок. Чувствуется, что он богат опытом, наблюдениями, случаями и картинами, схваченными им из настоящей жизни, но все это выливается не в меру, затопляет художника.

Издана книга хорошо. Самара вообще является одним из литературных центров Поволжья и обнаруживает несомненный вкус литературной техники. Недурно сделан художественный рисунок на обложке—работа Самарского художника М. Зыкова.

А. Неверов.

Ф. Дан. Два года скитаний ... 1921 г.г.). Берлин, 1922, стр. 267.

Книжка Дана хороша в том отн... что наглядно показывает, до как... тической обывательской пошлят... шли вожди современного рос... меньшевизма.

Дан «из прекрасного далека» п... ет о своих скитаниях в С... России. Тут и Москва, и «подвох... машко, и Екатеринбург, и трудо... мии, и польский фронт, и с'езд совето... и Петроград, и Петропавловская [illegible] и Дом Предварительного Заклю[illegible]ия, Ч. К., и Бутырки, при чем Ч. К. [illegible] почти две трети книжки. Расск[illegible] этом всем и многом другом с цел[illegible] зать: вот как бессовестно обра[illegible] большевики с хорошими, взаправ[illegible] ми социалистами.

Цель, однако, едва ли можно считать д... стигнутой. Относительно Ч. К. гораздо лу... ше выходит у эс-эров. Те рассказыва... с дрожью в голосе, с выкатыванием гла... с выкриками, стенаниями и проклятиям (их книжка: «Че-ка»). Начнут повеств... вать, например, о «комиссаре смерти» ил... еще о ком-нибудь,—вспомнишь и Рока... боля, и романы Дюма, и Шерлока Холм... са, и Пинкертона, и Луи Буссенара. Во... обще очень чувствительно и с интригой.

У Дана—ни чувствительности, ни ин... триги.

«Встретили мы новый год весело,—по... вествует Дан о своем вынужденном пре... бывании в Ч. К.— Сначала в коридо... рах одиночного корпуса был устрое... организованный домашними средствами литературно-музыкальный вечер. Пото... мы разделились по фракциям, и кажда... фракция встречала новый год особо; бы... ужин, удалось достать немного вина. ... часу ночи открылся общий «бал», про... должавшийся до самого утра» (237 стр.)

Так нельзя. Такие признания и описа... ния чего доброго могут, пожалуй, подве... сти только эс-эров, у которых В.Ч.К. раз... малевана хуже ада, что в старые време... лубочными издателями навязывался дол... готерпеливым простачкам, окуровцам ... купцам, жаждавшим покаяния.

Конечно в Ч. К. очень тяжело сидеть

говоря вообще. Здесь никакой Америки Дан не открыл. Тюрьма есть тюрьма. Нужно также помнить, что в Ч. К. сидели в 1919—1921 г.г. враги Советской власти, когда шла на фронтах ожесточеннейшая гражданская война, когда ни Антанта, ни белые генералы, ни эс-эры, ни меньшевики в сущности не стеснялись ничем в выборе средств борьбы с республикой советов. И если бы у Дана была хоть капля политической порядочности, то он вспомнил бы о меньшевистских и эс-эровских тюрьмах в Поволжье, Архангельске, Тифлисе и т. д., и на-ряду с ними, наверное, побледнели бы описываемые им порядки в Ч. К. В сущности «порядки» эти в отношении к Дану сводились, как это явствует из его книжки, к очень внимательному и предупредительному отношению: находились «доброжелатели», «старые знакомые» его «узнавали», за него «хлопотали», предупредительно возили на автомобилях президиума В. Ч. К. и т. д. Значительная часть повествования посвящена именно этому. Это—в моменты, когда в судорогах корчилась Советская Русь и изнемогала в борьбе. Ничего не возражаем против всех этих льгот и доброжелателей, но полагаем, что их было бы куда меньше, если бы «доброжелателям» из лагеря большевиков было бы известно, до какой политической обывательщины опустился вождь меньшевизма.

Книга о скитаниях—тому вернейшее свидетельство. Ничем она от обычных белогвардейских интеллигентских писаний не отличается: зачеркните только всюду фамилию Дана. Может быть, те даже лучше, занимательней, ярче, агитационней, сгущенней.

Дан четыре года пробыл в Сов. России. Побывал и на фронте, и на Урале, и в Питере, и в Москве, и в Ч. К.—какая скудость и узость наблюдений и материала! Какая обывательщина в восприятиях! Те же анекдоты и анекдотики, то же брюзжание и хныканье, то же непонимание и неспособность осмыслить окружающее, то же неумение деть себя и жалкое прозябание в величайшие годы величайшей революции. Все это читано и перечитано в белых газетах и книгах, слышано и переслышано в интеллигентских кружках.

В одном месте своей книжицы, Д осуждением пишет о саботаже и тажниках. Но перелистайте страни Дан сам занимался сплошным сабот и только им. «Работа» Дана в Моск Екатеринбурге, на фронте сводила ничегонеделанию в учреждениях и пользованию своего служебного пол ния в интересах меньшевистского П т.-е. к саботажу и к борьбе с Сов. влас Понятно, что такой гражданин ни кроме камня за пазухой, за рубеж Сов. России не вывез и не мог выв До каких жалких пустячков позво себе вождь меньшевизма опускаться, называет, между прочим, его расска восьмом с'езде советов, куда он был глашен президиумом В. Ц. И. К.

«На с'езде, — утверждает Дан, — было ни скрупула энтузиазма, и Ленина встречала аудитория «с яв холодком». И чтобы создать видим «овации», Ленин прибег к театраль трюку, на который, признаюсь, я не тал его способным. Он стоял за к сами, а на эстраду вышел как раз в момент, когда оркестр грянул «Инте ционал», и вся четырехтысячная т поднялась с места. И было неизве относится ли это вставание и после щие рукоплескания к гимну или к ли сти вождя...» (стр. 92). Признание за знание—признаться и мы не ожидал добной глупости от Дана: Ленин, ищу при помощи театральных трюков оваци да это прямо перл. Картинка! Вот лаборатория «для достоверных извест блаженной памяти Сухаревки.

Подобных «наблюдений» в книге не мало.

Побывал Дан на фронте и вывез отт миллион бежит, миллион сидит, милл ловит и водит—вот вши и Красная мия.

И не становится колом распутный я и не лопаются бесстыжие глаза, и не гровеет от стыда и позора лицо!

А между тем в об'ективе наблюде Дана должны были быть и были фа иного порядка, только осмыслить их ну не было дано. Повествуя о своем ключении в Петропавловской крепо Дан рассказывает, как он занимался

ложением стражи. По словам Дана, дело подвигалось довольно успешно вперед. «Только один, умный и развитой, рабочий по происхождению, твердо стоял за большевизм... Он мне рассказал, что жил в Крыму и был мобилизован Врангелем. Жилось гораздо лучше и сытней, чем в Советской России. Но «барское» отношение офицеров к рабочим и солдатам—вот чего он не мог переносить, и вот ради чего он готов все простить большевикам. Здесь нет «бар». Мне еще раз пришлось наблюдать очень резкое выражение этой—многими как-то недостаточно оцениваемой—черты революционной психологии народа.

«... Как-то один из эс-эров крикнул товарищам:—господа, идите к нам, будем петь.—Валявшийся на нарах красноармеец, только что добродушно беседовавший с кем-то из заключенных, вскочил как ужаленный, с покрасневшим лицом и сверкающими глазами и грубо крикнул: не сметь говорить «господа». Сердце мне режет это слово. Будете говорить «господа» всех запру по камерам» (стр. 141—142). Дану кажется, что кто-то недостаточно оценил эти черты революционной психологии народа. Недооценил.. Но ведь в этих чертах вся суть, весь смысл и все содержание октября! Недооценил прежде всего сам Дан, ибо в противном случае он понял бы всю пустопорожность своих рассуждений о буржуазном демократизме в отличие от советской, «партийной» диктатуры, коими пропитана вся [illegible]а. В глазах рабочих и красноармей[illegible] только октябрь с корнем вымел «бар», [illegible]ко октябрь дал ход подлинному «де[illegible]». Этого Дан не понимает. И потому [illegible]замкает: недооценили.

[illegible]н пользовался своими связями с [illegible]шевиками, пользовался своим слу[illegible]ым положением, чтобы устраивать [illegible]делывать дела меньшевистского Ц. К., [illegible]кидываясь легальной оппозицией. По сути же дела он был и есть такой же активный враг республики Советов, как любой эс-эр. Товарищем Радеком в «Правде» уже были отмечены замечательные и характерные рассуждения автора об оптимистах и пессимистах во дни Кронштадта. Из этих рассуждений с совершенной очевидностью явствует, что Дан стоял в сущности на точке зрения свержения Сов. власти, только момент считал неподходящим (см. стр. 110—113).

Вообще всем своим тоном и настроением книга Дана подтверждает, что Сов. власть не сделала никакой ошибки, предоставив автору возможность за рубежом присоединиться к хору контр-революционных клеветников.

А. Воронский.

П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм. Часть первая. Ранний русский социализм. Госуд. Изд. М. 1922. Стр. 504.

Капитальная работа П. Н. Сакулина прежде всего поражает грандиозностью своего замысла и тщательностью выполнения, столь противоречащими лихорадочному темпу революционной эпохи. Поистине можно позавидовать писателю, который в наше бурное время нашел и досуг и все необходимые предпосылки, чтоб издать труд, требующий, быть может, десятков лет предварительного кропотливого изучения материала и ряда годов для его обработки. Но при всем том возникают серьезные сомнения в осуществимости всего замысла силами одного, хотя бы и весьма талантливого, человека. В самом деле, огромный первый том посвящен лишь «раннему русскому социализму», и изложение доводится в нем только до конца 40-х годов. Но это в сущности лишь введение в русский социализм, который по настоящему начинается с Чернышевского. И если этой зачаточной стадии отводится целый том, то сколько же таких томов потребуется для русского социализма эпохи 60-х годов, затем для всех оттенков народничества до «Народной воли» включительно, наконец, для имеющей уже 40-летнюю историю эпохи русского марксизма и его борьбы с эпигонами народничества?

Эта грандиозность замысла, поскольку отразилась в первом томе работы П. Н. Сакулина, является следствием, главным образом, того, что содержание его книги неизмеримо шире ее заглавия. В самом деле, под «литературой» автор

в данном случае понимает не только художественную литературу и литературную критику, но и всю публицистику и общественные науки. А под рубрику «социализма» он относит всякое сочувствие обездоленным слоям русского народа и человечества, всякую критику политического и общественного строя, наконец, просто всякий вообще интерес к социальным проблемам и социальной философии, даже прямо враждебной социализму. При такой всеоб'емлющей ширине захвата книга П. Н. Сакулина скорее должна была бы называться не «Русская литература и социализм», а «История общественной мысли в России и ее отражение в русской художественной литературе».

Мы находим в ней и XVIII век с масонством и Радищевым, и декабристов, и Чаадаева, и экономиста Милютина, и Кирилло-Мефодиевское общество, и Тараса Шевченко, и все это излагается столь же обстоятельно, с тем же обилием самых точных цитат и библиографических справок, как и литература, вышедшая из кружков Герцена, Белинского и петрашевцев, т.-е. действительных предтеч русского социализма. Вместе с тем автор иногда слишком подробно излагает содержание разбираемых им произведений, при чем значительная часть этого содержания имеет лишь весьма косвенное отношение к социализму в собственном смысле слова. Таково, например, обстоятельное изложение,—даже, пожалуй, утомляющее своими длиннотами,—романа Пальма «Алексей Слободин» и ранних повестей Салтыкова «Противоречия» и «Запутанное дело», а также произведений Аполлона Григорьева.

Правда, особенно подробно и очевидно сознательно останавливается П. Н. Сакулин на мало известных или совершенно забытых произведениях русской литературы 30-х и 40-х годов, и в этом несомненно наиболее ценное достоинство книги. В смысле полноты, охватываемых ею литературных явлений, она представляет исключительный интерес, и в этом отношении ей суждено стать в будущем прямо необходимым справочником, настольной книгой для всякого, изучающего развитие общественной мысли в России первой половины XIX века. Поэт-энтузиаст Печерин, рано умерший талантливый профессор Милютин, В. Н. Майков, Анненков и Боткин, все сколько-нибудь проявившие себя в литературе петрашевцы,—для огромного большинства читателей все это будет иметь настоящую прелесть новизны, будет открытиями, особенно принимая во внимание, что работа П. Н. Сакулина имеет в своей основе или первоисточники или критическую проработку мало распространенных специальных исследований (как Гершензона, Семевского и других).

Большой интерес имеет последняя глава книги, трактующая об отношении к социализму и европейскому революционному движению враждебных ему писателей, к каковым П. Н. Сакулин причисляет Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, Тютчева, славянофилов, либералов, западников и др. В этой главе, как и в других, найдет кое-что новое не только рядовой читатель, но и специалист.

Зато этой полнотой фактического критически обработанного материала в сущности почти и ограничиваются достоинства книги Сакулина. От такой широко задуманной и серьезной работы мы вправе были ожидать большего, именно социологического анализа. Но именно его нет в книге и следа, и это очень характерно для большинства не марксистских ученых нашего времени.

П. Н. Сакулин обнаруживает огромную, прямо изумительную для историка русской литературы, начитанность в вопросах марксизма. В марксистской литературе как общей, так и русской, он чувствует себя как дома, и цитирует её с такой же точностью и библиографической полнотой, как и родную ему русскую литературу. Слова «научный социализм» он употребляет везде без обычных иронических кавычек и с видимым сочувствием. К авторитету обращается всегда, когда ему нужно оружие против всякого рода социального утопизма. И всем этом он представляет приятное исключение. Но дух учения Маркса, как в области социологических гипотез

обобщений, так и в области социально-революционной практики, столь далекой от мещанской трезвенности и осторожности премудрых пескарей, этот дух остался абсолютно чужд нашему автору, так же как и тем, кто о марксизме знает лишь по наслышке. Для него история русского социализма есть просто развитие определенной идеи. Почему русская, оппозиционная и революционная интеллигенция после декабристов, преследуя об'ективно задачи буржуазного освобождения России, выступила под флагом социализма, и как, под влиянием европейской классовой борьбы и последовательной смены слоев самой русской интеллигенции, вплоть до выступления русского пролетариата,—менялись и формы русского социализма,—эти вопросы не приходят даже в голову нашему автору. Для него русская интеллигенция, очевидно, бесклассовая категория, а эволюция русского социализма чисто логический процесс.

П. Н. Сакулин, конечно, не просто собирает в известном порядке литературный материал; он сам делает ряд гипотез, почти всегда остроумных и убедительных, но во всех случаях эти гипотезы касаются лишь установления того или иного историко-литературного факта. Социального анализа социологических гипотез и обобщений он явно избегает. И в этом несомненно сказывается, быть может, бессознательная реакция или оппозиция против смелости революционного марксизма в теории и практике. Это еще особенно подтверждается единственным исключением, когда автор пытается выйти за пределы простого констатирования фактов и провести какую-то общую идею. Идеей этой является связь социализма с религией. П. Н. Сакулин, сочувствующий социализму, как идеалу, хочет, повидимому, «дополнить» его религией. Вот почему он во введении так подробно останавливается на Ламенпэ, вот почему он в противопоставлении социализма и религии видит основной нерв русской литературы всех оттенков (в исследуемую им эпоху), вот почему, наконец, в числе «трех больших проблем», которые, по мнению П. Н. Сакулина, «ранний русский [...] ализм завещал следующему поко[...] (стр. 493), первой является — «[...]ализм и религия».

Мы с любопытством будем ждат[...] в последующих томах будет обоснов[...] тезис. До тех же пор мы остаем[...] старом мнении, что вся русская [...]ционная и социалистическая ин[...]генция, начиная с конца 50-х г[...] том числе все революционное па[...]чество, были совершенно чужды вопро[...]сам религии. Эти вопросы в форме «богоискательства» попали в пол[...] зре[...]ния революционной интеллигенци[...] [...] после революции 1905 г. И ож[...] [...]ние религиозности в рядах русской и[...] [...]генции—как тогда, так и теперь—я[...] [...]ся симптомом ее упадочнос[...] [...] области общественной.

В заключении два слова о «Введ[...]» к книге П. Н. Сакулина. Оно несомненно производит странное впечатление. Не будучи ни в какой степени связана с основной темой первого тома, не давая никаких попыток установления определенных вех в развитии русского социализма, эта вводная глава, кроме подробной характеристики христианского социализма Ламенпэ и весьма беглого и поверхностного сопоставления социализма утопического и научного, как бы дает лишь повод автору свести счеты с философскими основами марксизма и посрамить русских марксистов указанием на их внутреннюю борьбу в области философии. Такое «введение» является балластом для книги и с успехом могло бы быть опущено.

Б. Горев.

А. Луначарский. Гр. Гиацинт Серрати или революционно - оппортунистическая амфибия. Петроград. Издание Коминтерна 1922. Стр. 75.

Товарищ Луначарский должен был [...] октябре прошлого года выступить на Миланском конгрессе итальянской социалистической партии представителем Коминтерна с целью разоблачить двурушническую политику серратианства и призвать конгресс к решительному отмеж[...]

лию от реформистских и потворствующих им элементов. Итальянское правительство не пустило тов. Луначарского Италию и лишило его таким образом возможности выполнить возложенную на его Коминтерном задачу.

Однако тов. Луначарский, видимо, достаточно подробно ознакомившийся с физиономией итальянской соц. партии и Серрати, «на зло» итальянскому правительству выполнил свое разоблачение, ли не в устном, то в письменном виде— той книжке, которая рецензируется ми.

Книжка написана в конце прошлого да и представляет не что иное, как политический памфлет против Серрати и о сподвижников.

Определив Серрати, как тип революционно - оппортунистической амфибии, Луначарский видит причины серратиства в том, что И. С. П.[1]—это в сущности не что иное, как «кора... пробка, закупоривающая пролетариат» (стр. 13). Та кора выросла, вследствие долголетней парламентской и прочей легальной работы и образовала достаточно прочный ой партийного и профессионального меланского чиновничества, которое не способно к революционной борьбе, но которое, боясь потерять почву в массах, плетется за их революционными настроениями, выкидывая разные—на взгляд революционные, а по существу оппортунистические лозунги. Позиция Серрати и есть выражение мнения и направления этих социал-чиновничьих слоев партии. Понятно поэтому, что с одной стороны Серрати не может порвать с Турати и его группой, с другой—пытался, пока можно, в словах кокетничать с Коминтерном, на деле же выступать против революционных методов борьбы. Однако, в конце концов, логика развития победила, заставив Серрати избрать тот или иной путь, Серрати предпочел порвать с итальянскими коммунистами и Коминтерном, чем остаться с Турати и компанией.

Таким образом Серрати, несмотря на ою кажущуюся революционность фраз, деле поплелся в хвосте за более решительными итальянскими реформистами.

[1]) Итальянская социалистическая партия.

Миланский конгресс в особенности показал, что Серрати находится в плену у Турати, Тревеса и Модильяни, и что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», т.-е. нельзя в одно и то же время оставаться в рядах коммунистического движения и брататься с завзятыми реформистами, ибо обязательно попадешь в сети последних.

Такова оценка т. Луначарским серратианства и ее нельзя не признать достаточно меткой и верной.

Но, помимо оценки этого течения унитаристов в И. С. П., книжка тов. Луначарского содержит и характеристику личности Серрати.

Характеризуя Серрати, тов. Луначарский не скупится на самые решительные эпитеты, называя его: клеветник, сплетник, лжец,... фальшивый до дна человечек и т. д. (стр. 75). Он утверждает, что политическая личность Серрати «сама по себе по дарованиям своим весьма второстепенная, а по своим моральным качествам более чем сомнительная» (стр. 3) и что к ней можно относится «не иначе, как с гадливостью» (стр. 75).

Я не сомневаюсь, что тов. Луначарский имеет основания так аттестовать Серрати, но не знаю, насколько нужны все эти «эпитеты» личности Серрати в книжке, которая должна разоблачить неправильное и вредное поведение Серрати в глазах рабочих, в частности итальянских. Мы боремся против С е р р а т и и с е р р а т и а н с т в а, к а к п о л и т и ч е с к о г о т е ч е н и я в с о ц и а л и з м е, вредного для дела пролетарской революции именно потому, что оно, будучи самым серединным и самым колеблющимся, способно весьма заморачивать глаза массам. Но это ведь его об'ективные качества. И, раскрывая их в целом или в отдельных его представителях, мы нисколько не затрагиваем и не заподазриваем их личной честности и искренности отдельных лиц в нем. Больше того, чем искреннее серратианство, как оппортунистическая линия, тем вреднее и опаснее оно нам. Тов. Луначарский правильно начал с того, что Серрати — «это тип» и, мне кажется, незачем потом было с'езжать на личные качества Серрати — это скользкая почва для полемики и наврад

ли увеличит доказательность доводов книжки в глазах итальянских масс. Мы не скупимся, когда нужно, на характеристики действий наших врагов, или тех, которые болтаются у нас в ногах, но мы меньше всего нападаем на личные качества их. А в данном случае к этому прибавляется еще необходимость особенного такта.

Кроме того тов. Луначарский в этой книжке заявляет, что он «в отличие (!) от тов. Ленина» думает, что Серрати «оказался за нашими дверями... навсегда» (стр. 51).

«Неужели, — восклицает он в конце книжки, — тов. Ленин продолжает думать, что могут наступить такие гармоничные времена, когда мы подпустим к себе близко Серрати?»

Я не стану сейчас вдаваться в оценку того, чей прогноз—тов. Ленина или тов. Луначарского — окажется вернее, но, во всяком случае, в книжке, обращенной на Запад, тов. Луначарскому можно было и не подчеркивать своих «отличий» от точки зрения Ленина.

В заключение отметим, что хотя книжка тов. Луначарского и не блещет такой остротой и силой стиля, как памфлеты тов. Троцкого («стиль — это человек»), однако в ней не мало остроумных характеристик и сравнений и читается она с большим интересом.

П. Сапожников.

А. Луначарский. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. Гос. Изд. Москва 1922 г., стр. 81.

Эта брошюра тов. Луначарского, бывшего, как известно, одним из государственных обвинителей на процессе эс-эров, написана еще перед процессом и представляет, по словам автора, не что иное, как подробное развитие тезисов, «...выработанных им (т.-е. Луначарским. *П. С.*) вместе с т.т. Бухариным и Крыленко и напечатанных Агит-пропагандистским Отделом Ц.К.Р.К.П.», как руководство для агитаторов.

Естественно поэтому, что данный «Очерк истории партии эс-эров», сделанный тов. Луначарским, является хорошей агитационной брошюрой, несомненно более удачной, чем брошюра т. Стеклова на ту же тему. Хотя в построении и в способе изложения обеих брошюр много общего, однако т. Луначарский располагает бо́льшим фактическим и документальным материалом, подобранным довольно умело, и дает в общем яркую картину развития и, вместе с тем, политического и «морального» разложения эс-эровской партии.

Последняя, будучи вызвана к политической жизни новым под'емом мелко-буржуазного движения в начале XX столетия, явилась с момента своего рождения партией «социалистов-реакционеров» (по меткому выражению Плеханова) именно потому, что служила политической серединой между партией рабочего класса и буржуазными группировками. Отражая двойственное бытие своего «класса», постоянно колеблющегося между буржуазией и пролетариатом, эта партия усвоила себе эклектическую программу (немного от марксизма, много от буржуазной философии и социологии) и двоедушную, двурушническую тактику. Даже в самую «героическую» пору своего существования — до 1905 года она играла реакционную роль, ибо отвлекала внимание и силы рабочего класса своими широко-вещательными этикетками и своими распыляющими индивидуалистическими методами борьбы. Даже в это время она не прочь была заключить общеполитический блок с буржуазными партиями (напр., Парижское совещание 1904 г.).

Даже после 1905 года, когда начался отход от революции и поправение мелко-буржуазных масс, эс-эровская партия (успевшая исключить из своей среды слишком революционных максималистов) весьма сильно разложилась и поправела. Позднее одной из причин этого поправения послужило также расслоение деревни после столыпинской реформы, поведшее к окулачению части тех слоев деревни, которые раньше шли за эс-эрами, и отразившееся, несомненно, на политических настроениях партии. В особенности же поправение и приближение к буржуазному либерализму развилось среди интеллигентских заграничных и прочих групп эс-эров и, ко времени 1911 года, приняло уже совсем реальные фор-

мы. Стала издаваться почти либеральная газета «Почин», ядро которой составили будущие руководители «Союза Возрождения» и др.

Жаль, что этот очень важный и интересный путь эволюции и факты, его характеризующие (напр., «Починство») упущены в брошюре тов. Луначарского. Вообще, нужно отметить, что, касаясь этапа развития эс-эров до Февральской революции, т. Луначарский прошел мимо очень важных фактов не только начиная с 1905 г., но и ранее, напр., мимо того же «Парижского совещания» и др.

Зато со времени Февральской революции автор достаточно хорошо и ярко развивает дальнейшее падение эс-эрства в сторону буржуазной контр-революции и даже монархической реакции.

Ставши «волею» исторического развития у власти буржуазной демократии, «эс-эры делаются игрушкой в руках буржуазии и руководимые ею стараются разбить и дезорганизовать революционное движение пролетариата, и задержать социалистическую революцию. После того, как октябрь вышиб их из седла власти, они опять идут, часто бессознательно для себя, во главе буржуазной контрреволюции и служат мостиком для Колчаков, Деникиных, Антанты и т. д. В борьбе с большевиками они не гнушаются ни деньгами империалистов, ни штыками Антантовских войск, ни братанием с генералами, ни предательским нападением из-за угла. Их политическое падение и «моральное» разложение достаточно хорошо показаны в книжке т. Луначарского, чтобы на нем еще не останавливаться.

К недостаткам брошюры следует отнести то, что в теоретической части (см. главы I и II) она страдает некоторыми неясностями. Так наблюдается известная нечеткость понятий: то мелко-буржуазией названы все промежуточные элементы, то, почему-то, говорится—«мелкая буржуазия, опираясь на крестьянство». В всяком случае, при определении мелкой буржуазии, классово-экономический принцип не выдержан.

Нельзя не отметить следующего: — бегло критикуя програму эс-эров (во II главе, стр. 10), т. Луначарский пишет:—«аграрная программа эс-эров... под видом социализации... приводила к минимому уравнению и мелко-собственническому распылению»...

Это верно, но этого недостаточно в такой, даже, брошюре. Нужно было бы указать, что эс-эры думали провести свою социализацию еще в период буржуазного строя, т.-е. в условиях товарно-капиталистических отношений, что делало невозможным социализацию, как уничтожение собственности на землю и все вытекающие отсюда последствия. Нужно было бы также подчеркнуть, что уравнительный передел земли может быть достигнут крестьянством только при завоевании пролетариатом власти и то только, как временная уступка последнего первому, до тех пор, пока машинизация и электрификация не подведет под сельское хозяйство подлинный социалистический фундамент.

Не останавливаясь больше на этой стороне книжки, следует подчеркнуть, что этот «очерк» представляет, главным образом, ценный материал для агитатора, который еще, несомненно, придется использовать в борьбе с остатками и наследием эс-эрства.

К достоинству книжки, связанному с ее агитационным характером, следует отнести понятный, местами очень выразительный стиль автора.

П. Сапожников.

С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Изд. З. И. Гржебина. Москва 1922 г.

Книжка посвящена описанию пяти знаменательных дней, в которых автор (видный левый с.-р.) принимал активное участие. Автор прекрасно владеет пером и в яркой, образной форме рассказывает о каждом из этих дней.

Первый день — февральский переворот (27 февраля—1 марта). Все нервное напряженное настроение этих дней чувствуется в каждой строке этих отрывистых заметок. Некоторые штрихи этих дней достойны быть отмеченными. В разговоре с автором — «Керенский, расхохо-

тавшись, задорным мальчишеским жестом хлопнул себя по карману, засунул в него руку и вытащил старинный, огромный, дверной ключ. «Вот он где у меня сидит, Штюрмер! Ах, если б вы только видели их рожи, когда я его запер! Что было с Родзянко! Ведь он совсем было расположился принять его в родственные об'ятия». — О том же Родзянко, уверявшем где-то в своих мемуарах, что февральскую революцию сделал почти персонально он сам, Мстиславский рассказывает такую любопытную деталь. Подозвав к себе «властно-пригласительным мановением головы» группу офицеров, ставших сразу во главе военной комиссии и уже организовавшихся, он об'явил им тем же властным голосом, что Временный Комитет Гос. Думы постановил взять на себя восстановление порядка и что комендантом Петербурга назначается чл. Гос. Думы, полковник ген. штаба, Энгельгардт. И на негодующую реплику Соколова («При чем тут полковник Энгельгардт?» и т. д.)—Родзянко, «пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело,—потрудитесь нас слушаться»...

Второй день — 3 марта — провозглашение Временного Правительства. Автор очень меткими штрихами вскрывает всю ту закулисную торговлю из-за портфелей, которая велась в эти дни. И одну инте- сную деталь о Керенском.—«Словно руг, внезапно, решившись, он (Керенний) оттянул меня в сторону, к самой ено, — и сказал вполголоса, быстро: не предлагают войти в кабинет, кото- й формирует Львов — министром тиции. Больше социалистов в кабинете т. Как по вашему: итти или не итти?» пожал плечами:—«Разве при таких шениях можно советовать... и совето- ...ться». — Керенский дернулся всем телом и выпрямился. «Значит, и вы не знаете?»—резко, ударяя на «вы», проговорил он сквозь зубы и, стукнув дверью, вошел в кабинет Временного Правительства...

Не без некоторой рисовки рассказывает автор о той роли, которую ему пришлось играть в исторический день ареста Николая II (9 марта). Как известно, Исполком, узнав, что Временное Правительство намерено, под видом ареста, эвакуировать царскую фамилию в Англию, постановил арестовать Николая II и всю его семью. Для выполнения этой миссии был уполномочен Мстиславский. Приехав с отрядом в Царское и проделав длинную канитель переговоров со стражей, ссылавшейся все время на ген. Корнилова и не желавшей никого допускать во дворец, Мстиславский, однако, проявил достаточную твердость и, об'явив ошеломленным офицерам охраны об аресте царя Исполнительным Комитетом, потребовал «пред'явления» ему Николая, дабы он лично убедился в его пребывании во дворце. Добиться этого было очень трудно (церемониймейстер, граф Бенкендорф, чуть не лишился дара слова, когда ему сообщили об этом требовании). Но удалось настоять и на этом. Самую церемонию «пред'явления» автор описывает так: «Вид у меня был «Разинский»: небритый, в тулупе, с приставшей к нему соломой, в папахе, из-под которой выбиваются слежавшиеся, всклоченные волосы. И эта рукоять браунинга, выпутая из кобуры, так назойливо торчащая из бокового кармана» И вот, в таком-то «виде», ему, Мстиславскому, «пред'являют» Николая...

«...Он был в кителе защитного цвета, в форме лейб-гусарского полка, без головного убора. Как всегда, подергивая плечом и потирая, словно умывал, руки, он остановился на перекрестке, повернув к нам лицо—одутловатое, красное, с набухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшими тусклые, свинцовые, кровяной сеткой прожилок передернутые, глаза. Постояв, словно в нерешительности,—потер руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор, в глаза друг другу, сближаясь с каждым шагом.

Была мертвая тишина. Застылый, желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков — словно огнем полыхнула, растопившая свинцовое безразличие их, яркая смертная злоба. Я чувствовал, как вздрогнули за моей спиной офицеры. Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто по-

вернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая»...

25 октября (4-ый день). Поздно вечером, под неумолкнувший еще гул орудийного и пулеметного огня, открылось историческое заседание Всероссийского С'езда Советов. Автор рисует картину исключительного по своей напряженности настроения зала. Тут и «растерянный, напуганный селянский министр, говорун и бонмотист» — Виктор Чернов, приплясывающий за трибуной (от далеких пушечных ударов), словно от нестерпимой зудящей боли, — Абрамович, бодающий взлохмоченной головой упрямое пространство,—Мартов, протестующий «против преступления, совершенного над родиной и революцией»,—Гендельман и — наконец — «главный центурион правых»—Кучин, заявляющий от имени таких-то и таких-то армий, что «фронт полностью против захвата власти»... — А рядом с ними — Каменев (председатель С'езда)—«радостный, праздничный» и задорный решительный Троцкий, иронически возражающий Мстиславскому:— «Кому могут мешать звуки перестрелки? Напротив, они помогают работать!»

И—конец... Снова в зале радостно и светло. И, сгорбясь, волоча ноги, словно придавленные, выбиваются из рядов жидкими вереницами эс-эры и меньшевики... «Март» уходит...

Особенно красочно рассказывает автор о дне Учредительного Собрания (5 января). После ухода большевиков и левых эс-эров настроение в зале стало тревожным и придушенным. Но Чернов, как ни в чем не бывало, продолжает вести обсуждение законопроекта «об основных положениях земельной реформы»—Чего он дурака валяет?—слышатся голоса. Но заседание продолжается...

«Оно умирало медленно, без агонии, это собрание,—рассказывает Мстиславский.— Кто говорил о разгоне? Какой нестерпимый пошлый вздор! Разве стоило затевать шум над этими «живыми мощами», на глазах у всех обращавшимися в обыденный обывательский труп. Все кончено. Расходятся. Слышен голос Зензинова, говорящего своему соседу: «Ведь, правда, мы держались с достоинством»...

Книжка Мстиславского—яркая, местами даже художественная. К сожалению автор не всегда может удержаться от легкой рисовки и фиглярничанья. Это впрочем, и понятно, если учесть ту неустойчивую позицию, которую левые эс-эры вели во все эти памятные дни.

Читается она все же не отрываясь, с неослабевающим интересом.

З. Маркович.

М. М. Бородин. История великой измены. Госуд. Изд-ство, 1922 г., стр. 120, ц. 75.000 рублей.

Локаут в английской горной индустрии, с апреля месяца приостановивший и расстроивший чуть ли не на полгода работу всего народно-хозяйственного организма страны, представляет собою одно из тех событий, которыми в истории рабочего движения начинаются новые главы. «Black Friday»—«черная пятница»— как был назван английским пролетариатом день 15 апреля, когда отказом железнодорожников и транспортников поддержать их, горнорабочие были предоставлены в классовой стычке самим себе, послужила хронологической датой перехода капитала от обороны к наступлению.

Копевладельцы Англии предприняли своим локаутом чрезвычайно важную атаку. Им должен был быть нанесен удар по основному требованию пролетариата, все более оформлявшемуся в период с 1918 по 1921 г.г. как требование уничтожения частной собственности на орудия производства. И английский капитал прекрасно сознавал, что наиболее ценные результаты может дать только обескровление самой в этом отношении боевой организации, именно Великобританской Федерации Горнорабочих, которая была одним из наиболее мощных инициаторов создания Тройственного Согласия Труда (Triple Labour Entente). Федерация и во время войны воздерживалась от сотрудничества со своими классовыми врагами, и после войны первой выдвинула лозунг национализации копей и недр земли в качестве очередной задачи классовой борьбы. «Черная пятница» же дала английскому капиталу возможность одержать победу по всей

линии и, заняв новый плацдарм, перейти в наступление и против других завоеваний рабочего класса. Развернувшийся в марте 1922 г. по вопросу о праве союза об'единенных механиков (Amalgamated Engineers Union) давать или не давать санкцию на сверхурочные работы в машиностроительных предприятиях локаут был вторым явлением одной и той же картины концентрации сил буржуазного общества на борьбе с пролетариатом. Первым—был локаут в горной индустрии.

Отсюда вытекает вся важность тщательного изучения как внешней, фактической истории данных событий, так особенно и их движущих сил. Мы д о л ж н ы в интересах мировой революции п о н я т ь с м ы с л э т и х с о б ы т и й, нам необходимо взвесить и учесть действительные причины, давшие в первой решительной стычке капитала с трудом перевес и победу первому, а не последнему.

Но именно важность изучения и повышает требования, пред'являемые к каждой конкретной попытке дать освещение «Черной пятницы» и событий, ей предшествовавших и за нею последовавших. В событиях 1921 г. центр тяжести вопроса для изучающего эти события лежит отнюдь не в измене вождей, какое бы влияние эта последняя и ни оказала на ход событий. Ведь, в конечном счете, такое колоссальное значение в данном [illegible]оде классовой борьбы измена имела [illegible]ко в силу целого ряда об'ективных [illegible]ин, лежащих в строении народного [illegible]йства современной Англии, в э к о[illegible] и ч е с к о й к о н ' ю н к т у р е с л о[illegible] ш е й с я к а п р е л ю 1921 г., в [illegible] л ь н о м с о о т н о ш е н и и о б щ е[illegible] е н н ы х с и л в с т р а н е. В краткой [illegible]тке, разумеется, нет возможности [illegible]навливаться на этих причинах. Но [illegible]их-то и должно остановиться при всякой попытке изучения апрельских событий. До сих пор этого почти что не было в русской (да, к сожалению, и в иностранной) литературе.

Обстоятельная по фактическому материалу, приведенному в ней, работа т. Бородина («История великой измены»), казалось бы, восполняет такой чувствительный пробел. Автор собрал весьма ценные факты, обработал их... И все же—пробел остается пробелом. В ы в о д о в, точнее т е х выводов, которые следовало сделать—в книге т. Бородина нет. Весь подход к теме у него носит чисто публицистический, преходящий характер.

Т. Бородин совершенно определенно поставил себе задачу чисто публицистического характера: вывести на чистую воду «великую измену», совершенную в «Черную пятницу» вождями английских трэд-юнионов. Но для р у с с к о г о читателя такого рода вывод и такого рода подход к делу не имеет никакой ценности. Наши рабочие знают превосходно, что руководители современных зарубежных союзов сплошь да рядом являются худшими врагами рабочего класса. Им нужно зато ясно понимать существо событий, те движущие силы, которые управляют событиями, т.-е. т о, ч е г о н е д а е т к н и г а т. Б о р о д и н а.

Это тем более жаль, что внешний ход событий т. Бородиным описан чрезвычайно обстоятельно. Можно было бы ждать такой же обстоятельности и в подборе освещающего этот внешний ход событий материала...

В таком виде, в каком она издана, книга т. Бородина, другими словами, окажется полезной не своими выводами, а своими фактами. Нужно лишь внести весьма существенный корректив. Т. Бородин всюду говорит о «рудокопах», о «федерации рудокопов», о «рудовладельцах». Рудокопы в Англии, составляющие ничтожный % в рабочем классе, в движении 1921 г. н е принимали участия. Miners' Federation of Great Britain, руководимая Ходжесом, представляет собою об'единение у г л е к о п о в, местами включает и прочих горных рабочих. Рудокопы же (tin-miners, coppes-miner и т. д.) имеют свои собственные союзы... Досадная ошибка в переводе на русский язык наименования «горняк» (miner) словом «рудокоп» может создать впечатление, что речь идет именно о ничтожнейшей прослойке английского пролетариата, а не о той двухмиллионной армии, которую представляют собою углекопы. Мы не говорим о ряде других, менее существенных ошибок (в состав комиссии

Санки входил от рабочих известный статистик Лео Киозза-Маней, а не Л. Чиоцца-Моней и т. д.), так как по сравнению с «рудокопами» т. Бородина эти ошибки совершенно ничтожны.

В общем и целом, после прочтения «Истории великой измены» остается убеждение, что история событий 1921 г. в горной индустрии Англии должна еще быть написана....

В. Яроцкий.

Р. Виппер. Древняя Европа и Восток. 2 изд. Госуд. Изд. М. Стр. 148.

Учебник Р. Виппера по истории Древней Европы и Востока производит впечатление курьезного научного анахронизма. В самом деле, как понимает автор задачи своего учебника? В предисловии он указывает, что попытался сочетать «внешнюю историю» с «бытовыми древностями» таким образом, чтобы сделать свое изложение «привлекательным», открыть его «уму и воображению ученика». При таком понимании своей задачи автор выкинул совершенно за борт общественные отношения излагаемых эпох, их хозяйственный строй, эволюцию политических форм и т. п. Быть может, скажут, что это трудно для понимания тех, очевидно, малышей, на которых рассчитана книга. Однако все дело заключается в умении популяризовать исторические факты, и вряд ли очерк социальных отношений Древнего Египта оказался бы труднее счета времени, веса и денег, на которых считает необходимым подробно остановиться автор. Благодаря этому мудрому самоограничению 148 страниц учебника представляют из себя попурри из исторических фактов, кое-каких географических сведений, рассказов древних историков и исторических анекдотов.

Ученик узнает, напр., из книги Р. Виппера, что ловцы выманивали крокодилов, бросая в воду кусок свинины или ставя на берег визжащего поросенка (стр. 29); что Бонапарт, думая воодушевить свое войско, крикнул: «Солдаты, помните, что сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!». Конечно, солдаты ничего не поняли в словах генерала, но, видя его горячее возбужденное лицо, бросились отважно в бой и расстроили мамелюков (стр. 31).

На стр. 83 и 84 ученик узнает, поче[...] создалось представление, что статуя Ме[...]нона плачет при восходе солнца, а так[...] получит справку, что туристы царапа[...] свои имена на ступне колосса и т. д. и т. [...] Впрочем, учебник Р. Виппера содерж[...] ряд сведений, которые являются насто[...] ко историческими, сколько научны[...] анекдотами. Так, напр., автор совершен[...] категорически утверждает, что Исл[...] предписывает или истреблять всех неве[...]ных, или обращать их в мусульманст[...] чем и об'ясняются религиозные суды[...] Египта (стр. 30). Автор при этом сове[...]шенно игнорирует тот факт, что само [...] христианское население Египта так [...] как и Сирии, облегчило победу арабов-м[...]сульман, так как они как раз обеспечива[...] большую веротерпимость, нежели орто[...]ксальная Византия.

В настоящее время, как оказываетс[...] «Англия держит для защиты египетск[...] хедива (султана) войско, управляет [...] казной» (стр. 31). Я думаю, что сами а[...]личане, были чрезвычайно удивлен[...] узнав настоящие цели своей оккупац[...] Нильской долины. Не менее удивятся [...]ши этнографы, занимающиеся изучение[...] напр., белоруссов или литовцев, узнав, ч[...] «этнографы, это—знатоки быта нынешни[...] дикарей» (стр. 12). Я опускаю совершен[...] изложение главы «О верованиях ново[...] каменного века», которая вся построена [...] тех умозаключениях, которые могут явит[...]ся у современного европейского ребенк[...] а не на данных, собранных современн[...] историей религии и этнологии. Сложне[...]шие тотемистические верования находя[...] напр., такое простое и научное об'яснени[...] «может быть, все люди произошли от зв[...]рей и птиц, храбрые от сильных, трусл[...]вые от слабых; значит, человек превр[...]щается в зверя и, обратно, зверь превр[...]щается в человека» (стр. 20).

После этой общей характеристики вря[...]ли представляется интересным останавл[...]ваться на отдельных главах книги. Хоче[...]ся лишь указать, что всякая популяриз[...]ция имеет свои пределы, перейдя которы[...] она превращается уже в грубую вульг[...]ризацию. К сожалению, пример этого м[...] видим в книге Р. Виппера.

В. Кряжин.

Новейшая литература о Турции.

М. П. Павлович (Мих. Вельтман). 1) Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. 3 изд., ч. I. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 164. 2) Революционная Турция. Гос. Изд. 1921 г. Стр. 127.

Крупные события, развертывающиеся сейчас на Ближнем Востоке, заставляют нас вспомнить ту литературу на русском языке, которая за последние годы была посвящена Турции. Однако нас ждет здесь разочарование. Как это ни странно, несмотря на исключительное значение, которое всегда имела для политики России восточная проблема, за последние 10 лет вышло всего с полдесятка книг, имеющих отношение к Турции: «Старая Турция и младотурки»—А. Тырковой, «Балканский кризис»—П. Милюкова, «Турция»—Голобородько и две книги М. П. Павловича,—вот почти все, что имеется в русской литературе о политическом состоянии Оттоманской империи после революции 1908 года. Удельный вес первых трех книг является, вдобавок, не особенно высоким. Книжка А. Тырковой дает лишь довольно живые, но чересчур суб'ективные впечатления о младотурках, пережитые автором за год пребывания в Константинополе: об'емистая книга П. Милюкова заключает в себе фельетоны, печатавшиеся в свое время в «Речи», а также несколько лекций, читанных в связи с происходившими на Востоке событиями. Как показывает пол-н[illegible]азвание книги: «Балканский кризис и п[illegible]тика Извольского», содержание книги н[illegible]г слишком злободневный характер, д[illegible]нас на девять десятых уже устарев-н[illegible] В книге, правда, имеется несколько п[illegible]ых очерков, посвященных истории т[illegible]цкого конституционного движения, но н[illegible]ей книге слишком явственно отпечат[illegible] штами кадетизма, неизбежный, ко-н[illegible], у Милюкова. Наконец, что касается до книжки Голобородько, то она представляет недурную компиляцию по современной Турции, очень живо написанную, но заканчивающуюся лирическим отрывком на тему о России и о «сказке народной мечты»—Царьграде. Я не упоминаю здесь о довольно многочисленных статьях, помещавшихся в различных журналах, среди которых имеются довольно ценные очерки: Майского, Парвуса, Павловича и др. Обхожу молчанием также мнимо-научную литературу, принадлежащую перу разных славянских патриотов, вроде Гешова, Топчева и др., ввиду того, что она представляет из себя чистейшую макулатуру. Таким образом русский читатель заинтересовавшийся Турцией, должен обращаться или к западной литературе, или же принужден перечитывать старые труды, вроде Убиччини и Куртейля, Лавеле, Макколя и др., вышедшие несколько десятков лет тому назад.

Чрезвычайно крупное значение на фоне этого «бескнижья» приобретают поэтому две работы М. Павловича, посвященные современной Турции. Первая из них «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути» (ч. I) содержит в себе чрезвычайно ярко написанную историю Великого Багдадского пути. В ряде глав автор прослеживает дипломатическую историю этого грандиозного предприятия и устанавливает его значение, с одной стороны, для интересов западного империализма и с другой—для экономики и политики самой Турции. Багдадский путь, это любимое детище немецкого империализма по завершению его, должен был возродить всю хозяйственную жизнь Турции, но при этом под бдительным контролем Германии. Мало того, подходя к границам Персии, он превращался в столбовую дорогу, по которой должен был неминуемо направиться германский империализм на завоевание Ирана и Индии. Наконец, включая разоренную Месопотамию в орбиту капиталистической эксплоатации Германии, Багдадский путь подготовлял «свержение гегемонии Соединенных Штатов на хлопковом рынке», так как область Двуречья открывает совершенно исключительные возможности для культивирования хлопка. К третьему изданию этой книги М. Павлович прибавил две интересные главы, а именно о Палестине, в связи с планом сионистов устроить там «еврейский национальный центр», и о Багдадской ж. д., в связи с победой Антанты и борьбой на Ближнем Востоке из-за нефти. В первой из этих двух дополнительных глав М. Павлович показывает всю утопичность мечты сионистов об образовании еврейского го-

сударства,—мечты, являющейся в руках английских империалистических дельцов лучшим орудием сохранения своей власти в Палестине, путем натравливания евреев на арабов. Во второй дополнительной главе автор при помощи цифрового материала устанавливает то преобладающее значение, которое занимает в мировой политике борьба за нефть. Борьба за Багдадскую ж. д. превращается в борьбу из-за нефтяных источников Месопотамии и Персии и после крушения германского колосса ее с неменьшим ожесточением ведут вчерашние союзники: Франция, Англия и отчасти Соединенные Штаты.

К числу недостатков этой работы относятся некоторые неточности фактического характера. Так, в главе о Палестине М. Павлович указывает, что число евреев там равняется 100.000 человек, между тем, как даже по английским сведениям к 1921 г. их было не более 72.000; неправильно указание, что «самостоятельные еврейские финансовые институты существуют в Палестине лишь в эмбриональном состоянии», так как там функционирует уже три сионистических банка и ряд частных крупно-капиталистических предприятий; в главе об экономической политике младотурок во время мировой войны не упомянуты те меры, которые проводились ими для развития турецкой промышленности, а именно, устройство полуправительственных кооперативов, специального Национального-Кредитного банка и т. д.; не указаны те кошмарные хищения, которые проделывались в интендантстве во славу нарождающегося оттоманского империализма и т. д.,—но все эти недочеты не могут поколебать крупного значения книги М. Павловича, дающей марксистски построенный генезис Ближне-восточного вопроса в той стадии, которая протекает на наших глазах.

Выдающийся интерес представляет и другая книга М. Павловича «Революционная Турция». Как явствует из предисловия, автор поставил себе целью составить очерк турецкого революционного движения «для восточных товарищей, которые часто не имеют никаких материалов, тем более, написанных в марксистском духе». С этой целью М. Павлович дает краткий исторический очерк Турецкой империи, упадка ее, возникновения Восточного вопроса, революции 1908 г. наконец, Турции Энвера и Турции Кемаля. Благодаря этой широте захвата, эта книжка является, пожалуй, единственным на русском языке очерком о политических судьбах Турции, доведенным до сегодняшнего дня. Особенно интересным являются главы о возникновении и росте национального движения и о политических партиях Анатолии, включая и коммунистическую партию.

Как первая работа в этом роде, рецензируемая книга М. Павловича не лишена некоторых недостатков, на которые укажу лишь вскользь, так как она является лишь популярной брошюрой, а не строго научным сочинением. Так, в первой исторической части автор дает совершенно недостаточные об'яснения крушения могущества Оттоманской империи. Падение последней явилось следствием не прекращения «военного счастья», а переходом европейской торговли с Востока на новые пути, после открытия африканского окружного пути, а позже после устройства Суэцкого канала. Оставшись в стороне от международного обмена, Турция начала экономически хиреть, опустившись до той натурально-хозяйственной стадии, в которой мы ее застаем даже сейчас.

Недостаточно также указаны экономические причины полуторавековой заинтересованности России в Ближне-Восточном вопросе в то время, как это сделано, например, М. Покровским в его «Истории России» (т. III и IV) и в сборнике статей «Внешняя политика».

Кой-какие ошибки встречаются в главах, посвященных революционной Турции, что об'ясняется недостаточностью сведений, которые мы оттуда получаем. Так, например, М. Павлович всюду пишет о партии «Куа милие», между тем «Кува и миллие» (национальная сила) или «мудафаи миллие» представляют в сущности те лозунги, которые сплачивают анатолийских националистов самых разнообразных политических оттенков.

В заключение необходимо отметить основную черту, присущую этой книге.

борьбу за освобождение Турции от Антанты, 4-й год происходящую в Анатолии, многие склонны расценивать как чисто национальное движение, лишенное всяких социальных и революционных элементов. Действительно, сам автор указывает, что ни в области рабочего, ни в сфере аграрного законодательства кемалисты поныне не проявили никакой инициативы, никакого творчества. И все же он глубоко прав, назвав свою книжку «Революционной Турцией». В самом деле логика событий, заставляющая Турцию бороться против Севрского мирного договора, тем самым принуждает ее бороться против мирового империализма и притом неизбежно в союзе с Советской Россией. Вслед за последней, Турция вторая прорывает цепь империалистической блокады и работает на пользу революции на Востоке. И та же железная логика событий превратит неизбежно национальное движение в Анатолии в движение социальное, т.-е. в подлинную революцию. По крайней мере, события, происходящие на наших глазах, а именно крах империализма Антанты на Ближнем Востоке,—тот живой отклик, который находит турецкие победы в Индии, Персии и в Месопотамии — вообще во всей Азии, убеждают нас в правильности именно этой концепции событий, развертывающихся в Малой Азии и вокруг проливов.

В. Кряжин.

A. M. Carr-Saunders. The Population Problem — a study in Human Evolution 1922. Изд. Oxford University Press u. Claredon Press (Проблема народонаселения— исследование эволюции человечества). Стр. 516. Цена 21 шилл.

Проблема народонаселения, «евгеника» (учение об улучшении человеческого рода), вопросы количественного и качественного нормирования прироста населения — продолжают по прежнему и даже больше прежнего занимать европейскую мысль. Этим вопросам посвящена обширная политическая и пропагандистская литература разных лагерей. В отличие от других произведений этого рода, книга Карр-Саундерса представляет собой капитальный труд, рассматривающий всю грандиозную проблему демографии в ее целом, написанный со спокойным достоинством ученого и переносящий вопрос из плоскости вульгарной практической полемики в плоскость строго теоретического исследования. Автор формулирует свои выводы с чрезвычайной осторожностью, учитывая психологическое воздействие событий современности и избегая поспешных заключений. Для широкого круга читателей не-специалистов эта осторожность в обобщениях является скорее недостатком книги — на-ряду с тяжелым языком, которым она написана.

Автор начинает с сжатого изложения истории проблемы. Он отрицает Мальтуса и мальтузианство, следуя в этом отношении за Кённеном и вместе с этим последним поддерживает и развивает теорию «оптимума» или по терминологии Кённена «точки максимального дохода». Для населения, живущего на каждой данной территории в каждое данное время, существует одна определенная степень плотности, которую следует признать наиболее желательной. Определение этого «оптимума» возможно лишь приблизительно и эмпирически. Критерием его служит максимальный средний доход на душу населения, т.-е. чисто экономический признак. (Курьезно, что распределение дохода автором не принимается во внимание). Исходя из этого критерия, Карр-Саундерс устанавливает, что «при прочих равных условиях вместе с ростом техники растет и наиболее благоприятная ступень плотности». Впрочем, это утверждение является для него не более как рабочей гипотезой. В конце книги он замечает: «мы исходим из предположения, что численность населения нормально должна расти. Однако в истории это отнюдь не всегда является нормой. Возможно, что и теперь мы приближаемся к таким временам, когда нормой вновь станет стационарность численности населения, ибо хотя увеличение ее и будет по-прежнему экономически выгодным, оно окажется нежелательным с более широкой точки зрения обще-человеческого благополучия», т.-е. под углом других критериев кроме среднего душевого дохода.

Карр-Саундерс не переоценивает роли перенаселенности, как источника всех бедствий человечества, но вместе с тем является твердым сторонником регулирования прироста и численности населения.

Главы, посвященные количественному аспекту проблемы, содержат колоссальный этнографический и исторический материал, охватывающий весь опыт человечества в деле регулирования его прироста, начиная с зари существования человека на земле. В отношении доисторических времен, автор полагает возможным судить о палеолитическом периоде на основании материала о жизни существующих охотничьих и рыболовных племен, а о неолитическом — по земледельческим расам.

Материал, собранный относительно дикарей, свидетельствует, что и у нецивилизованных народов численность населения регулируется целым рядом факторов, частью стихийных, частью же полусознательных. К числу последних относятся опутанные всяческими мистическими и суеверными обрядностями обычаи,—как-то — откладывание брака до известного возраста, положенное в известных случаях воздержание от сношений, удлинение срока кормления, аборт, детоубийство и т. д. Характерно, что семья дикаря по общему правилу менее многочисленна, чем семья цивилизованного человека. Автор указывает, что повсюду, на-ряду с стихийными факторами, как войны, болезни и т. д., отмечается активное применение искусственных методов, ограничивающих прирост. В смысле соотношения различных факторов Карр-Саундерс находит, что влияние болезней и войн преувеличено. Большинство болезней—продукт культуры; первобытный человек, как и дикарь, был здоровяком. Войны среди дикарей сами по себе довольно мало кровопролитны (в Америке кстати сказать больше, чем в Африке). Не мало влияния приходится на долю сознательных или полусознательных факторов.

Существует тесная связь между этими «нео-мальтузианскими» наклонностями первобытного общества и его общеизвестной коммунистической структурой. При условии общности земли, орудий производства и добывания пищи не могло быть и речи о том, чтобы кто-нибудь из членов общества (рода, например) был осужден на беспомощную смерть от голода. Такое положение вещей естественно влекло к сознательной тенденции ограничения прироста. Эта тенденция и воплотилась в обычаях, которые исчезают лишь при соприкосновении дикарей с цивилизацией, ибо последняя действует разрушительным образом на весь уклад быта.

Закончив обзор материала, по которому можно судить о доисторических временах, автор со своим фонарем в руке последовательно проходит через все эпохи древней, средней и новой истории. Повсюду, констатирует он, можно отличить действие различных по месту и времени факторов, ограничивающих естественную и избыточную плодовитость человека. В Греции и Риме значительную роль играли аборт и детоубийство, впоследствии первое место перешло к болезням. Роль войн была значительно преувеличена, и они давали себя знать преимущественно своими косвенными последствиями — разорением и голодом.

Вторая часть книги посвящена вопросу о качестве, и автор здесь ставит перед читателем проблему евгеники. Но Карр-Саундерс вряд ли может быть причислен к евгенистам. Различия в рождающихся особях зависят от зародышевых изменений. Автор не склонен придавать им особое значение, полагая, что важнейшую роль играют не зародышевые процессы, а то, что он называет традицией — вся совокупность наследия, получаемого нами от предков. Прогресс зависит прежде всего от изменений в этой традиции—именно она определяет собой рост и падение цивилизации. Соответственно автор не согласен с многими писателями буржуазного лагеря, которые оплакивают факт т. наз. дифференциальной плодовитости, т.-е. низкий уровень рождаемости среди «высших» классов и высокий — среди «низших» и предрекают на основании его самые грозные последствия. «Этот факт,—пишет он, — имеет тем меньшее значение, что зародышевая дефектность пред-

ставителей т. наз. высших классов слишком очевидна. Если дети бедных классов менее здоровы и приспособлены к жизни, то это опять-таки зависит от «традиции»—от дефектов их повседневной жизни, от бедности и узости окружающей их обстановки, но никак не от особенности зародыша». Больше того, Карр-Саундерс подвергает сомнению ряд качеств, которые обычно признавались свойствами «высшего типа». Инстинкты индивидуальной самозащиты и стяжания приносят успех в жизни, но не их развитием определяется прогресс.

Общий вывод автора сводится к следующему: в течение долгих веков человечество регулировало свой прирост—частью автоматическими, частью полусознательными методами. В настоящее время человек должен перейти к сознательному контролю над этой стороной своего бытия—благо, наука и развитие общественной жизни предоставляет ему соответствующие возможности.

Не высказываясь по существу этого вывода, необходимо все же отметить, что проблема нормирования прироста в том виде, в каком она ставится современной наукой, теснейшим образом связана с антагонистическим характером современного общества. Она ведет свою родословную непосредственно от Мальтуса и от его летучего афоризма: «на пиру жизни им (беднякам, избыточному элементу) природа не поставила прибора». То, что является результатом—чисто-исторических особенностей капиталистического строя с его массовой безработицей и армиями необходимо-избыточного населения, возводится к природе, к имманентному закону жизни, против которого революции не устроишь. Доктрина Мальтуса пропитана всем анти-историзмом классической школы; его по сие время не могут вытравить из этой проблемы даже обстоятельные исторические исследования Карр-Саундерса. Современная проблема избыточности населения—плод суженности базиса капиталистической экономики—с одной стороны, неравенства в распределении—с другой. Общество будущего — социалистическое общество — вовсе не будет знать второй из причин; но равным образом будет иметь возможность такого развития производительных сил, которое оставит далеко за собой даже усиленный прирост населения. И если проблема избыточности и нормирования прироста когда-либо встанет вновь перед человечеством, она будет мало похожа на ту, которая волнует сейчас европейскую науку и европейское общество. С этой точки зрения выводы Карр-Саундерса и других имеют лишь историческое значение, ограниченное пределами капиталической эпохи.

А. К.

Sidney and Beatrice Webb. English Prisons under Local governement. (Английские тюрьмы под ведением местного самоуправления). London 1922 г. Изд. Longmans. Цена 15 шилл.

Новая книга супругов Вебб—блестящий исторический трактат, посвященный английским тюрьмам. Основные черты всех произведений Веббов—строгая фактичность изложения, богатейший и методически разработанный матерьял, ясность и простота конструкции—отразились на этом их труде в полной мере—книга написана в духе спокойного исторического исследования и не изобилует ни обличительным пафосом, ни широкими обобщениями. То и другое в достаточной мере имеется зато в предисловии Бернарда Шоу, которое предпослано книге.

Несколько неожиданная экскурсия супругов Вебб в область тюрьмы и наказания вообще об'ясняется связью этой темы с вопросами местного самоуправления,—областью, в которую Веббы вложили не малый вклад. Их труд—первое систематическое исследование истории тюремного заключения в Англии, содержащее огромный и интересный не только для английского читателя материал.

В истории английских тюрем можно различить три периода. Принадлежа номинально короне, тюрьмы были в начале частным предприятием; потом они перешли под ведение местного самоуправления, и, наконец, были национализованы. Первоначально различались «об-

не тюрьмы» и «исправительные дома». ерые были только местом задержания, не наказания; обязанности тюремщика граничивались тем, чтобы не дать заюченному убежать. Несмотря на это, ключение в «общей тюрьме» было свяно со множеством жестокостей. Тюмные помещения были настолько неприспособлены, что во многих местах оремщик приковывал заключенных к олу и сам ложился рядом с ними—это ыла единственная гарантия против поега. Самая интересная черта всех этих общих тюрем», то, что они были органованы, как частные, приносящие доод своим членам, артели или об'единения тюремщиков. В те времена места юремщиков не оплачивались жалованьм, а напротив — покупались: тюремный горож в Эксетере платил за свое место 2 ф. в год; в других местах цена была и ыше. Тюремщик в свою очередь жил с оходов, которые он извлекал из заклюенных. Последним приходилось платить а то, что попали в тюрьму, и за то, что ышли оттуда: те, кто не мог заплатить а свой выход, продолжали сидеть, хотя ы их срок кончился. Одним из видов охода была продажа заключенным напитков. В результате среди тюремного аселения процветало невероятное пьянтво. Но это был еще самый невинный пособ извлечения дохода. Нередки были случаи пытки заключенных в целях амогательства. Женщины, сидевшие в юрьмах, по установившемуся обычаю, оставляли сераль тюремщика, и он асто торговал ими, превращая тюрьму обыкновенный публичный дом. По выражению одного писателя XVIII века юрьма того времени была рынком, куда риходили за «товаром» содержатели пуличных домов. На-ряду со всеми этими меодами, тюремщик нагонял на своих потояльцах экономию: в целях сокращения расходов по их содержанию засаживал их в погреба и подвалы без окон окна обкладывались налогом в пользу осударства или общины) и т. п.

Несмотря на то, что протесты против озмутительных тюремных порядков слышались еще в конце XVII века, долгие оды никаких радикальных реформ не редпринималось. В 30-х годах XVIII века власти стали принимать меры и запрещать наиболее вопиющие из вышеприведенных порядков. С начала XIX века тюрьмы стали понемногу трансформироваться и переходить под контроль и наблюдение общин. Роберт Пиль в 30-х годах совершил важную реформу, сняв, наконец, тюремщиков с «хозяйственного расчета» и превратив их в оплачиваемых чиновников. Вместе с тем изменился внутренний режим тюрьмы. Однако далеко не везде местные самоуправления оказывались на высоте—во многих местах шла беззастенчивая эксплоатация труда заключенных, которых сдавали в аренду, как рабочий скот.

В это время вопросы тюремного быта занимали уже значительное место в общественном внимании: многие выдающиеся граждане посвящали им свои силы. Однако новые идеи в этой области, по мнению Веббов, не всегда были удачны. В частности, одиночное заключение, придуманное отчасти в целях избежания морального вреда и физических болезней, развивавшихся в скученных общих камерах, где сидели вместе больной и здоровый, правый и виноватый, убийца и беспаспортный юнец — оказалось по своим последствиям чуть ли не худшим из всех зол тюремной системы.

В 1877 году наступает третий период в истории тюрем. Все тюремное дело передается центральной власти в лице тюремного департамента. Эта реформа имела свою обратную сторону. В предыдущий период тюрьмы были доступны осмотру, тюремные порядки были предметом постоянного обсуждения в прессе, самый институт независимых от местной администрации правительственных инспекторов содействовал об'ективному характеру инспекции. В настоящее время доступ в тюрьмы крайне затруднен, инспектора принадлежат тому же ведомству и связаны с администрацией. Веббы требуют изменения этого порядка вещей и призывают к широкому общественному контролю над тюремным делом, все еще страдающим огромными недостатками.

Строго фактичному, об'ективному историческому труду Веббов предпослано

страстное, оригинальное по своему построению и обличительное предисловие Шоу. Он восстает против современной тюрьмы, называя ее «дьявольским и проклятым орудием пытки» и в ярких красках рисуя все ее темные стороны. Шоу подходит к вопросу о наказании с точки зрения социологической. По его мнению, современная система обращения с преступниками отравлена тем, что он называет сентиментализмом и проникающим ее духом наказания и мести. Не может быть в этой области никакого прогресса до тех пор, пока этот дух не будет вырван с корнем и заменен достойным, искренно-общественным обращением с преступником. Общество имеет право защищать себя от нарушителей его законов, но оно не имеет права никому метить — оно также не имеет права метить преступнику, как и тигру-людоеду, который вырвался бы из Зоологического сада. Того и другого можно или пристрелить, или посадить на замок, но нельзя наказывать. Исходя из этого, Шоу из всей массы преступников выделяет две категории: а) безусловно и неисправимо-опасных для общежития б) лиц, недостаточно владеющих собой и своими инстинктами. Первых следует казнить или навсегда изолировать, при чем казнь иногда предпочтительнее: вторых нужно подчинять принудительной опеке. Со всеми остальными надлежит поступать не как с преступниками, а к с гражданскими ответчиками и заставить их платиться за свои деяния в том порядке, как и последних.

А. К.

Frederic Bausman—„Let France explaine" (Пусть Франция объяснит). London 1922 г. Цена 10 шилл. 6 пенсов.

После недавних статей профессора Фея в «Американско-историческом обозрении», книга Баусмана является новым доказательством интереса, с которым американское общественное мнение относится к вопросу о причинах и виновниках войны. Старое предубеждение против немцев, злая воля которых будто бы была единственной причиной войны, ныне уже не имеет кредита. Напротив, некоторые американские исследователи склоняются к тому, чтобы большую часть ответственности переложить на противную сторону— в частности на Францию. В этом отношении Баусман, бывший Член Высшего Федерального Суда Соединенных Штатов, ученый юрист, занявшийся историческими исследованиями, стоит на самой крайней позиции. Его книга — обвинительный акт против Франции; и ее политических руководителей—Делькассе, Вивиани, Пуанкаре, Мильерана, Палеолога. Франция, — говорит Баусман, — это наиболее воинственная европейская держава, в течение всего периода новой истории, посреди всех своих предприятий и авантюр, лелеяла одну важнейшую мечту — полную дезорганизацию своей восточной соседки. В XVI веке ей это блестяще удалось— с тех пор она непрерывно стремилась к поддержанию анархии в Германских землях. Последние десятилетия, под влиянием идеи реванша, мечта о полной дезорганизации Германии получила особенное распространение. Ее осуществление требовало двойной подготовки—реформирования русской армии, снабжения ее новейшим оборудованием, постройки стратегических железных дорог, — с одной стороны; вовлечения Англии в дружбу и союз с Францией—с другой. К 1914 г. обе эти подготовительные задачи были выполнены. Война началась; целью ее была полная дезорганизация государственного бытия Германии; неизбежным последствием—барбаризация средней Европы путем славянского нашествия. Битва при Танненберге спасла Европу от этой участи, но поскольку Франция продолжает вести политику, направленную на полное уничтожение Германии, она толкает последнюю в сторону союза с Россией, означающего, по мнению Баусмана, все ту же барбаризацию. Автор полагает, что «истинно-европейские» державы — Англия и Италия—должны принять меры против французской политики и ее губительных последствий.

Книга Баусмана содержит значительный фактический и документальный материал. Из мало известных фактов, приводимых Баусманом, интересны данные

авливающие, что Бетман-Гольвег и Вильгельм пытались после протеста гороны Англии воздействовать на нию в смысле ее умиротворения по ению Сербии, и, что перед самым тием военных действий, взгляды нии и Англии на Австро-Сербский икт были чрезвычайно сходны. В не последних дней июля 1914 года ия и Германия были обе настроены юбиво, полагает Баусман; к войне ились лишь Австрия и Россия, ко- Франция обещала неограниченную ржку. Автор подробно анализирует ение руководящих политических дея- Франции в период, непосредственно шествовавший войне, и находит в материале многочисленные подтвер- ия своим обвинениям.

жно ли упоминать, что точка зрения иана столь же одностороння, как и ды присяжных антантовских публи- в, сваливающих всю ответственность йну на злую волю Германии. Война ась стихийным последствием разру- льных сил, присущих капитализму; бе стороны будущего фронта ее оди- во желали—одни и одинаково бон- —другие. Односторонние обвинения аз'ясняют, а только запутывают во- об ответственности, которую про- ают нести на себе правящие клики воюющих государств.

А. К.

fred Fabre-Luce. La crise des alliances. sur les relations Franco-Britaniques dé- a signature de la Paix 1919—1922. ис союза,—опыт исследования фран- итанских отношений, со времени за- ения мира 1919—1922 г.). Paris 1922 г. Bernard Grosset. Цена 7 фр. нт.

нга Люце представляет собой серь- исследование эволюции англо-фран- ских отношений в послевоенный пе- , равно как и перспектив их даль- его развития. Изложив историю за- ения англо-французской дружбы и евращение в 1914 г. в тесный союз, с подробностью останавливается всех этапах, характеризующих раз- англо-французских отношений после войны. Он последовательно рассма- тривает все вопросы, которые разделяли и продолжают разделять Англию и Фран- цию—вопрос о Ближнем Востоке, Рус- ский вопрос, репарации, раздел Верхней Силезии. Оставаясь на национально-буржу- азной французской точке зрения, автор тем не менее обнаруживает значительную свободу суждений и некоторое понимание реального положения вещей. Он сурово осуждает Версальский мирный договор. Наиболее вредным последствием его он считает репарации, неразрешенный вопрос о которых по сие время является важ- нейшим препятствием к умиротворению Европы. В этой области автор требует сепаратного франко-германского догово- ра и соглашения, которое, по его мнению, вполне возможно на предлагаемой им компромиссной основе. Такое соглаше- ние представляется ему совершенно не- обходимым, не в качестве уступки Гер- мании или Англии, но именно в инте- ресах Франции.

Подробное рассмотрение истории ан- гло-французского союза приводит авто- ра к резким по отношению к Антанте выводам. Он полемизирует с теми, кто воображает будто англо - французский союз панацея от всех европейских зол. Напротив, политические и экономиче- ские интересы обеих стран совершенно различны,—и это различие не такого свойства, чтобы его можно было устра- нить замалчиванием острых вопросов, сентиментальными рапсодиями и сме- ной министров. Союз между Англией и Францией представляется Люце неле- постью — чем скорее эта фикция будет уничтожена, тем лучше. Однако автор отнюдь не является англофобом, напро- тив, большая часть его критики напра- влена против действий его собственного правительства. Он полагает также, что, не будучи в союзе и сохраняя за собой, каждая, свободу действий, Франция и Англия должны вместе с тем сохранять и укреплять свою дружбу, которая, по мнению автора, имеет огромное значе- ние для всего мира.

Книга произвела большое впечатление и вызвала оживленные отклики в прессе обеих стран.

А. К.

Alfred Zimmern—Europe in convalescence. (Выздоравливающая Европа). London 1922 г. Изд. Mills and Boon. Цена 5 шилл.

Все тот же вопрос о послевоенной европейской неурядице, рассматриваемый под углом англо-французских отношений. Книга Циммерна, хотя и написанная англичанином, представляет собой образчик французской пропаганды в Англии. Автор сам по себе исповедует относительно-умеренные взгляды. Он отнюдь не принадлежит к числу горячих приверженцев Версальского договора и не чужд даже некоторых социалистических симпатий («мир должен быть восстановлен капиталистами, но этих капиталистов надо контролировать»). Он ясно видит все грехи мирной конференции и в ярких чертах рисует безотрадность картины, которую являет собой после-Версальская Европа — конфликт Англии и Франции, бесцельное терзание Германии, беспрерывные междоусобицы мелких государств. Единственный выход из положения он видит в восстановлении взаимного доверия между Францией, Англией и Германией. Что же препятствует этому? Всю ответственность автор возлагает на Британскую политику и на ее руководителя—Ллойд-Джорджа. Англия захватила львиную долю при заключении мира; она забрала в свои руки большую часть германских колоний и германских судов; это она включила в состав репарационных требований военные пенсии. Напротив, Франция, в изложении автора, оказывается невинной и страдающей стороной. Циммерн—горячий защитник тесного англо-французского союза; он горько упрекает Ллойд-Джорджа за отказ подписать знаменитый договор гарантии (предложенный в Каннах тем же Ллойд-Джорджем, который вынужден был отказаться от него, ввиду явной непопулярности договора среди англичан), он вместе с французами обвиняет Англию по поводу русского и германского вопросов в «смеси торгашества с сентиментальностью» и угрожает Англии образованием союза континентальных держав и будущей изоляцией.

Французский милитаризм, политика национального блока, французские интриги во всех частях Европы—всего этого для Циммерна как будто не существует.

А. К.

«Нужды Деревни» — Ежемесячный научный, экономический и общественный журнал под редакцией Г. И. Шрейдера— № 2, май, 1922 года, стр. 75. Берлин, издательство «Деревня».

Появление этого журнала весьма симптоматично. Он дает не злобное брюзжание отметенных революцией представителей старой власти; он более прогрессивен, но вместе с тем он невероятно сумбурен.

Не будем отмечать политически ложные уклады, очень характерные во многих статьях майской книжки: редакция усиленно отмечает, что журнал «непартийный». Взглянем с научной стороны, особенно дорогой «Нуждам Деревне», выдвигаемой редактором журнала Гр. Шрейдером, так «научный метод», на первый план.

И тут ясно станет для всякого беспристрастного читателя разложение научного мышления, преподносимого журналом; тут оголится удивительная бессвязность, логическая путаница и полное отсутствие научно-методического подхода вообще.

Наиболее солидная статья в № 2— Г. Шрейдера—например, несмотря на то, что она написана хорошим литературным языком и не без искорки, читается трудно. За автором не уследишь во всех его пируэтах нагромождаемых друг на друга взаимных противоречий и недоговоренностей. Все у него эклектично, старо (он во множестве цитирует свои старые работы) и не продумано до конца. Так находятся у него одновременно производственные отношения людей вне социальной среды, так он в одно и то же время утверждает, что проблема деревни есть проблема мировая и интернациональная и, вместе с тем, что «дело возрождения деревни есть дело самой деревни» и т. д. и т. д.

Не лучше следующая статейка Тополева (пишущего из Москвы), разбирающего основы современного аграрного во-

оса. Пожалуй, даже Тополев превзошел рейдера. Не освобождаясь от всей путаницы последнего, он прибавляет к ней допустимую с научной точки зрения перу выражаться, которая нередко ходит прямо до неприличия. Правда, это внешне скрывается, но общий тон, сменивающий советский «социализм», солютно недопустим, пахнет ужасной ностью.

Не интересна, интересная по теме, тья «Крестьянский большевизм».

Остальное бледно и скучно.

И во всем номере замечается сильная рванность от современности, даже тогкогда обсуждаются злободневные темы. «Нужды Деревни» представляют непробудившиеся слои русской интеллигенции, отчужденные и от практической и от научной жизни. В них нет содержательности, или—в лучшем случае—оно настолько испорчено бессодержательностью, что совершенно не воспринимаемо.

Наконец, такой ляпсус. В конце библиографии приводится список поступивших в редакцию книг с надписью: «поступившие для отзыва». В числе их много изданий Наркомзема. Случайно узнаем, что ни одно издание Н. К. З. в «Нужды Деревни» для отзыва специально не посылалось.

С. Базыкин.

«КРАСНАЯ НОВЬ»

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ.

Выходит один раз в $1^1/_2$—2 месяца, книжками в 17—19 л.л.

ВЫШЛО 9 НОМЕРОВ.

Состав сотрудников:

В. Александровский, А. Аросев, Мих. Артамонов, Н. Асеев, Анна Баркова, Демьян Бедный, С. Бобров, Валерий Брюсов, Артем Веселый, Анна Веснина, В. В. Вересаев, Максимилиан Волошин, Е. Волчанецкая, Иван Вольнов, Д. Выгодский, М. Герасимов, Ф. Гладков, Андрей Глоба, С. Городецкий, Максим Горький, А. Дроздов, И. Ерошин, С. Есенин, Мих. Зощенко, Ал. Зуев, Всев. Иванов, Вера Ильина, Вас. Казин, Ив. Касаткин, В. Кириллов, С. Клычков, Кл. Лаврова, Е. Лунц, Н. Ляшко, О. Мандельштам, А. Мариенгоф, В. Маяковский, В. Муйжель, Петр Мытарь, В. Нарбут, А. Неверов, П. Низовой, Н. Никитин, С. Обрадович, П. Орешин, Н. Павлович, Б. Пастернак, А. Перегудов, Б. Пильняк, В. Плетнев, С. Подьячев, Ел. Полонская, Н. Полетаев, А. Пришелец, П. Радимов, Лариса Рейснер, Ив. Рукавишников, С. Семенов, Д. Семеновский, Сергеев-Ценский, П. Сухотин, Н. Тихонов, А. Н. Толстой, К. Тренев, К. Федин, Е. Федоров, Ольга Форш, В. Ходасевич, А. Чапыгин, М. Шагинян, Г. Шенгели, М. Шимкевич, Вяч. Шишков, Эйдеман, Ил. Эренбург, А. Яковлев и др.

Художественное слово, политика, экономика, наука, критика, библиография.

Вл. Архангельский, Антропов, Б. Арватов, Н. Асеев, Л. Аксельрод (Ортодокс), В. Баженов, В. Базаров, С. Бобров, О. Бик, И. Бороздин, проф. Блажко, Н. Бухарин, Илья Вардин, А. Воронский, Евг. Варга, В. Ваганян, Б. Горев (Гольдман), С. Гусев, С. Городецкий, Карл Грасис, Ш. Дволайцкий, А. Деборин, Б. Завадовский, М. Завадовский, С. Ингулов, Н. Крупская, М. Кантор, Г. Кржижановский, П. С. Коган, В. Кураев, А. Канторович, Н. Ленин, А. Луначарский, Ю. Ларин, А. Лозовский, И. Майский, Н. Мещеряков, А. Меньшой, П. Месяцев, Милютин, З. Маркович, Нурмин, В. Невский, А. Неверов, М. Ольминский, Е. Преображенский, М. Павлович, Вяч. Полонский, Г. Пятаков, проф. Прянишников, М. Н. Покровский, Пржеборовский, Е. Пашуканис, Карл Радек, А. Реформатский, М. Рейснер, И. Рейснер, Д. Рязанов, М. Смит, Вл. Сарабьянов, В. Смушков, И. Степанов, В. Смирнов, Н. Суханов, П. Садыкер, Т. Сапожников, А. Тимирязев, Л. Троцкий, В. Фриче, Мих. Фрунзе, Фридеман, А. Хрящева, Клара Цеткин, С. Членов, Я. Шафир, А. Юрлов, Я. Яковлев и др.

Книга первая.

Всеволод Иванов. Партизаны. Рассказ.— *М. Пожарова.* Стихи.— *С. Подьячев.* „Голающие“. (С натуры). — *Д. Семеновский.* Современные частушки. — *Николай Колосов.* Стихи. Политико-экономический отдел. *Н. Ленин.* О продовольственном налоге.— . *Дволайцкий.* Накопление капитала и проблема империализма.— *К. Радек.* Третий ı борьбы советской республики против мирового капитала.— *А. Хрящева.* К характестике крестьянских хозяйств периода войны и революции.— *Н. Крупская.* Система іюра и организация работы советских учреждений. Искусство и жизнь. *А. Лунаэский.* Наши задачи в области художественной жизни.— *В. Фриче.* Ромэн Роллан. дел научно-популярный. *А. Тимирязев.* Периодическая система элементов Менделеева и современная физика. Научная хроника. *Вл. Архангельский.* Наши достижения эрогидродинамике.— *В. Баженов.* Успехи применения радио за границей. Внутр. советской России. *Е. Преображенский.* Новая полоса.— *И. Вардин.* „После Кронштадта“. Иностранное обозрение *М. Смит.* Производственные и социально-политические предпосылки забастовки английских углекопов.— *М. Павлович.* Кемалистское движение в Турции.— *М. Павлович.* С. Штаты и советская Россия. Из прошлого. *Вяч. Полонский.* Вейтлинг и Бакунин. В порядке дискуссии. *М. Ольминский.* О книге т. Бухарина.— *Не-ревизионист.* О книге т. Бухарина.— *Н. Бухарин и Г. Пятаков.* Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия. Из зарубежной прессы. *Н. Мещеряков.* „Наши за границей“.— *А. Воронский.* Уэльс о советской России. Критика и библиография. 1. *А. Воронский.* Об отшельниках, безумцах и бунтарях.—2. *Нурмин.* Леонид Андреев. „Дневник сатаны“.—3. *А. Меньшой.* „Парализованные“.—4. *Нурмин.* Феликс Гра. „Террор“.— 5. *А. В.* Распад идеологии.—6. *М. Кантор.* „Народное хозяйство“, ежемес. экон. журнал.—

проф. Реформатский. Наука и ее работники.— 8. *Мих. Павлович.* Мих. Лемке „250 дней в царской ставке".— 9. *Я. Шафир.* Н. Ашешов. Софья Перовская.— 10. *Я. Ш.* Л. Г. Дейч. „Русская революц. эмиграция 70-х годов".— 11. *А. Аросев.* Ген. Слащев-Крымский. Требую суда общества и гласности.— 12. *А. Аросев.* Мих. Павлович. Экономическое развитие и аграрная программа в Персии XX века.— 13. *Подземский.* „Красный журналист".

Книга вторая.

Вячеслав Иванов. Алтайские сказки.— *Дмитрий Семеновский.* Песнь песней. Стихи.— *Ольга Форш* (А. Терек). Чемодан. Рассказ.— *Мих. Артамонов.* Из полевых песен. Стихи.— *А. Аросев.* Страда. Записки.— *В. Александровский.* Из поэмы „Деревня". Стихи.— *Павел Низовой.* Крыло птицы. Рассказ.— *Борис Пастернак.* Уральские стихи. Политико-экономический отдел. *Евгений Варга.* Как строилась промышленность и разрешался земельный вопрос в советской Венгрии.— *Мих. Фрунзе.* Единая военная доктрина и Кр. армия.— *Я. Шафир.* „Экономическая политика белых". Научно-популярный отдел. *Г. Кржижановский.* Заметки об электрификации.— *Д. Прянишников.* От азота воздуха к азоту нервной и мышечной ткани.— *А. Тимирязев.* Принцип относительности (о теории Эйнштейна).— *А. Тимирязев.* Успехи физики в сов. России. Из прошлого. *Вяч. Полонский.* Крепостные и сибирские годы М. Бакунина. Искусство и жизнь. *Роза Люксембург.* В. Короленко.— *В. Фриче.* От войны к революции.— *А. Воронский.* Литературные заметки. Внутри советской России. *С. Клепиков.* Неурожай 1921 г.— *П. Месяцев.* Голодное переселение.— *Я. Яковлев.* Махновщина и анархизм.— *Ил. Вардин.* Реакционная демократия. Вопросы международного рабочего движения. *К. Радек.* Комментарии к третьему конгрессу Комм. Интернац.— *Мих. Павлович.* Восточный вопрос на III конгрессе. Отклики на заграничную печать. *М. Покровский.* Противоречия г. Милюкова.— *Н. Мещеряков.* Легкомысленный путешественник. В порядке дискуссии. *Сарабьянов.* От примитивов к крайностям.— *Н. Бухарин.* Настоящая потеха и настоящее мучение. Критика и библиография. *Анчар.* „150.000.000".— *Нурмин.* О новой книге В. Короленко.— *П. Яровой.* Быт в произведениях А. Неверова.— *Н. Захаров-Менский.* Поэзия никитинцев.— *В. Невский.* Взаимодействие или монизм.— *Вад. Смушков.* Из эпохи „Звезды" и „Правды" (1911—1914 г.г.)— *В. Смушков.* На службе германской революции.— *А. Воронский.* От народнического утопизма к контр-революционной кулацкой идеологии.— *Нурмин.* К эволюции русского либерализма.— *Мещеряков.* Мечты, мечты.— *Дон Аминадо.* „Зеленая палочка".— *П. С. Коган.* Александр Блок (некролог).

Книга третья.

С. Подьячев. „Болящий". Рассказ.— *Н. Никитин.* Мокей. Сказ.— *М. Шимкевич.* Волк. Рассказ.— *Артем Веселый.* Мы. Драматические картины.— *В. Плетнев.* Золото. Рассказ.— *Е. Федоров.* Байтас. Из киргизских восстаний.— *В. Тамарин.* Пустыня (из истории одного похода).— *Е. Волчанецкая.* „За други своя". Стихи.— *Эйдеман.* Старец (с латышского). Стихи.— *К. Лаврова.* Сухмень. Стихи.— *А. Пришелец.* В засуху. Стихи.— *Анна Баркова.* Женщина. Стихи.— *Демьян Бедный.* Печаль. Стихи.— *Б. И. Горев (Гольдман).* Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. (Воспоминания).— *Вяч. Полонский.* Крепостные и сибирские годы Мих. Бакунина (окончание).— *Б. Завадовский.* Проблема старости и омоложения в свете новейших работ Штейнаха, Воронова и других.— *И. Степанов.* Мимо и дальше от Маркса.— *Е. Преображенский.* Перспективы новой экономической политики.— *А. Смит.* К вопросу об издержках революции.— *Е. Пашуканис.* Буржуазный юрист о природе государства.— *П. Коган.* Русская литература в годы октябрьской революции.— *А. Воронский.* Из современных настроений.— *Н. Мещеряков.* „Новые вехи".— *Ил. Вардин.* Раскол партии кадетов. За рубежом. *Антропов.* Англия. Экономические последствия мировой войны. Внутри Советской России. *В. Кураев.* От войны к миру. В порядке дискуссии. *С. Гусев.* Еще о новой экономической политике.— *Вл. Сарабьянов.* Письмо в редакцию.— *Демьян Бедный.* Когда ж он проснется? Критика и библиография. *Анчар.* О романе Бибика.— *П. Яровой.* Варвара Рутягина. „Лютики". Стихи.— *Вл. Сарабьянов.* Л. Троцкий. Новый этап.— *Вл. Сарабьянов.* Гортер. Империализм, мировая война и соц.-демократия.— *Б. Э.* Восстановление хозяйства и развитие произв. сил юго-востока.— *Гр. С-ор.* Л. Крицман. Единый хоз. план.— *В. Ваганян.* Г. В. Плеханов. I. Год на родине. II. Речь на моск. гос. совещании.— *А. Воронский.* Похмелье. Г. Кирдецов. У врат Петрограда.— *Ил. Вардин.* Эс-эры и колчаковщина.— *Б. Завадовский.* „Природа".— *А. В.* Печать и Революция.

Книга четвертая.

Александр Яковлев. Порыв. Рассказ.— *Борис Пильняк.* Простые рассказы.— *Лариса Рейснер.* С пути. Дневник.— *Семен Подьячев.* „Православные". (Рассказ) — *Семен Подьячев.* „Из недавнего прошлого".— *Н. Ляшко.* Ворова мать (Рассказ) — *Артем Веселый.* В деревне на масленице. (Рассказ)— *Петр Мытарь.* Сорок три. (Очерк)— *А. Аросев.* Октябрьский рассвет. (Из записной книжки)— *Арнольд Колбановский.* Муки слова.— *Павел Низовой.* Смена. (Рассказ) — *А. Перегудов.* Казенник.— *Е. Федоров.* Четыре пуговицы.— *Стихи:* Бориса Пастернака, Анатолия К., С. Обра-

довича, Анны Барковой, Д. Выгодского.—*Б. М. Завадовский*. Наука в советской России.—*Ю. Ларин*. О пределах приспособляемости нашей новой экономической политики.—*К. Радек*. Пути русской революции. (По поводу новой экономической политики) — *Милютин*. На экономические темы.—*А. Луначарский*. Достоевский как художник и мыслитель.—*В. Вересаев*. Художник жизни (о Л. Н. Толстом).—*В. Плетнев*. Некрасов и современность.—*С. Бобров*. Кони о Некрасове и Достоевском. **Внутри советской России.** *Сарабьянов*. Кое-какие итоги нового курса.—*Демьян Бедный*. Курология. **Критика и библиография.** *П. Коган*. Литературные заметки (Об Андрее Белом)—*Сергей Городецкий*. Обзор областной поэзии.—*Цег*. „Самое главное".—*А. Тимирязев*. Обзор литературы о принципе относительности.—*Б. Арватов*. Общая эстетика —*Ил. Вардин*. „Пролетарская Революция" № 1.—*Ил. Вардин*. Я. Яковлев „Русский анархизм". **Белая печать.** *С. Гусев*. О гражданской войне.—*И. Вардин*. Мелкое земледелие (о книге Чупрова).— *Орфик*. Мережковский. Царство антихриста.

Книга пятая

Вячеслав Шишков. Вихрь. (Драма в 4-х действиях)—*Михаил Зощенко*. Лялька Пятьдесят. (Рассказ)—*Сергей Семенов*. Тиф. (Рассказ)—*Борис Пильняк*. Отрывки из романа „Голый Год".—*Всеволод Иванов*. Бронепоезд № 14.69. (Повесть)—*В. Вересаев*. К Афродите (из гомеровых гимнов). *Стихи*: Ольги Криницкой, М. Герасимова, П. Радимова.—*Бернард Шоу*. Диктатура пролетариата (с английского).—*М. Покровский*. Наши спецы в их собственном изображении.—*Ш. Двойлацкий*. Мировое хозяйство и кризис 1920—21 г.г.—*В. Смирнов*. Наша экономическая политика.—*Н. Мещеряков*. Задачи современной кооперации.—*А. Воронский*. Советская Россия в освещении белого обозревателя.— *Н. Мещеряков*. Распад.—*П. С. Коган*. Памяти В. Г. Короленко.—*С. Бобров*. Символист Блок. **За рубежом.** *М. Павлович*. Вашингтонская конференция. **Внутри советской России.** *П. Месяцев*. Сельско-хозяйств. кризис.—*К*. В журнальном мире (хроника).—Проф. *Блажко*. Успехи астрономии.—Проф. *Пржеборовский*. Успехи химии в России.—*Демьян Бедный*. Басни.—*Сергей Городецкий*. Красномосковье. (Стихи)—**Критика и библиография.** *Статьи и рецензии:* Нурмина, Боброва, М. Рейснера, М. Ш., Б. Завадовского, З. Марковича, В. Смушкова, З. Марковича.—*А. Воронский*. Из человеческих документов.—*Объявления*.

Книга шестая.

А. Чапыгин. „На лебяжьих озерах". Повесть.—*А. Аросев*. Недавние дни. Очерки.— *Анна Веснина*. Крест. Рассказ.—**Стихи**: *Сергей Есенин, Борис Пастернак, В. Казин, П. Радимов, Сергей Клычков, Д. Семеновский, П. Сухотин, Н. Полетаев, Мих. Герасимов, Г. Шенгели, Петр Орешин*.—*Ник. Суханов*. В июле 1917 года.—*С. Членов*. Германская революция и социал-демократия.—*А. Лозовский*. Мировое наступление капитала и единый пролетарский фронт. **Закат Европы**—I. *Карл Грасис*. Вехисты о Шпенглере.—II. *В. Базаров*. О. Шпенглер и его критики.—III. *Сергей Бобров*. Контуженный разум.—*Е. Преображенский*. Русский рубль за время войны и революции.—*А. Воронский*. Литературные отклики.—*М. Рейснер*. Старое и новое.—*Мих. Завадовский*. Аскаı-Нова.—*П. Садыкер*. Войны будущего. **За рубежом.** *Мих. Павлович*. Генуэзская конıенция. — *Клара Цеткин*. Железнодорожная забастовка в Германии. **Внутри сов. Рос**ı. *С. Ингулов*. Заметки о голоде. **Литературные края.** *С. Бобров*. „Я, Николай Ставроı..." *Н. Мещеряков*. Русские сменовеховцы.—*Нурмин*. В журнальном мире.—*О. Бик*. ıтературные края.—*Объявления*.

Книга седьмая.

А. Неверов. Маленькие рассказы. — *Максимилиан Волошин*. Из поэмы „Путями ıна". Стихи. — *Всеволод Иванов*. Голубые пески. Роман.—Стихи: *Василий Казин*. ıх. *Герасимов, С. Обрадович*. — *Александр Зуев*. Смута. Бытовые очерки — Стихи: ıЕсенин. *П. Орешин, С. Клычков, П. Радимов*.—*А. Аросев*. Недавние дни (окончание).— *Г. Шенгели, В. Маяковский, Н. Асеев, С. Бобров*. *Л. Троцкий*. „Дело было в Испании" (по записной книжке).— *М. Н. Покровский*. Правда ли, что в России абсолютизм „существовал наперекор общественному развитию"?—*С. Членов*. Сумерки божков.—*Д. Рязанов*. Рикардо как человек и мыслитель—*Г. Пятаков*. Философия современного империализма (этюд о Шпенглере).—*Фридеман*. О феномене Horoll'я. С предисловием *Б. Завадовского*.—*А. К. Тимирязев* Внутри-атомная энергия. **Внутри Советской России.** *С. Ингулов*. На текущие темы.—*Н. Мещеряков*. Новое студенчество. **Литературные края.** *Ник. Асеев*. Письма о поэзии.—*П. С. Коган*. С. Есенин. **Критика и библиография.** Статьи и рецензии: *Н. Асеева, С. Боброва, А. Воронского, А. Неверова, А. Юрлова, А. Аросева, М. Н. Покровского, И. Степанова, С. Членова, К. Грасиса, Канторовича, Сапожникова и др. Объявления*.

Книга восьмая.

Н. Тихонов. Сами. Стихи. *Петр Орешин.* Квасок. Комиссарка. Стихи. *В. Вересаев.* Из повести „В тупике" *Ник. Асеев, Илья Эренбург, О. Мандельштам, В. Нарбут.* Стихи. *Всеволод Иванов.* Голубые пески. Роман (продолжение). *Елизавета Полонская, Василий Казин, Н. Полетаев.* Стихи. *Ник. Никитин.* Из повести „Рвотный форт". *Владислав Ходасевич, Сергей Клычков.* Стихи. *А. Зуев.* „Смута". Бытовые очерки (окончание). *С. Огурцов.* Частушки. *С. Витте* „Покушение на мою жизнь" (из II тома „Воспоминаний"). *И. Майский.* Демократическая контр-революция (из воспоминаний) *Джон Гобсон.* Проблемы нового мира (с английского). *М. Рубинштейн.* Борьба за нефть. *А. Буцевич.* Высшая школа. *В. Мотылев.* Об основных проблемах экономической теории социализма. *В. В. Савич.* Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлекторного акта. *Н. Понятский.* Отповедь старого дарвиниста. **Литературные края.** *Н. Асеев.* По морю бумажному (журнальный обзор). *А. Воронский.* Литературные силуэты. I. Б. Пильняк. **Внутри сов. России.** *Нурмин.* Процесс правых эс-эров. Критика и библиография. Рецензии *Н. С., А. Н-ва, Сергея Боброва, Марковича, Горева, Милютина, Конторовича, Б. Завадовского, Д. Хлебникова* и других авторов. *В. Маяковский*—Хлебников. *Объявления.*

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Сретенский б., Милютинский пер., 5-й подъезд. 4-й этаж. Тел. 2-71-00.

Прием по понедельникам, средам и пятницам, от 1 до 3 ч. дня.

Рукописи менее печатного листа не возвращаются.

Редактор—А. Воронский. Издатель—Государственное Издательство.

„ГУТ“

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ТОПЛИВУ

(Лубянский проезд, д. 3)

Телефоны коммутаторов: 1-88-70, 1-88-71, 1-88-72, 1-88-73, 1-23-12, 1-23-52, 1-00, 78-59, 71-70.

Начальник ГУТ'а и Зампред В. С. Н. Х.	Ивар Тенисович Смилг кв. 1)	тел. 9-36 сл. „ 83-25 кв.
Секретариат Нач. ГУТ'а		„ 25 79 сл.
Ученый Секретарь при Нач. ГУТ'а	Николай Николаевич Виноградский.	„ 1-04-23 сл. 2-15-52 кв.
Зам. Нач. ГУТ'а	Валентин Андреевич Трифонов.	„ 2-98-04 сл. 2-62-65 кв.
„ „ „	Рейнгольд Иосифович Берзин.	„ 50-67 сл. 1-93-38, 39-75 кв.
Пом. „ „	Григорий Ефимович Азерлян.	„ 1-09-11 сл. 1-63-18 кв.

УПРАВЛЕНИЯ ГУТ'а.

Нач. Администр. Упр.	Никол. Иосифов. Раттель.	(сл. час. пр. от 11 до 15 ч. дн. ежедн. искл. пр. дн.) т. 1-46-22 сл.
Секретарь		„ по коммут. № 3
Главная регистратура	(справки, прием телефоногр., корреспонд.)	„ „ „ № 40
Ответств. дежурн. по ГУТ'у	(круглые сутки)	„ „ „ № 40
Нач. Технического Упр.	Владимир Александрович Сазонов	„ 2-92-81 сл. 2-79-91 кв.
Нач. стат.-экономич. Упр.	Александр Петрович Афонский	„ 2-44-36 сл.
Нач. планового Упр.	Владимир Григорьевич Прорвич	„ 2-93-91 сл.
Нач. транспортного Упр.	Владимир Борисович Зимелев	„ 2-71-95 сл. 1-73-72 кв.
Нач. финансового Упр.	Александр Ефремович Аксельрод	„ 10-87 сл. 1-53-83 кв.
Нач. Упр. Нефтяной Пром.	Иван Михайлович Губкин	47-16 сл., 2-48-21 кв.
Нач. Упр. Кам.-Уг. (Врид)	Лазарь Григорьев. Рабинович	„ 1-16-69 сл. 1-67-39 кв.
Ред. журн „Топливн. Дело“		„ по коммут. № 71
Тепло-Техническ. Инстит. им. проф. Гриневецкого и Кирша		„ „ № 75
Научно-Технический Совет		„ „ № 75
Директор Правления Сланцевой Промышленности	Иван Михайлович Губкин	„ „ № 35 2-48-21 кв.
Нач. Центр. Упр. по добыче торфа „Цуторф“	Иван Иванович Радченко	(Покр., Козьмодемьян. пер., д. 1) т. 2-04-05 сл.
Упр. по добыче торфа гидравлич. способ. „Гидроторф“	Роберт Эдуардов. Классон.	(Даниловская, 16) тел. 2-85-42.

ТОПЛИВНЫЕ СИНДИКАТЫ (Мясницкая, д. 20).

Председ. Правления Всеросс. Нефтяного Синдиката „Нефтесиндиката“	Валентин Андреевич Трифонов.	тел. 3-28-94 сл.
Председ. Правления Всеросс. Синдиката для реализации твердого минеральн. топлива „Торгуголь“	Герман Самойлович Биткер.	„ 1-48-05 сл.

СОДЕРЖАНИЕ.

За рубежом.

Литературные края.

Внутри Советской России.

Критика и библиография.